

**Галоўны
рэдактар:**
В. М. Наўныка

**Намеснікі
галоўнага
рэдактара:**
В. С. Болбас
І. А. Кавалевіч
Т. У. Паліева
**Рэдакцыйная
калегія:**
С. Б. Кураш
(адказны за рубрыку
«Філалагічныя
навуки» (руская
філалогія))

А. В. Солахаў
(адказны за рубрыку
«Філалагічныя
навуки» (беларуская
філалогія))

Л. В. Ісмайлава
(адказны за рубрыку
«Педагагічныя
навуки»)

А. П. Пяхота
(адказны за рубрыку
«Біялагічныя
навуки»)

М. М. Вараб’ёва
Р. Р. Ганчарэнка
І. У. Журлова
Ф. У. Кадол
У. І. Коваль
Т. П. Ліхач
Я. П. Урублеўскі
Л. С. Цвірко
Н. У. Чайка

Заснавальнік
Установа адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны
педагагічны ўніверсітэт
імя І. П. Шамякіна»

Уваходзіць у Пералік навуковых выданняў Рэспублікі Беларусь
для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў,
уключаны ў базу дадзеных Расійскага індэksа навуковага цытавання (РІНЦ)

З м е с т

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

Бодяковская Ел. А., Пехота А. П., Бодяковская Ек. А. Разнообразие представителей отряда Lepidoptera в городах Жлобине и Мозыре и на прилегающих территориях 3

Бужиневич Л. А., Климович А. В. Лихенобиота города Калинковичи 9

Ласько Т. В., Танкевич Е. А., Симончик Ю. К., Никитин А. Н. Биологическое разнообразие растительных ассоциаций, произрастающих в Гомельской и Могилёвской областях на пойменных землях, выведенных из сельскохозяйственного оборота 15

Машков Е. И., Крищук И. А. Видовое разнообразие и биотическая приуроченность мелких млекопитающих в природных экосистемах Беларуси 22

Синчук О. В., Воробьёва М. М., Колбас А. П., Кохно А. Д. Особенности биологии, географическое распространение и полиморфизм вариабельных mt-гаплотипов COI *Adalia bipunctata* (Linnaeus, 1758) на территории Беларуси 30

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

Nassar H. The modelling of secondary school students' language competence development through gamification of the educational process (on the example of the Arabic language) 41

Saadi K. The impact of gadget use on preschool children's speech competence 48

Zhu Yifan. Seneca's interpretation of the role of the father in shaping the personality of the son 53

Болбас Г. У. Метадалогія даследавання генезісу тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі 58

Карповіч І. А. Учебно-методическое обеспечение процесса формирования деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками 65

Курако А. А., Старченко В. Н. Средства формирования основ двигательного мышления студентов на занятиях по гимнастике 72

Лю Я, Глебова Л. А. Ключевые проблемы культуры здорового образа жизни китайских обучающихся 80

Полын Л. Н. Развитие системно-креативного мышления у детей старшего дошкольного возраста средствами STEM-технологий 86

Сафонова Г. В., Горовой В. А. Сущностные характеристики и повседневная значимость культуры быта и досуга студенческой молодежи 91

Соломаха А. Д. Патриотическое воспитание школьников в условиях цифровизации образовательной среды 96

Адрас рэдакцыі:
вул. Студэнцкая, 28,
247777, Мазыр,
Гомельская вобл.
Тэл.: +375 (236) 24-61-29
E-mail:
vesnik.mgpu@mail.ru
Карэктар
Л. М. Мазуркевіч
Камп'ютарная вёрстка
А. В. Юніцкая
Падпісана да друку
27.05.2025.
Фармат 60x90 1/8.
Папера афсетная.
Друк лічбавы.
Ум. друк. арк. 22,75.
Тыраж 50 экз.
Заказ № 352.
Установа адукацыі
“Мазырскі дзяржаўны
педагагічны ўніверсітэт
імя І. П. Шамякіна”.
Вул. Студэнцкая, 28,
247777, Мазыр,
Гомельская вобл.
Пасведчанне
аб дзяржаўнай
рэгістрацыі сродку
масавай інфармацыі
№ 1233 ад 08.02.2010,
выдадзенае
Міністэрствам
інфармацыі Рэспублікі
Беларусь.

Рэспубліканская
ўнітарнае
прадпрыемства
«Інфармацыйна-
вылічальны цэнтр
Міністэрства фінансаў
Рэспублікі Беларусь».
Вул. Кальварыйская, 17,
220004, г. Мінск.
ЛП № 02330/89
ад 03.03.2014 г.

*Меркаванні,
выказанныя аўтарамі,
можуць не супадаць
з пунктам погляду
рэдакцыі.*

Якубовская Н. Я. Развитие компетенций обучающихся в области физической культуры и спорта с использованием цифрового образовательного сервиса LearningApps.org	102
 ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ	
<i>Агафонова О. В.</i> Семантика фитонима в русском языке: лингвокультурологический аспект	110
<i>Белодед В. А.</i> Прецедентное имя 林黛玉 <i>Линь Даюй</i> как средство концептуализации женственности и гендерной идентичности в китайском интернет-дискурсе	117
<i>Ковалевич И. О.</i> Окказионализмы как средство создания звуковых образов в поэзии С. Есенина	123
<i>Кузьмич В. В., Молочко В. В.</i> Психолингвистические аспекты декодирования семиотически усложненных текстов	128
<i>Медюлянова В. А.</i> Триада «частное/общее/чужое» в древнеяпонской языковой картине мира	133
<i>Мунир А. С.</i> Метонимия в рекламных слоганах Беларуси, Египта и Великобритании	138
<i>Пискун Е. В.</i> Конфронтационные тактики в конфликтных интернет-дискуссиях (на английском языке)	144
<i>Прищепа М. М.</i> Фаунистические названия в урбанонимах Юго-Западной Англии	150
<i>Ревуцкая Е. А.</i> Стратегии передачи метафорической модели в поэтическом переводе	155
<i>Сенько А. В.</i> Номинативные ряды глаголов, характеризующих «степень интенсивности действия» (на примере глаголов с префиксом <i>пере-</i>)	160
<i>Славина О. В.</i> Традиционная и современная классика в концепции проекта «Живые страницы»	165
<i>Сюй На.</i> Представленность белорусской литературы в научно-гуманитарном дискурсе Китая	170
<i>Шилина В. Г.</i> Идейно-тематическая и жанровая динамика советской детективной прозы 1960–1980-х годов	174

<i>РЭЦЭНЗІІ</i>	180
-----------------------	-----

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 574.58

Ел. А. Бодяковская¹, А. П. Пехота², Ек. А. Бодяковская³¹Кандидат ветеринарных наук, доцент, доцент кафедры аквакультуры и дизайна экосреды, УО «Полесский государственный университет», г. Минск, Республика Беларусь²Кандидат сельскохозяйственных наук, доцент, доцент кафедры биологии и химии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь³Студент биотехнологического факультета, УО «Полесский государственный университет», г. Минск, Республика Беларусь**РАЗНООБРАЗИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОТРЯДА LEPIDOPTERA
В ГОРОДАХ ЖЛОБІНЕ И МОЗЫРЕ И НА ПРИЛЕГАЮЩИХ ТЕРРИТОРИЯХ**

В статье представлены результаты изучения видового разнообразия насекомых отряда Lepidoptera в городах Жлобине и Мозыре и на прилегающих территориях. В результате исследования в городе Жлобине определено 25 видов бабочек из 9 семейств: Nymphalidae, Adelidae, Pieridae, Satyridae, Papilionidae, Lycaenidae, Crambidae, Noctuidae, Tortricidae. В городе Мозыре установлено 32 вида, принадлежащих к 11 семействам: Sphingidae, Nymphalidae, Adelidae, Pieridae, Satyridae, Erebidae, Papilionidae, Noctuidae, Tortricidae, Crambidae, Lycaenidae.

Ключевые слова: города Мозырь и Жлобин, разнотравный луг, реки Днепр и Припять, видовое разнообразие, бабочки.

Введение

Чешуекрылые – это важная, широко распространенная и многочисленная группа насекомых, населяющая практически все климатические зоны и природные сообщества [1; 2]. Для них характерна выраженная ландшафтная и биотическая приуроченность видов, разнообразие экологических и трофических связей [3; 4]. Представители отряда Lepidoptera через птиц, пресмыкающихся и мелких млекопитающих включаются в прочные трофические связи на всех стадиях своего развития: личинка, куколка и имаго [4; 5; 6].

Мировая фауна насчитывает около 18 000 видов бабочек, объединенных в 7–10 семейств [1]. Чешуекрылые очень чувствительны к изменению и загрязнению окружающей среды. Человек, сам того не осознавая, может либо уничтожать кормовую базу этих насекомых, либо вносить в окружающую среду чуждые элементы, приводящие к их гибели [4; 5; 6; 7]. Таким образом, постоянный мониторинг насекомых отряда Lepidoptera дает возможность проследить усиление антропогенной нагрузки на биотопы или констатировать факт ее снижения в виде появления новых видов бабочек на данной территории [1; 2].

Цель исследования – анализ разнообразия видов представителей отряда Lepidoptera в городах Жлобине и Мозыре и на прилегающих территориях.

Методы и методология исследования

Исследования проводились в пределах городов Мозырь и Жлобин и на близлежащих территориях в летний период 2024 года. Для наблюдений были выбраны примерно идентичные экосистемы в этих городах. В городе Жлобине маршруты исследований проходили по Приднепровскому парку, городскому парку «Пять стихий» и лугу на окраине города. В первых двух локациях протяженность маршрута составила 1500 м, а на лугу – 2000 м. Городской парк культуры и отдыха «Приднепровский» – один из самых старых парков Жлобина – располагается вдоль реки Днепр в восточной части города. На его территории произрастают как деревья Betula pendula, Populus tremula, Quercus robur, Thuja occidentalis, Alnus glutinosa, Salix babylonica, так и дикорастущие растения: Taraxacum officinale, Euphorbia esula, Matricaria chamomilla, Carex acuta, Trifolium repens, Lotus corniculatus. Следующий маршрут наблюдений проходил по парку «Пять стихий». В парке

располагаются четыре небольших прудика. На данной территории произрастают *Thuja occidentalis*, *Aesculus hippocastanum*, *Sorbus aucuparia*, *Acer platanoides*, а также имеются клумбы с цветами и кустарниками (*Tagetes erecta*, *Ageratum houstonianum*, *Aster alpinus*, *Hydrangea arborescens*, *Lobularia maritima*, *Petunia hybrida*). Маршрут по разнотравному лугу на окраине города с большим разнообразием цветковых растений (*Echium vulgare*, *Poa annua*, *Urtica dioica*, *Rumex confertus*, *Potentilla argentea*, *Euphorbia esula*, *Hypericum perforatum*, *Lotus corniculatus*, *Raphanus raphanistrum*, *Eryngium planum*, *Cichorium intybus*) был самым протяженным.

В городе Мозыре исследование также проходило по трем маршрутам, охватывая схожие экосистемы, такой же протяженностью каждый. Городской парк культуры и отдыха «Победа» располагается вдоль реки Припяти в южной части города. По маршруту исследования встречались такие деревья, как *Salix alba*, *Populus nigra*, *Betula pendula*, *Robinia pseudoacacia*, *Tilia cordata*. Травяной покров представлен растениями *Lythrum salicaria*, *Euphorbia palustris*, *Capsella bursa-pastoris*, *Matricaria chamomilla*, *Trifolium repens*. Следующим маршрутом служила зона отдыха у естественного водоема – озеро Бобровское, расположенного в центре города Мозыря. В данной экосистеме произрастают деревья *Salix fragilis*, *Tilia cordata*, *Acer platanoides* и травы – *Achillea millefolium*, *Tanacetum vulgare*, *Urtica dioica*, *Lotus corniculatus*. Разнообразие растений в зоне отдыха на клумбах примерно такое же, как в городе Жлобине. Максимальное количество цветковых растений было представлено на лугу на окраине города Мозыря (*Cichorium intybus*, *Poa annua*, *Dactylis glomerata*, *Plantago major*, *Vicia cracca*, *Verbascum lychnitis*, *Silene vulgaris*, *Centaurea cyanus*, *Knautia arvensis*, *Veronica spicata*).

Анализ видового разнообразия бабочек проводился 2 методами: маршрутный метод с одновременным фотографированием насекомых отряда Lepidoptera и метод отлова сидящих на растениях и летающих особей. Виды бабочек устанавливались при помощи издания Сочивко А. В., Каабак Л. В. «Определитель бабочек России. Дневные бабочки» [8].

Результаты исследования и их обсуждение

В пределах города Жлобина и на прилегающих территориях определено 25 видов насекомых отряда Lepidoptera, относящихся к 9 семействам: Nymphalidae, Adelidae, Pieridae, Satyridae, Papilionidae, Lycaenidae, Crambidae, Noctuidae, Tortricidae (таблица 1). Наиболее распространены представители семейства Nymphalidae (7 видов), они составили 28 % от общего числа видов бабочек. При этом стоит отметить, что вид *Aglais urticae* был самым многочисленным (45 представителей). Семейства Satyridae и Pieridae представлены 4 видами, т. е. занимают следующую позицию (по 16 % от числа видов). Виды *Maniola jurtina* (18 особей) и *Gonepteryx rhamni* (56 насекомых) лидировали в данных семействах. Три представителя семейства Lycaenidae – 12 %, при этом максимальное количество особей зарегистрировано у вида *Polyommatus icarus* (24 представителя). Далее, такие семейства, как Noctuidae и Tortricidae (по 2 вида), соответственно, по 8 % от общего числа видов чешуекрылых. Вид *Paramesia gnomana* (34 бабочки) занимал главенствующую позицию в семействе Tortricidae, тогда как в семействе Noctuidae – *Hypena proboscidalis* (13 особей). Семейства Papilionidae, Crambidae, Adelidae представлены только одним видом (соответственно, по 4 %).

Таблица 1 – Видовое разнообразие насекомых отряда Lepidoptera в городе Жлобине и на прилежащих территориях

Семейство	Представители	Кол-во особей
Satyridae	<i>Maniola jurtina</i> (Воловий глаз), (Linnaeus, 1758)	18
	<i>Minois dryas</i> (Бархатница дриада), (Scopoli, 1763)	8
	<i>Coenonympha pamphilus</i> (Сенница обыкновенная), (Linnaeus, 1758)	14
	<i>Aphantopus hyperantus</i> (Глазок цветочный), (Linnaeus, 1758)	12
Pieridae	<i>Gonepteryx rhamni</i> (Крушинница), (Linnaeus, 1758)	56
	<i>Pieris rapae</i> (Репница), (Linnaeus, 1758)	27
	<i>Aporia crataegi</i> (Боярышница), (Linnaeus, 1758)	12
	<i>Pieris brassicae</i> (Капустная белянка), (Linnaeus, 1758)	47
Lycaenidae	<i>Lycaena phlaeas</i> (Червонец пятнистый), (Linnaeus, 1758)	22
	<i>Polyommatus icarus</i> (Голубянка икар), (Rottemburg, 1775)	24
	<i>Phengaris alcon</i> (Голубянка алькон) (Denis и Schiffermüller, 1775)	9
Noctuidae	<i>Hypena proboscidalis</i> (Совка хоботная), (Latreille, 1809)	13
	<i>Abrostola triplasia</i> (Совка крапивная бурая), (Linnaeus, 1758)	3

Продолжение таблицы 1

Tortricidae	<i>Paramesia gnomana</i> (Листовертка узкокрылая), (Scopoli, 1776)	34
	<i>Archips crataegana</i> (Листовертка боярышниковая), (Hübner, 1796–1799)	18
Nymphalidae	<i>Vanessa atalanta</i> (Адмирал), (Linnaeus, 1758)	28
	<i>Pararge aegeria</i> (Краеглазка эгерия), (Linnaeus, 1758)	14
	<i>Melitaea aurelia</i> (Шашечница Аврелия), (Nickerl, 1850)	19
	<i>Aglais urticae</i> (Крапивница), (Linnaeus, 1758)	45
	<i>Inachis io</i> (Павлинний глаз), (Linnaeus, 1758)	21
	<i>Araschnia levana</i> (Пестрокрыльница изменчивая), (Linnaeus, 1758)	17
	<i>Apatura iris</i> (Переливница ивовая), (Linnaeus, 1758)	14
Crambidae	<i>Agriphila tristella</i> (Травянка темноватая), (Denis и Schiffermüller, 1775)	19
Papilionidae	<i>Papilio machaon</i> (Махаон), (Linnaeus, 1758)	7
Adelidae	<i>Nemophora degeerella</i> (Длинноуска опоясанная), (Linnaeus, 1758)	37
	ИТОГО	536

По обилию встреченных видов бабочек на данной территории выделяются три лидера – *Gonepteryx rhamni*, *Pieris brassicae*, *Aglais urticae* – соответственно, 10 %, 9 % и 8 % от общего числа встреченных особей. Эти виды являются доминантными. Достаточно часто встречаются видами бабочек были *Nemophora degeerella* и *Paramesia gnomana* – соответственно, 7 % и 6 %. В количестве от 20 до 30 особей установлены такие виды, как *Pieris rapae*, *Lycaena phlaeas*, *Polyommatus icarus*, *Vanessa atalanta*, *Inachis io*, и они в совокупности составили 23 %. Зафиксировано от 10 до 20 представителей видов *Maniola jurtina*, *Coenonympha pamphilus*, *Aphantopus hyperantus*, *Aporia crataegi*, *Hypena proboscidalis*, *Archips crataegana*, *Pararge aegeria*, *Melitaea aurelia*, *Araschnia levana*, *Apatura iris*, *Agriphila tristella*. На них пришлось 32 %. Виды *Phengaris alcon*, *Minois dryas*, *Papilio machaon* оказались самыми редкими – 9, 8 и 7 особей, что соответствует 1,7 %, 1,5 % и 1,3 %. Только три экземпляра было обнаружено у вида *Aporia crataegi*, т. е. 0,5 %.

В городе Мозыре и на близлежащих территориях было зафиксировано 32 вида насекомых отряда Чешуекрылые, принадлежащих к 11 семействам: Sphingidae, Nymphalidae, Adelidae, Pieridae, Satyridae, Erebidae, Papilionidae, Noctuidae, Tortricidae, Crambidae, Lycaenidae (таблица 2). Максимальное разнообразие видов наблюдалось в семействе Nymphalidae – 11 видов, что составило 35 % от общего числа. В данном семействе лидировал вид *Vanessa atalanta* (36 особей). Семейства Pieridae, Lycaenidae разделяют вторую позицию и представлены 4 видами – это по 13 %. Главенствующую роль здесь играли, соответственно, виды *Pieris brassicae* (43 особи) и *Polyommatus icarus* (19 насекомых). Три вида бабочек зафиксировано в семействе Satyridae и Tortricidae, т. е. по 9 % от общего числа видов чешуекрылых. В данных семействах максимальное количество у видов *Maniola jurtina* (27 представителей) и *Archips crataegana* (17 насекомых). Два вида бабочек представлены семейством Noctuidae (6 %). При этом лидировал вид *Hypena proboscidalis* (19 особей). Только один вид чешуекрылых обнаружен в таких семействах, как Sphingidae, Adelidae, Erebidae, Papilionidae, Crambidae, т. е. по 3 % от числа установленных видов.

Таблица 2 – Видовое разнообразие насекомых отряда Lepidoptera в городе Мозыре и на прилежащих территориях

Семейство	Представители	Кол-во особей
Satyridae	<i>Maniola jurtina</i> (Воловий глаз), (Linnaeus, 1758)	27
	<i>Coenonympha pamphilus</i> (Сенница обыкновенная), (Linnaeus, 1758)	17
	<i>Aphantopus hyperantus</i> (Глазок цветочный), (Linnaeus, 1758)	12
Sphingidae	<i>Sphinx pinastri</i> (Бражник сосновый), (Linnaeus, 1758)	4
Pieridae	<i>Pieris brassicae</i> (Капустная белянка), (Linnaeus, 1758)	43
	<i>Colias hyale</i> (Желтушка луговая), (Linnaeus, 1758)	10
	<i>Pieris rapae</i> (Репница), (Linnaeus, 1758)	21
	<i>Gonepteryx rhamni</i> (Крушинница), (Linnaeus, 1758)	37
Lycaenidae	<i>Lycaena phlaeas</i> (Червонец пятнистый), (Linnaeus, 1758)	13
	<i>Polyommatus icarus</i> (Голубянка икар), (Rottemburg, 1775)	19
	<i>Phengaris nausithous</i> (Голубянка черноватая), (Bergsträsser, 1779)	5
	<i>Polyommatus semiargus</i> (Голубянка бобовая), (Rottemburg, 1775)	8

Продолжение таблицы 2

Adelidae	<i>Nemophora degeerella</i> (Длинноуска опоясанная), (Linnaeus, 1758)	22
Tortricidae	<i>Archips crataegana</i> (Листовертка боярышниковая), (Hübner, [1796–1799])	17
	<i>Celypha lacunana</i> (Листовертка зелено-бурая), (Denis и Schiffermüller, 1775)	15
	<i>Parmesia gnoma</i> (Листовертка углокрылая), (Scopoli, 1776)	12
Nymphalidae	<i>Vanessa atalanta</i> (Адмирал), (Linnaeus, 1758)	36
	<i>Issoria lathonia</i> (Перламутровка блестящая), (Linnaeus, 1758)	16
	<i>Apatura iris</i> (Переливница иловая), (Linnaeus, 1758)	5
	<i>Pararge aegeria</i> (Краеглазка эгерия), (Linnaeus, 1758)	18
	<i>Inachis io</i> (Павлинний глаз), (Linnaeus, 1758)	26
	<i>Polygonia c-album</i> (Углокрыльница), (Linnaeus, 1758)	14
	<i>Argynnis paphia</i> (Перламутровка большая), (Linnaeus, 1758)	15
	<i>Brenthis ino</i> (Перламутровка таволговая), (Rottemburg, 1775)	13
	<i>Aglais urticae</i> (Крапивница), (Linnaeus, 1758)	26
	<i>Brenthis daphne</i> (Перламутровка малинная), (Denis & Schiffermüller, 1775)	8
	<i>Melitaea athalia</i> (Шашечница атalia), (Rottemburg, 1775)	12
Crambidae	<i>Agriphila tristella</i> (Травянка темноватая), (Denis & Schiffermüller, 1775)	13
Papilionidae	<i>Papilio machaon</i> (Махаон), (Linnaeus, 1758)	9
Erebidae	<i>Arctia caja</i> (Медведица-кайя), (Linnaeus, 1758)	11
Noctuidae	<i>Scoliopteryx libatrix</i> (Совка зубчатокрылая), (Linnaeus, 1758)	14
	<i>Hypena proboscidalis</i> (Совка хоботная), (Latreille, 1809)	19
ИТОГО		537

Часто встречающимися видами можно назвать *Pieris brassicae* (8 %), *Gonepteryx rhamni* (7 %), *Vanessa atalanta* (7 %). Эти виды можно назвать доминантными на данной локации. Более редко встречались виды (от 20 до 30 особей) *Maniola jurtina*, *Pieris rapae*, *Nemophora degeerella*, *Inachis io*, *Aglais urticae*, и на их долю пришлось 23 %. Достаточно редко (от 10 до 20 насекомых) зафиксированы виды *Coenonympha pamphilus*, *Aphantopus hyperantus*, *Colias hyale*, *Lycaena phlaeas*, *Polyommatus icarus*, *Archips crataegana*, *Celypha lacunana*, *Paramesia gnoma*, *Issoria lathonia*, *Pararge aegeria*, *Polygonia c-album*, *Argynnis paphia*, *Brenthis ino*, *Melitaea athalia*, *Agriphila tristella*, *Arctia caja*, *Scoliopteryx libatrix*, *Hypena proboscidalis*, составляющие в сумме 48,5 % от общего числа особей. Самыми малочисленными являлись виды *Papilio machaon* – 9 экземпляров (1,8 %), *Brenthis daphne* и *Polyommatus semiargus* – по 8 насекомых (по 1,5 %), *Phengaris nausithous* и *Apatura iris* – по 5 особей (по 0,9 %) и *Sphinx pinastri* – 4 насекомых (0,8 %).

Таким образом, в двух локациях (города Жлобин и Мозырь) было определено 38 видов представителей отряда Lepidoptera из 11 семейств: Sphingidae, Nymphalidae, Adelidae, Pieridae, Satyridae, Erebidae, Papilionidae, Noctuidae, Tortricidae, Crambidae, Lycaenidae. По многообразию видов каждого семейства ситуация такова: Nymphalidae – 13 видов (34 % от общего числа видов бабочек), Pieridae и Lycaenidae – по 5 видов (по 13 %), Satyridae – 4 вида (11,5 %), Tortricidae и Noctuidae – по 3 вида (по 8 %), Sphingidae, Adelidae, Erebidae, Papilionidae и Crambidae – по 1 виду бабочек (по 2,5%) (рисунок 1).

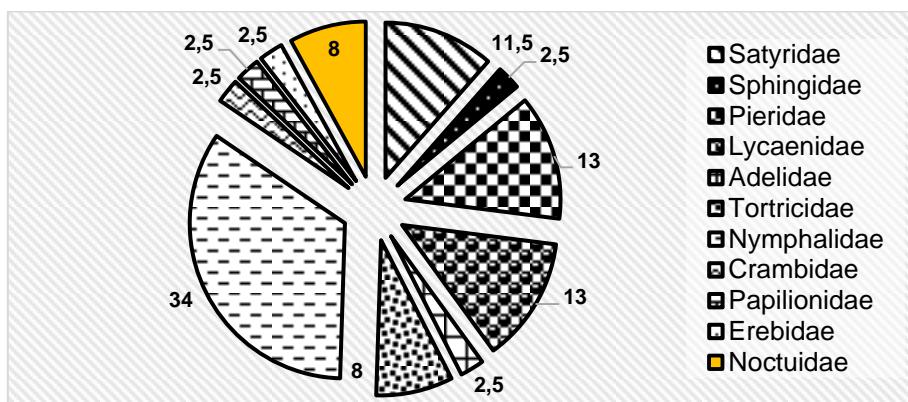

Рисунок 1 – Процентное соотношение видов из семейств отряда Lepidoptera в городах Жлобине и Мозыре и на прилегающих территориях

Причем стоит отметить, что большинство видов (19) благополучно населяют две локации. Для этих видов бабочек условия для проживания, кормления и размножения благоприятны на данных территориях. Некоторые виды чешуекрылых (19) были встречены только в одном регионе. Такие виды, как *Minois dryas*, *Aporia crataegi*, *Melitaea aurelia*, *Phengaris alcon*, *Araschnia levana*, *Abrostola triplasia*, установлены только в городе Жлобине и на прилегающих территориях. В то время как виды *Sphinx pinastri*, *Colias hyale*, *Celypha lacunana*, *Issoria lathonia*, *Phengaris nausithous*, *Aputura iris*, *Polyommatus semiargus*, *Polygonia c-album*, *Argynnис paphia*, *Brenthis ino*, *Melitaea athalia*, *Arctia caja*, *Scoliopteryx libatrix* обнаружены только в городе Мозыре и на близлежащих территориях.

Заключение

В ходе проведенных исследований в городе Жлобине и на прилегающих территориях определено 25 видов насекомых отряда Lepidoptera, относящихся к 9 семействам: Nymphalidae, Adelidae, Pieridae, Satyridae, Papilionidae, Lycaenidae, Crambidae. Представители семейства Nymphalidae являлись самыми многочисленными (7 видов), т. е. 28 % от общего числа видов. По обилию встреченных видов чешуекрылых выделяются три лидера – *Gonepteryx rhamni*, *Pieris brassicae*, *Aglais urticae* – соответственно, 10 %, 9 % и 8 % от общего числа встреченных особей. Виды *Phengaris alcon*, *Minois dryas*, *Papilio machaon* оказались самыми редкими – 9, 8 и 7 особей, что соответствует 1,7 %, 1,5 % и 1,3 %. Только три экземпляра было обнаружено у вида *Aporia crataegi*, т. е. 0,5 %.

В городе Мозыре и на близлежащих территориях было зафиксировано 32 вида представителей отряда Чешуекрылые, принадлежащих к 11 семействам: Sphingidae, Nymphalidae, Adelidae, Pieridae, Satyridae, Erebidae, Papilionidae, Noctuidae, Tortricidae, Crambidae, Lycaenidae. Максимальное разнообразие видов наблюдалось в семействе Nymphalidae (11 видов), что составило 35 % от общего числа видов. Часто встречающимися видами можно назвать *Pieris brassicae* (8 %), *Gonepteryx rhamni* (7 %), *Vanessa atalanta* (7 %). Самыми малочисленными являлись виды *Papilio machaon* – 9 экземпляров (1,8 %), *Brenthis daphne* и *Polyommatus semiargus* – по 8 насекомых (по 1,5 %), *Phengaris nausithous* и *Aputura iris* – по 5 особей (по 0,9 %) и *Sphinx pinastri* – 4 насекомых (0,8 %).

Таким образом, в двух регионах было установлено 38 видов бабочек из 11 семейств: Sphingidae, Nymphalidae, Adelidae, Pieridae, Satyridae, Erebidae, Papilionidae, Noctuidae, Tortricidae, Crambidae, Lycaenidae. Причем стоит отметить, что некоторые виды чешуекрылых были встречены только в одном регионе. Результаты исследований в дальнейшем будут использованы при изучении биоразнообразия фауны на территории Белорусского Полесья.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Татаринов, А. Г. Закономерности формирования и динамика аркто- boreальной фауны и населения булавоусых чешуекрылых (Lepidoptera, Papilionoidea) на примере европейского Северо-Востока России : автореф. дис. ... д-ра биол. наук : 03.02.05 / Татаринов Андрей Геннадьевич ; ФГБУН «Зоологический институт РАН». – СПб., 2020. – 41 с.
2. Охраняемые виды чешуекрылых (Lepidoptera) Белорусского Полесья и предложения по расширению их списка / И. А. Соловьевников, А. М. Дорофеев, А. А. Лакотко, В. И. Пискунов // Ученые записки УО «ВГУ им. П. М. Машерова» : сб. науч. тр. : в 2 т. – Витебск, 2003. – Т. 2. – С. 171–211.
3. Волкова, Т. Р. Фауна дневных бабочек, представителей семейства нимфалиды, различных биотопов Гомельского района / Т. Р. Волкова // Творчество молодых, 2020 : сб. науч. работ студентов, магистрантов и аспирантов : в 3 ч. / редкол.: Р. В. Бородич [и др.] ; Министерство образования Республики Беларусь, Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины. – Гомель, 2020. – Ч. 1. – С. 16–20.
4. Татаринов, А. Г. Видовой состав и структура населения булавоусых чешуекрылых (Lepidoptera, Papilionoidea) Национального парка «Нечкинский» (Удмуртская Республика) / А. Г. Татаринов, О. И. Кулакова // Принципы экологии. – 2021. – № 2 (40). – С. 88–101.
5. Азявчикова, Т. В. Видовой состав и распространение дневных бабочек семейства Nymphalidae на территории юго-востока Беларуси / Т. В. Азявчикова // Вестник Тюменского государственного университета. – 2014. – № 6. – С. 60–67.
6. Горбач, В. В. Опыт изучения пространственной организованности популяций насекомых на примере булавоусых чешуекрылых (Lepidoptera, Papilionoidea) / В. В. Горбач // Итоги и перспективы развития энтомологии в Восточной Европе : сб. ст. II Междунар. науч.-практ. конф., 6–8 сент. 2017 г., Минск / редкол.: О. И. Бородин, В. А. Цинкевич. – Минск, 2017. – С. 178–187.

7. Кулак, А. В. Охраняемые в Беларуси виды чешуекрылых насекомых (Insecta: Lepidoptera) в ландшафтном заказнике «Званец» / А. В. Кулак, Р. В. Яковлев // Acta Biologia Sibirica. – 2015. – Т. 1, № 1–2. – С. 94–106.

8. Сочивко, А. В. Определитель бабочек России. Дневные бабочки / А. В. Сочивко, Л. В. Каабак. – М. : Аванта+Астrelъ, 2012. – 320 с.

Поступила в редакцию 17.02.2025

E-mail: bea5555@yandex.by; al.pekhota@mail.ru

E. A. Bodyakovskaya, A. P. Pechota, Ye. A. Bodyakovskaya

DIVERSITY OF LEPIDOPTERA SPECIES IN THE CITIES OF ZHLOBIN AND MOZYR AND THE IMMEDIATELY SURROUNDING AREAS

The article presents the results of the study on Lepidoptera insects diversity in the cities of Zhlobin and Mozyr, including adjacent territories. As a result of the study, 25 species of butterflies from 9 families have been identified in the city of Zhlobin: Nymphalidae, Adelidae, Pieridae, Satyridae, Papilionidae, Lycaenidae, Crambidae, Noctuidae, and Tortricidae. In the city of Mozyr, 32 species belonging to 11 families, such as Sphingidae, Nymphalidae, Adelidae, Pieridae, Satyridae, Erebidae, Papilionidae, Noctuidae, Tortricidae, Crambidae, Lycaenidae, have been identified.

Keywords: the cities of Mozyr and Zhlobin, forb meadow, the Dnieper and Pripyat rivers, species diversity, butterflies.

УДК 582.29 (084.42) (07)

Л. А. Букиневич¹, А. В. Климович²

¹Старший преподаватель кафедры биологии и химии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Студент 4 курса технолого-биологического факультета, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ЛИХЕНОБИОТА ГОРОДА КАЛИНКОВИЧИ

*Маршрутным методом на протяжении 2023–2024 годов в г. Калинковичи на растительных субстратах определены 6 видов лишайников, среди которых выделен вид *Parmelia tiliacea*, включенный в список видов, нуждающихся в профилактической охране. Определено их проективное покрытие на древесных породах, рассчитаны индексы полеотолерантности для районов города. Разработана экологическая тропа для школьников города Калинковичи.*

Ключевые слова: виды лишайников, древесные породы, проективное покрытие, индекс полеотолерантности, экологическая тропа.

Введение

Лишайники – своеобразная группа организмов, которая в последние десятилетия привлекает внимание большого количества исследователей, но в то же время изучена недостаточно. Являясь частью биоты, лишайники участвуют в круговороте веществ, азотном обмене, гумусообразовании, предохраняют почву от ветровой и водной эрозии, таким образом влияя на формирование природных экосистем.

Среди этих организмов немало видов, используемых в медицине и в парфюмерии. Лишайники также являются биоиндикаторами окружающей среды. Лихеноиндикация – комплекс методов, позволяющих с помощью лишайников определить состояние атмосферного воздуха. «Лихеноиндикация, как и все методы биоиндикации, опирается на закон экологической индивидуальности видов. Виды реагируют на определенные факторы внешней среды по-разному. Каждый вид характеризуется индивидуальной толерантностью, индивидуальной экологической амплитудой» [1].

Рост их очень медленный, чаще 2–3 мм в год. Скорость роста может зависеть от экологических условий, расположения таллома на стволе, его наклона, соседствующих видов мхов и лишайников. Поэтому возрастающее антропогенное и техногенное воздействие вызывает тревогу по сохранению и изменению их биологического разнообразия. Для этого необходимо повысить информированность населения и школьников, что можно осуществить посредством экологических троп.

Цель исследования – изучение видового разнообразия лишайников на территории города Калинковичи.

Методы и методология исследования

Изучение видового состава лихенобиоты проводилось в течение 2023–2024 гг. маршрутным методом. Для проведения исследования были разработаны следующие маршруты:

маршрут № 1 – территория вблизи филиала «Калинковичский молочный комбинат» ОАО «Рогачевский МКК»: улица Суркова и прилегающие участки леса. Протяженность маршрута – 2 км;

маршрут № 2 – территория у ОАО «Калинковичский завод бытовой химии»: улица Куйбышева. Протяженность маршрута – 2 км;

маршрут № 3 – территория у ОАО «КалинковичиХлебопродукт». Протяженность маршрута – 1,9 км, улица Советская и прилегающая часть лесного массива (рисунок 1).

Изучение лишайников проводилось только на растительных субстратах (стволах деревьев) в направлении 4 сторон света в непосредственной близости от объектов: в 100 м, 300 м, 500 м.

На всех объектах древесных пород у основания ствола и на высоте 140–160 см определялись и описывались виды встречаемых лишайников.

На местности закладывались площадки 20 на 20 метров, где на каждом субстрате (стволе дерева) подсчитывалось проективное покрытие (ПП) лишайников (по 10-балльной шкале) (таблица 1) [2].

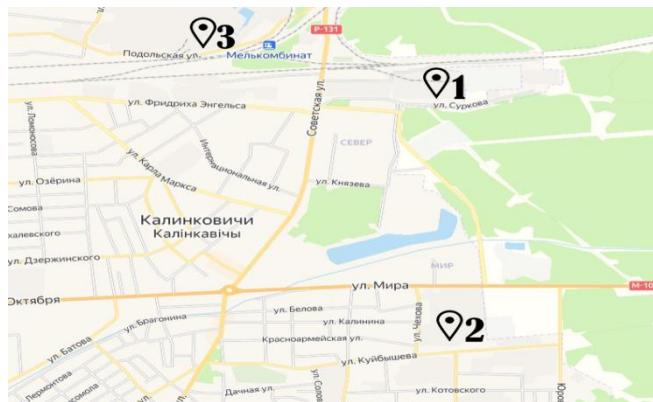

Рисунок 1 – Схема расположения объектов исследования

Таблица 1 – Оценка проективного покрытия

Балл	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Оценка покрытия, %	1–3	3–5	5–10	10–20	20–30	30–40	40–50	50–60	60–80	80–100

Далее для каждого обнаруженного вида лишайника рассчитывался индекс полеотолерантности субстрата, площадки и на маршруте в целом для определения состояния атмосферы по формуле [3; 4]:

$$IP = \sum_{j=1}^n \frac{A_i C_i}{C_n},$$

где IP – индекс полеотолерантности,

n – количество видов на площадке описания,

A_i – класс полеотолерантности вида,

C_i – покрытие вида,

C_n – суммарное покрытие видов.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведенных исследований проанализированы 664 растительных субстрата (стволы деревьев), на 58,6 % которых отмечены лишайники. Среди них 10 лиственных пород (*Acer platanoides* L., *Acer negundo* L., *Betula pendula* Roth, *Populus tremula* L., *Quercus robur* L., *Salix alba* L., *Fraxinus excelsior* L., *Tilia cordata* Mill., *Robinia pseudoacacia* L., *Malus domestica* Borkh.) и 1 хвойная (*Pinus sylvestris* L.) [5]. Доминируют по встречаемости *Pinus sylvestris*, *Betula pendula*, *Acer negundo*.

На субстратах определены 6 видов лишайников, относящихся к классу Леканоромицеты отдела Аскомикота (таблица 2) [6].

Таблица 2 – Видовое разнообразие лишайников исследуемой территории

Порядок	Семейство	Вид
Порядок леканоровые (Lecanorales)	Семейство пармелиевые (Parmeliaceae)	Эверния слиновая (<i>Evernia prunastri</i> (L.) Ach.)
		Гипогимния вздутая (<i>Hypogymnia physodes</i> (L.) Nyl.)
		Гипогимния трубчатая (<i>Hypogymnia tubulosa</i> (Schaer.) Hav.)
		Пармелия бороздчатая (<i>Parmelia sulcata</i> Tayl.)
		Пармелия липовая (<i>Parmelia tiliacea</i> (Hoffm.) Hale)
Порядок телосхистовые (Teloschistales)	Семейство телосхистовые (Teloschistaceae)	Ксантория настенная (<i>Xanthoria parietina</i> (L.) Th. Fr.)

Видовой состав лихенбиоты небогат, в основном это листоватые лишайники, большинство из которых достаточно устойчиво к загрязнению атмосферного воздуха. Из кустистых встречается

только *Evernia prunastri* на первом (филиал «Калинковичский молочный комбинат») и третьем маршрутах (ОАО «Калинковичхлебопродукт») в 500 метрах от предприятий.

Интерес вызывает *Parmelia tiliacea*, включенная в список видов, нуждающихся в профилактической охране [7]. Это неморально- boreальный вид, чувствительный к загрязнению. Отмечен он только на одном маршруте (ОАО «Калинковичский завод бытовой химии»), на расстоянии 100 м от предприятия, и деревья, на которых он представлен, вероятно, не попадают в доминирующую розу ветров объекта.

На маршруте № 1 (филиал «Калинковичский молочный комбинат») проанализированы 325 деревьев, из которых отмечены лишайники.

Наиболее часто представлены *Hypogymnia physodes*, *Parmelia sulcata* и *Hypogymnia tubulosa*, составляющие, соответственно, 68,90 %, 12,90 % и 9,30 % (рисунок 2).

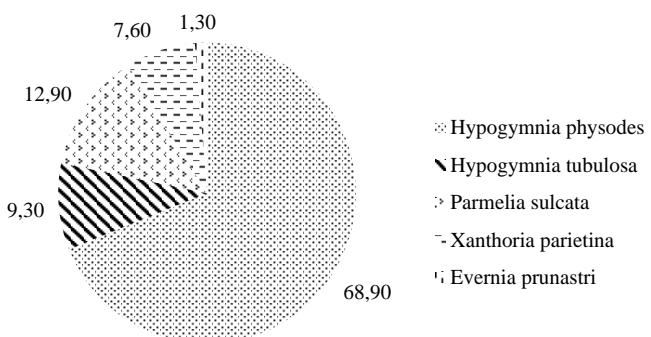

Рисунок 2 – Соотношение встречаемости видов лишайников на маршруте № 1, %

Гипогимния взутая произрастает на 88 % встречающихся хвойных деревьев, средние значения проективного покрытия которой у основания ствола составляют 2,93 % в непосредственной близости от предприятия, 8,03 % – на расстоянии 300 м и 7,45 % – на расстоянии 500 м от объекта. Некоторое уменьшение проективного покрытия связано, вероятно, с присутствием вблизи автомобильных дорог. Этот вид доминирует и на большинстве лиственных пород этого маршрута: на *Acer negundo*, *Betula pendula*, *Quercus robur*, *Salix alba*.

Наибольшую площадь поверхности на единичных субстратах занимала *Xanthoria parietina*: на ясене обыкновенном – 65,7 %, на иве белой – 49,7 %.

Кустистый лишайник *Evernia prunastri* встречается только на трех деревьях (осине и дубе черешчатом) – 1,3 % видов.

На маршруте № 2 (ОАО «Калинковичский завод бытовой химии») из 128 произрастающих здесь деревьев на 91 встречаются листоватые лишайники.

Преобладающими растительными субстратами являются клен ясенелистный (33,3 %) и береза повислая (13,4 %). Доминирующие виды лишайников на этом маршруте – *Hypogymnia physodes* (53,40 %) и *Parmelia sulcata* (41,60 %), из которых гипогимния взутая произрастает на семи, пармелия бороздчатая – на восьми видах встречающихся растительных субстратов (рисунок 3). Наибольшие значения проективного покрытия *Hypogymnia physodes* отмечены на липе сердцелистной (7,56 %), *Parmelia sulcata* – на сосне обыкновенной (6,22 %) на расстоянии 500 м от объекта в восточном направлении. Гипогимния трубчатая и ксантория настенная встречаются единично. В 100 м от завода на двух деревьях также определена пармелия липовая, значение проективного покрытия которой колеблется от 1,22 до 2,33 %.

Кустистых лишайников на данной территории обнаружено не было.

На маршруте № 3 (ОАО «Калинковичхлебопродукт») проанализированы 211 субстратов, из которых 106 покрыты лишайниками. Доминируют сосна обыкновенная (21,2 %) и клен ясенелистный (17,7 %).

Среди лишайников чаще представлены, как и на предыдущих маршрутах, *Hypogymnia physodes* (49,50 %) и *Parmelia sulcata* (33,60 %); *Xanthoria parietina* и *Hypogymnia tubulosa* занимают по 7,40 % (рисунок 4). Наибольшие значения проективного покрытия на отдельных субстратах характерны для гипогимнии взутой (6,22 %) и гипогимнии трубчатой (6,33 %) – на сосне обыкновенной.

Кустистый лишайник *Evernia prunastri* представлен единично только на дубе черешчатом в 500 м от предприятия.

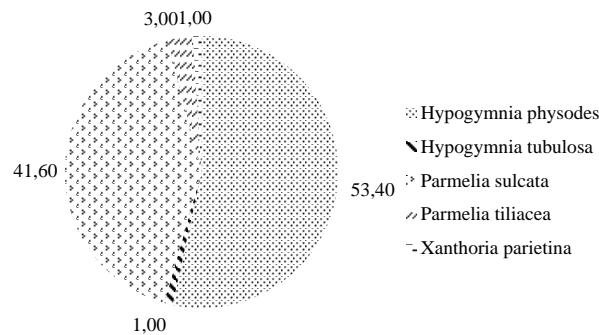

Рисунок 3 – Соотношение встречаемости видов лишайников на маршруте № 2, %

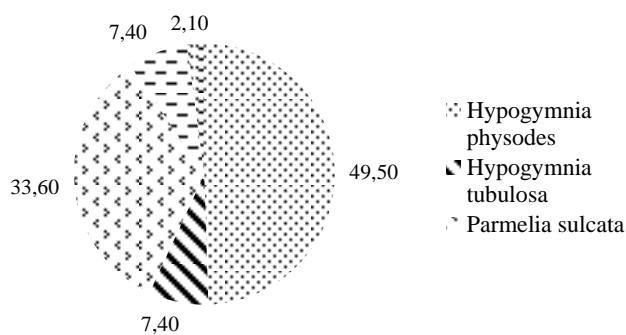

Рисунок 4 – Соотношение встречаемости видов лишайников на маршруте № 3, %

Далее, используя данные проективного покрытия для каждого лишайника, были рассчитаны индексы полеотолерантности, средние значения которых составили 3,71 для первого и третьего маршрутов (легкая степень загрязнения) и 5,38 – для второго маршрута (средняя степень загрязнения) [3; 4].

Легкая степень загрязнения территории 1 маршрута (филиал «Калинковичский молочный комбинат» ОАО «Рогачевский МКК») и 3 маршрута (ОАО «Калинковичхлебопродукт») объясняется, вероятно, большим количеством единиц автотранспорта, обслуживающего предприятия; средняя степень загрязнения территории 2 маршрута (ОАО «Калинковичский завод бытовой химии») – непосредственно работой самого предприятия и автотранспортом.

С целью сохранения биоразнообразия лишайников и для ознакомления школьников с лихенобиотой была разработана экологическая тропа, выполняющая образовательную, воспитательную и развивающую функции. Протяженность тропы – 2000 м (рисунок 5).

Рисунок 5 – Маршрут экологической тропы

Остановка № 1 – улица Куйбышева. Встречены пармелия бороздчатая (*Parmelia sulcata* Tayl.) и пармелия липовая (*Parmelia tiliacea* (Hoffm.) Hale) – листоватые эпифиты на коре липы.

Пармелия липовая – лишайник серебристо-серого цвета. Обратить внимание экскурсантов, что он внесен в список видов, нуждающихся в профилактической охране.

Остановка № 2 – улица Куйбышева. Произрастает гипогимния вздутая (*Hypogymnia physodes* (L.) Nyl.) на осине. Таллом листоватого лишайника с верхней стороны светло-серого цвета, с темными пятнами, с нижней стороны – черный, по краям – коричневый. Особенность вида – соредии в месте разрыва тканей в виде белых мучнистых скоплений [6]. Также для школьников можно продемонстрировать реакцию с KOH: коровой слой вначале приобретает желтую окраску, затем – коричнево-красную. Часто встречающийся полиморфный вид. Сырец для получения парамицина.

Остановка № 3 – улица Чехова. Здесь представлены гипогимния вздутая (*Hypogymnia physodes* (L.) Nyl.) и гипогимния трубчатая (*Hypogymnia tubulosa* (Schaer.) Nav.) [6].

Гипогимния трубчатая (*Hypogymnia tubulosa* (Schaer.) Nav.) – листоватый лишайник с розетковидным талломом, иногда неправильной формы, разных оттенков, нижняя сторона черная, с коричневыми краями. Произрастает на различных породах.

Остановка № 4 – улица Мира. Вид лихенообиоты, который можно здесь встретить, – пармелия бороздчатая (*Parmelia sulcata* Tayl.). Лишайник обнаружен на сосне обыкновенной. Цвет таллома – голубовато-серый. Является хорошим антисептиком, обладает бактерицидными свойствами. Поэтому для подтверждения правильного определения вида проводим реакцию с KOH: верхний коровой слой и сердцевина вначале желтеют, а затем становятся красновато-коричневыми [6].

Остановка № 5 – часть лесного массива, примыкающего к улице Советской. Здесь сразу можно рассмотреть 4 вида: пармелию бороздчатую (*Parmelia sulcata* Tayl.), гипогимнию вздутую (*Hypogymnia physodes* (L.) Nyl.), ксанторию настенную (*Xanthoria parietina* (L.) Th. Fr.), эвернию сливовую (*Evernia prunastri* (L.) Ach.) [6].

Ксантория настенная (*Xanthoria parietina* (L.) Th. Fr.) – розетковидный лишайник от желтого до оранжево-желтого цвета в верхней части таллома, с нижней стороны – до белого. Полиморфный вид. Лишайник используется в качестве основы для красителя.

Эверния сливовая (*Evernia prunastri* (L.) Ach.) – вид лишайника с кустистым типом таллома, сверху – зеленого цвета, с нижней стороны – до белого. Размеры его могут достигать 10 см. Встречен на коре дуба черешчатого (*Quercus robur* L.), осине (*Populus tremula* L.). Находит применение в парфюмерии, а также охотно поедается северным оленем.

Заключение

В результате маршрутных исследований территории города Калинковичи на стволах деревьев определены 6 видов лишайников, среди которых *Parmelia tiliacea* входит в список видов, нуждающихся в профилактической охране.

Доминирующими видами лишайников являются *Hypogymnia physodes* и *Parmelia sulcata*, кустистый лишайник *Evernia prunastri* встречается только на первом и третьем маршрутах.

На каждом субстрате (стволах 11 видов деревьев) подсчитывалось проективное покрытие лишайниками на 3 маршрутах города (территория вблизи филиала «Калинковичский молочный комбинат» ОАО «Рогачевский МКК», ОАО «Калинковичский завод бытовой химии» и ОАО «Калинковичхлебопродукт»). Четкой корреляции ПП лишайниками при удалении от предприятий не выявлено. Скачкообразные значения, вероятно, связаны с розой ветров и большим влиянием автотранспорта.

Методом лихеноиндикации определено состояние атмосферного воздуха, соответствующее средней и легкой степени загрязнения. Такая тенденция является не самой благоприятной для состояния городской среды. Необходим мониторинг других районов для разработки в дальнейшем конкретных мероприятий по улучшению качества атмосферного воздуха.

Разработана для школьников экологическая тропа, включающая 5 остановок, где представлены 6 видов лишайников.

Практические рекомендации по сохранению лихенообиоты г. Калинковичи

1. Повышение уровня информированности населения, особенно школьников о значении лишайников (разработка маршрутов экологических троп, создание буклетов, размещение информации в Интернете).

2. При выявлении редких видов лишайников на растительных субстратах оповещать соответствующие государственные службы и организации о местах их произрастания для осуществления контроля и охраны (запрещение рубок деревьев, нарушения экологических условий).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чеснокова, С. М. Лихеноиндикация загрязнения окружающей среды : практикум / С. М. Чеснокова ; Владим. гос. ун-т. – Владимир : Владим. гос. ун-т, 1999. – 38 с.
2. Методы полевых экологических исследований : учеб. пособие / О. Н. Артаев, Д. И. Башмаков, О. В. Безина [и др.] ; редкол.: А. Б. Ручин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск : Мордов. ун-т, 2014. – 412 с.
3. Трасс, Х. Х. Анализ лихенофлоры Эстонии : автореф. дис. ... д-ра биол. наук : 03.00.05 / Трасс Ханс Хартмутович ; Ботан. ин-т им. В. Л. Комарова АН СССР. – Тарту, 1968. – 80 с.
4. Трасс, Х. Х. Классы полеотолерантности лишайников и экологический мониторинг / Х. Х. Трасс // Проблемы экологического мониторинга и моделирования экосистем. – Л., 1985. – Т. 7. – С. 122–137.
5. Определитель высших растений Беларуси / под ред. В. И. Парфёнова. – Минск : Дизайн ПРО, 1999. – 472 с.
6. Цуриков, А. Г. Листоватые и кустистые городские лишайники : атлас-определитель : учеб. пособие для студентов биол. спец. вузов / А. Г. Цуриков, О. М. Храмченкова ; Гомел. гос. ун-т им. Ф. Скорины. – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2009. – 123 с.
7. Красная книга Республики Беларусь. Растения: редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды дикорастущих растений / гл. редкол.: И. М. Качановский (пред.), М. Е. Никифоров, В. И. Парфенов [и др.]. – 4-е изд. – Минск : Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2015. – 448 с.

Поступила в редакцию 04.04.2025
E-mail: Klimovich_MAIN@mail.ru

L. A. Bukinevich, A. V. Klimovich

LICHEN BIOTA OF THE CITY OF KALINKOVICHI

During 2023–2024, 6 species of lichens were identified on plant substrates in the city of Kalinkovichi by route method, notable among which is the species of *Parmelia tiliacea* included in the list of species in need of preventive protection. Their projective coating on tree species has been determined, and poleotolerance indices for city districts have been calculated. An ecological trail has been developed for schoolchildren of the city of Kalinkovichi.

Keywords: lichen species, tree species, projective coating, index of poleotolerance, ecological trail.

УДК 581.524.3

Т. В. Ласько¹, Е. А. Танкевич², Ю. К. Симончик³, А. Н. Никитин⁴

¹Старший научный сотрудник лаборатории радиоэкологии, ГНУ «Институт радиобиологии

Национальной академии наук Беларусь», г. Гомель, Республика Беларусь

²Научный сотрудник лаборатории радиоэкологии, ГНУ «Институт радиобиологии Национальной

академии наук Беларусь», г. Гомель, Республика Беларусь

³Научный сотрудник лаборатории радиоэкологии, ГНУ «Институт радиобиологии Национальной

академии наук Беларусь», г. Гомель, Республика Беларусь

⁴Кандидат сельскохозяйственных наук, заместитель директора по научной работе, ГНУ «Институт микробиологии Национальной академии наук Беларусь», г. Минск, Республика Беларусь

БІОЛОГІЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗІЕ РАСТИТЕЛЬНИХ АССОЦІАЦІЙ, ПРОІЗРАСТАЮЩИХ В ГОМЕЛЬСЬКОЙ І МОГІЛЁВСЬКОЙ ОБЛАСТЯХ НА ПОЙМЕННИХ ЗЕМЛЯХ, ВЫВЕДЕННЫХ ИЗ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБОРОТА

В настоящей работе было исследовано влияние временного фактора на изменение растительных ассоциаций, формирующихся на радиационно опасных землях, выведенных из сельскохозяйственного оборота после аварии на Чернобыльской АЭС. В ходе исследования выполнен комплекс геоботанических работ по оценке современного состояния древесно-кустарниковой, болотной, луговой иrudеральной растительности на 13 калибровочных площадках в пяти районах Могилёвской области и 104 площадках в девяти районах Гомельской области. На пониженных участках покрытие почвы травами сплошное – 90–100 %, на суходолах – 60–70 %.

Ключевые слова: радиационно опасные земли, экосистема, сукцессии, морфологическое строение, зона отчуждения, природно-растительные комплексы.

Введение

Вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС значительная часть территории Республики Беларусь загрязнена техногенными радионуклидами.

Более 38 лет в Республике Беларусь существуют территории, утратившие вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС свое сельскохозяйственное значение как для агропромышленного комплекса, ведения лесного хозяйства, так и для проживания населения. Возможность использования данных территорий по мере снижения уровней радиоактивного загрязнения вследствие радиоактивного распада ^{137}Cs и ^{90}Sr во многом обусловлена происходящими на них процессами изменения природно-растительных комплексов. В Республике Беларусь после катастрофы на Чернобыльской АЭС из сельскохозяйственного оборота было поэтапно выведено 302,3 тыс. га радиационно опасных земель, к настоящему времени в сельскохозяйственное использование возвращено менее 10 % из них. Более активный возврат данных земель в оборот во многом обусловлен существенным ухудшением их культуртехнического состояния.

В Республике Беларусь около 40 % выведенных из оборота земель, числящихся на балансе сельскохозяйственных организаций и районных исполнительных комитетов, возможно в перспективе рассматривать в качестве потенциально пригодных для возвращения в сельскохозяйственный оборот в соответствии с основным целевым назначением или в ограниченное сельскохозяйственное пользование. В Гомельской области 75 % и Могилевской области 28 % потенциально пригодных для использования земель расположены в поймах рек. Данные земли можно использовать только в качестве луговых угодий [1].

В постчернобыльский период происходит естественный распад радионуклидов (убыль за счет радиоактивного распада ^{90}Sr составляет 2,35 % в год, ^{137}Cs – 2,27 %). Благодаря естественному распаду радионуклидов снижается загрязнение всех сельскохозяйственных угодий, в том числе и выведенных из оборота [2].

Растительный покров является важным показателем качества природной среды и наиболее четким индикатором природных и антропогенных процессов, происходящих в экосистемах, выполняет многофункциональную экологическую роль в природе и обществе. Основными функциями природной

растительности являются ресурсные, ландшафтные, рекреационные, санитарно-гигиенические, водозащитные и другие. Растительные ресурсы складываются из ресурсов отдельных типов растительности: лесной, луговой, болотной, прибрежно-водной и водной, рудеральной. При этом наибольший вклад в экономику страны вносят лесные и луговые ресурсы.

Растительность также является важнейшим фактором почвообразования. Растительность и почва образуют единую, неразрывную связь. Под каждой растительной ассоциацией формируется определенный тип почвы. С растительностью связано накопление перегноя и зольных элементов питания в верхней части почвы. Зеленые растения регулируют водно-воздушный, тепловой режимы почв, препятствуют развитию эрозионных процессов.

В настоящей работе было исследовано влияние временного фактора на изменение растительных ассоциаций, формирующихся на радиационно опасных землях, выведенных из сельскохозяйственного оборота после аварии на Чернобыльской АЭС.

Цель работы – описать и проанализировать биологическое разнообразие растительных ассоциаций, произрастающих на пойменных землях, выведенных из сельскохозяйственного оборота в Гомельской и Могилёвской областях.

Методы и методология исследования

Объектом исследования являлись природно-растительные ассоциации, произрастающие на загрязненных радионуклидами землях.

Определение географических координат осуществлялось при помощи GPS-навигатора Garmin eTrex Venture HC. Погрешность измерений местоположения составляла 5 % (3–5 м). Для оценки радиационной обстановки были проведены измерения мощности эквивалентной дозы гаммаизлучения. Измерение мощности дозы γ -излучения проводилось на высоте 1 м и 3–4 см над поверхностью почвы с помощью дозиметра-радиометра МКС-АТ 1125 (АТОМТЕХ, РБ). Физическая (приборная) ошибка измерений при этом не превышала 25 % [3].

Изучение видового состава растительности калибровочных площадок проводилось стационарным методом. Суть данного метода заключалась в том, что многократно и детально исследовались одни и те же участки растительности на протяжении длительного времени [4; 5]. Определения ботанического состава растительного покрова на площадках выполнялось при помощи мобильных приложений «Flora Incognita» и «Picture This», а также учебного пособия «Определитель высших растений Беларуси» [6; 7]. Определение общего проективного покрытия проводилось глазомерно.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате полевых исследований, выполненных в 2023 году, было заложено 117 калибровочных площадок с описанием их текущего состояния.

Описание природно-растительных комплексов проведено на 13 калибровочных площадках в пяти районах Могилёвской области: Могилёвского (5), Кличевского (2), Кричевского (1), Славгородского (3), Чериковского (2) и на 104 площадках девяти районов Гомельской области: Брагинского (47), Буда-Кошелёвского (3), Добрушского (1), Житковичского (10), Жлобинского (14), Кормянского (11), Мозырского (9), Петриковского (4), Речицкого (5) с описанием природно-растительных комплексов.

Описание площадок проводилось по следующей схеме: номер, дата описания, местоположение (координаты), изображение, вид угодий, название фитоценоза (предварительная ассоциация), распределение растений в сообществе: общее проективное покрытие (в %), вид кустарника и деревьев, их проективное покрытие, средняя высота, диаметр ствола, доминантные виды травянистой растительности, мощность экспозиционной дозы.

Мощность экспозиционной дозы гамма-излучения (МЭД) в среднем находилась в пределах 0,03–0,16 мкЗв/ч. Более высокие показатели МЭД – 0,28–0,36 мкЗв/ч – отмечены в Буда-Кошелёвском, Брагинском и Кормянском районах.

Наиболее часто встречаются луга, в том числе закустаренные и заболоченные. Частым явлением на выведенных из сельскохозяйственного оборота землях является кустарниковый растительный покров, в том числе с заболачиванием. Часть земель в настоящее время введена в сельскохозяйственный оборот, используется под пашню и огорода.

На ряде площадок происходят процессы залесения. Наиболее распространенными являются пионерные породы: осина обыкновенная (*Populus tremula L.*) (24 площадки) и береза повислая (*Betula pendula L.*) (23 площадки). Часто встречается ива пепельная (*Salix cinerea L.*) (15 площадок), ива белая

(*Salix alba L.*) (10 площадок) и дуб черешчатый (*Quercus robur L.*) (8 площадок). На отдельных площадках встречаются ольха черная (*Alnus glutinosa L.*), клен ясенелистный (*Acer negundo L.*), ольха серая (*Alnus incana L.*), груша обыкновенная (*Pyrus communis L.*) и груша лесная (*Pyrus pyraster L.*), сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris L.*) и некоторые другие породы. На выведенных из сельскохозяйственного оборота землях часто встречается высокая степень закустаренности земель. Наиболее распространены такие виды кустарников, как крушина ломкая и ива трехтычинковая (*Salix triandra L.*), белая (*S. alba L.*), вавилонская (*S. babylonica L.*) и пурпурная (*S. purpurea L.*).

В состав травянистого яруса чаще всего входят виды злаковых растений – вейник наземный (*Calamagrostis epigejos L.*), тростник обыкновенный (*Phragmites australis L.*), полевица тонкая (*Agrostis capillaris L.*). Нередко встречаются вероника длиннолистная (*Veronica longifolia L.*), череда трехраздельная (*Bidens tripartita L.*). Всего по результатам наземных обследований установлено присутствие 169 видов травянистых растений с высоким и умеренным обилием на калибровочных площадках.

Пойменные луговые сообщества показаны 4 таксономическими единицами – оstepненными, настоящими, сырьими, болотистыми и торфянистыми.

Материковые луга отражены 2 картируемыми таксонами. Это суходольные, занимающие относительно возвышенные места – дренированные плато, холмы, верхние части склонов долин и оврагов, и низинные, формирующиеся в нижних частях склонов, на днищах оврагов и в западинах. Значительные площади современных лугов заняты кустарниками, главным образом видами рода *Salix*, повторяющимися в каждой таксономической единице.

Болотная растительность разделена на три категории: открытые, закустаренные и деградированные. Одной категорией представлены мелколесья и кустарниковая растительность, а также лесная растительность.

На территории ярко выделяются следующие растительные формации: лесная, луговая и болотная. Луга представлены двумя типами: пойменными и суходольными (материковыми).

На пойменных заливных лугах распространены следующие виды травянистой растительности: мятылк луговой (*Poa pratensis L.*), полевица белая (*Agrostis alba L.*), лисохвост луговой (*Alopecurus pratensis L.*), из разнотравья – лютник ползучий (*Ranunculus repens L.*), лапчатка гусиная (*Potentilla anserina L.*) и другие. На пониженных участках поймы, где развиваются дерново-глеевые почвы, преобладает мятылк болотный (*Poa palustris L.*), различные виды осок, вейник камышевидный (*Calamagrostis pseudophragmites L.*), полевица тонкая (*Agrostis capillaris L.*), вербейник обыкновенный (*Lysimachia vulgaris L.*), лютник ползучий (*Ranunculus repens L.*), дербенник обыкновенный (*Lýthrum vulgaris L.*), лапчатка гусиная (*Potentilla anserina L.*).

Меньшее распространение имеют суходольные луга. В основном такие луга осушены и улучшены. На суходольных лугах, оставленных в естественном состоянии, растительность бедная и состоит в основном из разнотравья: тысячелистник обыкновенный (*Achillea millefolium L.*), подорожник большой (*Plantago major L.*), щавель кислый (*Rumex acetosa L.*), кульбаба осенняя (*Scorzoneraoides autumnalis L.*), погремок большой (*Rhinanthus alectorolophus L.*), черноголовка обыкновенная (*Prunella vulgaris L.*), мелколепестник канадский (*Erigeron canadensis L.*), крапива двудомная (*Urtica dioica L.*), просо куриное (*Echinochloa crus-galli L.*), из злаков встречаются белоус торчащий (*Nardus stricta L.*), пырей ползучий (*Elymus repens L.*). Растительный покров низинных и пойменных болот характеризуется преобладанием различного рода злаковых трав с большой примесью крупных видов осок, тростника обыкновенного (*Phragmites australis L.*), рогоза широколистного (*Typha latifolia L.*), сабельника болотного (*Comarum palustre L.*), хвоща болотного (*Equisetum palustre L.*) и топяного (*E. Fluviatile L.*).

Болотные луга распространены на торфяно-болотных почвах. Верховые болота представлены следующей растительностью: сфагновый и гипновый мхи, различные виды осок, пушица болотная (*Eriophorum palustre L.*).

Растительный покров в природно-растительных комплексах играет важную роль, выполняя следующие функции:

- участвует в регулировании температурного режима;
- поддерживает гидрологический режим ландшафта;
- участвует в процессах почвообразования;
- защищает почвы от эрозии, дефляции и т. д. [8].

Растительный покров формируется на почве в соответствии с ее плодородием, ее физическим состоянием и водно-воздушным режимом. При отсутствии обработки почва постепенно уплотняется, на ней формируется дернина, меняется состав трав, поселяются кустарниковые и древесные растения.

Исходное же состояние почвы, то есть перед прекращением ее пользования, оказывает решающее влияние на смену растительного покрова. Состояние почвы зависит и от вида сельскохозяйственных растений, которые предшествовали прекращению пользования землей.

На легких супесчаных почвах в составе трав преобладают сельскохозяйственные сорняки: лебеда раскидистая, осот полевой, норичник узловатый, льнянка обыкновенная, щирица обыкновенная, пикульник обыкновенный, мелколепестник канадский, крапива двудомная, просо куриное и другие виды. На плодородных и удобренных участках основу травяного покрова составляли бодяк полевой, лебеда раскидистая, щирица обыкновенная, крапива двудомная, пикульник обыкновенный, осот полевой, полынь обыкновенная. На более бедных почвах в составе трав преобладали мелколепестник канадский, льнянка обыкновенная, норичник узловатый, щетинник сизый, пырей ползучий.

Пустоши, занимающие окраины супесчаных полей с бедными оподзоленными почвами, заняты травостоем, в котором преобладают овсяница овечья, белоус торчащий, ястребинка обыкновенная, подорожник ланцетный, горчак желтый, иногда встречаются вереск обыкновенный, тимьян ползучий и прочие, редко встречающиеся виды.

Пастбища, занимающие более низкие и влажные местоположения, характеризуются довольно бедным составом трав (до 18 видов), среди которых преобладают мятыник обыкновенный, полевица тонкая, овсяница тонкая, различные виды осок, ситник болотный, тысячелистник обыкновенный. Иногда встречаются лютик обыкновенный, лапчатка гусиная, тимьян ползучий и другие, менее встречающиеся виды.

Пониженные места, где весной, а иногда и летом стоит вода, заняты суходольными сено-косами. Травостой на них разнообразный и насчитывает более 20 видов растений. В его составе преобладают различные виды осок, вейник болотный, полевица тонкая, вербейник обыкновенный, лютик обыкновенный, лапчатка гусиная. Местами встречаются дербенник обыкновенный, мята водяная и другие. Характер травяного покрова на более плодородных тяжелых супесях и суглинках примерно идентичен. Травостой развит сильно. На улучшенных пастбищах и сенокосах также преобладают сеянные травы, естественные высокостебельчатые злаки и осоки. На уплотненных почвах в составе трав преобладает ситник развесистый, лютик обыкновенный и лапчатка гусиная.

На средних гумусированных супесях почва задерновывает быстрее, чем на легких. Уже в первый год после прекращения пользования развивается мощный травяной покров из пырея ползучего, щавеля конского, тысячелистника обыкновенного, дремы белой, тимьяна ползучего и других видов. Далее травостой еще больше уплотняется, но в нем не прибавляется новых видов, наоборот, происходит выпадение однолетников типа мелколепестника канадского, льнянки обыкновенной.

Травостой из сеянных трав не претерпевает существенных изменений. В нем господствуют культурные виды, обычно смеси райграса пастбищного, тимофеевки луговой, ежи сборной, костра безостого, клевера лугового. Среди них внедряются тысячелистник обыкновенный, тимьян ползучий, зверобой продырявленный, различные виды полевиц и мятыников и другие виды, но доля их не превышает 10–15 %. После засухи многолетние травы почти полностью выпадают, и на месте их формируется травостой из различных видов одуванчиков, клеверов и других разнотравных видов. Еще быстрее, через 3–4 года, выпадают из травостоя донник лекарственный и рапс многолетний.

Такая же картина на окультуренных и естественных суходольных сенокосах. Однако на пастбищах после прекращения выпаса скота травостой улучшает рост, и сильнее разрастаются различные виды злаков и осок, ранее стравливаемые скотом. Если в первый год на пастбищах насчитывалось около 12–14 видов трав, то на третий год – их уже около 22. Наряду с этим происходит разрастание в отдельных местах таких типично лесных трав, как вереск обыкновенный, тимьян ползучий, зверобой продырявленный [9].

Подобная картина наблюдается и на пойменных землях. Растительный покров поймы р. Беседь от русла сильно изменяется в связи с рельефом поверхности почвы. Здесь чередуются пойменные болота, относительно ровные участки почвы, тальвеги, песчаные гривы и межгривенные понижения. Наиболее бедный травяной покров на песчаных гривах, и основу его составляет очиток едкий, вейник наземный. Покрытие почвы – около 60 %, высота трав в нормально увлажненный год – около 55 см. На склонах грив травостой более высокий и плотный (покрытие – 90 %, высота – 64 см), а масса трав в 1,5 раза больше, чем на гривах. Следует обратить внимание на то, что травы здесь представлены полевицей тонкой, вейником наземным и мятыником болотным, то есть съедобными видами.

На пониженных ровных участках покрытие почвы травами сплошное. В составе присутствуют 12 видов, в которых преобладают различные виды полевицы и мяты. Еще более мощный травостой в тальвегах с текущей весной водой. Здесь произрастает до 18 видов. Окраины болот обычно затоплены водой, которая уходит к середине лета, и поэтому на них в этот период только начинает появляться растительность. На пойменных болотах растительность представлена манником большим, полевицей болотной, ежеголовником обыкновенным. В период засухи грави и склоны грави сильно выгорают, остаются только засухоустойчивые низкорослые травы типа очистки едкого, вейника наземного. Особенно сильно страдают от засухи виды полевицы и мяты – даже на пониженных ровных участках поймы их масса падает почти в 6 раз.

Противоположная картина наблюдалась на затапливаемых окраинах болот. Здесь достаточно мощный травяной покров из полевицы тонкой, видов осок и вербейника обыкновенного. Мощное развитие получила растительность и на пойменных болотах. Болота стали практически сухими, и можно вести заготовку трав, особенно на силос. Уровни гамма-фона на них вполне позволяют делать это. На пониженных участках покрытие почвы травами сплошное – 90–100 %, на суходолах – 60–70 %.

На пойменных лугах присутствует древесно-кустарниковая растительность. Кустарники представлены в основном следующими лесными породами: береза, осина, ольха, ель, сосна, реже – дуб, ива, крушина и т. д.

Чем сильнее задернение почвы, тем меньше самосева древесных и кустарниковых пород. Подрост приурочен к отдельным площадкам с минерализованной почвой. На полях сеянных трав возобновление древесных пород отсутствует, то же наблюдается на пастбищах и сенокосах. Редкий подрост здесь встречается у единично растущих деревьев – ольхи черной и березы бородавчатой, а также по периферии полей, где почва минерализовалась при разворотах почвообрабатывающих орудий и тяговых машин, а появлявшийся подрост скашивался или справлялся скотом при использовании землей, а затем дал поросье после прекращения пользования ей. Об этом свидетельствует высота и возраст подроста. Он был незамечен вначале, но потом перерос травостой и стал формировать древесно-кустарниковый ярус. А в составе пород – береза и ива, редко – осина, сосна и крушина ломкая. На пастбище – слабое возобновление березы и примерно такое же количество ивы. При сильном задернении почвы возобновление практически отсутствует.

На полях сеянных трав, где почва до Чернобыльской аварии рыхлилась и удобрялась, возобновление березой, осиной и сосной идет более активно. Учеты возобновления древесных и кустарниковых пород, на исключенных из сельскохозяйственного пользования полях, проведенные в Ветковском и Чечерском лесхозах, подтвердили описанную выше картину. Надежды на естественное зарашение сельскохозяйственных земель лесом продолжают оставаться весьма призрачными. Причин этому много. Но основные из них – сильное задернение почвы, плохое плодоношение леса и низкое качество семян.

Опасность зарастания площади кустарником проявляется особенно сильно на суходольных сенокосах и пастбищах, где имеются условиях для разрастания ивняков и формирования березово-черноольховых редин. Если до Чернобыльской аварии на сенокосах и пастбищах не фиксировалось наличие кустарников и на них были лишь единичные сеянцы ив, березы и ольхи черной, то со временем они переросли травяной покров, начали разрастаться и захватывать площадь. Наиболее интенсивно процесс зарастания древесно-кустарниковой растительностью идет возле одиночно растущих деревьев ольхи черной на понижениях пастбищ.

Суходольные сенокосы при отсутствии деревьев-обсеменителей зарастают преимущественно ивняками. Более интенсивное зарастание идет на повышенных вейниковых участках сенокосов, где до 1800 шт/га кустов ив со средней высотой около 120 см. Площадь их крон занимает около 12,4 % всей площади почвы. Тенденция превращения таких сенокосов в ивняки очевидна.

Вместо продуцирующей сельскохозяйственной площади можно получить непродуцирующую закустаренную площадь, и вынуждены будем при реабилитации этих земель начинать с культуртехнических мероприятий. На значительной части таких земель невозможно получение полноценных насаждений, если ориентироваться на их естественное облесение. При передаче таких площадей в лесфонд они попадут в категорию безлесных или закустаренных, что равноценно выбытию их из категории продуцирующих. Следовательно, с учетом имеющегося естественного возобновления такие площади необходимо искусственно облесять способными здесь произрастать древесными породами. Подход к облесению должен быть дифференцированным, учитывающим возможности естественной облесительной способности стен леса и одиночно растущих деревьев с экономически обоснованным применением искусственного лесоразведения [10].

Одно и то же воздействие ионизирующего излучения в загрязненных радионуклидами лесных массивах допустимо для одного и является критическим для других лесных биоценозов [11].

При реабилитации лесопокрытых площадей речь должна идти не только о древесном сырье, но и о многочисленных составляющих лесной фитоценоз кустарниковых и травянистых растениях, которые способны не только накапливать в себе значительные запасы радионуклидов, но и оказывать заметное воздействие на процессы в корнеобитаемых горизонтах лесных почв [12; 13].

Заключение

В результате исследования биологического разнообразия растительных ассоциаций, произрастающих в Гомельской и Могилевской областях на пойменных землях, выведенных из сельскохозяйственного оборота, установлено, что на заливных лугах распространены злаковые виды растений: мятылик луговой, полевица белая, лисохвост луговой; из разнотравья – лютик ползучий, лапчатка гусиная и другие. На пониженных участках поймы преобладают различные виды осок, мятылик болотный, вейник болотный, полевица тонкая, вербейник обыкновенный, лапчатка гусиная.

Растительность суходольных лугов бедная и представлена в основном разнотравьем – тысячелистником обыкновенным, подорожником ланцетовидным, щавелем кислым, кульбабой осенней, погремком луговым, мелколепестником канадским. Растительный покров торфяных почв низинного типа характеризуется преобладанием различного рода злаковых трав с большой примесью крупных осок.

На пониженных участках покрытие почвы травами сплошное 90–100 %, на суходолах 60–70 %. Современное описание проиразтающего растительного покрова будет использовано для прогноза динамики природно-растительных комплексов на радиационно опасных землях, выведенных из хозяйственного оборота после аварии на Чернобыльской АЭС, для использования при оценке и планирования мероприятий по их реабилитации.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Алексахин, Р. М. Радиоактивное загрязнение почв как тип их деградации / Р. М. Алексахин // Почвоведение. – 2009. – № 12. – С. 1487–1498.
2. Подоляк, А. Г. Рекомендации по использованию возвращаемых в оборот загрязненных радионуклидами сельскохозяйственных земель / А. Г. Подоляк, Т. В. Ласько, С. А. Тагай. – РНИУП «Институт радиологии». – Минск, 2015. – 36 с.
3. Методика выполнения измерений мощности эквивалентной дозы гамма-излучения дозиметрами и дозиметрами-радиометрами: МВИ. МН 2513-2006. – Утв. и введ. в действ. 09.06.2005. – Гомель : РНИУП «Институт радиологии», 2005. – 11 с.
4. Тиходеева, М. Ю. Практическая геоботаника (анализ состояния растительных сообществ) : учеб. пособие / М. Ю. Тиходеева, В. Х. Лебедева. – СПб. : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2015. – 166 с.
5. Артаев, О. Н. Методы полевых экологических исследований : учеб. пособие / О. Н. Артаев, Д. И. Башмаков, О. В. Безина. – Саранск : Изд-во Мордов. ун-та, 2014. – 412 с.
6. Определитель высших растений Беларуси / под ред. В. И. Парfenова. – Минск : Дизайн ПРО, 1999. – 472 с.
7. Определитель растений Белоруссии / под ред. чл.-корр. АН БССР Б. К. Шишкина, акад. АН БССР М. П. Томина, докт. биол. наук М. Н. Гончарика. – Минск : Вышэйшая школа, 1967. – 871 с.
8. Оценка состояния растительности: луга и тундры : учеб.-метод. пособие / Т. А. Радченко, Л. М. Морозова, Д. В. Веселкин, Ю. С. Федоров. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 86 с.
9. Растения сенокосов и пастбищ / С. И. Дмитриева, В. Г. Игловиков, Н. С. Конюшков, В. М. Раменская. – М. : Колос, 1974. – 195 с.
10. Лес и Чернобыль. Лесные экосистемы после аварии на Чернобыльской АЭС, 1986–1994 / В. А. Ипатьев, И. М. Булавик, В. Ф. Багинский [и др.]. – Минск : МНПП «Стенер», 1994. – 248 с.
11. Вопросы лесной радиоэкологии / под ред. докт. с.-х. наук, заслуж. деят. науки РФ А. И. Чилимова. – М. : МГУЛ, 2000. – 302 с.
12. Лес. Человек. Чернобыль. Основы радиоэкологического лесоводства / В. А. Ипатьев, Н. И. Булко, В. Ф. Багинский [и др.] ; под общ. ред. академика НАН Беларуси и РАСХН, проф. В. А. Ипатьева. – Гомель : ИЛ НАН Беларуси, 2005. – 535 с.

13. Ipatyev, V. A. Healing the damage of Chernobyl radiation-contaminated forest and their rehabilitation / V. A. Ipatyev // Unasylva. – 2001. – Т. 52, № 207. – Р. 37–40.

Поступила в редакцию 09.10.2024

E-mail: t-lasko@yandex.by; elena.karpova1991@mail.ru;
simonagomel@gmail.com; nikitinale@gmail.com

T. V. Lasko, E. A. Tankevich, Y. K. Simonchyk, A. N. Nikitin

BIOLOGICAL DIVERSITY OF PLANT ASSOCIATIONS GROWING IN THE GOMEL
AND MOGILEV REGIONS ON FLOODPLAIN LANDS,
WITHDRAWN FROM AGRICULTURAL CIRCULATION

The article investigates the influence of the time factor on the change in plant associations formed on radiation-hazardous lands withdrawn from agricultural use after the Chernobyl accident. During the study, a series of geobotanical investigations was carried out to assess the current state of trees and shrubs, marsh, meadow, and ruderal vegetation at 13 calibration sites in five districts of the Mogilev region and 104 sites in nine districts of the Gomel region. In low-lying areas, grasses provide complete soil coverage, ranging from 90–100 %. In contrast, drylands exhibit a lower percentage of soil coverage by grasses, with figures around 60–70 %.

Keywords: radiation-hazardous lands, ecosystem, successions, morphological structure, exclusion zone, natural plant complexes.

УДК 599.323.4:599.363: 574.472

Е. И. Машков¹, И. А. Крищук²

¹Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник лаборатории популяционной экологии наземных позвоночных и управления биоресурсами, ГНПО «НПЦ НАН Беларусь по биоресурсам», г. Минск, Республика Беларусь

²Кандидат биологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории популяционной экологии наземных позвоночных и управления биоресурсами, ГНПО «НПЦ НАН Беларусь по биоресурсам», г. Минск, Республика Беларусь

ВИДОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ И БИОТОПИЧЕСКАЯ ПРИУРОЧЕННОСТЬ МЕЛКИХ МЛЕКОПИТАЮЩИХ В ПРИРОДНЫХ ЭКОСИСТЕМАХ БЕЛАРУСИ

На основании проведенных эколого-фаунистических исследований природных экосистем трех зоогеографических районов Беларуси представлен анализ видового разнообразия и биотопической приуроченности мелких млекопитающих отрядов Грызуны и Насекомоядные. За период исследований отработано 22 185 ловушко-суток и отловлено 2 433 особи мелких млекопитающих 16 видов. Фоновыми видами открытых биотопов являются буровзубка обыкновенная, полевка обыкновенная, мышь полевая, в лесных экосистемах – полевка рыжая, мышь желтогорлая. Среди малоизученных видов мелких млекопитающих регистрировались полевка восточноевропейская, полевка темная, мышь малая лесная и кутюра малая.

Ключевые слова: мелкие млекопитающие, грызуны, насекомоядные, природные экосистемы, Республика Беларусь.

Введение

Невзирая на накопленный с середины XX века материал по изучению различных аспектов популяций мелких млекопитающих отрядов Грызуны и Насекомоядные в Беларуси [1–12], все еще остаются вопросы о составе фауны микромаммалий на территории страны, особенностях экологии и биотопической приуроченности отдельных видов. Интерес, проявляемый к изучению мелких млекопитающих, вызван в первую очередь их высокой чувствительностью к изменениям окружающей среды, связанным как с глобальными климатическими изменениями, так и с фрагментацией и сокращением видовых ареалов.

Цель работы – провести сравнительный анализ структуры сообществ мелких млекопитающих, населяющих разные природные экосистемы Беларуси: изучение разнообразия, сравнение видового состава и численности сообществ мелких грызунов и насекомоядных.

Методы и методология исследования

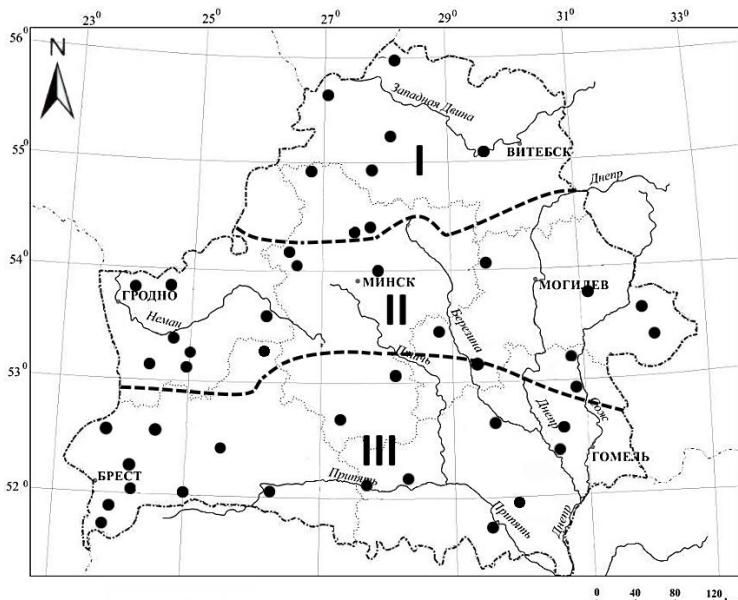
Проведенное исследование базируется на материалах, собранных в рамках мониторинга популяций мелких млекопитающих в пойменных экосистемах. Наблюдения осуществлялись в летне-осенние сезоны с 2021 по 2024 год с использованием стандартной методики ловушко-линий (стандартный метод) [13]. География работ охватила 40 административных районов, пространственное распределение которых представлено на рисунке 1. За период полевых работ нами отработано 22 185 ловушко-суток (л.-с.). Всего было отловлено 2 433 особи мелких млекопитающих. Полученные данные легли в основу анализа видового разнообразия и динамики численности изучаемой группы в условиях пойменных биотопов.

Результаты исследования и их обсуждение

Для изучения видового состава и выявления малоизученных видов мелких млекопитающих исследования проведены в трех зоогеографических районах Беларуси в 2021–2024 годах (рисунок 1).

На территории Беларуси выявлено фаунистическое разнообразие мелких млекопитающих, которое представлено 16 видами (таблица 1). Таксономический состав включает 5 видов насекомоядных (Eulipotyphla) и 11 видов грызунов (Rodentia) – буровзубка обыкновенная (*Sorex araneus*), буровзубка малая (*Sorex minutus*), буровзубка средняя (*Sorex caecutiens*), кутюра обыкновенная (*Neomys fodiens*), кутюра малая (*Neomys anomalus*), мышь желтогорлая (*Sylvaemus flavigollis*), мышь европейская (*Sylvaemus sylvaticus*), мышь малая лесная (*Sylvaemus uralensis*), мышь полевая

(*Apodemus agrarius*), полевка рыжая (*Myodes glareolus*), полевка обыкновенная (*Microtus arvalis*), полевка восточноевропейская (*Microtus rossiaemeridionalis*), полевка темная (*Microtus agrestis*), полевка-экономка (*Microtus oeconomus*), мышь-малютка (*Micromys minutus*), домовая мышь (*Mus musculus*). В категорию видов с ограниченным распространением и низкой встречаемостью можно отнести *N. anomalus*, *S. uralensis*, *M. rossiaemeridionalis* и *M. agrestis*.

Штриховой линией отмечены границы зоогеографических районов:
I – Северный (озерный); II – Центральный (переходный); III – Полесский (низинный)
Рисунок 1 – Места сбора полевого материала (2021–2024)

Таблица 1 – Таксономическое разнообразие и показатели обилия (по балльной системе Емельяновой, 1988 [14]) мелких млекопитающих в разных зоогеографических районах Беларуси в 2021–2024 гг.

Вид	Север	Центр	Юг
Насекомоядные			
<i>Sorex araneus</i>	2	2	2
<i>Sorex minutus</i>	2	1	1
<i>Sorex caecutiens</i>	1	1	1
<i>Neomys fodiens</i>	1	1	1
<i>Neomys anomalus</i>			1
Грызуны			
<i>Sylvaemus flavigollis</i>	2	2	2
<i>Sylvaemus sylvaticus</i>	1	1	1
<i>Sylvaemus uralensis</i>	1	1	1
<i>Apodemus agrarius</i>	2	2	2
<i>Microtus arvalis</i>	2	2	2
<i>Microtus rossiaemeridionalis</i>		1	1
<i>Microtus agrestis</i>	1	1	1
<i>Microtus oeconomus</i>	1	2	2
<i>Myodes glareolus</i>	2	2	2
<i>Micromys minutus</i>	1	1	2
<i>Mus musculus</i>		1	1

Наибольшее распространение во всех регионах демонстрируют *S. araneus*, *A. agrarius*, *M. arvalis* и *M. glareolus* (2 балла по шкале Емельяновой, 1988). Северный район характеризуется отсутствием *M. rossiaemeridionalis* и *M. musculus*, в то время как Полесский выделяется максимальным разнообразием, включая редкие виды, такие как *Neomys anomalus* (1 балл). Центральный район отличается повышенной численностью *Microtus oeconomus* (2 балла). Данные подчеркивают региональные различия в экологической емкости биотопов и важность переходных зон для поддержания биоразнообразия.

Сравнительный анализ структуры сообществ мелких млекопитающих, обитающих в разных зоогеографических районах Беларуси (рисунок 2), продемонстрировал значительную вариабельность в структуре биоразнообразия. Наибольшее видовое богатство зарегистрировано в Полесском районе (16 видов). Центральный район показал умеренное снижение разнообразия (15 видов), в то время как минимальные значения выявлены в Северном районе (13 видов). Различались данные регионы и представленностью видов в уловах (рисунок 2). Так, в Северном и Центральном районе доминируют бурозубка обыкновенная (21,21 % и 19,41 %) и полевка рыжая (18,56 % и 20,99 %) соответственно. В Полесском районе видом-доминантом выступает мышь полевая (23,48 %), в качестве субдоминантов – полевка рыжая (16,81 %) и полевка обыкновенная (15,42 %).

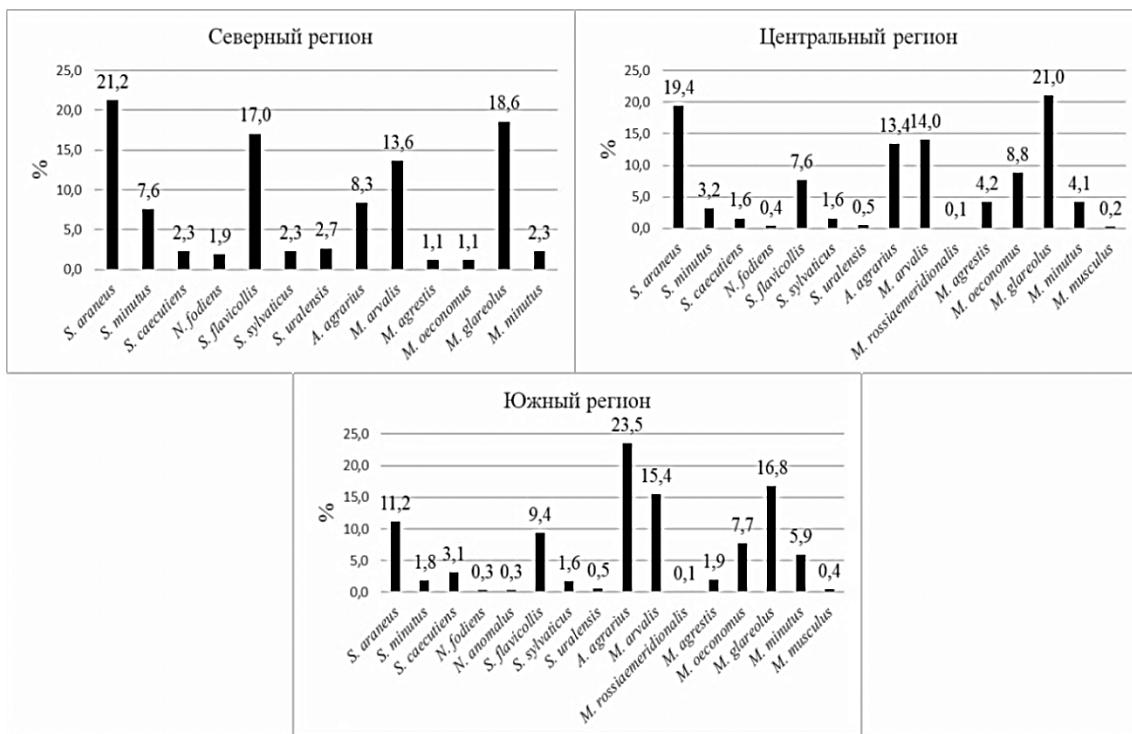
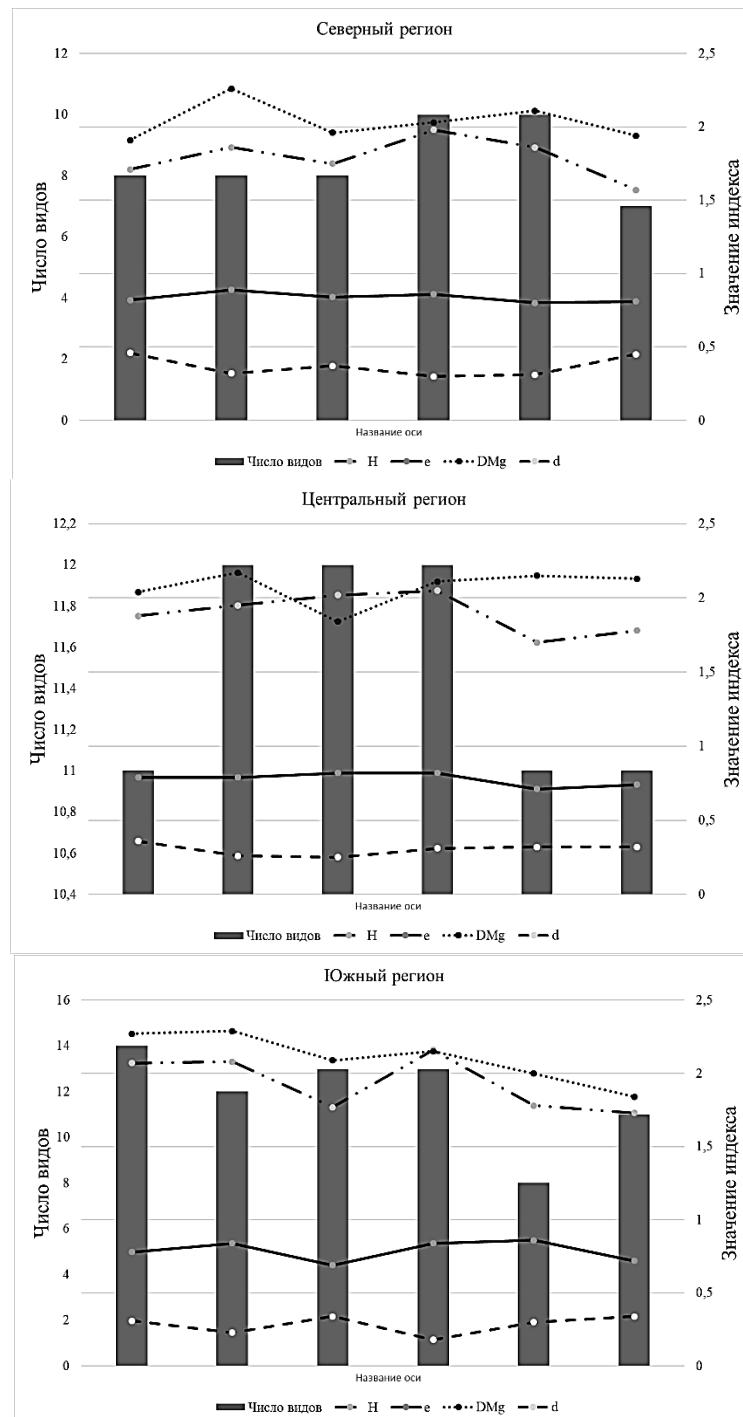

Рисунок 2 – Видовая структура (%) мелких млекопитающих в трех зоогеографических районах Беларуси

В целом общая численность микромаммалий составила 10,96 особей/100 ловушко-суток. В Северном районе она была ниже (6,7), чем в Центральном (11,4) и Полесском (12,3). Различий в структуре сообществ мелких млекопитающих, обитающих в трех зоогеографических районах Беларуси, не выявлено (индекс Маргалефа составил 2,0–2,1; $p < 0,05$). Также можно отметить схожие показатели по индексу Шеннона ($H = 2,16$ – $2,18$) и видового разнообразия Симпсона ($D = 0,13$ – $0,14$) во всех трех районах исследования.

Для выявления ландшафтно-экологических закономерностей в трех зоогеографических районах Беларуси проведен детализированный анализ таксономической структуры сообществ мелких млекопитающих (рисунок 3). Максимальное видовое богатство зафиксировано на пойменном суходольном лугу Полесского района ($n = 14$). Однако наивысшее значение индекса Маргалефа ($DMg = 2,29$) отмечено для низинного внепойменного луга ($n = 13$), что связано с зависимостью данного индекса от объема выборки: DMg учитывает не только количество видов, но и общее число

особей, нивелируя влияние размера выборки. Наименьшее видовое богатство выявлено в пойменных суходольных лугах Центрального района ($DMg = 1,84$), что свидетельствует в пользу снижения биоразнообразия в данных экосистемах.

ЛПС – луг пойменный сенокосный; ЛВН – луг низинный внепойменный; ЛСВ – луг суходольный, частично выпасаемый; БЭЛ-К – береговой экотон луг-канал; Н – видового разнообразия Шеннона, е – выравненности Пиелу, DMg – видового богатства Маргалафеа, d – доминирования Бергера – Паркера, D – индекс видового разнообразия Симпсона

Рисунок 3 – Статистические индексы разнообразия и обилие мелких млекопитающих

Анализ индекса Шеннона выявил региональные различия в видовом разнообразии мелких грызунов и насекомоядных. Наибольшие значения зафиксированы в Полесском районе ($H = 1,73\text{--}2,16$), что превышает показатели Центрального ($H = 1,88\text{--}2,05$) и Северного ($H = 1,57\text{--}1,98$) районов. Пиковые значения индекса во всех районах связаны с береговыми экотонами (БЭЛ-К) – переходными зонами между лугами и каналами. Это явление объясняется мозаичностью условий в переходных зонах, которые, благодаря близости биотопов с различным флористическим составом и активной миграции видов, создают оптимальные условия для сосуществования множества организмов, в том числе и мелких млекопитающих.

В Полесском районе для БЭЛ-К отмечена минимальная степень доминирования ($d = 0,18$), что свидетельствует о сбалансированности сообщества: ни один вид не преобладает, а обилие распределено равномерно. Это подтверждает ключевую роль экотонов в поддержании экологического равновесия и биоразнообразия в условиях антропогенного воздействия.

Значительное преобладание мыши желтогорлой в сосновых лесах Северного района Беларуси (индекс доминирования $d = 0,45$) обусловлено ее высокой адаптацией к условиям лесных биотопов, а также ограниченным видовым разнообразием мелких млекопитающих в этих экосистемах. В целом в биотопах с пониженным уровнем видового богатства наблюдается выраженное доминирование отдельных видов, что усиливает экологическую нишу наиболее приспособленных таксонов. В Северном районе зафиксировано небольшое биоразнообразие, где в луговых экосистемах доминируют насекомоядные (буровузка обыкновенная $d = 0,46$).

Среди отловленных мелких млекопитающих (грызуны и насекомоядные) были зарегистрированы малоизученные виды: восточноевропейская полевка (*Microtus rossiaemeridionalis*), полевка темная (*Microtus agrestis*), мышь малая лесная (*Sylvaemus uralensis*), кутюра малая (*Neomys anomalus*) и кутюра обыкновенная (*Neomys fodiens*). Согласно литературным источникам [10; 15], информация об их пространственном распределении и популяционной динамике остается недостаточно систематизированной. Анализ встречаемости выявил доминирование темной полевки в выборках, тогда как *M. rossiaemeridionalis*, *S. uralensis* и *N. anomalus* демонстрировали более низкую частоту регистрации.

Восточноевропейская полевка. Первые сведения о присутствии вида на территории Беларуси были получены в ходе исследований О. Н. Михолап и В. В. Михайловской в 1970-х гг. в юго-восточных районах Белорусского Полесья (окрестности гг. Петриков и Ельск) [16]. В 1979–1983 гг. ареал вида расширился в связи с выявлением восточноевропейской полевки еще в 12 локалитетах [17]. Современные исследования [18] позволили установить два новых местообитания. Первое расположено вблизи городского поселка Зельвы (Гродненская область), а второе – на территории окраины деревни Якимова Слобода (Светлогорский район).

В отличие от полевки обыкновенной (*Microtus arvalis*), предпочитающей открытые агроландшафты, восточноевропейская полевка тяготеет к мозаичным биотопам – разреженным лесам, опушкам, пойменным лугам с осоковыми зарослями, а также к территориям заброшенных населенных пунктов. В рамках настоящего исследования вид регистрировался в пойменных и суходольных экосистемах с низкой плотностью популяции (2,0 особи/100 л.-с.).

Полевка темная. Полевка темная населяет заболоченные участки с кустарниковой растительностью, влажные луга, поймы рек и границы смешанных лесов [19]. Для вида характерны циклические колебания численности с периодичностью 2–5 лет.

В ходе работы полевка темная была отмечена в 17 административных районах, однако ее обилие варьировало в зависимости от биотопа. Наименьшие показатели зафиксированы в береговых экотонах (1,16 особи/100 л.-с., 1,3 % от общего улова), тогда как на суходольных лугах плотность популяции возрастала до 3,4 особи/100 л.-с. (5,5 %). В нетипичных биотопах (например, сосняках) вид встречался единично (0,6 особи/100 л.-с.).

Мышь малая лесная. Несмотря на обширный ареал в Беларуси, распространение малой лесной мыши требует уточнения из-за редких регистраций за последние 20 лет. Вид зафиксирован в Пружанском и Березовском районах Брестской области, Городокском и Бешенковичском районах Витебской области, Воложинском районе Минской области, а также в пригородной зоне Гомеля [11; 12; 15; 20].

Основные предпочтаемые биотопы включают хвойные леса с примесью широколиственных пород. Вид избегает затененных участков, тяготея к открытым пространствам: вырубкам, кустарниковым зарослям, полезащитным полосам и речным долинам.

В ходе исследований малая лесная мышь преимущественно регистрировалась в лесных экосистемах: средняя плотность составила 1,89 особи/100 л.-с. в ольшаниках (4,6 %) и 2,12 особи/100 л.-с.

в сосновках (2,2 %). Единичные особи отмечены в нетипичных биотопах, что связано с миграцией на границы экосистем (рисунок 2).

Кутюра малая. В уловах кутюра малая представлена единичными экземплярами, что ограничивает оценку её численности и плотности.

Обитает в увлажненных биотопах: лесах, кустарниках, лугах и болотах. На территории страны вид отмечался вблизи водоемов – в ельниках у лесных ручьев, на протоках между озерами, а также на прудах-отстойниках [21; 22; 23; 24].

Анализ экологической пластиности мелких млекопитающих Беларуси выявил преобладание видов с умеренной эвритопностью, что подтверждается расчетами индекса биотопической приуроченности (F_{ij}) (таблица 3). Такие таксоны демонстрируют выраженную избирательность в выборе местообитаний. У желтогорлой мыши отмечена максимальная приуроченность к сосновым лесам ($F_{ij} = 0,66$), малая лесная мышь доминировала в ольховых фитоценозах ($F_{ij} = 0,8$), а полевка-экономка наиболее часто встречалась в экотонных зонах ($F_{ij} = 0,63$).

Таблица 3 – Степень относительной биотопической приуроченности (F_{ij}) микромаммалий в Беларуси

Виды	Биотопы					
	ЛПС	ЛВН	ЛСВ	БЭЛ-К	Ч	С
<i>Sorex araneus</i>	0,24	0,27	-0,33	-0,10	0,29	-0,32
<i>Sorex minutus</i>	-0,20	0,43	-0,25	0,01	0,20	-0,13
<i>Sorex caecutiens</i>	0,30	0,30	-0,64	0,16	-0,08	-0,19
<i>Neomys fodiens</i>	-0,15	0,31	-0,41	0,38	0,36	-1,00
<i>Neomys anomalus</i>	0,29	0,08	-0,41	-0,21	0,67	-1,00
<i>Sylvaemus flavigollis</i>	-0,41	-0,47	-0,75	0,08	0,39	0,66
<i>Sylvaemus sylvaticus</i>	-0,51	-0,33	-0,89	0,14	0,24	0,71
<i>Sylvaemus uralensis</i>	-0,65	-0,19	-0,79	-0,69	0,80	0,58
<i>Apodemus agrarius</i>	0,24	-0,18	0,35	-0,28	-0,52	-0,53
<i>Microtus agrestis</i>	0,30	-1,00	0,58	-0,39	-1,00	-0,83
<i>Microtus oeconomus</i>	-0,33	0,04	-0,27	0,63	-1,00	-0,45
<i>Microtus arvalis</i>	-0,14	-0,04	0,45	-0,10	-0,77	-0,51
<i>Microtus rossiaemeridionalis</i>	0,64	-1,00	0,44	-1,00	-1,00	-1,00
<i>Micromys minutus</i>	0,11	-0,11	0,30	0,05	-0,67	-0,73
<i>Mus musculus</i>	-1,00	-1,00	0,74	0,23	-1,00	-1,00
<i>Myodes glareolus</i>	-0,14	0,05	-0,15	-0,08	0,19	0,27

Примечание – ЛПС – луг пойменный сенокосный, ЛВН – луг низинный внепойменный, ЛСВ – луг суходольный, частично выпас, БЭЛ-К – береговой экотон луг-канал, Ч – черноольшаник, С – сосновка.

Среди мелких млекопитающих Беларуси выделяются эвритопные виды, демонстрирующие высокую биотопическую пластиность. К ним можно отнести обыкновенную полевку (населяет луговые экосистемы) с максимальной приуроченностью к суходольным лугам ($F_{ij} = 0,45$), рыжую полевку (доминирует в лесных биотопах ($F_{ij} = 0,27$) и малую бурозубку (проявляет адаптивность к влажным местообитаниям) с пиковой встречаемостью в низинных лугах ($F_{ij} = 0,43$).

Другие исследуемые виды проявляют степенотопные признаки. Так, полевка темная приурочена к пойменным и внепойменным суходольным лугам ($F_{ij} = 0,30$ и $F_{ij} = 0,58$), мышь малая лесная более тяготеет к черноольшникам ($F_{ij} = 0,80$), мышь желтогорлая и европейская – к сосновкам ($F_{ij} = 0,66$; $F_{ij} = 0,71$ соответственно). Виды насекомоядных в основном приурочены к влажным биотопам – черноольшникам и низинным лугам.

Заключение

Проведенное исследование пространственно-биотопического распределения сообществ мелких млекопитающих (Rodentia и Eulipotyphla) в трех зоogeографических районах Беларуси позволило выявить особенности их распределения и биотопической приуроченности. Таксономическое разнообразие исследуемой группы включает 16 видов, распределенных между двумя отрядами: 11 видов грызунов и 5 видов насекомоядных. Фоновыми видами выступают бурозубка обыкновенная (*Sorex araneus*), мышь полевая (*Apodemus agrarius*), полевка обыкновенная (*Microtus arvalis*) и полевка рыжая (*Myodes glareolus*), которые доминируют во всех регионах. Эти виды демонстрируют высокую экологическую пластиность, что обеспечивает их устойчивое присутствие в разнотипных биотопах.

Полученные данные подчеркивают ключевую роль данных видов как индикаторов антропогенной трансформации экосистем и основы для долгосрочного мониторинга биоразнообразия.

Из трех исследуемых зоogeографических районов Полесский характеризуется максимальным видовым богатством (16 видов) и высокими показателями индексов разнообразия (индекс Шеннона – $H = 1,73\text{--}2,16$), что, вероятно, связано с преобладанием переходных зон (экотонов луг-канал), обеспечивающих оптимальные условия для существования множества видов. Наименьшее видовое разнообразие (13 видов) характерно для Северного зоogeографического района.

Работа выполнена в рамках ГПНИ (2021–2025 гг.) «Природные ресурсы и окружающая среда», подпрограмма «Биоразнообразие, биоресурсы, экология».

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Міхалап, В. Н. Грязуны Палескай нізіны / В. Н. Міхалап // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя біялагічных науку. – 1956. – № 3. – С. 95–111.
2. Міхалап, В. М. Экалагічны асаблівасці і дынаміка колькасці мышападобных грязуноў Беларускага Палесся / В. М. Міхалап // Весці Акадэміі навук Беларускай ССР. Серыя біялагічных науку. – 1961. – № 3. – С. 96–103.
3. Сержанин, И. Н. Особенности размещения мышевидных грызунов в различных стациях Белорусского Полесья / И. Н. Сержанин, О. Н. Михолап // Первая Зоологическая конференция. – Минск, 1958. – С. 240–241.
4. Рождественская, А. С. Сравнительный анализ популяций полевок в зонах с разной степенью загрязнения : автореф. дис. канд. биол. наук : 03.00.08 / Рождественская Анна Сергеевна ; АН БССР, Ин-т зоологии. – Минск, 1985. – 25 с.
5. Зенина, И. М. Мелкие млекопитающие трансформированных территорий Центрального Полесья / И. М. Зенина // Фауна в антропогенном середовище. – Луганськ, 2006. – Вып. 8. – С. 165–174.
6. Зенина, И. М. Динамика численности мелких млекопитающих в условиях мелиорации Центрального Полесья / И. М. Зенина // Биологические ритмы : материалы науч.-практ. конф., Брест, 26–28 апр. 1999 г. / ГНП «Беловежская пуща» ; редкол.: В. Е. Гайдук [и др.]. – Брест, 1999. – С. 92–94.
7. Зенина, И. М. К фауне микромаммалий Полесья / И. М. Зенина // Проблемы фауны Полесья и сопредельных территорий : сб. тр. УНПО «Фауна Полесья». – Гомель, 1997. – Вып. 2. – С. 44–50.
8. Анализ размерной структуры ассоциации мелких грызунов в лесных комплексах северной части Беларуси / И. А. Соловей, В. Е. Сидорович, А. А. Сидорович [и др.] // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя біялагічных науку. – 2007. – № 2. – С. 101–106.
9. Ландшафтно-биотопические различия в экологической емкости трансзональных лесных комплексов для сообщества мелких млекопитающих и хищников – их потребителей / И. А. Соловей, В. Е. Сидорович, А. А. Сидорович [и др.] // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя біялагічных науку. – 2003. – № 2. – С. 92–99.
10. Соловей, И. А. Ландшафтно-биотопические различия и сезонно-межгодовая динамика ассоциации мелких грызунов в хвойно-мелколиственных комплексах Белорусского Поозерья : автореф. дис. канд. биол. наук : 03.00.08 / Соловей Ирина Александровна ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т зоологии. – Минск, 2005. – 21 с.
11. Саварин, А. А. Об обитании *Sylvaemus uralensis* (Pallas, 1811) на юго-востоке Беларуси и проблеме ее видовой диагностики / А. А. Саварин // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2011. – № 4 (67). – С. 176–182.
12. Каштальян, А. П. Из истории антропогенного воздействия на природные экосистемы Березинского биосферного заповедника (до организации и на начальном этапе его существования) / А. П. Каштальян, М. В. Кудин // Экспедиционные исследования: история, современность, перспективы. Третья международные чтения памяти Н. М. Пржевальского : материалы конф. – Смоленск, 2012. – С. 10–16.
13. Кучерук, В. В. Новое в методике количественного учета вредных грызунов и землероек / В. В. Кучерук // Организация и методы учета птиц и вредных грызунов : сб. ст. / АН СССР, Ин-т географии ; отв. ред.: А. Н. Формазов, Ю. А. Исаков. – М., 1963. – С. 159–183.
14. Емельянова, Л. Е. Принципы и основные этапы создания карты населения мелких млекопитающих СССР / Л. Е. Емельянова // Общая и региональная териогеография : сб. науч. тр. / отв. ред. тома проф. А. Г. Воронов. – М., 1988. – С. 310–342.

15. Оценка плотности популяций видов рода *Microtus* долинных экосистем Беларуси / Е. И. Машков, Е. С. Гайдученко, И. А. Крищук, И. А. Соловей // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя В, Прыродазнаўчыя науки. – 2019. – № 1. – С. 96–109.
16. Михолап, О. Н. Изменение численностирыжей и обыкновенной полевок под влиянием мелиорации низинного болота / О. Н. Михолап, В. В. Михайловская // Итоги исследований по международной биологической программе в Белорусской ССР : материалы Объединенной сессии Отделения биологических наук АН БССР и Белорусского республиканского комитета по МБП / Акад. наук БССР ; гл. ред. И. А. Булыгин. – Минск, 1974. – С. 18–20.
17. Манохина, Н. В. Хромосомный набор и таксономическое положение обыкновенной полевки Белоруссии / Н. В. Манохина, В. Ф. Терехович // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна. Серыя 2, Хімія. Біялогія. Геаграфія. – 1979. – № 3. – С. 67–68.
18. Машков, Е. И. Генетическое разнообразие восточноевропейской полевки (*Microtus rossiaemeridionalis*) в Беларуси / Е. И. Машков, Е. С. Гайдученко // Молекулярная и прикладная генетика : сб. науч. тр. / Ин-т генетики и цитологии НАН Беларуси. – Минск, 2022. – Т. 33. – С. 119–128.
19. Видовой состав и плотность ассоциаций микромаммалей луговых экосистем бассейнов крупных рек Беларуси / Е. И. Машков, Е. С. Гайдученко, И. А. Крищук, И. И. Лукина // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя 5, Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2022. – Т. 12, № 1. – С. 108–125.
20. Савицкий, Б. П. Млекопитающие Беларуси / Б. П. Савицкий, С. В. Кучмель, Л. Д. Бурко. – Минск : Беларус. навука, 2005. – 319 с.
21. Каштальян, А. П. Материалы по видовому составу и географическому распространению землероек Беларуси / А. П. Каштальян // Биология насекомоядных млекопитающих : тез. докл. междунар. конф., Кемерово, 25–28 окт. 1999 г. / Кемеров. гос. ун-т ; редкол.: В. Н. Большаков [и др.]. – Кемерово, 1999. – С. 50–53. – Кемерово, 1999. – С. 50–53.
22. Саварин, А. А. Кутора малая (*Neomys anomalus*) в Беларуси: возвращение из небытия / А. А. Саварин. – Минск : Ин-т зоологии НАН Беларуси, 2019. – 27 с.
23. Саварин, А. А. О находке белозубки малой (*Crocidura suaveolens*) на территории Могилевской области Беларуси / А. А. Саварин // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. Серия: Естественные науки. – 2020. – № 6 (123). – С. 163–164.
24. Новые данные о распространении и биологии редких видов семейства землеройковых (Soricidae, Mammalia) в Беларуси / В. В. Гричик, А. В. Балаш, А. В. Рак, А. М. Спрингер // Журнал Белорусского государственного университета. Биология. – 2020. – № 2. – С. 58–65.

Поступила в редакцию 31.03.2025

E-mail: mashkov.evgenii25@gmail.com;
ikryshchuk@yandex.by

E. I. Mashkov, I. A. Kryshchuk

SPECIES DIVERSITY AND HABITAT PREFERENCES OF SMALL MAMMALS IN NATURAL ECOSYSTEMS OF BELARUS

Based on ecological and faunistic studies of natural ecosystems in three zoogeographic regions of Belarus, an analysis of species diversity and habitat preferences of small mammals from the orders Rodentia and Insectivora is presented. During the study period, 22 185 trap-nights were utilized, resulting in the capture of 2 433 individuals representing 16 species of small mammals. The dominant species in open habitats were the common shrew (*Sorex araneus*), common vole (*Microtus arvalis*), and striped field mouse (*Apodemus agrarius*), while in forest ecosystems, the bank vole (*Myodes glareolus*) and yellow-necked mouse (*Apodemus flavicollis*) prevailed. Among the less-studied species recorded were the East European vole (*Microtus rossiaemeridionalis*), field vole (*Microtus agrestis*), northern birch mouse (*Sicista betulina*), and Eurasian water shrew (*Neomys anomalus*).

Keywords: small mammals, rodents, insectivores, natural ecosystems, Republic of Belarus.

УДК 595.752.2:575.174.015.3

О. В. Синчук¹, М. М. Воробьёва², А. П. Колбас³, А. Д. Кохно⁴

¹Научный сотрудник лаборатории наземных беспозвоночных животных, НПЦ НАН Беларуси по биоресурсам, г. Минск, Республика Беларусь

²Кандидат биологических наук, доцент, доцент кафедры биотехнологии, УО «Полесский государственный университет», г. Пинск, Республика Беларусь

³Кандидат биологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории биогеохимии, Полесский аграрно-экологический институт НАН Беларуси, г. Брест, Республика Беларусь; докторант Института природопользования НАН Беларуси, г. Минск, Республика Беларусь

⁴Студентка факультета географии и геоинформатики, Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь

ОСОБЕННОСТИ БИОЛОГИИ, ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРОСТРАНЕНИЕ И ПОЛИМОРФИЗМ ВАРИАБЕЛЬНЫХ МТ-ГАПЛОТИПОВ СОІ *ADALIA BIPUNCTATA* (LINNAEUS, 1758) НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ

Двухточечная коровка (*Adalia bipunctata* (Linnaeus, 1758) относится к фоновым видам кокцинелид на территории Беларуси. В статье представлено морфологическое описание личинок, куколок и имаго, указаны преобладающие морфотипы, среди которых большинство относится к *f. typica*, *f. quadrifasciata*, *f. sexpustulata*. Остальные меланисты, *f. lunigera*, *f. sublunata*, *f. annulata*, представлены единичными экземплярами. Имаго и личинки *A. bipunctata* трофически специализированы к питанию дендрофильными тлями. Отмечается конкуренция за пищевые ресурсы с инвазивным видом коровок *Harmotia axyridis* (Pallas, 1773), а также питание личинок и имаго *H. axyridis* личинками, куколками и даже свежеотродившимся имаго *A. bipunctata*. В работе проанализирован фрагмент COI mtДНК, включающий полную последовательность контрольного региона, у 124 особей *A. bipunctata* из разных регионов. Было выявлено 77 вариабельных сайтов, из них 59 информативных. Образцы из Беларуси имели уникальные замены в 2 позициях. Всего выявлены 45 гаплотипов, 18 из них – впервые. В выборке из Беларуси выявлено 4 гаплотипа, 2 из них – уникальны.

Ключевые слова: *Coccinellidae*, биогеография, биоразнообразие, фенетические формы, генетический полиморфизм.

Введение

Семейство Coccinellidae Latreille, 1807 (Insecta: Coleoptera) на территории Беларуси представлено 64 видами [1]. Наиболее богато в видовом отношении население кокцинелид садов, имеющее большое сходство с таковым лиственных лесов и парковых насаждений. В их числе следующие виды: *Chilocorus bipustulatus* (Linnaeus, 1758), *Chilocorus renipustulatus* (Scriba, 1791), *Stethorus pusillus* (Herbst, 1797), *Scymnus ferrugatus* (Moll, 1785), *Adalia bipunctata* (Linnaeus, 1758), *Adalia decempunctata* (Linnaeus, 1758), *Coccinella quinquepunctata* Linnaeus, 1758, *Coccinella septempunctata* Linnaeus, 1758, *Oenopia conglobata* (Linnaeus, 1758), *Calvia quatuordecimpunctata* (Linnaeus, 1758), *Propylaea quatuordecimpunctata* (Linnaeus, 1758), *Myzia oblongoguttata* (Linnaeus, 1758), *Anatis ocellata* (Linnaeus, 1758). Последние два вида – обычные обитатели хвойных лесов, но в Беларуси встречаются также и в садах [2].

Род *Adalia* Mulsant, 1846 представлен в фауне Беларуси 3 видами: *A. bipunctata*, *A. decempunctata* и *A. conglomerata* (Linnaeus, 1758) [1]. Первый наиболее часто регистрируется в древесных насаждениях [3; 4]. Данный вид морфологически полиморfen: во всех популяциях обнаруживаются формы с преимущественно красной или черной окраской надкрылий, на красном фоне обычно два округлых черных пятна, на черном – 2–4–6 красных пятен. На севере и на юге регистрируются особи с многочисленными темными пятнами на красном или розовом фоне, их часто ошибочно причисляют к близкому виду – *A. decempunctata* либо присваивают самостоятельный статус. Результаты молекулярно-генетического анализа позволили заключить, что формы с многочисленными пятнами следует рассматривать как *A. bipunctata* [5].

На сегодняшний день в литературе представлено недостаточно сведений об особенностях биологии *A. bipunctata*, распространении вида на территории Беларуси, а также полиморфизме вариабельных мт-гаплотипов СОІ, в связи с чем данный объект имеет важное научно-теоретическое значение.

Цель работы – описать морфы имаго *A. bipunctata*, отмеченные на территории Беларуси, рассмотреть некоторые особенности биологии данного вида, представить карту регистраций *A. bipunctata* на территории Беларуси, оценить представленность в BOLD нуклеотидных последовательностей COI и полиморфизм вариабельных mt-гаплотипов COI.

Методы и методология исследования

Материалом для исследования послужили данные GBIF [6], коллекционные материалы и наблюдения О. В. Синчука за 2013–2024 гг., данные из научных публикаций, некоторые коллекционные материалы фондов лаборатории систематики насекомых Зоологического института РАН и Зоологического музея Вильнюсского университета. Идентификацию видов кокцинеллид [7; 8; 9] и связанных с ними тлей [10; 11] осуществляли с использованием специализированных ключей. Описание меланистов (форм) выполняли согласно обзора «A Natural History of Ladybird Beetles» [12]. Работа с коллекционным материалом проводилась в соответствии с классическими подходами [13]. Использовались следующие стереомикроскопы: МБС-9, Optec SZ780, Zeiss Stemi 2000. Фотографии кокцинеллид выполнены с использованием камер мобильных устройств Xiaomi Redmi 9 и Realme C33 со съемным объективом Raynox DCR-250. Формы (морфы) коровок, личинка и куколка зарисованы с использованием свободного программного обеспечения Krita ver. 5.2.6. Данные аккумулировались и структурировались с использованием стандартных табличных редакторов. Для построения карт использованы среда RStudio [14] и Inkscape ver. 1.4.

Оценка представленности нуклеотидных последовательностей COI проведена на основе данных международной базы нуклеотидных последовательностей – BOLD [15]. Оценку полиморфизма вариабельных mt-гаплотипов COI проводили в программе MEGA 11, предварительно выполнив выравнивание средствами Clustal W. Для выявления гаплотипов использовали программу DNA sp. Для построения дендрограммы были использованы последовательности анализируемой области mtДНК из базы нуклеотидных последовательностей BOLD. Дерево построено на основе алгоритма программы MEGA 11 методом присоединения ближайших соседей с использованием параметрической модели Kimura 2.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам проведенных исследований подготовлено описание личинок, куколок и имаго по сборам с территории Беларуси.

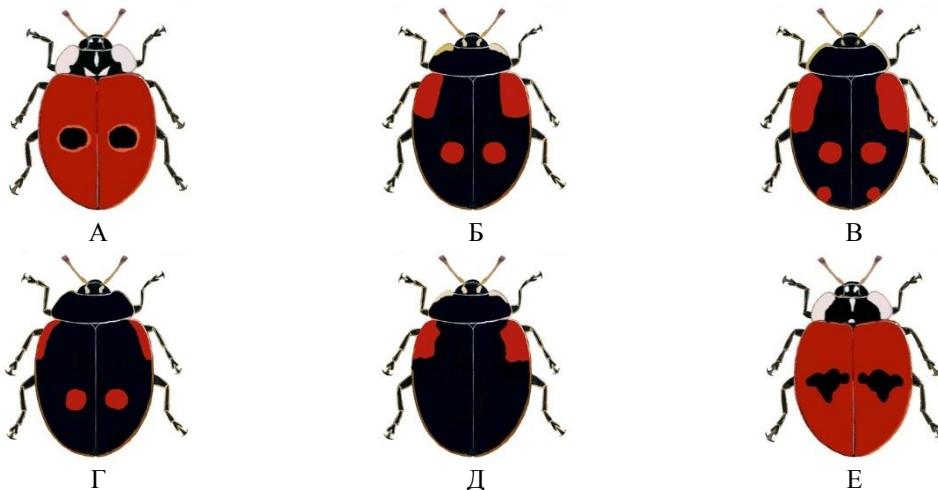
Имаго имеют продолговато-ovalную форму тела (рисунок 1). Окраска вариабельна. Переднеспинка белая, обычно с М-образным пятном посередине, иногда с 5 бурыми или черными пятнами. Эллитры красные или рыжие, каждое надкрылье имеет одно белое или черное расплывчатое пятно (*f. annulata*) или черную точку посередине (*f. typica*). Точка может быть небольшой, окружённой белой каймой. Иногда точка увеличена в размерах, вытянута в ширину или сливается с появившимся у бокового края пятном (*f. annulata*). Также регистрируются особи с черной переднеспинкой или с узкой белой полосой по бокам и впереди. Иногда могут отмечаться 2 или 4 небольших белых пятна впереди переднеспинки. Эллитры имеют черный цвет с красными большими четырехугольными плечевыми пятнами и округлыми пятнами, расположенными посередине надкрыльй близ шва и у их вершины. Число пятен различно, чаще всего 2 (*f. quadrimaculata*) или 4 (*f. sexpustulata*). Имеются особи, у которых плечевые пятна могут быть сильно сужены (*f. lunigera*), иногда даже иметь лунообразной форму. У некоторых меланистов могут присутствовать только плечевые пятна (*f. sublunata*). Брюшко черное, лишь по краям иногда светлое. У самцов основание 5-го стернита с небольшой вырезкой. Ноги рыжие или черные. Длина тела – 3,5–5,5 мм.

Особи, относимые к *f. typica*, в исследуемых популяциях составляют более чем 70 %. Доля особей, принадлежащих к основным «черным» формам (*f. quadrimaculata*, *f. sexpustulata*), может достигать до 30 %. Другие меланисты – *f. lunigera*, *f. sublunata*, *f. Annulata* – представлены единичными экземплярами.

Кроме того, зарегистрированы следующие гетерогенные формы меланистов, которые возникли в результате гибридизации: *f. lunigera* x *f. sexpustulata*, *f. quadrimaculata* x *f. impunctata*, *f. sexpustulata* x *f. impunctata*, *f. annulata* x *f. duodecimpustulata*. В Беларуси не выявлены *f. impunctata*, *f. duodecimpustulata*, но интересно присутствие соответствующих аллелей у гетерогенных форм.

Имаго – с марта в активном состоянии, зимующие в щелях построек особи могут регистрироваться и ранее. Самки размещают по 5–25 яиц (всего самки за одну генерацию откладывают до нескольких сотен яиц) кладками, чаще – на нижней стороне листьев, иногда – на других частях растений в конце апреля – начале мая. Индивидуальное развитие первого поколения проходит

в следующие сроки: выход личинок из яиц – через 4–7 суток, развитие личинок – 17–20 суток, стадия куколки проходит 4–5 суток. Второе поколение может развиваться гораздо быстрее. На территории Беларуси отмечено развитие двух поколений в год, изредка может формироваться третье поколение (при достаточной кормовой базе и благоприятных погодных условиях).

А – f. *typica*; Б – f. *quadrivittata*; В – f. *sexpustulata*; Г – f. *lunigera*; Д – f. *sublunata*; Е – f. *annulata*
**Рисунок 1 – Морфи (формы) двухточечной коровки (*Adalia bipunctata* (Linnaeus, 1758)),
отмеченные на территории Беларуси (фото О. В. Синчук)**

Голова личинки желтая, только ее бока черные. Тергиты груди серые, с черными щитками (рисунок 2). Теригиты брюшка светло-черные с маленьким белым пятном посередине почти всех сегментов. Параколии DL1 и D4, а также пространство между ними оранжевого цвета. Данный признак выражен очень хорошо и служит основным признаком для идентификации личинок. Остальные параколии D и DL черного цвета. Параколии L1 и L4 желтые, на других сегментах беловатые, с серой или черной вершиной. С нижней (центральной) стороны личинка *A. bipunctata* серовато-желтого цвета, посередине стернитов груди имеются оранжевые пятна. Ноги полностью черные. Длина личинок последних возрастов – 5,0–8,9 мм.

А – на листовой пластинке *Cornus* sp.; Б – схематический рисунок
Рисунок 2 – Личинки двухточечной коровки (*Adalia bipunctata* (Linnaeus, 1758)) (фото О. В. Синчук)

Тело куколки расширено посередине (рисунок 3). Окраска сильно варьирует. Переднеспинка желтая, светло-коричневая или черная, с желтыми пятнами. Цвет надкрылий может меняться от желтого, через светло-коричневый, до тёмно-коричневого, с желтыми пятнами. Первые брюшные сегменты розовые или желтые, с перламутровым оттенком. Срединные пятна на четвертом и пятом

брюшных сегментах продолговатые и самые крупные. Наличник и верхняя губа куколки шестиугольной формы. Боковые выросты брюшных сегментов с округло-треугольными наружными краями. Длина куколок – 5,0–5,5 мм [16].

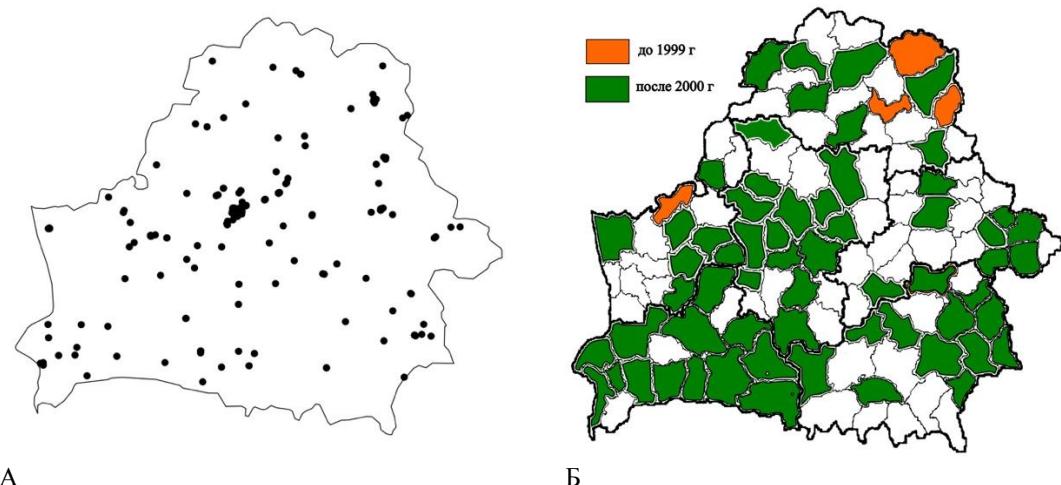

А

Б

А – на листовой пластинке *Prunus cerasifera*; Б – схематический рисунок
Рисунок 3 – Куколки двухточечной коровки (*Adalia bipunctata* (Linnaeus, 1758)) (фото О. В. Синчук)

На территории Беларуси двухточечная коровка – один из наиболее массовых представителей семейства Coccinellidae. По обработанной биогеографической информации данный вид кокциниллид относится к фоновым для территории Беларуси. Двухточечная коровка отмечается во всех 6 административных областях (6 геоботанических округах) [1], 4 агроклиматических областях и 62 административных районах республики (рисунок 4 а, б). В ближайшие годы карта регистраций, несомненно, будет дополнена.

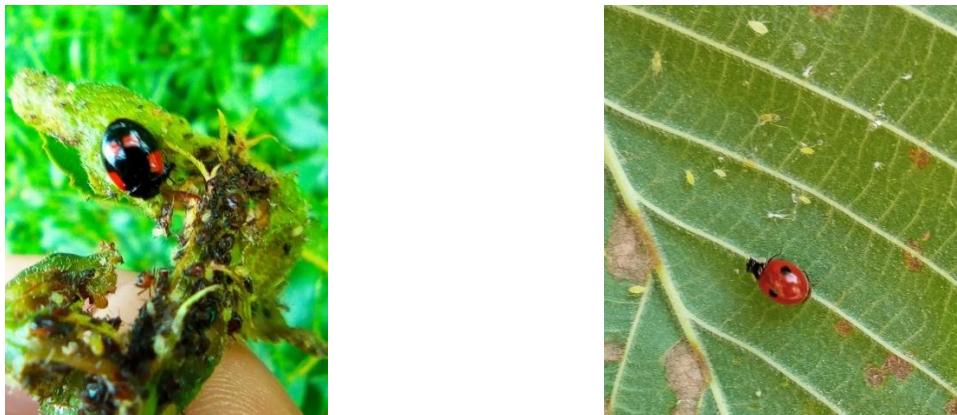

А – карта с точками регистрации; Б – карта регистрации вида по административным районам
Рисунок 4 – Распространение двухточечной коровки (*Adalia bipunctata* (Linnaeus, 1758))
на территории Беларусь (фото О. В. Синчук)

Встречается во всех биотопах при условии произрастания древесных растений и присутствия кормовой базы – дендрофильных тлей [4]. В условиях Беларуси нами отмечено питание личинок и имаго *A. bipunctata* следующими видами тлей: *Aphis pomi* de Geer, 1773, *Aphis spiraecola* Patch, 1914, *Aphis fabae* Scopoli, 1763, *Aphis gossypii* Glover, 1877, *Cryptomyzus ribis* Linnaeus, 1758, *Aphis craccivora* Koch, 1854, *Hyadaphis tataricae* Aizenberg, 1935, *Brachycaudus divaricatae* Shaposhnikov, 1956, *Panaphis*

juglandis (Goeze, 1778), *Chromaphis juglandicola* (Kaltenbach, 1843), *Eucallipterus tiliae* (Linnaeus, 1758), *Appendiseta robiniae* (Gillette, 1907), *Theroaphis tenera* (Aizenberg, 1956), *Anoecia corni* (Fabricius, 1775), *Schizolachnus pineti* F., *Hyalopterus pruni* (Geoffroy, 1762), *Phorodon humuli* (Schrank, 1801), *Cinara* spp., *Cavariella* spp., *Tinocallis* spp. и многими другими.

В течение вегетативного сезона у *A. bipunctata* может наблюдаться смена биотопов. Весной и в начале лета в агроценозах (садах) отмечается питание двухточечной коровки чаще всего на *A. pomi*, *C. ribis*, *H. pruni*, также может наблюдаться в колониях и агрегациях на черемухе, вязах, караганах и свидинах (рисунок 5). На травянистых растениях двухточечные коровки в период развития первой генерации встречаются очень редко. Со второй половины лета численность тлей в садах уменьшается, и коровки обнаруживаются на травянистых и древесных растениях в других биотопах, включая посевы злаковых культур.

А – на колониях *Brachycaudus divaricatae* на альче; Б – на листовой пластинке вяза шершавого в агрегации тлей рода *Tinocallis*

Рисунок 5 – Имаго двухточечной коровки (*Adalia bipunctata* (Linnaeus, 1758)) с кормовыми объектами
(фото О. В. Синчука)

Исходя из достаточно высокой плотности популяций двухточечной коровки, можно рассматривать данных кокцинеллид в качестве агентов биологического метода контроля численности грудохоботных насекомых в условиях садовых и декоративных зеленых насаждений. Важным является контроль популяций как инвазивных, так и чужеродных видов дендрофильных тлей.

В последние десятилетия произошла инвазия на территорию Беларуси азиатской божьей коровки (*Harmonia axyridis*) [17], которая выступает конкурентом за пищевые ресурсы. Более того, отмечено питание этих коровок яйцами, личинками и куколками *A. bipunctata*, что имеет следствием вытеснение аборигенного вида и снижение численности его популяций.

На время подготовки настоящей работы в BOLD было депонировано 183 нуклеотидных последовательности COI особей рассматриваемого вида коровок из разных регионов мира (таблица 1).

Таблица 1 – Оценка представленности в BOLD нуклеотидных последовательностей COI особей *Adalia bipunctata* из разных регионов мира

Страна-коллектор	Число последовательностей	ID образца
Канада	69	BIOUG00676-A11, 10PCCOL-0681, CNC COLEO 00154037, CNC COLEO 00154039, BIOUG06167-E01, BIOUG16790-B02, BIOUG16843-F03, BIOUG16879-F07, BIOUG16992-E11, BIOUG03602-E04, CHU06-COL1-442, CHU06-COL1-443, CHU06-COL1-445, CHU06-COL1-449, CHU06-COL1-574, CHU06-COL1-575, CHU06-COL1-773, CHU06-COL1-576.1, CHU06-COL1-577.1, CHU-MXC-041, 10PROBE-20751, 10PROBE-20761, CNC 312371, BIOUG21978-F08, BIOUG21978-F09, BIOUG22030-H07, BIOUG22020-A03, BIOUG22020-A04, BIOUG22020-A05, BIOUG22020-A06.

Продолжение таблицы 1

Для коллектированных на территории Беларуси особей *A. bipunctata* определены четыре нуклеотидные последовательности гена COI, имеющие следующие коды доступа в BOLD: GMBMA025-17, GMBMA026-17, GMBMK020-17, GMBML022-17.

Для оценки полиморфизма вариабельных mt-гаплотипов COI в настоящем исследовании использовали 124 нуклеотидные последовательности из Канады [BBCCM563-10, BBCCN776-10, CNCCF1939-12, CNCCF1942-12, CNIVB1123-14, CNIVF059-14, CNWLD926-12, CNGRH471-13,

CNIVA646-14, CNIVH166-14, HMCOC161-07, HMCOC163-07, HMCOC167-07, HMCOC293-07, HMCOC491-07, HMCOC638-09, HMCOC639-09, HMCOC640-09, JSCOC099-09, LVCOC034-10, LVCOC044-10, MPCAN1684-18, SMTPL8606-15, SMTPL8607-15, SMTPM424-15, SMTPM3579-15, SMTPM423-15, SMTPM425-15, SMTPM426-15, SMTPM429-15, SMTPM431-15, SMTPM432-15, SMTPM433-15, SMTPM435-15, SMTPM436-15, SMTPM437-15, SMTPM438-15, SMTPM439-15, SMTPM440-15, SMTPM441-15, SMTPM442-15, SMTPM443-15, SMTPM465-15, SMTPM444-15, SMTPM5189-15, SMTPM6080-15, SMTPM6081-15, SMTPM6082-15, SMTPM913-15, SMTPO7646-15, SMTPO7797-15, SMTPP2619-15, SMTPP2828-15, SMTPP2830-15, SMTPP3439-15, SMTPR5932-16, SSEIA4530-13, TTCFW556-08, TWCOL575-10, SMTPM427-15, YBIVV3107-23, YDBB2532-21, YDBB517-21], Турции [CGAEC027-09], Ирана [FBCOK761-13, FBCOK789-13, FBCOK795-13, FBCOK800-13, FBCOK801-13, FBCOK803-13, FBCOK804-13, FBCOK810-13, FBCOK813-13, FBCOK817-13, FBCOK821-13, FBCOK835-13, FBCOK851-13, FBCOK854-13], Финляндии [COLFE1380-13, COLFE416-12, COLFF981-13, COLFH1004-15, COLFH670-15, COLFH671-15], Великобритании [DTNHM9619-23], Германии [FBCOB308-10, FBCOB309-10, FBCOF1082-12, FBCOF195-12, FBCOJ143-12, FBCOK155-13, FBCOK845-13, FBCOK834-13, FBCOK855-13, GBCOB175-12, GBCOB495-12, GBCOC787-12, GBCOC883-12, GBCOG220-13, GBCOU4532-14, GBCOU4544-14, GCOL1519-16, GCOL7043-16, GCOL8045-16], России [GBCL0919-06], Китая [GBMIN13490-13], Узбекистана [GBMIN26584-13], Италии [GBMIX1798-15, GCOL6511-16], Японии [GBMNC62524-20, GBCL0921-06], Норвегии [GMNWI3884-14, NOCLP414-16, NOCLP415-16], Беларуси [GMBMA025-17, GMBMA026-17, GMBMK020-17, GMBML022-17], Франции [LPRCC556-20], США [UAMIC2384-14, UAMIC2430-14, USCOC456-10] и Польши [GBCL33274-19, GBCL33275-19]. Длина анализируемого фрагмента гена COI составила 591 п. н. (анализируемый регион – с 46 по 637 п. н. гена COI).

После множественного выравнивания полученных последовательностей выявлено 77 вариабельных сайтов в позициях 49A↔G, 50T↔C, 61A↔T, 67T↔C, 73A↔G, 79A↔G, 85A↔T↔C↔G, 94A↔T, 95C↔T, 118A↔G, 119C↔T, 124C↔T↔A, 133C↔T, 136A↔G, 137C↔T, 142C↔T, 151C↔T, 157T↔C, 169C↔T, 172A↔T, 214C↔A↔T, 226A↔G, 241A↔G, 242C↔T, 250G↔T↔A, 251C↔T, 262A↔G, 265A↔G, 274A↔G, 280C↔T, 283A↔G, 310A↔G, 316C↔T, 323C↔T, 328C↔T, 329C↔A, 331T↔A↔G, 332T↔C, 340C↔T, 347A↔G, 358A↔G, 361A↔G, 373A↔G, 379A↔G, 382A↔T, 385C↔T, 388A↔C↔T, 391T↔C, 403T↔C, 404A↔C, 406A↔T, 415T↔C, 418A↔G, 421T↔C, 436A↔G, 446T↔C, 451A↔T, 457T↔C, 478G↔A, 493C↔T, 511G↔A, 514A↔T, 520G↔A↔T, 523G↔A↔T, 529C↔T, 530C↔T, 532A↔T, 580A↔T, 586A↔T, 589A↔G, 592A↔T, 595A↔G, 598A↔G, 601A↔C, 623T↔C, 634T↔C, 637T↔A, из них 59 информативных. Образцы из Беларуси имели уникальные замены в позициях 265G↔A и 331G↔T. Среди исследованных последовательностей выделено 45 гаплотипов, 18 – впервые. Распределение гаплотипов по выборкам представлено в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение mt-гаплотипов COI у особей из разных регионов

Регион	Гаплотипы	Количество
Канада	Hap_1	5
	Hap_2	10
	Hap_3	1
	Hap_4	1
	Hap_5	3
	Hap_6	1
	Hap_7	1
	Hap_9	1
	Hap_12	1
	Hap_13	1
	Hap_14	1
	Hap_23	3
	Hap_27	1
	Hap_28	1
	Hap_29	1
	Hap_31	1

Продолжение таблицы 2

	Hap_32	2
	Hap_33	16
	Hap_34	1
	Hap_35	1
	Hap_36	1
	Hap_37	1
	Hap_38	1
	Hap_39	2
	Hap_40	1
	Hap_41	1
	Hap_42	1
	Hap_45	1
Германия	Hap_4	1
	Hap_7	2
	Hap_8	3
	Hap_9	7
	Hap_11	4
	Hap_16	1
	Hap_18	1
	Hap_4	1
Финляндия	Hap_7	1
	Hap_8	1
	Hap_9	2
	Hap_10	1
	Hap_7	1
Великобритания	Hap_8	1
Япония	Hap_9	1
	Hap_8	1
Беларусь	Hap_8	1
	Hap_9	1
	Hap_20	1
	Hap_21	1
Иран	Hap_9	14
Италия	Hap_9	1
	Hap_19	1
Норвегия	Hap_9	1
	Hap_22	1
Узбекистан	Hap_11	1
Россия	Hap_15	1
Китай	Hap_17	1
США	Hap_23	2
	Hap_39	1
Франция	Hap_27	1
Норвегия	Hap_30	1
Польша	Hap_43	1
	Hap_44	1

Гаплотип, обозначенный нами Hap_9, выявлен в большинстве выборок, в том числе и в выборке из Беларуси. Всего в выборке из Беларуси выявлено 4 гаплотипа, среди которых 2 гаплотипа схожи с выборками из Германии (Hap_8, Hap_9), Финляндии (Hap_8, Hap_9), Японии (Hap_8, Hap_9), Ирана (Hap_9), Италии (Hap_9), Норвегии (Hap_9), а 2 гаплотипа (Hap_20 и Hap_21) уникальны для выборки из Беларуси (рисунок 6).

Филогенетическое дерево отражает гаплотипы анализируемой области mtДНК COI у особей *A. bipunctata*, коллектированных из разных регионов. На основе проведенного анализа можно заключить, что гаплотипы у особей из Беларуси происходят от линии *A. bipunctata* из Европы и/или Канады, что хорошо корреспондирует с литературными данными, свидетельствующими о проис-

хождении и распространение *A. bipunctata* на территории Беларуси. Однако для более точного понимания картины проникновения и расселения *A. bipunctata* на территории Беларуси необходимо более полное исследование выборок из всех областей Беларуси и города Минска.

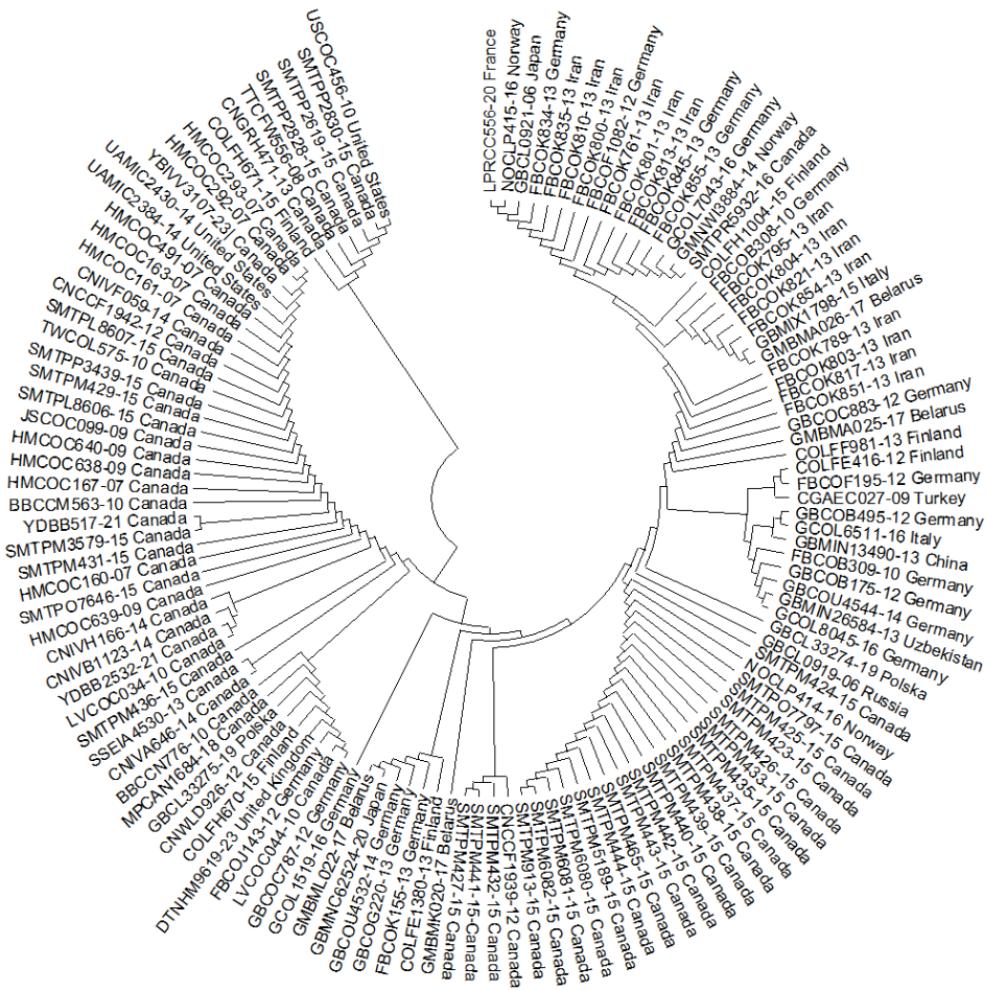

Рисунок 6 – Филогенетическое дерево гаплотипов анализируемой области мтДНК COI у особей *A. bipunctata* из разных регионов

Заключение

В результате выполнения исследований по сборам с территории Беларуси приведено описание личинок, куколок и имаго *A. bipunctata*. Указаны фенетические формы (морфы) имаго двухточечной коровки, встречающиеся на территории страны. Рассмотрено современное географическое распространение модельного вида кокцинеллид, имеющиеся данные указывают на то, что он относится к фоновым. Тем не менее географическое распространение двухточечной коровки, как и других видов кокцинеллид, изучено недостаточно и требует дальнейшего уточнения. Рассмотрена трофическая специализация *A. bipunctata*, которая относится к числу дендрофильных афидофагов.

На сегодняшний день в BOLD депонировано 183 нуклеотидные последовательности COI особей *A. bipunctata* из Канады, Турции, Великобритании, Финляндии, Германии, Японии, Беларуси, Ирана, Италии, Норвегии, Узбекистана, России, Китая, США, Франции, Норвегии и Польши. Для оценки полиморфизма вариабельных mt-гаплотипов COI использовали 124 нуклеотидные последовательности из разных регионов. После множественного выравнивания полученных последовательностей выявлено 77 вариабельных сайтов, из них 59 информативных. Образцы из Беларуси имели уникальные замены в позициях 265G↔A и 331G↔T.

Всего выявлено 45 гаплотипов, 18 – впервые. В выборке из Беларуси выявлено 4 гаплотипа, среди которых 2 гаплотипа схожи с выборками из Германии (Нар_8, Нар_9), Финляндии (Нар_8, Нар_9), Японии (Нар_8, Нар_9), Ирана (Нар_9), Италии (Нар_9), Норвегии (Нар_9), а 2 гаплотипа (Нар_20 и Нар_21) уникальны для выборки из Беларуси. На основе проведенного анализа все гаплотипы особей из Беларуси происходят от линии *A. bipunctata* из Европы и/или Канады, что хорошо корреспондирует с литературными данными, свидетельствующими о происхождении и распространение *A. bipunctata* на территории Беларуси.

Благодарности

Авторы выражают благодарность заместителю директора по научной работе Зоологического Института Российской академии наук, доктору биологических наук С. Ю. Синеву и доктору (PhD) А. Поденасу за предоставленную возможность изучения коллекционных материалов по кокцинеллидам Беларуси. Также благодарим заведующего кафедрой зоологии биологического факультета Белорусского государственного университета, доктора биологических наук, профессора С. В. Бугу за консультации в идентификации тлей, а также за рекомендации и советы по улучшению текста данной научной публикации.

Исследования частично поддержаны грантом БРФФИ-БРЕСТ №Х24Б-005 «Комплексное исследование садовых агротехнических систем Брестского региона с целью повышения качества и экологичности продукции при переходе к органическому земледелию» (№ ГР 20241063 от 03.06.2024 г.).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. The Check-List of Belarus Coleoptera / O. Aleksandrowicz [et al.] – Słupsk : Uniwersytet Pomorski w Słupsku, 2023. – 190 p.
2. Семьянов, В. П. Кокцинеллиды агроценозов Белоруссии / В. П. Семьянов // Биологический метод защиты растений : тез. докл. науч.-произв. конф., г. Минск, 10–11 окт. 1984 г. – Минск, 1984. – С. 69–71.
3. Буга, С. В. Энтомофаги серой свидинно-злаковой тли на первичных растениях хозяевах / С. В. Буга // Биологический метод защиты растений : тез. докл. науч.-произв. конф., г. Минск, 18–19 апр. 1990 г. – Минск, 1990. – С. 73–74.
4. Буга, С. В. Обзор фауны кокцинеллид (Coleoptera: Coccinellidae) Белоруссии / С. В. Буга, Е. С. Шалапенок // Фауна и экология жесткокрылых Белоруссии. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – С. 111–121.
5. Захаров, И. А. Молекулярно-генетическое изучение географических форм жуков *Adalia bipunctata* и *A. frigida* / И. А. Захаров, Е. В. Шайкевич // Экологическая генетика. – 2014. – Т. XII, № 3. – С. 52–59.
6. GBIF.org [database]. – [Copenhagen], 2001–2025. – URL: <https://doi.org/10.15468/dl.6anbv8> (date of access: 04.01.2025).
7. Савойская, Г. И. Личинки кокцинеллид (Coleoptera, Coccinellidae) фауна СССР. – Л. : Наука, 1983. – 244 с. – (Определители по фауне СССР. Вып. 137).
8. Nedvěd, O. Ladybird Beetles of Central Europe / O. Nedvěd. – Prague : Academia, 2015. – 304 p. – (Zoological Keys. Vol. 4).
9. A multi-access identification key based on colour patterns in ladybirds (Coleoptera, Coccinellidae) / S. Jouveau, M. Delaunay, R. Vignes-Lebbe, R. Nattier // ZooKeys. – 2018. – Vol. 758. – P. 55–73. DOI: 10.3897/zookeys.758.22171.
10. Blackman, R. L. Aphids on the World's Trees: An Identification and Information Guide / R. L. Blackman, V. F. Eastop. – Wallingford : CAB International, 1994. – 987 p.
11. Ellis, W. N. Plant parasites of Europe: leafminers, galls and fungi [site] / W. N. Ellis. – [Amsterdam], 2001–2025. – URL: <https://bladmineerders.nl> (date of access: 07.01.2025).
12. Majerus, M.E.N. A natural history of ladybird beetles / M.E.N. Majerus / Eds. H. E. Roy, P. M. J. Brown. – New York : Cambridge University Press, 2016. – 397 p.
13. Голуб, В. Б. Коллекции насекомых: сбор, обработка и хранение материала / В. Б. Голуб, М. Н. Цуриков, А. А. Прокин. – М. : Товарищество научных изданий КМК, 2012. – 339 с.
14. Синчук, О. В. Карттирование распространения инвазивных видов животных фауны Беларуси средствами RSTUDIO / О. В. Синчук, С. В. Буга // Международный конгресс по информатике:

информационные системы и технологии = International Congress on Computer Science: Information Systems and Technologies : материалы междунар. науч. конгресса, Республика Беларусь, Минск, 24–27 окт. 2016 г. / редкол.: С. В. Абламейко (гл. ред.), В. В. Казаченок (зам. гл. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 185–188. – URL: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/159795/1/%d0%a1%d0%b8%d0%bd%d1%87%d1%83%d0%ba_%d0%91%d1%83%d0%b3%d0%b0.pdf (дата обращения: 07.01.2025).

15. BOLD Systems v3 [database] – [Guelph], 2014–2025. – URL: <https://v3.boldsystems.org> (date of access: 07.01.2025).

16. Савойская, Г. И. Тлёвые коровки / Г. И. Савойская. – М. : Агропромиздат, 1991. – 78 с. – (Библиотечка по защите растений).

17. The harlequin ladybird, *Harmonia axyridis*: global perspectives on invasion history and ecology / H. E. Roy, P. M. J. Brown, T. Adriaens [et al.] // Biological Invasions. – 2016. – Vol. 18. – P. 997–1044. – DOI: 10.1007/s10530-016-1077-6.

Поступила в редакцию 03.02.2025

E-mail: aleh.sinchuk@gmail.com; masch.89@mail.ru;
kolbas77@mail.ru

A. V. Sinchuk, M. M. Varabyova, A. P. Kolbas, A. D. Kohno

FEATURES OF BIOLOGY, GEOGRAPHICAL DISTRIBUTION AND POLYMORPHISM
OF VARIABLE HAPLOTYPES OF THE MTDNA COI OF *ADALIA BIPUNCTATA*
(LINNAEUS, 1758) IN BELARUS

The two-spotted lady beetle (*Adalia bipunctata* (Linnaeus, 1758) is classified as a background species of coccinellids in Belarus. This article presents a morphological description of larvae, pupae, and imagos, indicating the predominant morphotypes, the majority of which belong to f. *typica*, f. *quadrivittata*, and f. *sexpunctata*. The remaining melanistic forms, f. *lunigera*, f. *sublunata*, and f. *annulata*, are represented by single specimens. The imagos and larvae of *A. bipunctata* are trophically specialized for feeding on dendrophilous aphids. Competition for food resources with the invasive ladybird species *Harmonia axyridis* (Pallas, 1773) has been observed, as well as the predation of *A. bipunctata* larvae and imagos by *H. axyridis* larvae, pupae, and even freshly emerged imagos. The study analyzes a fragment of the COI mitochondrial DNA, including the complete sequence of the control region, from 124 *A. bipunctata* individuals collected from various regions. A total of 77 variable sites have been identified, of which 59 are informative. Samples from Belarus exhibited unique substitutions at 2 positions. In total, 45 haplotypes have been identified, 18 of which for the first time. Four haplotypes have been found in the Belarusian sample, two of which are unique.

Keywords: *Coccinellidae*, biogeography, biodiversity, phenetic forms, genetic polymorphism.

ПЕДАГАГИЧНЫЯ НАВУКИ

УДК 373.24

H. Nassar

PhD Student of the Department of Pedagogy, Mozyr State Pedagogical University

Named after I. P. Shamyakin, Mozyr, the Republic of Belarus

Scientific adviser: Chekina Alena Valentinovna, Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor

**THE MODELLING OF SECONDARY SCHOOL STUDENTS' LANGUAGE COMPETENCE
DEVELOPMENT THROUGH GAMIFICATION OF THE EDUCATIONAL PROCESS
(ON THE EXAMPLE OF THE ARABIC LANGUAGE)**

This article addresses the problem of secondary school students' language competence development through gamification. The existing education-oriented gamification models that can be used for solving various educational goals have been described and analyzed, constituting the basis for the author to design the Arabic language teaching gamification model aimed at shaping students' language proficiency and enhancing learning motivation. The application of the model requires following the basic principles: narrative structure, adventure stages, game elements (tasks, points and rewards, cooperative challenges, tokens and collectibles).

Keywords: language competence, secondary school students, the Arabic language, gamification.

Introduction

The school system plays a crucial role in the moral development of children and in fostering solidarity among individuals in a multicultural country, such as Israel. One potential approach to advancing the education system in this regard is to focus on studying the indigenous language, history, and culture. This includes both preserving and expanding opportunities for communication in the native language. It is necessary to find a realistic solution to the issue of enhancing students' motivation to learn their original language by utilizing the strategies and techniques that enable them to efficiently tackle this challenge. Utilizing gamification can effectively resolve this issue.

Gamification refers to the integration of game features into tasks that are not traditionally associated with games, such as education or training [1]. Contemporary proponents of gamification base their arguments on the examination of an individual's motivation and the inputs that influence their behavior. The person's motivation is driven by 8 needs: the need for self-importance, the need for success, the need to develop creativity, the need for possession and a sense of control, the need for public influence and social connections, the need to meet arising impatience, the need for engagement and satisfaction of curiosity, and the desire to avoid losses [2]. The concept is that individuals can fulfil these demands during the educational process if educators effectively incorporate gaming mechanics into instruction.

Nevertheless, a comprehensive investigation into the integration of gamification in the instruction of the local language at secondary schools is yet to be conducted. There is a limited number of publications that specifically address the use of gamification components in school instruction. From the information provided, it appears essential to summarize the current research data in this area, provide theoretical justification, expand upon, and experimentally confirm a model for the enhancement of Arabic language skills in Israeli secondary school students using gamification in the educational process.

Research methods and methodology

The purpose of the article is to present a structural model of secondary school students' language competence development through gamification (on the example of the Arabic language). Following the research purpose, firstly, we used the method of literature analyses alongside the generalization method in order to show some fundamentals for our own modelling. Secondly, we applied the method of modelling to build the holistic process of secondary school students' language competence development through gamification.

Research results and discussion

To start with, it makes sense to mention existing models of gamification usage for solving various educational issues.

The first model is the *ARCS Model*, created by John Keller in 1980s, which is a problem-solving methodology employed in instructional design to enhance student motivation. This learning model is

developed based on the expectancy value theory which contains two components; the value of the goal to be achieved and expectancy to successfully achieve that goal. Those two components were developed by Keller into four components. As a result, the acronym ARCS represents the four key components of the model: Attention, Relevance, Confidence, and Satisfaction [3; 4].

According to Keller, the game dynamic "surprise" refers to an unexpected event or its failure [3]. Gaming mechanics like pop-up quizzes and surprise messages can add surprise to learning. Keller says "inquiry arousal" drives curiosity, which leads to positive emotions and a desire to learn, be recognized, and take risks" [4]. Scenario-based problem-solving, thought-provoking questions and quizzes can include the "curiosity" game mechanism into games.

Another model, the "*ARCS+G Model*" is an expansion of the ARCS model developed by John Keller. It includes an additional element called "Generating Interest". This addition recognizes the significance of fostering learners' inquisitiveness and enthusiasm towards the educational content. The main objective is to stimulate learners' interest and innate drive to delve deeper into the learning content. Designers use components like narrative, thought-provoking inquiries, and interactive exercises to captivate learners' attention and foster more profound involvement [5].

The third model is *ARCS-V model* that has been enhanced based on the original ARCS model [6]. The ARCS-V model places specific emphasis on measures to enhance student motivation, particularly through the inclusion of a new factor called volition. The term "volition" refers to the acts and attitudes that determine one's commitment to persistently pursue a goal. The purpose of the volition factor is to aid teachers in fostering and maintaining learners' motivation and volition. It focuses on the intrinsic motivation and self-control required for learners to establish objectives, make decisions, and persevere in their learning endeavors despite obstacles.

In the next case worth mentioning, Nakajima et. al enhanced the ARCS model by introducing an additional factor called Assistance and Tools (AT). In the *ARCS+AT model*, university faculty members are regarded as "learners" who make use of e-learning [7]. The university supports them in terms of motivation by employing a checklist and tools provided by the model. The primary objective of the ARCS+AT model is to offer a systematic approach for addressing challenges related to the implementation of e-learning in universities [8].

There are other models, such as the *ELM model*, the *Vogue model*, the *ABC behavior model*, the *Octalysis framework*, and the *MDE framework* [9]. Some of them are not specifically designed for gamification but can be effectively applied to play design. For example, the Fogg model of behavior is not specifically designed for gamification, but it points out that for behavior to occur, three elements must converge simultaneously: motivation, ability, and motivators. Maximizing engagement and fostering meaningful interactions within gamified systems can be achieved by taking into account users' goals, creating activities that correspond with their skill level, and strategically placing triggers [10].

In Israel, there are some issues regarding the Arabic language and the unique circumstances resulting from the political and national conflicts between Arabs and non-Arabs. Those issues can appear in any country that uses more than one state or official language. The Arab community does not always use Arabic in business environments, with the exception of small local institutions that rely on the language. Although Arabic is the primary language of communication locally among the Arab minority in Israel, it is not the language of formal education, and other government sectors reduce its role and limit it to informal use. In general, the Arabic language in Israel has not yet gained its due compared to the Hebrew language, which dominates in most sectors. This situation has brought some problems and challenges to language teaching and acquisition for the Arab community in Israel, specifically school students, who may not be able to adapt to this complex situation. This leads us to address the problems of teaching the Arabic language in Israel. The Arabic language is characterized by linguistic duality, i.e., the presence of two forms of the language, formal and informal. However, Arab schools in Israel use an Arabic language that is neither formal nor informal. It is a mixture of the two, as school teachers usually speak different dialects, which are a mixture of Arabic words and informal Hebrew or English words in the classroom. The blended language of instruction may vary depending on the subject and books.

Moreover, Arab students in Arab schools in Israel have difficulty using the official language. This is due to the fact that formal language is not commonly used in school. In addition to the country's general image and marginalized status, the official language is absent. All of these factors made the student feel isolated, bored, and lacking motivation towards the Arabic language and culture. All of these reasons prompted us to build a gamification model for teaching Arabic to develop students' competence in this language and enhance motivation to learn.

The model we offer includes some elements of Keller's model and Octalysis framework with the addition of the element of identity (the existing ego), in order to fill the gaps in teaching the Arabic language and developing language competencies among seventh grade students. We have called our model "Journey

model” (Table 1). “Journey” refers to the intended destination of a traveler, involving relocation to another place. It is commonly associated with going out for a walk or recreational purposes. The definitions unanimously concur on the act of transitioning from one location or stage to another, which aligns with our paradigm. Travel is a process of acquiring experiences and making attempts, which is reflected in our model of experiences and stages of transition.

Table 1 – The model of secondary school students' language competence development through gamification of the educational process (on the example of the Arabic language)

Objectives	
1. Developing Arabic language competencies. 2. Strengthening cultural identity through the educational journey. 3. Motivating students through friendly interaction and competition.	
Stages	Contents
1. Preparatory Stage	Examination Analysis Setting goals Design
2. Initiation Stage	Schedule Excitement Activation Actual experience
3. Exploration Stage	Execution Boosting objectives Observation
4. Application Stage	Implement challenges and puzzles Increase social interaction Enhancing cooperation
5. Consolidation Stage	Enhance a sense of accomplishment Strategic progress
6. Reflection and Evaluation Stage	Examination Analysis Evaluation

In tables 2–7 we are planning to describe teacher's and students' activities undertaken at each stage mentioned above.

Table 2 – Preparatory Stage description

Contents	Teacher's activity	Students' activity
Examination	Teachers provide an examination to assess the level of competence in the Arabic language among students, and a questionnaire to assess students' motivation in learning the language.	Students undergo a competence examination and fill out a questionnaire.
Analysis	Teacher analyzes test and questionnaire results according to the planned criteria to determine the competence standards that need improvement. The teacher shares the results with students.	Students discuss the results with the teacher in innovative ways to build a deeper and more comprehensive picture of the results and competencies. Students can use visual analysis tools such as “visual brainstorming” where they draw mind maps or visual concept maps, highlighting the relationships between the strengths and weaknesses in the results. This can be done on paper or using digital interactive tools such as “Classroom”.
Setting goals	Based on the results, the teacher expresses the learning objectives clearly and neatly.	Students create visual boards that contain pictures, drawings, or statements that represent their learning goals in an imaginative way. Students set individual goals based on the strengths they want to enhance or the weaknesses they want to improve, based on the previous analysis phase

Table 2 (cont'd)

Design	The teacher sets a vision to achieve the goals, fill the gaps, and raise the educational level based on the results she collected; chooses the activities and learning tools with students. The teacher collects and prepares the necessary educational materials and technological resources.	Students begin with a brainstorming session led by the teacher where they brainstorm activities and tools that can be used to overcome set challenges. Students participate in identifying gamification methods by suggesting games they would like to learn from.
--------	---	--

Table 3 – Initiation Stage description

Contents	Teacher's activity	Students' activity
Schedule	The teacher coordinates the stages and steps with the school system, vacations, and special programs, and arranges the tests.	Students get ready to use the educational game that was chosen in the previous discussion stage, to ensure their readiness to engage in the learning process through practical application. They choose the device on which they want to download the game.
Activation	The teacher asks the students to download the game, explains the method, and asks to follow the requirements to register and to enter the game. The teacher prepares a written user guide for the game with all the details about the game.	Downloading the application. Setting up a personal account. Security Setup. Game Login.
Excitement	The excitement of the students comes through showing the game in front of them to provide the students with information related to the trip, clarifying the communication between them and reminding them of the goals. As a first experience in showing the game, the teacher participates with the students in the trip, shows and explains the steps to solve the challenges.	By giving their opinions, highlighting their technical problems to avoid them with other students, students can also choose a personal image that represents them in the game in addition to reading the basic instructions, students should browse the user guide or instructions included with the game to learn how to play, the basic rules, and how to win or advance in the stages.
Actual experience	The teacher recommends that the students start the game officially. From this moment on, this stage is considered an important turning point in the students' educational experience, as the students move from the previous preparation stage to the stage of starting effectively.	In contrast, students begin their educational journey, and there is a set of activities and tasks that they must perform to ensure their full interaction with the game and achieve the educational goals. They enter the atmosphere of the game and interact with the educational content.

Table 4 – Exploration Stage description

Contents	Teacher's activity	Students' activity
Execution	1.Guiding students towards independence: At this stage, the teacher encourages students to explore the game freely and use their skills to solve challenges without relying entirely on guidance. This opportunity allows students to develop independence and critical thinking skills. 2.Promoting the spirit of curiosity: The game includes elements that encourage students to explore and search, pushing them to search for answers within the game. 3.Guiding exploration: The teacher can provide general guidelines without giving direct answers, which makes students manage their own exploration process with a sense of challenge.	Independence: Students explore the game independently, without relying directly on the teacher. They try to solve challenges using their prior knowledge and acquired skills. They make decisions individually or in groups based on their understanding of the situation in the game. 2. Curiosity: They curiously search for unknown or hidden elements in the game, such as clues, keys, or solutions. They try out new tools or techniques to see how effective they are. 3. Exploration: They manage their own progress in the game and determine the steps they need to take based on general guidelines provided by the teacher; use analysis to solve tasks gradually, focusing on more difficult tasks strategically; continuously review and evaluate their progress to ensure they are on track; collaborate with peers or interact individually based on need to direct their behavior toward goals.

Table 4 (cont'd)

Boosting objectives	Supervising the implementation of activities. Encouraging students by urging them to enter and solve tasks. Providing ongoing feedback.	Students actively adapt to feedback, listening carefully to and using prompts and motivational cues to improve their strategies and performance as they face challenges. Students feel a sense of continuous progress as they pass each level.
Observation	Providing assistance to students when needed.	Students share difficulties, challenges, or technological problems with the teacher, and turn to the teacher when needed.

Table 5 – Application Stage description

Contents	Teacher's activity	Students' activity
Enhancing cooperation among students	In the game, there is a window for group discussion. The teacher encourages students to think together and find collaborative solutions rather than individual solutions.	Students cooperate with each other in a way that benefits them: discussion, groups, extra time, meeting together. Students exchange ideas frequently and communicate effectively to ensure that everyone is informed. Solutions and problems are discussed in a spirit of cooperation and respect. Students learn from each other building on the skills and knowledge of their classmates, which helps them to develop their individual and collective skills.
Increase social interaction	The teacher provides help and support when needed, interacting through the leaderboard, motivating them by displaying who is progressing fastest in the journey, using the acquired skills and knowledge to solve challenges. The teacher can set aside some time at the end of the challenges or during certain stages of the game for students to exchange and discuss things away from the educational challenge, allowing for the development of more friendly social relationships.	Students work individually and collectively to solve challenges and puzzles. By discussing their experience of the game as both educational and entertaining and sharing personal experiences about what they learned or enjoyed, this enhances social relationships between them.
Implement challenges and puzzles	Teachers at this stage guide students toward strategic thinking, provide constructive feedback, promote adaptation to difficulties, and encourage flexibility in solutions. They also monitor students' progress and provide support when needed, with an emphasis on continuous motivation to continue challenges and develop their skills.	Students solve tasks in their journey. They notice that challenges gradually increase in difficulty as they progress through the game, and they adapt to this by developing their skills. They test new strategies to suit the increasing level of difficulty and learn how to face challenges in a more complex way.

Table 6 – Consolidation Stage description

Contents	Teacher's activity	Students' activity
Enhance a sense of accomplishment	Announcing students' achievements, the teacher celebrates students' achievements publicly in front of them by overcoming challenges. The teacher organizes a short session for students to reflect on what they have achieved, where students are encouraged to talk about the challenges they faced and how they overcame them, which enhances the sense of personal and collective achievement. The teacher provides positive and specific feedback about each student's performance, which helps them realize the areas in which they excelled and motivates them to put in more effort in the future.	After the teacher announces their achievements, students feel proud and express their happiness and appreciation for each other. In the joint session, they share their stories about the challenges they faced and how they overcame them, which enhances their awareness and ability to solve problems. They receive positive feedback and use it to develop their skills and think about how to improve their performance in future challenges. They exchange ideas about teamwork and plan to apply what they have learned to face future challenges with a positive spirit and increased confidence.

Table 6 (cont'd)

Strategic progress	Teachers at this stage guide students toward advanced thinking by presenting challenges of increasing complexity. They provide support when needed but leave space for students to make their own decisions. They demonstrate how challenges are time-bound, which motivates students to manage time effectively. Teachers encourage students to develop strategic plans that include long-term solutions and adapt to changing times. They also provide immediate feedback on students' strategies and encourage continuous improvement.	Students use established skills as a foundation for strategic thinking in the face of increasingly complex challenges. They build advanced strategies that involve long-term thinking and comprehensive planning, while considering the time allotted for each challenge. They learn how to make quick and effective decisions under time pressure. Additionally, they collaborate with peers to divide tasks and achieve common goals. Students review their performance after each challenge and adjust their strategies based on feedback from the teacher.
---------------------------	---	--

Table 7 – Reflection and Evaluation Stage description

Contents	Teacher's activity	Students' activity
Examination	At the end, teachers give a test to assess students' level of Arabic language competence and distribute a questionnaire to gauge their enthusiasm for learning Arabic.	Students undergo a competence examination and fill out a questionnaire.
Analysis	Teachers analyze the measurement results. Grants certificates of participation and appreciation to students who participated in the journey and completed the itinerary.	The student who participated in the journey receives a certificate of participation and appreciation.
Evaluation	Teachers conduct a comprehensive assessment of student performance at each stage of the journey (e.g., exploration, application, consolidation), to determine where performance was strong and where improvement is needed. By reviewing student performance across the different stages, teachers can identify common patterns, such as specific areas that were challenging for most students for future improvement.	-Students can also provide feedback to the teacher on which activities or stages they felt were most helpful to them and suggest improvements for the future.

The application of our Journey model requires following basic principles as these:

1. Narrative Structure.

The story is the backbone of the model. The students are the heroes who receive a message from the past, to discover their country, and begin an adventure to discover geographical areas of the country, when they complete the task related to each region, they get to know a character from the region who has a relationship with the region's heritage or folklore. At the end of all tasks, they receive a certificate that they have completed the lofty task: protecting the cultural and linguistic heritage of the Arabic language.

The story is divided into stages and missions representing different parts of the country.

2. Adventure Stages:

Each stage represents a location in the country (such as: Haifa, Nazareth, Ras Naqoura, etc.). Each site contains educational tasks that enhance specific Arabic language skills and provide information about the place.

3. Game Elements:

Tasks: Challenges to Arabic language competencies.

Points and Rewards: Students receive points, rewards, and tokens upon completing tasks.

Cooperative Challenges: Tasks that require cooperation between students, which enhances team spirit and teamwork.

Tokens and Collectibles: Items which students acquire represent their achievements and progress in the story.

Conclusion

To sum up, within the scope of this article, we examined the many gamification models that are currently in existence and presented them, along with the theories behind them. We provided an in-depth explanation of our own model called "Journey Model", discussing its significance, characteristics, and the necessity of its use.

Our model promotes interaction and participation among students, attracts their attention through an exciting story, and enhances their linguistic and cultural skills through interactive and motivating

tasks. In addition, this model is flexible and can be customized for any other academic subject (chemistry, biology, literature, etc.) or other cultural context through:

- Modifying the story: to fit the academic topic or cultural context;
- Changing tasks: to suit the skills to be enhanced;
- Using texts that are appropriate: to the cultural and educational context.

The students will establish their cultural and geographical identity by linking the linguistic legacy to specific locations. Places serve as reservoirs of cultural and linguistic memory because their names, physical characteristics, and everyday practices have significant meanings and values for the society inhabiting them. This model demonstrates the correlation between cultural and geographical identification with the Arabic language.

REFERENCES

1. Gamification is not working. Why? / J. Dah, N. Hussin, M. K. Zaini [et al.] // Games and Culture. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/15554120241228125> (date of access: 11.04.2024).
2. Kahraman, A. A qualitative research of young people's motivation to start, continue, reduce and quit playing online multiplayer games on computer / A. Kahraman, İ Kazançoglu, // International Journal of Human-Computer Interaction. – 2023. – № 39 (17). – P. 3289–3311.
3. Keller, J. M. How to integrate learner motivation planning into lesson planning: The ARCS model approach / J. M. Keller // ResearchGate. – URL: https://www.researchgate.net/publication/252687186_How_to_integrate_learner_motivation_planning_into_lesson_planning_The_ARCS_model_approach (date of access: 11.12.2024).
4. Keller, J. M. Motivational design for learning and performance: The ARCS model approach / J. M. Keller. – New York : Springer Science & Business Media, 1971. – 175 p.
5. Enhancement of the ARCS model for gamification of learning / W. M. A. F. W. Hamzah, N. H. Ali, M. Y. Mohd Saman [et al.] // i-USer : proc. of the 3rd Intern. Conf. on User Science and Engineering, Shah Alam, Malaysia, 02–05 Sep. 2014 / IEEE. – Shah Alam, 2014. – P. 287–291.
6. Keller, J. M. First principles of motivation to learn and e-learning / J. M. Keller // Distance Education. – 2008. – № 29(2). – P. 175–185.
7. The effectiveness of campus-wide e-learning supports designed by an extended ARCS model / K. Nakajima, H. Nakano, F. Ohmori, K. Suzuki // International Journal for Educational Media and Technology. – 2011. – № 5 (1). – P. 150–161.
8. Proposal for the Volition Subcategories of the ARCS-V Model / K. Nakajima, H. Nakano, A. Watanabe, K. Suzuki // International Journal for Educational Media and Technology. – 2013. – № 7 (1). – P. 159–169.
9. Prakash, D. Designing a comprehensive gamification model and pertinence in organisational context to achieve sustainability / D. Prakash, P. Manchanda // Cogent Business & Management. – 2021. – № 8 (1). – P. 196–231.
10. Maiti, M. Design and evaluation of a revised ARCS motivational model for online classes in higher education / M. Maiti // Heliyon. – 2023. – № 2 (12). – P. 15–23.

Поступила в редакцию 03.02.2025

E-mail: p.d.n.92@hotmail.com

Г. Нассар

МОДЕЛИРОВАНИЕ РАЗВИТИЯ ЯЗЫКОВОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ ШКОЛ ЧЕРЕЗ ГЕЙМИФИКАЦИЮ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА (НА ПРИМЕРЕ АРАБСКОГО ЯЗЫКА)

В данной статье рассматривается проблема развития языковой компетентности учащихся средней школы через геймификацию. Описаны и проанализированы существующие модели использования геймификации для решения различных образовательных задач, что составляет основу для создания авторской модели. Автор конструирует модель геймификации для обучения арабскому языку, чтобы развить у учащихся компетентность в данном языке и повысить их мотивацию к обучению. Применение модели требует соблюдения основных принципов: повествовательной структуры, наличия этапов и игровых элементов (задания, очки и вознаграждения, совместные задачи, токены и предметы коллекционирования).

Ключевые слова: языковая компетентность, учащиеся средней школы, арабский язык, геймификация.

УДК 373.24

K. Saadi

PhD Student of the Department of Pedagogy, Mozyr State Pedagogical University

Named after I. P. Shamyakin, Mozyr, the Republic of Belarus

Scientific adviser: Chekina Alena Valentinovna, Candidate of Science in Pedagogy, Associate Professor

THE IMPACT OF GADGET USE ON PRESCHOOL CHILDREN'S SPEECH COMPETENCE

The purpose of the article is to analyse and summarize the studies concerned with the problem of the impact of gadget use on preschoolers' speech competence. The undertaken literature analysis has shown that numerous studies examine the relationship between gadget use and child development. Their main findings demonstrate the link between excessive time spent on gadgets (screen time) by children under 6-years-old and their language delay. This article contributes to the area of research by interpreting the survey data obtained from preschool-aged children's parents living in Belarus and Israel, thus providing information about the parents' knowledge how to protect their children from the negative effects of excessive screen time.

Keywords: speech competence, preschool children, gadget use, screen time.

Introduction

The significance of language that humans use in communication cannot be overestimated. Communicative acts are performed mainly due to it. Spoken language is a means of contact or conversation between members of a society through which people express their thoughts, emotions, and aspirations. Any speech and language impairments can have a negative impact on communication, social engagement, and social acceptance. The American Speech and Hearing Association (ASHA) defines language as “a behavioral aspect governed by specific rules that involve the comprehension and/or utilization of spoken (i.e., listening and speaking), written (i.e., reading and writing), and/or other communication symbol systems (e.g., American Sign Language)” [1, p. 48]. However, spoken language acquisition can face significant impairments, especially among children.

To define a language disorder, we should mention its commonly agreed definition as “a condition impeding the comprehension and/or usage of spoken, written, or other symbolic systems” [2, p. 3]. This condition may indicate impairments within the structural components of language, including phonological processing, morphological formation, and syntactic organization, or it may reflect deficits in the conceptual aspects of language, particularly semantic representation. Furthermore, a language disorder can disrupt the functional dimensions of communication, most notably pragmatic competence, thereby hindering effective social interaction and discourse.

Lately, much attention has been drawn to the potential influence of technologies (gadgets) and the amount of time spent engaging with them. Their impact on speech and language development has been attributed to the crucial role of parent/child interactions in promoting speech stimulation and fostering fluency. In this context, the absence of adequate parent/child communication and interaction may lead to a delay in toddlers' ability to speak fluently and smoothly [2; 3].

Research methods and methodology

The purpose of the article is to analyse and summarize the studies addressing the problem of the impact of gadget use on preschool children's speech competence. The research purpose led us to a particular set of methods, among which were the method of literature analyses and the generalization method. We also applied a survey method based on a questionnaire to support the undertaken study with the empirical data. The used questionnaire was mixed and included open-ended and closed-ended questions. That allowed us to receive both: the qualitative and quantitative data. Descriptive statistics methods were employed for processing the collected data.

Research results and discussion

Technology is developing rapidly, transforming the way people live. It has become one of the important needs in human life today. This includes TVs, smartphones, tablets, laptops, etc., which are also referred to as gadgets. Various digital media technology has emerged showing different advanced features with all the excitement and temptation offered to clients. Gadgets or digital devices are considered one of the most commonly used communication tools nowadays. Moreover, gadgets have penetrated various elements of society and social groups, including children who get extremely vulnerable in such an environment. Thus, research into the impact of gadgets use on speech competence and language development in children becomes topical. The concept of “gadget use” is referred here to the time children spend watching something on a gadget.

The constant advancement in technologies influences people's lifestyle and quality of life considering the fact that technologies are of great importance "in terms of communication model to conduct routine activities" [4, p. 318]. The American Academy of Pediatrics advisory board fully confesses the health implications of excessive screen time being a result of uncontrolled usage of gadgets [5].

When it comes to technologies, American Academy of Pediatrics criticizes the use of gadgets (e.g., TVs and media) before the age of 2 years, explaining that by the unknown impact gadgets may have on the young developing brain [5]. Most of research findings have shown that the language and speech problems have great chances to appear, when children spend much time on gadgets.

We should mention the pieces of research that points to the connection between excessive screen time among preschool children and their language delays [6; 7]. This might happen because children's language development and vocabulary growth are directly related to the amount of time parents spend speaking to them.

Many research works have investigated the impact of gadget-based technologies on preschool children, identifying two main factors influencing speech and language development: the factor of time and the factor of content. Although the quantity of time that children spend engaging with gadgets tends to garner the most attention, it is essential to recognize that the nature of the content to which they are exposed also plays a crucial role in language development. According to T. M. Hudon, the quality of the programming may have a more significant impact on language development rather than the amount of time spent watching it [8, p. 248].

Several researchers have noticed a negative connection between increased gadget use and children's language development. Researchers have found out that the more time children spend on screen devices, the more likely they have delays in expressive speech. It was also mentioned that gadgets negatively affect communication [9, p. 178].

Table 1 shows different research findings on the effects of gadgets use on children's speech development. On the one hand, some studies highlight positive effects of utilizing screen gadgets, such as their suitability for supporting learning and language development, as well as modifying children's behavior. These tools can serve as supplementary aids, helping to improve language skills in structured environments. On the other hand, the majority of research emphasizes the negative consequences associated with excessive screen time. Those negative consequences include delayed speech, attention deficit, mental disorder, decreased concentration, poor emotional control, and health problems, etc. As it is seen from the majority of studies, gadgets have a negative effect on children development if their use is not properly and deliberately regulated. Even though there are some positive effects of gadget use on children's speech and language development, the negative effects of their overuse outweigh the benefits, necessitating careful and deliberate technology utilization in early childhood.

Table 1 – Effects of gadgets on preschool-aged children's speech competence

Authors	Impact	Findings
D. L. Linebarger, S. E. Vaala	negative / positive	The outcomes can be negative as well as positive, depending on various factors. Screen content that closely mirrors the real-world experiences of infants and toddlers is more likely to facilitate learning and language development [9, p. 180].
P. Nikken	negative / positive	The author warns against using digital devices as a passive distraction tool (e.g., to calm or occupy a child) without active parental engagement, as this may limit meaningful interaction and developmental benefits. However, screen media can serve as a valuable resource when parents leverage technology to introduce complex or unfamiliar topics beyond their own expertise. Devices can help structure routines in families with siblings of varying developmental needs, balancing differing demands [10, p. 532].
T. M. Hudon, C. T. Fennell, M. Hoftyzer	negative	For language development outcomes, the low educational value of media content appears to be a stronger negative determinant than the total duration of exposure [8, p. 248].
H. Duch, E. M. Fisher, I. Ensari, M. Font, A. Harrington, C. Taromino, C. Rodriguez	negative	Alarmingly, children exposed to two or more hours per day of child-focused television content were 6.25 times more likely to show significant language comprehension deficits compared to peers watching similar durations of adult-oriented programs [7, p. 3].
H. Byeon, S. Hong	negative	Korean toddlers aged two years who averaged over two hours of daily television exposure showed a significant association with delayed language development [2, p. 10].
I. Rahmayani	negative	Every additional 30 minutes of time used to play gadgets can increase the risk of late speaking up to 49 % [11].

Table 1 (cont'd)

D. R. Anderson, K. Subrahmanyam	negative	Background TV exposure, typically non-educational for young children, correlates with dual deficits: (1) inefficient attentional allocation and (2) diminished parent-child engagement – a key driver of early cognitive and linguistic advancement [12, p. 59]
S. Perdana, B. Medise, E. Purwaningsih,	negative	Language delays affect 5–8 % of Indonesian children, in part because excessive TV viewing robs them of the interactive exchanges crucial for early learning. Passive screen time cannot replace responsive human engagement – without it, language development suffers [13, p. 101].
J. Sundus	negative	Excessive digital device usage in early childhood poses severe developmental risks beyond just cognitive impacts. Research highlights multiple concerning consequences including: 1) visual impairment – increased risk of myopia and eye strain, 2) attention deficits - reduced focus and self-regulation capacity, 3) academic underperformance – poorer learning outcomes, 4) social skill delays - impaired emotional intelligence and peer interaction, 5) language acquisition deficits – slower vocabulary and communication development. These effects compound to create long-term disadvantages during critical developmental windows [14, p. 2].
M. Keumala, M. Yoestara, Z. Putri	negative	There are at least “three negative effects of gadget: speech delay, attention deficit and mental disorder” [15, p. 316].
D. N. Sari	negative	The negative effect is that unidirectional video exposure (e.g., dialogue-free animations or muted content) limits language acquisition by eliminating responsive interaction – a key mechanism for vocabulary growth and syntactic development in early childhood [16, p. 201].
R. Wahyuningtyas, R. Rochanah, T. S. Izatovna	negative	Unregulated gadget use poses serious developmental risks for children, with scientifically proven detrimental effects including: 1) impaired concentration – significantly reduced attention spans and focus ability, 2) emotional dysregulation – diminished impulse control and increased behavioral issues, 3) delayed speech development - slower language acquisition and communication skills, 4) physical health consequences – vision problems, sleep disturbances, and sedentary-related disorders. These cumulative effects can lead to long-term developmental setbacks during critical growth periods [17, p. 60].
N. F. Karani, J. Sher, M. Mophoshlo	negative	Early and excessive screen exposure significantly impairs language development, with research showing: 1) earlier age of first screen use correlates with greater language deficits, 2) longer daily screen time predicts poorer linguistic outcomes [18, p. 829].

For our research, we randomly selected 93 parents of preschool-aged children (5 to 6 years old) from Belarus and Israel (45 and 48 respectively). They were asked a few questions, but one of them was especially informative for this article: “How much time does your child spend on gadgets (smartphones, TVs, tablets, etc.) per day?”. The survey data are provided in Table 2.

Table 2 – Parents' answers to the question “How much time does your child spend on gadgets per day?”

State	Answers			
	less than 1 hour	1 to 2 hours	3 to 4 hours	5 hours and more
Belarus	35,6	53,3	8,9	2,2
Israel	37,5	47,9	10,4	4,2

As the data show, more than 10 % of children in each group (11,1 % and 14,4 % in Belarus and Israel respectively) spend 3 to 5 hours on gadgets of various types. Around half of the children in each group spend 1 to 2 hours on gadgets. The received results vastly exceed the recommended screen time for pre-schoolers, given the fact that for 5-year-old children their gadget use is allowed to last no longer than 1 hour, in accordance with the advice done by the World Health Organisation.

Another survey question for the same groups of parents was “Which ways could you list that might protect children from the negative effect of screen time use?” After interpreting, the received data are provided in Table 3.

Table 3 – Parents' answers to the question “Which ways could you list that might protect children from the negative effect of screen time use?”

State	Answers		
	no listed ways	1 to 2 listed ways	3 and more listed ways
Belarus	13,4	84,4	2,2
Israel	10,4	81,3	8,3

The data show that more than 10 % of parents in each group (13,4 % and 10,4 % in Belarus and Israel respectively) do not know any ways at all that can protect children from the negative effect of screen time use. The majority of parents can operate only 1 to two ways of protecting children from the negative effect of gadgets.

One more survey question for the same groups of parents was “How does your child behave when having a spare time without gadgets?” After interpreting, the received data are provided in Table 4.

Table 4 – Parents' answers to the question “How does your child behave when having a spare time without gadgets?”

State	Answers		
	Finds an occupation on his/her own	Complains about boredom and asks for switching the gadget on.	Behave aggressively and demands to switch the gadget on.
Belarus	11,1	55,6	33,3
Israel	12,5	58,3	29,2

The data point out that only 11,1 % and 12,5 % of surveyed children in Belarus and Israel respectively) are reported to be able to find occupations on their own during spare time without gadgets. The majority of children demonstrate unwanted behaviours in such situations.

All the survey data provided above require focused pedagogical and enlightening work with children and their parents.

Conclusion

The findings of numerous research works show mainly a negative correlation between excessive screen time and children's speech competence development. Most of scholars point out that the more time children spend on smart phones, tablets, electronic games, and other handheld devices, the more likely they experience delays in expressive speech. The negative effects of overusing screen gadgets include delayed speech, attention deficit, mental disorder, decreased concentration, poor emotional control, unacceptable impact on children's language development. According to our own survey data analysis, we can infer that the use of gadgets by preschool-aged children is undoubtedly excessive, and yet their parents in most cases do not have the appropriate repertoire of preventing strategies at their disposal. All these findings confirm that despite the existence of some positive effects associated with employing gadgets, the negative effects of their overuse significantly outweigh the benefits. The acknowledgement of the fact that speech and language development can be shackled by the use of gadgets necessitates taking further educational measures aimed to provide thoughtful and purposeful use of technology in early childhood.

REFERENCES

1. Kurniati, E. Perkembangan bahasa pada anak dalam psikologi serta implikasinya dalam pembelajaran / E. Kurniati // Jurnal Ilmiah Universitas Batanghari Jambi. – 2017. – № 17 (3). – P. 47–56.
2. Byeon, H. Relationship between television viewing and language delay in toddlers: Evidence from a Korea national cross-sectional survey / H. Byeon, S. Hong // PLoS One. – 2015. – Vol. 10, № 3. – P. 1–12.
3. Pempek, T. A. The effects of background television on the quantity and quality of child-directed speech by parents / T. A. Pempek, H. L. Kirkorian, D. R. Anderson // Journal of Children and Media. – 2014. – Vol. 8, № 3. – P. 211–222.
4. Chusna, P. A. Pengaruh media gadget pada perkembangan karakter anak / P. A. Chusna // Dinamika Penelitian: Media Komunikasi Penelitian Sosial Keagamaan. – 2017. – № 17 (2). – P. 315–330.
5. Roberts, K. Reaffirmation of AAP clinical practice guideline: the diagnosis and management of the initial urinary tract infection in febrile infants and young children 2–24 months of age / K. Roberts // Pediatrics. – 2016. – № 138 (6) – P. 138–142.

6. Chonchaiya, W. Television viewing associates with delayed language development / W. Chonchaiya, C. Pruksananonda // Acta Paediatrica. – 2008. – № 97 (7). – P. 977–82.
7. Screen time use in children under 3 years old: a systematic review of correlates / H. Duch, E. M. Fisher, I. Ensari, A. Harrington // International journal of behavioral nutrition and physical activity. – 2013. – № 10. – P. 1–10.
8. Hudon, T. M. Quality not quantity of television viewing is associated with bilingual toddlers' vocabulary scores / T. M. Hudon, C. T. Fennell, M. Hoftyzer // Infant Behavior and Development. – 2013. – № 36 (2). – P. 245–254.
9. Linebarger, D. L. Screen media and language development in infants and toddlers: An ecological perspective / D. L. Linebarger, S. E. Vaala // Developmental Review. – 2010. – № 30 (2). – P. 176–202.
10. Nikken, P. Parents' instrumental use of media in childrearing: Relationships with confidence in parenting, and health and conduct problems in children / P. Nikken // Journal of Child and Family Studies. – 2019. – № 28 (2). – P. 531–546.
11. Rahmayani, I. Indonesia Raksasa Teknologi Digital Asia / I. Rahmayani // Resmi Kementerian Komunikasi dan Informatika RI. – URL: https://kominfo.go.id:443/content/detail/6095/indonesiaraksasateknologi-digital-asia/0/sorotan_media (date of access: 24.12.2018).
12. Anderson, D. Digital screen media and cognitive development / D. Anderson, K. Subrahmanyam // Pediatrics. – 2017. – № 140. – P. 57–61.
13. Perdana, S. Duration of watching TV and child language development in young children / S. Perdana, B. E. Medise, E. H. Purwaningsih // Pediatr Indonesia. – 2017. – № 57 (2). – P. 99–103.
14. Sundus, M. The impact of using gadgets on children / M. Sundus // Journal of depression and anxiety. – 2018. – № 7 (1). – P. 1–3.
15. Keumala, M. The impacts of gadget and internet on the implementation of character education on early childhood / M. Keumala, M. Yoestara, Z. Putri // Roles of Parents in Shaping Children's Characters (ICECED) : proc. of the International Conference, Banda Aceh, 3–4 Dec, 2018. – Banda Aceh : Anjing Mon Mata, 2018. – P. 313–325.
16. Sari, D. N. An analysis of the impact of the use of gadget on children's language and social development / D. N. Sari // Early Childhood Education (ICECE-2019) : proc. of the International Conference, Amsterdam, 20 Sep, 2020. – Amsterdam : Atlantis Press, 2020. – P. 201–204.
17. Wahyuningtyas, R. Impacts of gadget on early childhood development: How to solve the addiction / R. Wahyuningtyas, R. Rochanah, S. I. Toyirova // Bulletin of Early Childhood. – 2022. – Vol. 1, № 1 – P. 58–67.
18. Karani, N. F. The influence of screen time on children's language development: A scoping review / N. F. Karani, J. Sher, M. Mophoshlo // South African Journal of Communication Disorders. – 2022. – № 69 (1). – P. 825–831.

Поступила в редакцию 03.02.2005

E-mail: k.m.86@hotmail.com

Х. Саади

ВЛИЯНИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГАДЖЕТОВ НА РЕЧЕВУЮ КОМПЕТЕНТНОСТЬ ДЕТЕЙ ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Цель статьи – проанализировать и обобщить исследования, посвященные проблеме влияния использования гаджетов на речевую компетентность у дошкольников. Анализ литературы показывает, что существует связь между увеличением количества времени, проведенного детьми в возрасте до 6 лет с гаджетами, и задержкой развития их речи. В статье приводятся данные опроса, проведенного автором с родителями детей дошкольного возраста, проживающими в Беларуси и Израиле. Как выяснилось, количество времени, фактически проводимого детьми у экранов гаджетов, значительно превышает рекомендованное для дошкольников экранное время. В статье также содержатся результаты опроса, касающиеся знаний родителей о способах защиты детей от негативного влияния экранного времени и о поведении ребенка в свободное время без гаджетов.

Ключевые слова: речевая компетентность, дошкольники, использование гаджетов, экранное время.

УДК 37.01; 94(37).07

Zhu Yifan

Postgraduate student of the Department of Pedagogy and Psychology
of Mozyr State Pedagogical University named after I. P. Shamyakin, Mozyr, Republic of Belarus
Scientific Adviser: Telepen Sergey Valer'evich, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

**SENECA'S INTERPRETATION OF THE ROLE OF THE FATHER IN SHAPING
THE PERSONALITY OF THE SON**

Based on the analysis of Seneca's works, the article examines the philosopher's attitude to family upbringing, its tasks and means. The paper presents the philosopher's reflections and conclusions on the methods used for influencing the child, on the one hand, and the role of the father in the development of a good citizen, on the other hand. The author infers that the philosopher's views on family education are mainly based on the search for solutions to the problems that arise when educating a worthy member of society, who is a harmonious person and has a high level of civic consciousness. In Seneca's view, the expected effect can only be achieved through the active role of the father as a consistent guardian of the traditions of strict upbringing.

Keywords: family education, personality, moral qualities, moral authority, philosophy, mentor, parenting.

Introduction

In the period of classical antiquity, the problem of raising a harmonious personality was the subject of reflection for the greatest minds. The Roman Stoics, in particular, believed that self-improvement is the most natural path to the improvement of a man and social relations. However, the opinions of ancient intellectuals were divided: some considered this path to be extremely difficult [1, p. 43], while others saw it as an unattainable goal in principle [2, p. 283]. These topics were discussed in the works on education written by the Roman thinker Lucius Annaeus Seneca the Younger, who lived in the 1st century AD. The pedagogical focus of his works has become the subject of deep academic analysis in recent decades [3, p. 52; 4, p. 32–33; 5, p. 242; 6, p. 37; 7, p. 137, 143; 8, p. 44]. Most often, scholars consider Seneca's views on continuous self-improvement as based on suppressing emotions and cultivating virtue to achieve peace of mind and a happy life [5, p. 241–262; 9, p. 76–78; 10, p. 216; 11, p. 146–147; 12, p. 51–52; 13, p. 28–31]. Much less often, the philosopher's views on family education, the relationship between children and parents are considered. At the same time, Seneca's clear awareness of the fundamental difference between raising children and pedagogical influence on adults is recognized [14, p. 73]. Scholars also note that Seneca had his own original pedagogical views [5, p. 247] and his own strategy in education [10, p. 112, 216; 13, p. 26–48; 15, p. 90–95]. The pedagogical ideas of this Roman thinker have not yet been fully studied, which determines the relevance of the topic of this article. A comprehensive examination of these ideas is needed for two main reasons. Firstly, it allows us to better understand the roots of modern pedagogical thought, and secondly, it arms us with a powerful philosophical toolkit for the further development of pedagogical thought in the direction of developing models for educating a harmonious personality.

Thus, the following article aims to shed light on Seneca's understanding of the role of the father as the educator of his son. In this study, this problem is considered in the context of Seneca's general pedagogical views, as well as his understanding of the tasks, principles and methods of family education.

Methodology and methods of research

In our study of the stated topic, we used historical and philological analysis of the text as a methodological basis, regarded as the most appropriate for analyzing theory of pedagogy. This type of analysis, mainly presented in philosophical opuses, meticulously examines the original texts for nuanced meanings and contextual understandings. It seems to us that it is the historical-philological approach that allows us to understand the ideas formulated by the philosopher in the context of the language of images and symbols of a given era. This involves careful consideration of the linguistic nuances, rhetorical strategies, and the broader intellectual currents influencing the philosopher's work. We draw heavily upon the established methods employed by scholars like Pierre Grimal, whose rigorous historical contextualization serves as a crucial model. However, our approach extends beyond simple emulation; we incorporate recent advancements in textual analysis, such as corpus linguistics, to quantitatively analyze recurring themes and patterns within the corpus of philosophical texts under investigation. This allows for a more robust and objective assessment of the

philosophers' pedagogical ideas compared to solely relying on qualitative interpretation. Furthermore, we integrate insights from cognitive history, recognizing that the very concepts of learning and teaching were understood differently across historical periods. By combining these methodologies, we aim to offer a more comprehensive and nuanced understanding of the evolution of pedagogical thought as reflected in the chosen philosophical works, moving beyond superficial interpretations to engage with the complexities of historical meaning-making.

Research results and discussion

Within Seneca's philosophical works, which include treatises, dialogues, and letters, the examination of familial relationships, especially interactions between parents and children, is conducted systematically using a psychological-pedagogical approach. The main focus of this analysis revolves around the relationship between parental behavior and the cognitive and emotional reactions provoked in the *educandus*, who is the object of the educational process. It is important to note that Seneca's discussion on raising children (*liberi*) is specifically limited to male adolescents aged between seven and sixteen. This limitation is rooted in the Roman understanding of developmental stages, where the conclusion of the *infantia* stage at seven years old marks the beginning of formal moral and intellectual education [16, p. 153]. From this moment on, the education of the future citizen was carried out by the father and teachers, both private and school, and not the mother and other older female relatives, as was the case in early childhood.

Seneca compares the education of children and the self-education of adults. The thinker notes that the first is much easier and more effective to implement if we compare it with attempts to correct the long-standing vices of an established nature (De ira. II. 18. 2) [17, p. 30]. This "ease", however, is conditional, because raising children is also associated with difficulties and, most importantly, can lead to disappointment (De ira. II. 21. 1–2; De benef. I. 1. 10) [17, p. 33; 18, p. 18]. The most important task, according to Seneca, here is to promote the development of natural positive qualities of the individual and not allow negative qualities to develop, which also have a natural character, as a kind of bestial component of human nature (De ira. II. 21. 1) [17, p. 33]. Speaking about the inevitable moral efforts in the implementation of effective education (De ira. II. 18. 2, 21. 2) [17, p. 30, 33], Seneca considers it one of the greatest goods (*beneficiorum maxima*) that a responsible parent and mentor can demonstrate (De benef. VI. 24. 2) [18, p. 152]. Taking into account the Roman tradition of *patria potestas* [16, p. 148–149; 19, p. 297–298; 20, p. 120–121; 20, 168–170], the philosopher writes that the Romans endowed parents with authority over their children so that they could guide them with the necessary severity, like consuls or praetors (De benef. III. 11. 1–3) [18, p. 65–66]. However, he also interprets the emotional connection between parents and children as a necessary resource for effective education. This is why Seneca writes that not loving one's parents is contrary to nature itself and is generally immoral (De benef. III. 1. 5; IV. 17. 1) [18, p. 59, 96].

According to Seneca, family ties, especially relationships with children or love for one's home, are more valuable to a person than one's own life (De benef. I. 11. 4) [18, p. 28]. Seneca notes that parents express their feelings (*adfectus*) to their children primarily through hugs and kisses. He emphasizes that the tender embrace (*amplexus*) of a parent holding a child in his or her arms differs from other expressions of feelings that nevertheless bind people who are not related by kinship. This kind of embrace is pure, immaculate (*sanctus*) and calm, restrained (*moderatus*) (Ep. LXXV. 3) [21, p. 236] an expression of selfless love and care.

This idea is important for understanding Seneca's views on family education, for the manifestations of parental love and care in mothers and fathers differ significantly. According to Seneca, a mother always strives to protect her children from any difficulties, even to the detriment of the tasks of raising a future citizen (De provid. 2. 5) [22, p. 5]. A father, on the other hand, shows his care by not allowing children to waste time on empty things even on holidays, accustoming them to systematic studies and overcoming all kinds of difficulties (De provid. 2. 5) [22, p. 5]. In some cases, Seneca even recognizes corporal punishment as a means of educational influence on sons, but emphasizes the inadmissibility of anger and cruelty that could be shown in this case (De ira. I. 6. 1, 3, 5) [17, p. 15]. Here it should be noted that in the aforementioned era, such punishments were generally accepted practice [16, p. 160, 169; 20, p. 252, 306–307].

In the matter of raising sons, Seneca prefers a paternal approach. The thinker emphasizes that even higher powers subject worthy people to trials, difficulties, and losses so that they gain true fortitude (De provid. 2. 6) [22, p. 5]. In his opinion, it is the strong spirit that is capable of appreciating and preserving happiness (*felicitas*), despite the vicissitudes of fate (*fortuna*) (De provid. 2. 6, 4. 12) [22, p. 5, 11]. In raising children, it is unacceptable to allow anything that could lead to the cultivation of irresponsibility in the person being educated and weakness of character (De ira. II. 21. 6) [17, p. 49]. The philosopher believes that only strict upbringing strengthens the spirit of a future citizen (De provid. 4. 12) [22, p. 11]. Seneca argues that courage is the psychological result of overcoming dangers. For a thinker, courage (*fortitudo*) is a positive personality quality. In this way, it differs from anger (*ira*), which speaks of weakness, imperfection of the nature that demonstrates it.

Seneca distinguishes between an angry (*iratus*) and an angry person (*iracundus*) (De ira. I. 4. 1) [17, p. 16]. He believes that the cause of anger is the inability to see a situation from different sides, bias, and bad manners in the sense of the ability to control one's emotions (De ira. II. 22. 2) [17, p. 50].

Children become capricious not only because of excessive softness of parents and teachers, but also when they are too zealous in praising the child. Envy also plays a negative role. Finally, the material wealth of the family, when it singles out the child from the crowd of peers, also plays a negative role. All these factors together can provoke outbursts of anger and aggression in a child (De ira. II. 21. 3, 5, 7, 25. 4) [17, p. 48–49, 51].

In his work *On Anger*, Seneca sets out methods of education aimed at preventing irascibility in children. He believes that these methods will help to avoid not only the development of anger as such, but also the negative personality traits associated with it, such as inflated self-esteem and arrogance. Seneca describes specific educational methods in detail, offering practical recommendations for parents or mentors seeking to raise balanced and modest children. The text of the treatise, therefore, is a guide to preventing the development of anger and its accompanying vices in childhood, focusing on preventive educational measures.

Seneca reflects on the importance of praise, considering it a more powerful incentive for the child or young person than the fear of punishment, since it strengthens self-confidence and inspires further achievements. However, when using rewards, adults must be circumspect and objective (De ira. II. 21. 3) [17, p. 48]. It is necessary to show moderation in approval, so that the pleasure of the recipient of praise does not turn into excessive triumph (*exultatio*), which can cause arrogance and exaggerated self-confidence (*tumor*) (De ira. II. 21. 3, 5) [17, p. 48]. Seneca recognizes the benefits of emotional upsurge, believing that moral strength brings internal pleasure (*gaudere laetarique*) (De ira. II. 6. 2) [17, p. 38]. In addition, it is necessary to approve, criticize or punish only in those cases when the actions of the child objectively require such a reaction (De ira. II. 21. 3, 5, 8) [17, p. 48–49].

The Roman philosopher characterized envy (*invidia*) as the most destructive feeling (De tranquill. 2. 10) [22, p. 116], placing it on a par with hatred, fear and arrogance, arguing that these feelings can push a person to unworthy actions (Ep. CV. 1) [21, p. 419]. To prevent a child from becoming envious of other children, for example those who are more successful in sports or studies, Seneca advised parents and teachers to help the child find friends and establish strong and positive relationships with them (De ira. II. 21. 5) [17, p. 48].

Seneca emphasized that in raising children it is unacceptable to humiliate them (*nihil humile, nihil servile*). It is unacceptable for them to beg for anything (*rogare suppliciter*). Ideally, parents and teachers should be sensitive enough to anticipate the needs of children and satisfy them without waiting for them to beg (De ira. II. 21. 4, 8) [17, p. 48, 49]. It is necessary to ignore the tears with which children achieve what they want, and to refuse requests, even if they are an only child or an orphan (*unicis... pupillisque*). This is necessary to prevent moral degradation (*corruption*) and to develop in children the ability to withstand life's difficulties, and not just to avoid anger (De ira. II. 21. 6) [17, p. 49].

Another important observation of the philosopher provides insights into a negative impact of excess luxury and material well-being on the formation of a child's character: a child can be taken over by arrogance. Poverty, in his opinion, is one of those phenomena, like grief, shame, suffering, illness, exile and death, the fear of which is not justified. The philosopher instructed his contemporaries not to become attached to material goods, maintaining equanimity and even some detachment in relation to them, and also to exercise moderation in consumption [23, p. 93, 96]. In matters of raising the younger generation, Seneca recommended ensuring that the child is aware of the family's wealth, but limiting his direct access to these resources (De ira. II. 21. 8) [17, p. 49]. The son's food should be simple, his clothing modest, and his way of life similar to that of his peers, so that he feels equality between himself and those around him (De ira. II. 21. 11) [17, p. 49].

The high social status and material well-being of the family, due to the success of the parents, can provoke flattery towards even the young members of the family, cultivating in them such negative qualities as anger and arrogance (De ira. II. 21. 7) [17, p. 49]. Seneca believed that children must be protected from developing these shortcomings (De ira. II. 21. 8) [17, p. 49].

Considering the interaction of adults with children, this thinker emphasizes that irritation and, especially, anger towards children are unacceptable. After all, the origins of children's misdeeds (*peccata*) lie in their characteristic age-related imprudence (*inprudentia*) (De ira. II. 26. 6; 30. 1) [17, p. 52, 55]. It is necessary to rebuke and apply punishments for the mistakes made by children without anger and resentment, being in this case like an impartial judge (De ira. II. 21. 8) [17, p. 49].

Seneca emphasizes the importance of the influence of adults on the formation of a child's personality, pointing out to his contemporaries that children tend to copy the behavior of those around them. He notes that in youth, the habits and manners of educators and wet nurses have a significant influence (De ira. II. 21. 9) [17, p. 49]. Seneca believes that this natural tendency to imitation, characteristic of childhood, should not only be taken into account, but also actively used for the development of the child in a positive direction. To do this,

it is necessary to provide the child with calm, responsible and prepared mentors (*De ira.* II. 21. 9) [17, p. 49]. At the same time, Seneca recommends avoiding negative influence and protecting the young person from bad examples (*Ep. CIV.* 21) [21, p. 416].

Despite the natural timidity that children may experience before the authority of parents or educators (*De ira.* II. 21. 8; *De benef.* VI. 24. 1) [17, p. 49; 18, p. 152], respect for them is much more important. Seneca believed that a son should not harbor a grudge against his father, taking into account the role that the latter played in the son's life. This role gives the educator the right to make mistakes, which, ultimately, may prove to be a blessing (*meritum*) (*De ira.* II. 30. 1) [17, p. 55]. In adult life, the duty of children is to help their parents, protect them from difficulties, increase the glory of their father's name with their achievements, and protect his good name (*De ira.* I. 12. 2; *De benef.* III. 32. 1–2, 38. 1) [17, p. 24; 18, p. 79, 84]. A worthy son, as it were, enters into competition with his father in the performance of good deeds, trying to surpass him in this, which, according to Seneca, should bring joy to both parties. The ideal son, in the philosopher's understanding, should ultimately have the right to compare his achievements with the achievements of a worthy father (*De ira.* III. 38. 2) [17, p. 92].

Conclusion

Seneca's reflections on the path to moral perfection, a path that, as he believed, every adult inevitably goes through, naturally led him to a profound study of the issues related to raising children. The philosopher was convinced that skillful parental influence on the process of nurturing a child's soul can prevent the development of many vices in the future, ensuring harmonious growing up. His views, based on the established Roman traditions of the 1st century AD, included axioms about the power of the father (*patria potestas*), the importance of paternal influence, and the sacred duty of children to show respect, obedience, and meekness towards their parents. Seneca did not deny the widespread practice of corporal punishment at that time, but his concept of education significantly exceeded simple adherence to traditions, offering a much deeper and more humanistic approach. The central element of Seneca's pedagogy was the prevention of children from explosive behavior, with anger as its major trigger. Anger, in his opinion, was the root of all vices and passions, a destructive force capable of distorting the entire subsequent life of a person. Therefore, the task of parents is to curb outbursts of anger from an early age and teach children to manage their emotions. In the relationship between parents and children, Seneca believed that natural innate love should reign, combined with restrained joy, an integral attribute of true virtue. This parental love should not be blind, but should be manifested in caring guidance aimed at preparing children for the difficulties and hardships of life, at the constant strengthening of virtues in them and an continuous self-improvement. The father in this case is viewed as the main educator of the son, demanding, fair and moderate in punishments but even more restrained in praise. Seneca emphasized the importance of personal example: the father should be a role model for the child, strictly monitoring his own life and striving for moral improvement. Thus, the educational process becomes an interaction, where children do not simply obey but learn by observing the actions of their parents. According to Seneca, children's love for their parents should not be blind obedience but manifested in obedience, respect, the ability to forgive insults, and the desire to meet the expectations of their parents. It is important to note that Seneca did not offer a mechanistic system of education, but rather described the path to harmony in the relationship between parents and children. His philosophy of education is focused on the holistic approach to shape a personality capable of self-control, moral self-improvement, and adaptation to the complexities of life. This is not just a set of rules, but a philosophical teaching that requires a deep understanding of human nature and constant self-improvement for both parents and children. Seneca emphasized the need for an individual approach that takes into account the characteristics of each child. His goal was not to break the child's will, but to direct it in the right direction, help him reveal his potential and achieve moral perfection. In this context, corporal punishment is not seen as the primary method, but as an extreme measure, applied with great caution and awareness of responsibility. The main emphasis is on love, patience and constant dialogue between parents and children. Therefore, Seneca's concept remains relevant to this day, offering profound and useful principles in the educational process.

REFERENCES

1. Груздева, М. Л. Без любви, без веры, без надежды: о мужестве быть в стоической этике и правосознании / М. Л. Груздева // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. – 2016. – № 4. – С. 40–43.
2. Lavery, G. B. Sons and Rulers: Paradox in Seneca's *De ira* / G. B. Lavery // L'Antiquité Classique. – 1987. – T. 56. – P. 279–283.
3. Inwood, B. The Will in Seneca the Younger» // Classical Philology. – 2000. – Vol. 95. – P. 44–60.
4. Schafer, J. Seneca's Epistulae Morales as Dramatized Education / J. Schafer // Classical Philology. – 2011. – Vol. 106. – P. 32–52.

5. Wagoner, R. Seneca on Moral Theory and Moral Improvement // Classical Philology. – 2014. – Vol. 109. – P. 241–262.
6. Кочеров, С. Н. Римский стоицизм как соединение этической теории и моральной практики // Этическая мысль. – 2016. – Т. 16. – С. 31–45.
7. Медведева, Г. П. Идеи помощи человеку в трактате Луция Аннея Сенеки «О благодеяниях» / Г. П. Медведева // Социальная политика и социология. – 2016. – Т. 15. – С. 136–144.
8. Marshall, C. W. The Works of Seneca the Younger and Their Dates // Brill's Companion to Seneca / eds. C. W. Marshall. G. Damschen, A. Heil. – Leiden-Boston : Brill, 2014. – P. 33–44.
9. Evenepoel, W. The Stoic Seneca on *virtus*, *gaudium* and *voluptas* / W. Evenepoel // L'Antiquité Classique. – 2014. – Т. 83. – P. 45–78.
10. Портнягина, И. П. Луций Анней Сенека о системе воспитания и самовоспитания (теория и практика) / И. П. Портнягина // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. – СПб. : Изд. СПбГУ, 2014. – Вып. 14. – С. 211–222.
11. Weber, D. Der Stoiker als Autor: Senecas De tranquillitate animi / D. Weber // Wiener Studien. – 2018. – Vol. 131. – S. 131–147.
12. Митсис, Ф. Сенека о разуме, правилах и нравственном развитии / Ф. Митсис // Ценности и смыслы. – 2019. – № 5. – С. 8–52.
13. Maco, C. Риск в образовательной стратегии Сенеки // Ценности и смыслы. – 2019. – № 2. – С. 26–48.
14. Нефедова, Л. К. Правовая пропедевтика отношения к ребенку (из опыта античной мысли) / Л. К. Нефедова // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – № 1. – С. 70–75.
15. Griffin, M. Seneca's Pedagogic Strategy: Letters and De Beneficiis / M. Griffin // Bulletin of the Institute of Classical Studies. – 2007. – Supplement № 94. – P. 89–113.
16. Сергеенко, М. Е. Жизнь в Древнем Риме / М. Е. Сергеенко. – СПб. : Летний сад, 2000. – 366 с.
17. Seneca, Lucius Annaeus. Anger, Mercy, Revenge / Lucius Annaeus Seneca ; Translated by R. A. Kaster and M. C. Nussbaum. – Chicago – London : The University of Chicago Press. – 2010. – xxvi, 247 p.
18. Seneca, Lucius Annaeus. On Benefits / Lucius Annaeus Seneca ; Translated by M. Griffin and B. Inwood. – Chicago–London : The University of Chicago Press, 2011. – xxvi, 222 p.
19. Cantarella, E. Fathers and Sons in Rome / E. Cantarella // Classical World. – 2003. – Vol. 96. – P. 281–298.
20. Weeber, K.-W. Vita quotidiana nell'antica Roma / K.-W. Weeber. – Roma : Newton Compton, 2010. – 461 p.
21. Seneca, Lucius Annaeus. Letters on Ethics to Lucilius / Lucius Annaeus Seneca ; Translated with an introduction and commentary by M. Graver, A. A. Long. – Chicago – London : The University of Chicago Press, 2015. – xxviii, 604 p.
22. Seneca, Lucius Annaeus. Dialogues and Essays / Lucius Annaeus Seneca ; Translated by J. Davie with an introduction and notes by T. Reinhardt. – Oxford : University Press, 2007. – xxxiii, 263 p.
23. Rosivach, V. J. Seneca on the Fear of Poverty in the Epistulae Morales / V. J. Rosivach // L'Antiquité Classique. – 1995. – Т. 64. – P. 91–98.

Поступила в редакцию 24.03.2025

E-mail: telepen_serg@mail.ru

Чжу Ифань

ТРАКТОВКА СЕНЕКОЙ РОЛИ ОТЦА В ФОРМИРОВАНИИ ЛИЧНОСТИ СЫНА

В статье на основе анализа сочинений Сенеки рассматривается отношение философа к семейному воспитанию, его задачам и средствам. Представлены размышления и выводы философа о способах влияния на воспитуемого, с одной стороны, и роли отца в становлении личности гражданина, с другой. Автор приходит к выводу, что взгляды философа на семейное воспитание в основном выстраиваются в связи с поиском решения проблем, возникающих на пути воспитания достойного члена общества, являющегося гармоничной личностью и обладающего высоким уровнем гражданского самосознания. По мнению Сенеки, добиться ожидаемого эффекта в этом случае возможно лишь при активной роли отца, выполняющего функции последовательного блюстителя традиций строгого воспитания.

Ключевые слова: семейное воспитание, личность, моральные качества, моральный авторитет, философия, наставник, воспитуемый.

УДК 37.015(045)

Г. У. Болбас

Кандыдат педагогічных навук, дацент, дацент кафедры педагогікі, УА «Мазырскі дзяржаўны педагогічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна», г. Мазыр, Рэспубліка Беларусь

МЕТАДАЛОГІЯ ДАСЛЕДАВАННЯ ГЕНЕЗІСУ ТЭАРЭТЫКА-МЕТАДАЛАГІЧНЫХ АСНОЎ ПРЫРОДАЗГОДНАГА ВЫХАВАННЯ Ў ПЕДАГАГІЧНАЙ ДУМЦЫ БЕЛАРУСІ

У артыкуле абгрунтоўваецца метадалагічная матрыца даследавання генезісу феномена прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі. Аўтарам вызначаюцца даследчыцкія ўстаноўкі і планы, якія забяспечваюць арганізацыю гісторыка-педагагічнага пазнання і абумоўліваюць базавыя, парадыгмальныя і інструментальныя метадалагічныя падыходы да вывучэння працэсаў станаўлення і развіцця педагогічнай з'явы. Сістэмнасць і комплекснасць дадзеных падыходаў звязана з спецыфікай гісторыка-педагагічнага даследавання, якая прайяўляецца ў сінтэзе педагогічнай і гісторычнай навук.

Ключавыя слова: прыродазгоднае выхаванне, педагогічная думка Беларусі, генезіс, даследчыцкія ўстаноўкі, даследчыцкія планы, метадалагічныя падыходы, метадалагічная матрыца.

Уводзіны

Метадалогія навуковага даследавання забяспечвае канцепцыю, логіку і арганізацыю практичнай дзейнасці па вывучэнні навуковых ведаў, абумоўлівае даследчыцкія ўстаноўкі і спосабы інтэрпрэтацыі атрыманых вынікаў. Метадалагічныя асновы вывучэння генезісу феномена прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі дэтэрмінаваны спецыфікай гісторыка-педагагічнага познання і, адпаведна, прадстаўлены інструментарыем, эфектыўным для даследавання з'яў у структуры і кантэксце гісторыка-педагагічнага працэсу. Шэраг вучоных-метадолагаў, гісторыкаў педагогікі (С. В. Бабрышоў, М. В. Багуслаўскі, І. А. Калеснікава, Г. Б. Карнетаў, М. С. Розаў, А. М. Шэвелеў, І. Я. Шкабара і інш.) вызначаюць і абгрунтоўваюць метадалагічныя падыходы, аптымальная для гісторыка-педагагічных даследаванняў. М. В. Булыгіна актуалізуе пытанні метадалогіі гісторыка-педагагічных даследаванняў рэгіянальнага ўзроўню, паказваючы на абумоўленасць метадалагічных падстаў не толькі кантэкстам, але і яго маштабам, а таксама нацыянальнай спецыфікай лакальнага гісторычнага вопыту [1]. Акрамя гэтага, значным для даследавання з'яўляеца вывучаючы педагогічны феномен, у нашым выпадку – прыродазгоднае выхаванне, змястоўнае і сутнасна-сэнсавае напаўненне якога будзе шмат у чым вызначаць падыходы да яго інтэрпрэтацыі ў гісторычнай дынаміцы. Фрагментарнасць даследавання працэсаў зараджэння і развіцця прыродазгоднага выхавання ў айчыннай педагогіцы абумовіла адсутнасць аналізу метадалагічных падыходаў да вывучэння дадзенай з'явы. Такім чынам, мэта артыкула заключаецца ў вызначэнні метадалагічнай матрыцы даследавання генезісу тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі.

Метады і метадалогія даследавання

Метады і метадалогія даследавання абумоўлены адзначанай мэтай, у выніку чаго прадстаўлены структурна-сістэмным і анталагічным падыходамі, метадамі аналізу навуковай літаратуры, параўнальнага і прычынна-выніковага аналізу, абагульнення і сістэматызацыі.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Выбар метадалагічных падыходаў даследавання генезісу феномена прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі абумоўлены сістэмай даследчыцкіх установак, якія забяспечваюць арганізацыю гісторыка-педагагічнага познання. Яны прадстаўлены дзвюма групамі і ўдакладняюць пазіцыі адносна предмета і кантэксту даследавання.

I. Даследчыцкія ўстаноўкі, што ўдакладняюць сэнсавае значэнне паняццяў, якія вызначаюць предмет даследавання:

1. Прыводазгоднае выхаванне – напрамак педагогічнай тэорыі і практикі, заснаваны на безумоўным прыярытэце агульных законаў развіцця прыроды, глубокіх навуковых ведах аб прыродзе чалавека, якія вызначаюць яго патрэбнасці, магчымасці і здольнасці ў працэсе развіцця і фарміравання, а таксама неабходнасць гарманізаваць адносіны асобы з асяроддзем яе жыццядзейнасці. Выхаванне ў дадзеным азначэнні інтэрпрэтуецца ў шырокім сэнсе: у адзінстве і цэласнасці працэсаў авалодання ведамі, уменнямі, навыкамі і фарміравання якасцей асобы.

2. Тэарэтыка-метадалагічныя асновы прыводазгоднага выхавання прадстаўлены сукупнасцю светапоглядных ідэй, гнасеалагічных канцепцый фарміравання канстытутыўна-рэгулятыўных, каштоўнасна-мэтавых і змястоўна-працэсуальных асноў прыводазгоднага выхавання як навуковага феномена. Паняцце “ідэі прыводазгоднага выхавання” ў рамках даследавання не падміняе “тэарэтыка-метадалагічныя асновы”, а сведчыць аб тым, што апошнія фарміраваліся на працягу доўгага перыяду праз акумуляцыю і сістэматызацыю ідэй.

3. Генезіс – “дэтэрмінаваны ўзаемадзеяннем розных фактараў працэс эвалюцыі з’яў, поглядаў, вучэнняў, якія праходзіць у сваім развіцці пэўныя стадіі і характарызуецца з’яўленнем вытокаў, узікненнем перадумоў новага ў нетрах старога, што прыводзіць да зараджэння, якаснага прырашчэння і станаўлення новай з’явы, погляду, ідэі” [2, с. 5].

4. Аперыраванне ў даследаванні паняццем “Беларусь” мэтазгодна і аптымальна ў кантэксле працяглага гістарычнага прамежку, які адлюстроўвае на кожным этапе складаны шлях фарміравання тэрыторыі і ў цэлым народнасці, этнасу і дзяржавы. Дадзенае паняцце шматзначнае і вызначаеца сутнаснымі характарыстыкамі: тэрытарыяльна-геаграфічнымі, сацыяльна-культурнымі, этнанацыянальнымі, дзяржаўна-палітычнымі. Беларуская дзяржаўнасць, на думку айчынных гісторыкаў, прадстаўляе “непарыўнае цэлае”, нягледзячы на тое, што знайшла ўласбленне ў разнастайных гістарычных (Полацкае і Тураўскае княства, Кіеўская Русь, Вялікае Княства Літоўскага, Рускае, Жамойцкае і іншых земляў, Рэч Паспалітая, Расійская імперыя) і нацыянальных (Беларуская Народная Рэспубліка, Сацыялістычна Савецкая Рэспубліка Беларусь, Савецкая Сацыялістычна Рэспубліка Літвы і Беларусі, Беларуская Савецкая Сацыялістычна Рэспубліка, Рэспубліка Беларусь) формах [3, с. 14]. Вызначаныя даследчыкамі “палілінгвізм, мультыкультурнасць, трансгранічнасць і шматнацыянальнасць беларускай культуры” не перашкаджалі захоўваць цэласнасць традыцый у сваёй нацыянальнай спецыфіцы [4, с. 32].

II. Даследчыцкая ўстаноўкі, якія раскрываюць асаблівасці інтэрпрэтацыі гісторыка-педагагічнага працэсу як кантэксту даследавання:

1. Гісторыка-педагагічны працэс выступае элементам гісторыка-культурнага працэсу.
2. Гісторыка-педагагічны працэс прадстаўлены сінкрэтычным адзінствам працэсаў развіцця педагогічнай думкі і практикі адукациі.

3. Гісторыя развіцця тэарэтыка-метадалагічных асноў прыводазгоднага выхавання ажыццяўляецца не па храналогіі мысліцеляў, а згодна з храналогіяй развіцця педагогічных ідэй, якія прадстаўляюць вывучаеый педагогічны феномен.

4. Нараўне з тэрмінам “педагагічная думка” выкарыстоўваецца паняцці “філасофская-педагагічная думка”, “рэлігійна-філасофская вучэнні”, што паказвае на зараджэнне і фарміраванне ўласна педагогічных ідэй і поглядаў, да якіх адносяцца таксама ідэі прыводазгоднага выхавання, у рамках рэлігійных і філасофскіх ведаў.

5. Развіццё феномена прыводазгоднага выхавання ў айчынны педагогічны думцы прадстаўлена не толькі ў працах вядомых, але і ананімных аўтараў. У пэўныя перыяды яго генезісу актуалізаваліся і атрымлівалі распаўсюджванне на беларускіх землях ідэі візантыйскіх багасловіаў, антычных філосафаў, заходніх еўрапейскіх мысліцеляў і інш., што дае падставы абапірацца на іх погляды ў даследаванні.

6. Педагагічная думка Беларусі як кантэкст даследавання прадстаўлена не толькі беларусамі, але і асветнікамі іншых нацыянальнасцей, што абумоўлена іх агульной гісторыяй і культурай у перыяды ўваходжання беларускіх земель у розныя дзяржаўныя ўтварэнні.

III. Даследчыцкая ўстаноўкі, якія раскрываюць асаблівасці мовы гісторыка-педагагічнага працэсу:

1. Навуковая мова гісторыка-педагагічнага даследавання выходитць за рамкі педагогічнай навукі, што абумоўлена міждысцыплінарнасцю гісторыка-педагагічных ведаў, а таксама накіраванасцю ў цэлым гуманітарных навук на міжнауковую камунікацыю.

2. Тэксты, якія адлюстроўваюць гісторыю развіцця даследуемага феномена, праламляюцца праз прызму сучасных педагогічных ведаў, што дазваляе вызначыць вытокі разумення з’явы

прыродазгоднага выхавання, яго сэнсавыя прырашчэнні і мадыфікацыі. Аперыраванне сучаснай навуковай мовай падпрацавана задачы выяўлення месца і ролі аўтарскай пазіцыі адносна структуры працэсу генезісу навуковых ведаў па лініі ад мінулага да сённяшняга [5, с. 28].

Даследчыцкімі планамі, накіраванымі на вызначэнне працэсаў і працэдур генезісу тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання, з'яўляюцца наступныя:

- працэсуальны, арыентаваны на выяўленне логікі і перыяду фарміравання і развіцця даследуемага педагогічнага феномена;
- суб'ектны, накіраваны на вызначэнне суб'ектаў педагогічнай думкі Беларусі, якія транслююць ідэі прыродазгоднага выхавання і/ци рэалізуюць іх на практицы;
- выніковы, сфакусіраваны на выяўленні меркаванняў, канцепцый і тэорый, якія адлюстроўваюць ідэі прыродазгоднага выхавання;
- асяродзевы, накіраваны на вызначэнне зневідных перадумоў генезісу тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання;
- функцыянальны, арыентаваны на выяўленне ўплыву даследуемага феномена на педагогічную навуку і адкутацыйную практику як у перыяды гістарычнага мінулага, так і сучаснага, будучага.

Даследчыцкая ўстаноўкі і планы абумоўліваюць метадалагічныя падыходы да вывучэння генезісу прыродазгоднага выхавання ў Беларусі. З прычыны таго што гісторыка-педагагічнае даследаванне ўяўляе сінтэз педагогічнай і гістарычнай навук, кожнай з якіх уласцівы свае падыходы і спосабы пазнання, заканамернай становіцца сістэмнасць і комплекснасць метадалагічных падстаў і прыёмаў аргументацыі, у нашым выпадку – адносна генезісу даследуемага феномена.

Сістэму метадалагічных падыходаў да даследавання генезісу прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі мэтазгодна прадставіць у адпаведнасці з узроўнемі метадалагічнай рефлексіі трymа группамі: базавымі, парадыгмальнымі і інструментальнымі падыходамі.

У якасці *базавых (агульнанавуковых)*, якія забяспечваюць “неабходную якасць даследчай праграмы з пункту гледжання адпаведнасці канонам гістарычнай навукі” і адлюстроўваюць “метадалагічнае самавызначэнне даследчыка” [5, с. 20–22], у працы выступаюць гісторыка-генетычны і сістэмны падыходы. Гісторыка-генетычны падыход найбольш эффектыўны ў даследаванні гісторыі працэсаў [6], у нашым выпадку – працэсу фарміравання тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання. Гістарычны аналіз дадзенага феномена нацэльвае на вызначэнне падзеяной канвы яго генезісу, асэнсаванне законаў яго развіцця ў адзінстве з “вонкавымі ўплывамі, якія дэтэрмінуюць іх дынаміку і трансфармацыю, а таксама самымі шырокімі гісторыка-культурнымі кантэкстамі, якія абумоўляюць іх успрыманне і трактоўку ў пэўных гістарычных абставінах пэўнымі людзьмі, іх узаемасувязь з іншымі педагогічнымі ідэямі, а таксама з педагогічнай практикай” [7, с. 48]. Працэсы і з’явы сацыяльна-палітычнага, эканамічнага і культурнага жыцця Беларусі ў перыяд X – пачатку XXI стагоддзя ўяўляюць гістарычную рамку генезісу, вызначаюць рух і спецыфіку працэсу фарміравання ідэй прыродазгоднага выхавання.

Гісторыка-генетычны падыход у найбольшай ступені сфакусіраваны на выяўленні прычынна-выніковых сувязяў і заканамернасцяў генезісу даследуемай з’явы, на tym, каб “адшукаць у гісторыі крыніцы, перадумовы, асновы з’яўлення ведаў, прасачыць, якія этапы гэтыя веды прайшли ў сваім станаўленні, якімі яны былі і якімі сталі” [8, с. 96]. Такі падыход важны не толькі для разумення гісторыі прыродазгоднага выхавання, але і вызначэння яго гістарычнай пераемнасці, выяўлення педагогічнага патэнцыялу для вырашэння сучасных проблем выхавання і вызначэння перспектывы развіцця ў педагогічнай думцы Беларусі. Яго выкарыстанне навукова мэтазгодна з прычынны вывучэння гісторыі прыватнай з’явы ў кантэксле агульнай гісторыі айчыннай педагогічнай думкі.

Сістэмны падыход забяспечвае поўнае і глыбокое вывучэнне тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання ў адзінстве і сістэмнасці яго канстытутыўна-рэгулятыўнага, каштоўнасна-мэтавага і змястоўна-працэсуальнага кампанентаў, дазваляе “больш канкрэтна апісаць прыкметы асноўных кампанентаў у складзе вывучаесмай з’явы, а таксама іх асноўныя ўласцівасці” ў гістарычнай рэтраспектыве [9, с. 16].

Сістэмны падыход у сінтэзе з гісторыка-генетычным трансфармуе фрагментарнае бачанне феномена прыродазгоднага выхавання ў цэласнае ўяўленне аб ім праз уключэнне ў сістэму ўяўленняў пра чалавека і прыроду ў іх шматмернасці і шматаспектнасці. Адзінства такіх метадалагічных падыходаў забяспечвае выяўленне спецыфікі развіцця і фарміравання даследуемай педагогічнай з’явы ў яе антагоністичнай паўнаце і цэласнасці, у адзінстве вонкавых і ўнутраных дэтэрмінант дадзеных працэсаў.

Парадыгмальныя падыходы дэтэрмінаваны тэорыямі і канцэпцыямі, якія абумоўліваюць сацыяльнае развіццё чалавечства. Яны дазваляюць прадставіць гісторыка-педагагічны працэс у яго спіралепадобнасці і вызначаюць “парадыгмальны партрэт і сэнсанясучы каркас даследавання, фарміруюць яго спецыфічную мову, логіку доказаў, абумоўліваюць лініі ўзаемасувязяў з фактамі і падзеямі грамадзянскай гісторыі, гісторыяй развіцця культуры і науки і г. д.” [10, с. 45]. Значнасць дадзеных падыходаў для нашага даследавання ўзрастает з прычыны іх магчымасцей “перыядызаваць” развіццё вывучаемага феномена.

Парадыгмальнімі падыходамі ў вывучэнні генезісу тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі выступаюць цывілізацыйны, аксіялагічны і культуралагічны.

Выбар цывілізацыйнага падыходу ў якасці метадалагічнага інструментарыя абумоўлены шэрагам прычын:

- магчымасцямі даследаваць феномен прыродазгоднага выхавання, уключаны ў шырокі сацыякультурны кантэкст, “з улікам спецыфікі ядзерных сацыяльных узораў, уласцівых розным культурна-гістарычным тыпам грамадстваў” [11, с. 149];
- важнасцю выяўлення крыніц і прычын тэндэнций развіцця і спецыфікі даследуемай з’явы ў пэўным сацыякультурным асяроддзі;
- неабходнасцю руху ў аналізе генезісу тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання “ад лагічнай сутнасці педагогічных з’яў да аналізу іх канкрэтна-гістарычных мадыфікацый рознай ступені агульнасці, ад усеагульнага праз агульнае і асабліве да адзінкавага і, наадварот, ад адзінкавага праз асабліве і агульнае да ўсеагульнага” [12, с. 365–366].

Парадыгмальны сэнс катэгоріі “цывілізацыя” звязаны з яе здольнасцю выказваць “гістарыцыраваную прыроду чалавека праз прызму сукупнасці ўсіх формаў яго грамадскай жыццядзейнасці” [12, с. 360]. Г. Б. Карнетаў з пазіцыі цывілізацыйнага падыходу вызначае іерархічны ўзроўні аналізу гісторыка-педагагічнага працэсу (“чалавечая цывілізацыя” – “цывілізацыя-стадыя” – “вялікая цывілізацыя” – “лакальная цывілізацыя”), якія задаюць “ступены канкрэтызацыі педагогічных з’яў, тую сістэму сацыякультурных каардынат, у якой яны павінны разглядацца, суадносіны родавых і відавых прымет даследуемых феноменаў” [12, с. 95]. У кантэксле нашага даследавання дадзеная ўзроўні дазваляюць ажыццяўіць парападынны анализ развіцця ідэй прыродазгоднага выхавання ў заходнеўрапейскай і айчыннай педагогічнай думцы, якія суадносяцца як “вялікая цывілізацыя” і “лакальная цывілізацыя”. Апошняя, прытрымліваючыся інтэрпрэтацыі Г. Б. Карнетава, адлюстроўвае “натуральна дадзеная ў гісторыі адзінкі, якія, маючы, як правіла, этнічную і/і ці дзяржаўную пэўнасць і будучы звязанымі ўнутры сябе агульнасцю «ядзерных» сацыяльных адносін, культурных традыцый і ідэй, утвараюць спецыфічныя сацыякультурныя арганізмы” [13, с. 95]. Такое супастаўленне дазваляе выявіць агульнае і асабліве ў гісторыі генезісу даследуемай педагогічнай з’явы. Што тычыцца “цывілізацый-стады”, якія прадстаўляюць этап зліцця вялікіх і лакальных цывілізацый у “«метацывілізацыю» планетарнага маштабу” [12, с. 363], то яны суадносяцца з дыялогам педагогічных традыцый у дачыненні да феномена прыродазгоднага выхавання, а іх змена дазваляе перыядызаваць агульную гісторыю яго генезісу і выяўляць пераемныя сувязі ў развіцці.

Аксіялагічны падыход як найважнейшая канцэптуальна-метадалагічная падстава перыядызацыі генезісу тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання дазваляе прадставіць дадзены працэс праз дынаміку ўяўленняў аб прыродзе як каштоўнасці. Суразмернасць законаў прыродазгоднасці і ідэалазгоднасці сведчыць аб абумоўленасці феномена прыродазгоднага выхавання дамінуючымі ў пэўную эпоху каштоўнасцямі і робіць карэктным і мэтазгодным выбар дадзенага метадалагічнага падыходу. Бог, чалавек, натуральнае прыроднае асяроддзе, грамадства, культура як разнастайныя праявы прыроды на розных гістарычных этапах уяўлялі сабой вышэйшую каштоўнасць, якая дэтэрмінавала ў цэлым светапогляд чалавека і, у прыватнасці, педагогічныя погляды айчынных мысліцеляў. Аксіялагічны падыход вызначае для нашага даследавання каштоўнасць сэнсавыя параметры прыродазгоднага выхавання, якія ва ўмовах гістарычнага развіцця змяняюцца і даюць падставу перыядызаваць працэс генезісу.

Культуралагічны падыход вызначае пераемнасць педагогічных традыцый і магчымасці актуалізацыі гісторыка-педагагічных ведаў у сучасных сацыякультурных умовах. Сутнасць прыродазгоднага выхавання, якая раскрываецца ў рэтраспектыве культурна-гістарычнага асэнсавання паняццяў “прырода” і яго шматлікіх праяў, заключае ў сабе каштоўнасць падставы беларускай культуры X – пачатку XXI ст. Калі цывілізацыйны падыход у большай ступені зыходзіць з агульнага і стабільнага ў народаў, то культуралагічны перш за ёсё акцэнтуе ўвагу на праяве ў іх

індывідуальнага і самабытнага. Адносна перыядызацыі генезісу гэты падыход дазвале вызначыць этапы развіцця і фарміравання тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання з улікам спецыфікі развіцця нацыянальнай педагогічнай культуры.

Сістэмнасць і адзінства парадыгмальных метадалагічных прынцыпаў у кантэксле нашага даследавання дазвале раскрыць і аформіць з дапамогай інструментальных метадалагічных падыходаў канцэпцыю генезісу тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання ў цласнасці і ўзаемасувязі яго сістэмаўтаральныхіх зневініх і ўнутраных дэтэрмінант.

У ролі *інструментальных падыходаў*, якія таксама служаць аргументаванню перыядызацыі генезісу тэарэтыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання, правядзенню інтэрпрэтацыйнай працы з педагогічнымі з'явамі, у дадзеным даследаванні выступаюць анталагічны, фенаменалагічны і кампаратыўны.

Анталагічны падыход арыентуе на семантычную дакладнасць ключавых паняццяў і адэватнае аперыраванне імі ў рамках даследавання. У стаўленні да прыродазгоднага выхавання гэта вельмі важна з прычыны яго шматтайных інтэрпрэтацый падчас гісторычнага развіцця і частага адыходу ад “першапачатковай сутнасці”, ключавой ідэі ў яе чыстым выглядзе, якая вызначыла змястоўна-сэнсавае напаўненне феномена і прычыну яго з'яўлення. Прыводазгоднасць уяўляе сабой агульны закон станаўлення чалавека. Пры такім падыходзе анталагічным базісам выхавання выступае закон ідэалазгоднасці, які выяўляеца “ў прыватных законах ідэалу мэты, зместу, працэсу” [14, с. 68]. У той жа час зараджэнне і фарміраванне ідэй прыводазгоднага выхавання адбывалася ў кантэксле філософскіх ведаў і дынамічна зменлівых гісторычных і сацыяльна-культурных умоў, што вызначае сувязь паміж яго інтэрпрэтацый і філософіяй пэўнай гісторычнай эпохі, харектарам яе культуры.

Даследуемы часавы прамежак працягласцю больш за дзесяць стагоддзяў дазвале прасачыць працэс зараджэння першых ідэй прыводазгоднага выхавання ў айчыннай педагогічнай думцы і їх трансфармацію ў іншыя формы навуковых ведаў.

Фенаменалагічны падыход нацэльвае на ўспрыманне і інтэрпрэтацыю гісторыка-педагагічных ведаў як “прадукту індывідуальнай і грамадской свядомасці і вопыту”, дае магчымасць вызначыць яго розныя аспекты як “індэксы суб’ектнага разумення” і выявіць “індывідуальна-гісторычныя траекторы” фарміравання такіх ведаў [15, с. 16–17]. Педагагічная думка Беларусі X – пачатку XXI стагоддзя прадстаўлена плеядай мысліцеляў, педагогаў і асьветнікаў розных гісторычных эпох, што, адпаведна, абумовіла спецыфіку іх светапоглядных установак, перакананняў і каштоўнасцей. Згодна з фенаменалагічным падыходам, ідэі прыводазгоднага выхавання прадстаўнікоў мінулага існууюць у нашым рэфлексіўным вопыце як даследчыкаў у межах культурна-гісторычнага быцця дадзеных педагогічных ідэй.

Кампаратыўны падыход дазвале ажыццяўіць паралельны аналіз ідэй прыводазгоднага выхавання ў часе, гэта значыць, паміж этапамі яго генезісу ў Беларусі, што харектарызуецца як вертыкальнае параліннне. Суаднясенне тэндэнцый развіцця даследуемай педагогічнай з'явы ў айчыннай і заходненеўрапейскай педагогічнай думцы адносіцца да гарызантальнага паралінння, для якога ўласціва выяўленне агульнага і асаблівага ў рамках аднаго гісторычнага перыяду ў кантэксле міжнацыянальнай прасторы. Адзінства вертыкальнага і гарызантальнага зрэзau дазвале глыбока і поўна вывучыць гісторыю генезісу прыводазгоднага выхавання.

Даследчыцкія ўстаноўкі і планы, нараўне з сістэмай абумоўленых імі метадалагічных падыходаў, уяўляюць метадалагічную матрыцу даследавання генезісу тэарэтыка-метадалагічных асноў прыводазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі (малюнак 1).

У вызначэнні матрыцы мы зыходзім з яе разумення як “даследчай мадэлі і нагляднай формы даследавання і рэпрэзентацыі дадзеных, якая раскрывае ўнутраныя сувязі паміж элементамі, якая дапамагае зафіксаціаць, вывучыць, і прааналізаваць часткі структуры якой-небудзь з'явы або працэсу” [16, с. 77].

Заключэнне

Такім чынам, метадалагічная матрыца даследавання генезісу прыводазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі прадстаўлена сістэмай даследчыцкіх установак і базавымі, парадыгмальнымі, інструментальными падыходамі да пазнання працэсаў станаўлення і развіцця дадзенага феномена. Гэта абумоўлівае яго пастапнае прадстаўленне ў кантэксле гісторычнага развіцця, змястоўна-сэнсавая прырашчэнні і мадыфікацыі, а таксама дынаміку фарміравання канстытутыўна-рэгулятыўнага, каштоўнасна-мэтавага, змястоўна-працэсуальнага кампанентаў, што складаюць тэарэтыка-метадалагічныя асновы прыводазгоднага выхавання.

ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ЎСТАНОЎКІ		ДАСЛЕДЧЫЦКІЯ ПЛАНЫ				
ПРАДМЕТ ДАСЛЕДАВАННЯ працэс фарміравання та развітва тэартыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі		<p>адносна сэнсавага значэння паняццяў, якія вызначаюць прадмет даследавання</p> <p>адносна інтэрпрэтациі гісторыка-педагагічнага практэсу як контексту даследавання</p> <p>адносна мовы гісторыка-педагагічнага даследавання</p>				
		МЭТА ДАСЛЕДАВАННЯ абрунгаванне канеццій генезісу і раскрыццё пераемнасті развітvia тэартыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі				
МЕТАДАЛАГІЧНЫЯ ПАДХОДЫ						
базавыя		парадыгмальныя			інструментальныя	
гісторыка-генетычны	сістэмны	прыліцацны	аксіялагічны	культуралагічны	англалагічны	фенаменалагічны
						кампаратывны

Малюнак 1 – Метадалагічная матрыца даследавання генезісу тэартыка-метадалагічных асноў прыродазгоднага выхавання ў педагогічнай думцы Беларусі

СПІС АСНОЎНЫХ КРЫНІЦ

- Булыгина, М. В. К вопросу о методологии региональных историко-педагогических исследований / М. В. Булыгина // Язык и культура. – 2008. – № 2. – С. 74–85.
- Сутырина, Т. А. Генезис гуманистических идей в отечественной педагогической публицистике : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Сутырина Татьяна Анатольевна ; Пед. акад. последипл. образования. – Екатеринбург, 2006. – 49 с.
- Опираясь на многовековую историю / подг. к печ. Т. Шаблыко // Беларуская думка. – 2018. – № 8. – С. 11–23.
- Легчилин, А. А. Белорусская философская традиция: история и современность / А. А. Легчилин, И. М. Бобков // Философские науки. – 2016. – № 7. – С. 29–38.
- Бобрышов, С. В. Методология историко-педагогического исследования развития педагогического знания : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Бобрышов Сергей Викторович ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – СПб., 2007. – 45 с.
- Корнетов, Г. Б. История педагогики. Теоретическое введение : учеб. пособие / Г. Б. Корнетов, М. А. Лукацкий. – М. : АСОУ, 2015. – 492 с.
- Корнетов, Г. Б. Педагогические идеи и учения в истории педагогики / Г. Б. Корнетов // Историко-педагогический журнал. – 2015. – № 2. – С. 44–68.
- Челпаченко, Т. В. Историко-генетический подход к обоснованию дидактической системы В. А. Сухомлинского / Т. В. Челпаченко // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2012. – № 2. – С. 96–100.
- Боронилова, И. Г. Ретроспективный подход к изучению методологических основ теории передового педагогического опыта / И. Г. Боронилова // Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии. – 2010. – № 1. – С. 10–17.
- Бобрышов, С. В. Система методологических подходов к изучению историко-педагогического процесса / С. В. Бобрышов // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2006. – № 2. – С. 41–46.

11. Бобрышов, С. В. Методология историко-педагогического исследования развития педагогического знания : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Бобрышов Сергей Викторович ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. – Ставрополь, 2006. – 477 л.
12. Корнетов, Г. Б. Педагогика: теория и история : учеб. пособие. – 3-е изд., перераб., доп. / Г. Б. Корнетов. – М. : АСОУ, 2016. – 472 с.
13. История теории и практики образования : в 2 т. / под ред. Г. Б. Корнетова ; Акад. соц. управления. – М. : АСОУ, 2012. – Т. 1 : Теория истории педагогики. История образования и педагогической мысли за рубежом. – 244 с.
14. Постижение педагогической культуры человечества : в 2 т. / под ред. Г. Б. Корнетова. – М. : АСОУ, 2010. – Т. 1 : Общие вопросы. Зарубежный педагогический опыт. – 200 с.
15. Шиянов, Е. Н. Взаимосвязь онтологического и феноменологического подходов в теоретико-педагогическом исследовании / Е. Н. Шиянов, С. В. Бобрышов // Педагогика. – 2006. – № 6. – С. 10–19.
16. Кодан, С. В. Матрицы и матричный подход в технологиях анализа носителей юридической информации: место, понимание, виды / С. В. Кодан // Юридическая техника. – 2024. – № 18. – С. 75–82.

Паступіў у рэдакцыю 31.03.2025

E-mail: bgv78@mail.ru

G. V. Bolbas

**RESEARCH METHODOLOGY
METHODOLOGY IN RESEARCH ON THE GENESIS OF THEORETICAL AND
METHODOLOGICAL FOUNDATIONS OF NATURE-BASED EDUCATION IN THE
PEDAGOGICAL THOUGHT OF BELARUS**

The article substantiates the methodological matrix summarizing studies on the genesis of the phenomenon of nature-based education in the pedagogical thought of Belarus. The author defines research guidelines and plans that ensure the organization of historical and pedagogical knowledge and determine the basic, paradigmatic and instrumental methodological approaches to the study of the processes of formation and development of the pedagogical phenomenon. The systematicity and complexity of these approaches are associated with the specificity of historical and pedagogical research, manifested in the synthesis of pedagogical and historical sciences.

Keywords: nature-based education, pedagogical thought of Belarus, genesis, research guidelines, research plans, methodological approaches, methodological matrix.

УДК 376

И. А. Карпович

Старший преподаватель кафедры психологии и социальной педагогики, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

**УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ
ДЕОНТОЛОГИЧЕСКОЙ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ
К ВЗАИМОДЕЙСТВИЮ С ДЕЗАДАПТИРОВАННЫМИ ПОДРОСТКАМИ**

В статье раскрыто содержание и функциональное назначение комплексного учебно-методического обеспечения процесса поэтапного формирования деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками на основе организационно-педагогической модели, проанализирована эффективность опытно-экспериментальной работы.

Ключевые слова: деонтологическая готовность будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками (*ДГБПкВДП*), организационно-педагогическая модель, комплексное учебно-методическое обеспечение процесса формирования *ДГБПкВДП*.

Введение

Современная социально-педагогическая ситуация демонстрирует наличие различных проявлений дезадаптированного поведения (алкоголизация, наркотизация и другие асоциальные проявления в подростково-молодежной среде), что ставит задачу подготовки педагога-профессионала, способного эффективно взаимодействовать с дезадаптированными подростками в условиях новых глобальных вызовов, поиска форм и методов взаимодействия с ними, направленных как на реабилитацию несовершеннолетнего, так и на предупреждение дезадаптационных отклонений.

В связи с этим целесообразно выделение определенного «метакомпонента» педагогической деятельности – деонтологического, содержание которого связано с формированием готовности педагога к взаимодействию с дезадаптированными учащимися, с принципиальным переосмысливанием всех традиционно применяемых средств воздействия на личность каждого из них и переоценкой позиции учителя в ситуациях взаимодействия с ними.

Различные аспекты формирования деонтологической готовности будущего педагога отражены в работах М. Е. Орешкиной [1], Г. М. Кертаевой [2], Е. В. Коробовой [3] и др. В то же время анализ педагогической практики показывает, что будущие учителя испытывают трудности в проблемных ситуациях взаимодействия с дезадаптированными учащимися, не умеют находить способы и пути их своевременного предупреждения, затрудняются в их диагностике и коррекции, предвидении возможных решений выхода из конфликта. Исходя из этого, мы считаем необходимым сформировать деонтологическую готовность будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками в образовательном процессе педагогического университета.

Деонтологическая готовность будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками – интегральное личностное образование, отражающее субъектность будущих учителей, характеризующееся интериоризацией нормативно-правовых, психолого-педагогических, деонтологических знаний и опыта профессионального поведения на основе соблюдения принципов педагогической деонтологии, оптимизацией субъект-субъектных отношений, отсутствием проявлений ненормативного поведения учителя в конфликтных ситуациях, осознанием личной и социальной ответственности за ошибочные действия и их последствия в системе взаимодействия «педагог – дезадаптированный учащийся».

Формирование деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками мы осуществляли на основе организационно-педагогической модели, реализация которой невозможна без разработки ее комплексного учебно-методического обеспечения.

Цель исследования – раскрыть содержание и функциональное назначение комплексного учебно-методического обеспечения процесса формирования деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками на основе организационно-педагогической модели.

Методы и методология исследования

Методология исследования основывается на:

- философско-психологическом обосновании сущности педагогической деонтологии (И. Бентам [4], В. М. Гребенникова [5], К. М. Левитан [6], О. Д. Минаков [7] и др.);
- теории поэтапного формирования умственных действий (П. Я. Гальперин [8], Н. Ф. Талызина [9] и др.);
- концепции формирования педагогических умений студентов в процессе обучения (В. А. Сластенин [10] и др.).

Для достижения поставленной цели в исследовании используются следующие методы: теоретический анализ, метод моделирования умственных (учебных) действий, статистические методы (обработка и анализ данных, полученных в результате итоговой диагностики).

Результаты исследования и их обсуждение

Разработанная организационно-педагогическая модель процесса формирования деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками как целостная система включает совокупность взаимосвязанных блоков: концептуально-методологического, функционально-целевого, содержательно-процессуального, организационно-технологического, аналитико-результативного.

Особенностью разработанной модели является ее поэтапный характер, следовательно, уровень формирования ДГБПкВДП у будущих специалистов будет зависеть от содержания этапов обучения. Исходя из вышесказанного, нам представляется возможным выделение следующих этапов в ходе формирования деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками: репродуктивно-подражательного, познавательно-преобразующего, деонтологоповеденческого, деятельностно-творческого. На основе теоретического анализа психолого-педагогических исследований и нашего собственного опыта мы заключили, что уровни сформированности ДГБПкВДП находятся в прямой зависимости от этапов их формирования, каждый из которых имеет свои задачи и содержание. По мнению А. И. Щербакова, поэтапное распределение содержания психолого-педагогической подготовки учителя необходимо, оно диктуется логикой развития и формирования у студентов системы общепедагогических понятий, логикой формирования системы сложноструктурных педагогических умений и субъективной готовности будущих педагогов посвятить себя делу обучения и воспитания подрастающего поколения [11].

Руководствуясь данным теоретическим положением, в основу разработки организационно-педагогической модели процесса формирования ДГБПкВДП мы положили принцип поэтапного формирования у студентов системы общепедагогических (П. Я. Гальперин, Н. Ф. Талызина) и деонтологических знаний и умений (К. М. Левитан). Это проявляется в четком определении целей, объема знаний и содержания ДГБПкВДП для каждого этапа подготовки. Принцип поэтапного формирования у студентов знаний и умений позволяет своевременно разрабатывать необходимое учебно-методическое обеспечение и вносить в него необходимые корректизы.

Под учебно-методическим обеспечением процесса формирования ДГБПкВДП мы понимаем комплекс материалов, представляющих собой учебную документацию, средства обучения и средства контроля, необходимые для проектирования и качественной реализации образовательного процесса. Разработанное нами учебно-методическое обеспечение процесса формирования ДГБПкВДП включает следующие материалы:

- ✓ **учебно-методические:**
 - учебно-методическое пособие «Социальная работа с дезадаптированными подростками» с грифом учебно-методического объединения (УМО) по гуманитарному образованию (Белорусский государственный университет);
 - электронные учебно-методические комплексы дисциплин по выбору: «Педагогическая деонтология: проблемы взаимодействия с дезадаптированными подростками» (гос. регистрация № 51420223000 от 06.04.2020 г.); «Деонтологическая готовность педагога: психологический аспект» (гос. регистрация № 51420223020 от 02.08.2020 г.);
 - комплекс педагогических ситуаций, направленных на формирование у будущих педагогов навыков деонтологического взаимодействия с дезадаптированными подростками;
 - комплекс деонтологических заданий по практике для студентов предвыпускных и выпускных курсов;

- ✓ *нормативно-методические:*
 - программа работы студенческого научно-исследовательского кружка «Педагогический театр “Личность”»; положение и план работы Центра педагогической деонтологии; план работы студенческого волонтерского клуба «Особое сердце»;
 - ✓ *методические:*
 - рекомендации для педагогических работников учреждений общего среднего и дополнительного образования, содержащие методические и информационные материалы по организации деонтологического взаимодействия с дезадаптированными подростками разных типологических групп (размещены на Национальном образовательном портале Республики Беларусь);
 - банк педагогических технологий;
 - планы-конспекты кураторских часов, психолого-педагогических тренингов, семинаров-практикумов, внеаудиторных, воспитательных мероприятий;
 - сценарии театрально-художественных композиций: «Педагогический подвиг Януша Корчака: жизнь отдаю детям», «А. С. Макаренко: дело жизни»;
 - проект деонтологического кодекса педагога, работающего с дезадаптированными подростками;
 - ✓ *информационно-учебные:*
 - дополненное деонтологической составляющей содержание социально-гуманитарных («Философия»), общепрофессиональных («Педагогика», «Психология») дисциплин;
 - ✓ *инструментально-диагностические:*
 - диагностическая программа определения уровня сформированности деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками;
 - комплекс диагностических методик.

В начале опытно-экспериментальной работы были определены контрольная (КГ) и экспериментальная (ЭГ) группы респондентов. Выборка исследования представлена студентами педагогических специальностей УО МГПУ им. И. П. Шамякина (ЭГ – 245 чел.) и УО МГУ им. А. А. Кулешова (КГ – 241чел.). Всего респондентов – 486.

На констатирующем этапе эксперимента в качестве учебно-методического обеспечения мы использовали следующие *инструментально-диагностические материалы*: диагностическую программу определения уровня сформированности ДГБПкВДП, комплекс диагностических методик (таблица 1).

Таблица 1 – Диагностическая программа изучения уровня деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками

Компонент ДГБПкВДП	Критерий сформированности	Показатели сформированности	Диагностический инструментарий
<i>1. Мотивационно-аксиологический</i>	устойчивая мотивация к взаимодействию, основанная на гуманно-ценностном отношении к дезадаптированным подросткам	система мотивов (мотивации долга, мотивации достижения успеха) и ценностей педагога	опросник Е. И. Ильина «Сильно ли Ваше чувство долга»; методика А. А. Реана «Мотивация успеха и боязнь неудачи»; опросник ценностей Ш. Шварца (в адаптации В. Н. Карапашева)
<i>2. Когнитивно-содержательный</i>	деонтологическая осведомленность и эрудиция	системность, глубина, прочность нормативно-правовых, психолого-педагогических и деонтологических знаний	когнитивный тест (направлен на изучение уровня сформированности у студентов нормативно-правовых, психолого-педагогических и деонтологических знаний)
<i>3. Процессуально-деятельностный</i>	способность к осуществлению взаимодействия с дезадаптированными подростками	сформированность умений психотерапевтического взаимодействия с дезадаптированными подростками	анкета самооценки будущими педагогами умений взаимодействия с дезадаптированными подростками

Продолжение таблицы 1

<i>4. Аффективный</i>	управление эмоциональным состоянием	эмоционально-психологическая устойчивость педагога	методика «Шкала эмоциональной стабильности-нестабильности» Г. Айзенка
<i>5. Субъектно-личностный</i>	сформированность деонтологической позиции	сформированность деонтологического самосознания и деонтологического потенциала будущего педагога (направленность личности, совестливость, способность к эмпатии, личностные и профессиональные качества)	методика К. М. Левитана «Определите тип центрации – направленность вашей педагогической деятельности»; методика ПДТ В. Мельникова, Л. Ямпольского; шкала «Совестливость»; методика И. П. Юсупова «Способность педагога к эмпатии»; методика К. М. Левитана «Насколько у вас сформированы качества педагога»
<i>6. Рефлексивно-оценочный</i>	педагогическая рефлексия эффективности взаимодействия будущих педагогов с дезадаптированными подростками	сформированность самоанализа взаимоотношений с дезадаптированными подростками (осознание будущим педагогом значимости деонтологической подготовки, способность к профессиональному саморазвитию и т. д.)	анкета «Педагогическая рефлексия в области взаимодействия будущего педагога с дезадаптированными подростками»

Полученные обобщенные результаты констатирующего этапа эксперимента позволяют утверждать, что у большинства респондентов, принявших участие в исследовании, отмечался низкий уровень сформированности ДГБПкВДП. Отсутствие статистически значимых различий между уровнями сформированности искомой готовности у студентов ЭГ и КГ на данном этапе опытно-экспериментальной работы подтверждено с помощью U-критерия Манна-Уитни.

В ходе формирующего эксперимента студенты ЭГ были вовлечены во все виды деятельности (образовательную, внеаудиторную, научно-исследовательскую), предусмотренные разработанной организационно-педагогической моделью процесса в соответствии с выделенными этапами формирования ДГБПкВДП.

Репродуктивно-подражательный этап (1 курс). Цель – формирование первоначальной деонтологической грамотности. Содержание учебно-методического обеспечения на репродуктивно-подражательном этапе формирования ДГБПкВДП включало следующие *информационно-учебные материалы*: дополненное деонтологической составляющей содержание социально-гуманитарных («Философия»), общепрофессиональных («Педагогика», «Психология») дисциплин, которое способствовало овладению общепсихологическими и общепедагогическими знаниями и первоначальными умениями взаимодействия с дезадаптированными подростками.

На данном этапе применялись технология витагенного образования А. С. Белкина, антропные технологии, технология коллективной творческой деятельности (И. П. Иванова), технология диалога, технология мастерских ценностных ориентаций (Е. О. Галицких), игровые технологии, дискуссии, решение педагогических ситуаций, метод проектов, биографический метод, включенные в банк педагогических технологий.

Научно-исследовательская деятельность студентов на репродуктивно-подражательном этапе была представлена работой студенческого научно-исследовательского кружка «Педагогический театр “Личность”, которая осуществлялась на протяжении всех последующих этапов формирования ДГБПкВДП (подготовка и публикация научных работ; участие в конкурсах, олимпиадах, выставках,

научно-практических конференциях, подготовка литературно-педагогических композиций «Януш Корчак – жизнь отдаю детям», «А. С. Макаренко – дело жизни» и др.). Деятельность СНИК была обеспечена *нормативно-методическими материалами* – программой работы студенческого научно-исследовательского кружка «Педагогический театр “Личность”».

Познавательно-преобразующий этап (2 курс). Цель – овладение студентами целостной системой знаний деонтологической направленности. Содержание учебно-методического обеспечения на данном этапе было направлено на обогащение системы знаний студентов о сущности педагогической деонтологии, деонтологической готовности педагога и ее специфике в контексте взаимодействия с дезадаптированными учащимися.

В процессе работы со студентами мы применяли *учебно-методические материалы*: учебно-методическое пособие «Социальная работа с дезадаптированными подростками» с грифом УМО по гуманитарному образованию; электронные учебно-методические комплексы дисциплин по выбору: «Педагогическая деонтология: проблемы взаимодействия с дезадаптированными подростками» (гос. регистрация № 51420223000 от 06.04.2020 г.); «Деонтологическая готовность педагога: психологический аспект» (гос. регистрация № 51420223020 от 02.08.2020 г.); комплекс педагогических ситуаций, направленных на формирование у будущих педагогов навыков деонтологического взаимодействия с дезадаптированными подростками, банк педагогических технологий.

На лекционных занятиях по названным дисциплинам применялись разнообразные формы работы (лекция-«погружение», лекция-«парадокс», бинарная лекция), включающие методы проблемного, программируемого, проектного, развивающего и личностно ориентированного обучения, что обеспечивало качество усвоения теоретических знаний, являющихся базисом формирования ДГБПкВДП.

На познавательно-преобразующем этапе опытно-экспериментальной работы на базе УО МГПУ им. И. П. Шамякина был открыт центр педагогической деонтологии, осуществляющий научно-методическую работу в области педагогической деонтологии, волонтерский клуб «Особое сердце». Для структуризации деятельности данные направления были обеспечены следующими *нормативно-методическими материалами*: положением и планом работы Центра педагогической деонтологии; планом работы студенческого волонтерского клуба «Особое сердце».

Деонтологоповеденческий этап (3 курс). Цель – формирование умений психотерапевтического взаимодействия с дезадаптированными подростками. Содержание учебно-методического обеспечения на деонтологоповеденческом этапе предусматривало разработку и применение следующих методических материалов: планов-конспектов тренингов имитационно-игрового, проблемно-сituационного, конструктивно-творческого характера, комплекса деонтологических заданий по педагогической практике для студентов предвыпускных курсов. Отдельный комплекс заданий был разработан для летних педагогических практик в воспитательно-оздоровительных учреждениях образования.

Методические материалы, применяемые на данном этапе, способствовали овладению студентами конструктивными методами и приемами межличностного взаимодействия с дезадаптированными подростками на основе требований педагогической деонтологии.

Деятельностно-творческий этап (4 курс). Цель – самосовершенствование личности будущего педагога. Содержание учебно-методического обеспечения на деятельностно-творческом этапе предусматривало совершенствование деонтологического самосознания и деонтологического потенциала будущего учителя, умений рефлексивного анализа качества взаимодействия с дезадаптированными подростками.

На деятельностно-творческом этапе формирования ДГБПкВДП ведущее значение имела деятельность, организованная на базе центра педагогической деонтологии: научно-практические семинары, тренинги личностно-профессионального роста, индивидуальные и групповые консультации, волонтерская и научно-исследовательская деятельность.

Проектная деятельность (проект «Педагог XXI века»; республиканский экспериментальный проект, разработка проекта деонтологического кодекса педагога) была обеспечена следующими методическими материалами: программой социально-педагогического проекта «Педагог XXI века»; программой образовательного проекта «Апробация модели формирования деонтологической готовности педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками в учреждениях общего среднего образования и в условиях учреждений дополнительного образования детей и молодежи»), рекомендациями для педагогических работников учреждений общего среднего и дополнительного образования по организации деонтологического взаимодействия с дезадаптированными подростками разных типологических групп (размещены на Национальном образовательном портале).

На деятельностно-творческом этапе формирование деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками продолжилось посредством выполнения деонтологических заданий в условиях производственной педагогической практики на выпускном курсе. Данное направление деятельности было обеспечено комплексом деонтологических заданий для студентов выпускных курсов. В процессе производственной практики на выпускном курсе студенты знакомились с различными моделями и подходами к педагогической деятельности в условиях конкретного типа учебного заведения; спецификой взаимодействия педагогов с дезадаптированными подростками. Деонтологическое задание включало:

1. Раработку и реализацию проекта по проблемам деонтологического взаимодействия будущих педагогов с дезадаптированными подростками. Структура проекта: обоснование актуальности темы, научно-методическая разработка проблемы, анализ изучаемой проблемы в воспитательном процессе учреждения образования; разработка программы, сценариев воспитательных мероприятий деонтологической направленности, анкет и т. д.).

2. Разработку банка педагогических ситуаций взаимодействия будущего педагога с дезадаптированными подростками различных типологических групп с предложением вариантов решений (с выделением решения деонтологической направленности) и др.

Сравнительный анализ результатов проведенной опытно-экспериментальной работы подтвердил эффективность использования комплексного учебно-методического обеспечения в процессе формирования деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками. У студентов КГ была незначительная положительная динамика на высоком и среднем уровнях сформированности ДГБПкВДП. По сравнению с констатирующими экспериментом, показатели среднего уровня сформированности искомой готовности увеличились на 8,2 % (20 чел.), высокого – на 4,4 % (11 чел.). У студентов ЭГ значимые изменения наблюдались на всех уровнях сформированности готовности. Количество студентов со средним уровнем сформированности готовности возросло на 24,7 % (61 чел.) с высоким – на 38,1 % (105 чел.). Низкий уровень сформированности готовности на начало эксперимента составлял 58,7 % (141 чел.), по окончании опытно-экспериментальной работы остался у 9 % студентов (22 чел.).

Данные отражают существенные статистические различия между ЭГ и КГ после проведения формирующего эксперимента (p -уровень U критерия $<0,05$ ($U_{\text{эмп}} < U_{\text{кр}}$, при $p < 0,01$), которые подтверждают эффективность разработанного комплексного учебно-методического обеспечения процесса формирования ДГБПкВДП.

Заключение

1. Учебно-методическое обеспечение организационно-педагогической модели процесса формирования деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками имеет свою специфику на каждом этапе (репродуктивно-подражательном, познавательно-преобразующем, деонтологово-поведенческом, деятельностино-творческом) формирования ДГБПкВДП в зависимости от решаемых целей и задач.

2. Учебно-методическое обеспечение организационно-педагогической модели процесса формирования ДГБПкВДП является комплексным, его содержание представлено инструментально-диагностическими, информационно-учебными, нормативно-методическими, методическими (в их числе методические рекомендации для педагогических работников учреждений общего среднего и дополнительного образования по организации деонтологического взаимодействия с дезадаптированными подростками, которые размещены на Национальном образовательном портале РБ), учебно-методическими материалами, в числе которых учебно-методическое пособие «Социальная работа с дезадаптированными подростками».

3. Функциональное назначение комплексного учебно-методического обеспечения организационно-педагогической модели процесса формирования деонтологической готовности будущих педагогов к взаимодействию с дезадаптированными подростками заключается в том, что оно выступает в качестве инструмента системно-методического обеспечения процесса формирования ДГБПкВДП, его предварительного проектирования и объединяет в единое целое различные дидактические средства обучения, подчиняя их целям образования.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Орешкина, М. Е. Деонтология в профессиональной деятельности учителя-логопеда / М. Е. Орешкина // Внешкольник. – 2006. – № 12. – С. 15–17.

2. Кертаева, К. М. Формирование деонтологической готовности будущего учителя : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / Кертаева Калиябану Махметовна ; Алматин. гос. ун-т им. Абая. – Павлодар, 2003. – 248 л.
3. Коробова, Е. В. Формирование деонтологической готовности студентов университетов: на основе общих положений педагогической деонтологии : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Коробова Екатерина Викторовна ; Челяб. гос. пед. ун-т. – Челябинск, 2001. – 22 с.
4. Bentham, J. The Science of Morality / J. Bentham. – New York : Adamant Media Corp., 2000. – 691 p.
5. Гребенникова, В. М. Деонтологический подход к развитию профессионально-коммуникативной культуры руководителей общеобразовательных школ в системе повышения квалификации : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.08 / Гребенникова Вероника Михайловна ; Рос. гос. соц. ун-т. – М., 2013. – 318 л.
6. Левитан, К. М. Деонтологический аспект в высшем образовании / К. М. Левитан // Специальное образование. – 2015. – № 3. – С. 149–159.
7. Минаков, О. Д. Философские основы развития деонтологии как предметной области педагогической науки / О. Д. Минаков, Н. А. Фадюшина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика. – 2013. – № 4. – С. 18–20.
8. Олешкевич, В. И. Психология П. Я. Гальперина и ее культурно-исторический анализ / В. И. Олешкевич ; предисл. В. К. Зарецкий. – М. : Неолит, 2023. – 376 с.
9. Талызина, Н. Ф. Педагогическая психология : учеб. пособие для студ. сред. пед. учеб. заведений / Н. Ф. Талызина. – М. : Академия, 1998. – 288 с.
10. Сластенин, В. А. Педагогика: Инновационная деятельность / В. А. Сластенин, Л. С. Подымова. – М. : Изд-во Магистр, 1997. – 224 с.
11. Щербаков, А. И. Психологические основы формирования личности советского учителя в системе высшего педагогического образования / А. И. Щербаков. – Л. : Просвещение, 1967. – 268 с.

Поступила в редакцию 07.04.2025

E-mail: karpovich7359809@mail.ru

I. A. Karpovich

EDUCATIONAL AND METHODOLOGICAL SUPPORT FOR THE PROCESS OF FORMING FUTURE TEACHERS' DEONTOLOGICAL READINESS TO INTERACT WITH ADOLESCENTS DISPLAYING MALADAPTIVE BEHAVIOURS

The article reveals the content and functional purpose of the complex educational and methodological support for the process of successive formation of future teachers' deontological readiness to interact with adolescents displaying maladaptive behaviours, which is based on the organizational and pedagogical model, and analyzes the effectiveness of experimental work.

Keywords: deontological readiness of future teachers to interact with adolescents displaying maladaptive behaviours (DRFTtoIDA), organizational and pedagogical model, complex educational and methodological support for the process of forming DRFTtoIDA.

УДК 796.015.12:796.0-12.6:796.41-057.875

А. А. Курако¹, В. Н. Старченко²

¹Старший преподаватель кафедры спортивных дисциплин, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

²Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики физической культуры, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ ОСНОВ ДВИГАТЕЛЬНОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ГИМНАСТИКЕ

В статье представлена система средств формирования двигательного мышления. Раскрываются структура и принципы конструирования интеллектуально-двигательных упражнений как основных средств формирования двигательного мышления. Предъявлена система оформленных в виде учебных заданий интеллектуально-двигательных упражнений, направленных на формирование основ двигательного мышления студентов первого курса факультета физической культуры. Комплексы упражнений предназначены для выполнения студентами на практических занятиях по учебной дисциплине «Гимнастика и методика преподавания».

Ключевые слова: двигательное мышление, интеллектуальная деятельность, двигательная деятельность, методика, интеллектуально-двигательные упражнения, символьно-двигательные упражнения, пространственно-двигательные упражнения, учебные задания, студенты, гимнастика.

Введение

Проблема формирования двигательного мышления человека является актуальной и малоизученной. Актуальность разработки методики формирования основ двигательного мышления студентов заключается в том, что решение этой задачи физического воспитания способно улучшить интеллектуальную составляющую профессиональной деятельности будущих специалистов в области физической культуры и спорта (ФКиС). Под двигательным мышлением (ДМ) мы понимаем идеальную деятельность по выработке адекватных двигательных ответов на сигналы предметной области [1–5].

Двигательное мышление мы рассматриваем как подвид физкультурного мышления, которое является одним из видов мышления человека [1].

Мышление как тип умственной деятельности универсально. Однако в связи с той предметной областью, в которой оно применяется, выделяют разнообразные виды мышления. Оно бывает научным, физкультурным, двигательным, экономическим, математическим и т. д. Все существующие виды мышления отличаются друг от друга символико-семантическими образами предметной области, которыми оно оперирует и по законам которой действует [1–5].

Что касается двигательного мышления, то оно применяется в двигательной деятельности и призвано помогать человеку решать нестандартные двигательные задачи. Говоря иначе, ДМ – это структурно-функциональное образование, позволяющее человеку успешно решать двигательные задачи в условиях неопределенности, отсутствия готовых способов их решения, когда необходимо самостоятельно разработать адекватный двигательный ответ на нестандартную двигательную задачу.

В настоящее время методик и технологий развития ДМ у студентов нами в научной литературе не обнаружено. Однако известно исследование, посвященное разработке и апробации технологии развития ДМ у младших школьников [1]. Авторами была разработана соответствующая система педагогических воздействий, метрологически корректный интеллектуально-двигательный тест для контроля за уровнем сформированности ДМ младших школьников. Полученные авторами результаты позволили сделать вывод об эффективности разработанной ими педагогической технологии развития ДМ у младших школьников.

Нами разработана и успешно апробирована методика формирования основ ДМ у студентов факультета физической культуры, включающая систему средств, методов, форм педагогического воздействия, метрологически корректный диагностический инструментарий для контроля за уровнем сформированности основ ДМ студентов.

В данной работе мы предлагаем вниманию заинтересованных специалистов фрагмент этой методики, а именно систему разработанных нами и оформленных в виде учебных заданий интеллектуально-двигательных упражнений для вспомогательных частей занятия (подготовительной и заключительной) по учебной дисциплине «Гимнастика и методика преподавания».

Цель статьи – разработать и представить систему интеллектуально-двигательных (ИД) упражнений для вспомогательных частей практических занятий учебной дисциплины «Гимнастика и методика преподавания», направленных на формирование основ ДМ студентов.

Для достижения заявленной цели нам было необходимо решить следующие задачи:

1. Раскрыть структуру и принципы конструирования ИД упражнений.
2. В соответствии с принципами конструирования ИД упражнений разработать систему таких упражнений и оформить их в виде учебных заданий для вспомогательных частей занятия, направленных на формирование основ двигательного мышления студентов.

Методы и методология исследования

При проведении исследования использовались такие методы, как анализ научно-методической литературы по теме исследования и теоретическое моделирование.

Методология исследования состояла в том, чтобы, раскрыв структуру ИД упражнения и принципы его конструирования, разработать систему таких упражнений, направленных на формирование основ ДМ студентов при изучении учебной дисциплины «Гимнастика и методика преподавания». Разработанные нами ИД упражнения, используемые во вспомогательных частях практических занятий, стали компонентом методики формирования основ ДМ студентов.

Результаты исследования и их обсуждение

Разрабатывая методику формирования основ ДМ студентов, необходимо помнить, что применяемые в физическом воспитании упражнения по соотношению интеллектуальной и двигательной деятельности условно можно разделить на три группы:

– *собственно интеллектуальные* (упражнения направлены на решение интеллектуальной задачи – составление и разгадывание кроссвордов на физкультурную тематику, подготовка и написание конспектов занятий, рефератов, разработка комплексов упражнений, программ по физкультурным и спортивным дисциплинам);

– *интеллектуально-двигательные* (упражнения, в которых интеллектуальная составляющая преобладает над двигательной, например, выполнить расхождение на ограниченной опоре (бревне) максимальным количеством способов. Иными словами, человек, имея навык поддержания равновесия, должен придумать различные способы прохождения преграды (например, партнёр выступает в виде преграды, которую надо преодолеть, для этого ему предстоит выполнить расхождение на ограниченной опоре, не упав с неё). В случае многократного повторения одних и тех же способов у занимающихся формируется двигательный навык и ИД упражнение трансформируется в двигательное упражнение (ДУ), чего следует избегать. В свою очередь, ИД упражнения состоят из пространственно-двигательных, символьно-двигательных и комбинированных упражнений;

– *физические* (упражнения, в которых двигательная деятельность доминирует над интеллектуальной, направлены на решение двигательной задачи. Цель таких упражнений заключается в формировании двигательного умения (навыка), в повышении уровня физической подготовленности) [3; 4].

Формирование основ ДМ студентов возможно с использованием ИД упражнений. Конструирование этих упражнений мы осуществляли, опираясь на следующие принципы:

- доминирования интеллектуальной составляющей ИД упражнения над двигательной;
- разнообразия и многовариантности ИД задач и способов их решения;
- конструирования ИД упражнения на основе игрового и соревновательного методов;
- диагностичности результатов решения ИД задач [3].

Говоря о структуре ИД упражнения, выделяют две его составляющие: *интеллектуальную* и *двигательную*.

Интеллектуальная составляющая (мыследеятельность) предполагает полностью самостоятельное осмысление ИД задачи, поиск её решения, формирование проекта двигательного ответа.

Двигательная составляющая (двигательная деятельность) предполагает реализацию двигательного ответа, при этом студент опирается на свой двигательный опыт и физическую подготовленность.

При выполнении ИД упражнений приходится сначала осуществлять мыследеятельность, а потом – двигательную деятельность. Причём основную сложность представляет осуществление мыследеятельности, а двигательная деятельность носит вспомогательный характер.

Разработанная нами система ИД упражнений включает три группы упражнений, направленных на формирование основ ДМ студентов:

ИД упражнения для подготовительной части занятия;

ИД упражнения для основной части занятия;

ІД упражнения для заключительной части занятия.

В настоящей статье рассматриваются только ІД упражнения для подготовительной и заключительной частей занятия.

В группу ІД упражнений для подготовительной части занятия вошли упражнения, выполняемые фронтально-групповым методом в начале занятия и соответствующие следующим методическим требованиям:

- быть технически несложными;
- выполняться одинарным или совмещённым способом;
- состоять из хорошо знакомых студентам элементов;
- быть не травмоопасными.

В ІД задания были включены упражнения из различных групп знакомых студентам гимнастических упражнений (строевые, общеразвивающие, прикладные, вольные, прыжковые и др.). Все задания составлены в соответствии с требованиями и правилами гимнастической терминологии [6].

Например, студентам предлагалось запомнить и выполнить задание на два счёта: «1–2 – шаг вперёд». Далее группе предлагается задание на четыре счёта: «1–2 – поворот направо, 3–4 – приставной шаг влево» и т. д. Максимально сложное задание выполняется на 16 счётов. Переход к следующему заданию осуществлялся при условии правильного выполнения предыдущего всей группой. В случае ошибки задание повторяется, но не более трёх раз (как показывает практика, до трёх попыток дело не доходит).

Три версии комплексов учебных заданий для подготовительной части занятия представлены в таблицах 1–3.

Таблица 1 – Комплекс № 1 учебных заданий для подготовительной части занятия

№ п/п	Счет	Действие
		И.П. – о.с.
1	1–2	Шаг вперёд
2	1–2, 3–4	Шаг назад; поворот направо
3	1–2, 3–4, 5–6	Шаг вперёд; поворот кругом; прыжок на месте
4	1–2, 3–4, 5–6, 7–8	Поворот направо; шаг влево; поворот налево; шаг назад
5	1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10	Прыжок на месте; шаг вперёд; присед, упор присев; упор лежа, упор присев; встать, пауза
6	1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10, 11–12	Шаг вперёд; поворот налево; прыжком поворот кругом; выпад влево, руки на пояс, и.п.; выпад вправо, руки на пояс, и.п.; приставной шаг вправо
7	1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10, 11–12, 13–14	Поворот налево; выпад вправо – и.п.; поворот кругом; выпад влево – и.п.; приставной шаг вправо; прыжок на месте; поворот налево
8	1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10, 11–12, 13–14, 15–16	Поворот кругом; шаг назад; упор присев, прыжком упор лежа; сгибание-разгибание рук; прыжком упор присев – встать и.п.; шаг вперёд; поворот налево; два хлопка

Таблица 2 – Комплекс № 2 учебных заданий для подготовительной части занятия

№ п/п	Счет	Действие
		И.П. – о.с.
1	1–2	Поворот направо
2	1–2, 3–4	Поворот налево; приставной шаг вправо
3	1–2, 3–4, 5–6	Полуприсед, руки вперёд – встать и.п.; поворот направо; два хлопка
4	1–2, 3–4, 5–6, 7–8	Поворот налево; приставной шаг вправо; прыжком поворот кругом; руки в стороны – и.п.
5	1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10	Шаг вперёд; поворот налево, руки вверх – и.п.; полуприсед, руки в стороны – встать и.п.; прыжком, поворот кругом; приставной шаг вправо
6	1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10, 11–12	Шаг вперёд; поворот налево приставляя ногу, руки на плечи впереди стоящему; полуприсед – встать и.п.; поворот кругом; выпад влево, руки перед грудью – и.п.; выпад вправо, руки перед грудью – и.п.
7	1–3, 4, 5–6, 7–8, 9–10, 11–13, 14	Перестроение в две шеренги; пауза; поворот направо; приставной шаг наружу; приставной шаг вовнутрь; перестроение в одну колонну; пауза
8	1–4, 5–6, 7–8, 9–10, 11–14, 15–16	Перестроение из шеренги в колонну по три захождением отделений левые плечи вперёд; левую назад на носок, руки вверх – и.п.; правую назад на носок, руки вверх – и.п.; поворот кругом; перестроение в одну захождением отделений правые плечи вперёд; поворот кругом

Таблица 3 – Комплекс № 3 учебных заданий для подготовительной части занятия

№ п/п	Счет	Действие
		И.П. – о.с.
1	1–2	Руки вверх – и.п.
2	1–2, 3–4	Для первых – шаг вперёд, для вторых – поворот направо; для первых – поворот направо, для вторых – шаг вперёд
3	1–2, 3–4, 5–6	Шаг вперёд; поворот направо; руки в стороны, и.п.
4	1–2, 3–4, 5–6, 7–8	Поворот направо; приставной шаг влево; выпад влево, руки за голову – и.п.; выпад вправо, руки за голову – и.п.
5	1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10	Шаг левой с поворотом направо – приставить правую, руки на пояс; шаг влево – приставить ногу, руки перед собой; полуприсед, руки в стороны – встать и.п.; шаг влево, с поворотом налево – приставить ногу и.п.; два хлопка
6	1–2, 3–4, 5–7, 8, 9–10, 11–12	Для первых – шаг вперёд, для вторых – поворот направо; для первых – поворот направо, для вторых – шаг вперёд; перестроение в одну колонну; пауза; приставной шаг влево, руки в стороны – приставить правую, руки на плечи впередистоящему; приставной шаг вправо, руки в стороны – приставить левую, руки вниз
7	1–2, 3–4, 5–8, 9–10, 11–12, 13–14	Руки вперёд – руки вверх; поворот направо, руки в стороны – приставить ногу, руки на плечи впередистоящему; два приставных шага влево; поворот налево, руки вниз – приставить ногу; упор присев – прыжком, упор лёжа; прыжком, упор присев – встать и.п.
8	1–2, 3–4, 5–6, 7–8, 9–10, 11–12, 13–14, 15–16	Шаг вперёд; поворот направо; руки в стороны – и.п.; приставной шаг влево; выпад вправо, руки на плечи впередистоящему – и.п.; выпад влево, руки на плечи впередистоящему – и.п.; прыжком, стойка ноги врозь, руки в стороны – прыжком и.п.; два хлопка

В группу ИД упражнений для заключительной части занятия вошли пространственно-двигательные упражнения, при выполнении которых занимающийся осуществляет поиск и решает двигательные задачи, связанные с перемещением в пространстве.

Учитывая особенности заключительной части, а именно, необходимость постепенного снижения двигательной активности студентов и её продолжительность (10–15 % от общего времени занятия), рекомендуется использовать поточно-групповой метод организации деятельности занимающихся.

В таблицах 4 и 5 представлены учебные задания для заключительной части занятия, а на рисунке 1 даётся схематичное изображение условий выполнения пространственно-двигательных упражнений. Каждое задание имеет 8 вариантов.

Таблица 4 – Учебное ИД задание № 1 для заключительной части занятия

Цель	Формирование основ двигательного мышления студентов
Средства	Пространственно-двигательные упражнения
Методы	Словесной демонстрации, соревновательный
Содержание задания	Студенту предлагается прочитать в карточке-задании условия передвижения из точки А в точку Б, запомнить или самостоятельно выбрать маршрут движения и разработать оригинальный способ перемещения. Копировать уже продемонстрированные другими студентами способы перемещения нельзя (это требование не относится к заданиям, выполняемым с закрытыми глазами)
Вариант задания	<i>Условия выполнения задания</i>
Вариант 1.1	Точка А – первая секция гимнастической стенки, точка Б – пятая секция гимнастической стенки (рисунок 1а). Перемещаться по г/стенке в смешанном висе, причём один раз, касаясь пола любой частью тела кроме стоп, на каждой секции стенки
Вариант 1.2	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат (рисунок 1б). Перемещаться можно по любой траектории любыми способами, но на каждом мате необходимо выполнить оригинальный гимнастический или акробатический элемент
Вариант 1.3	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат, задана траектория движения (рисунок 1в). Перемещаться с закрытыми глазами, не касаясь матов
Вариант 1.4	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат, задана траектория движения (рисунок 1г). Перемещаться вдвоём, лицом друг к другу, взявшись за руки с закрытыми глазами, не касаясь матов
Вариант 1.5	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат (рисунок 1г). Перемещаться вдвоём, спиной друг к другу, взявшись за руки, с закрытыми глазами, не касаясь матов

Продолжение таблицы 4

Вариант 1.6	Точка А – первая секция гимнастической стенки, точка Б – пятая секция гимнастической стенки (рисунок 1е). Перемещаться любыми способами, обязательно используя пять секций гимнастической стенки и два гимнастических мата. Чем больше будет продемонстрировано различных элементов и движений, тем лучше
Вариант 1.7	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат, задана траектория движения (рисунок 1в). Перемещаться с закрытыми глазами, не касаясь матов, в прямом и обратном направлении (точки А→Б→А)
Вариант 1.8	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат, задана траектория движения (рисунок 1в). Перемещаться с закрытыми глазами на четвереньках, не касаясь матов
Способы мотивации	Словесное поощрение за правильно выполненное задание. Студенты ранжируются по результатам выполнения заданий в зависимости от количества набранных ими очков. За правильно выполненный вариант студенту начисляется 1 очко
Критерии успешности	Правильно выполненное учебное задание. Количество набранных очков

Таблица 5 – Учебное ИД задание № 2 для заключительной части занятия

Цель	Формирование основ двигательного мышления студентов
Средства	Пространственно-двигательные упражнения
Методы	Словесной демонстрации, соревновательный
Содержание задания	Студенту предлагается прочитать в карточке-задании условия передвижения из точки А в точку Б, запомнить или самостоятельно выбрать маршрут движения и разработать оригинальный способ перемещения. Копировать уже продемонстрированные другими студентами способы перемещения нельзя (это требование не относится к заданиям, выполняемым с закрытыми глазами)
Вариант задания	<i>Условия выполнения задания</i>
Вариант 2.1	Точка А – первая секция гимнастической стенки, точка Б – пятая секция (рисунок 1ж). Перемещаться по г/стенке в любом из смешанных висов, а далее переползать любым способом вокруг фишек по указанной траектории
Вариант 2.2	Точка А – первая секция гимнастической стенки, точка Б – пятая секция гимнастической стенки (рисунок 1а). Перемещаться по г/стенке в смешанном висе с предметом в руке, причём предмет можно перекладывать из руки в руку один раз, касаясь пола любой частью тела, кроме стоп, на каждой секции стенки
Вариант 2.3	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат, задана траектория движения (рисунок 1в). Перемещаться в упоре, присев сзади, с закрытыми глазами, не касаясь матов
Вариант 2.4	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат, задана траектория движения (рисунок 1в). Перемещаться на боку с закрытыми глазами, не касаясь матов
Вариант 2.5	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат (рисунок 1д). Перемещаться по заданной траектории, не касаясь матов, вдвоём, спиной друг к другу, удерживая спинами один набивной мяч
Вариант 2.6	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат (рисунок 1з). Перемещаться по заданной траектории, выполняя на матах любые гимнастические элементы. На каждом мате один элемент выполняется вперёд, а затем – назад. Чем больше будет продемонстрировано различных элементов и движений, тем лучше
Вариант 2.7	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат, задана траектория движения (рисунок 1в). Перемещаться любым танцевальным шагом с закрытыми глазами, не касаясь матов, в прямом и обратном направлении (точки А→Б→А)
Вариант 2.8	Точка А – первый гимнастический мат, точка Б – четвёртый гимнастический мат, задана траектория движения (рисунок 1в). Перемещаться любыми танцевальными шагами с закрытыми глазами, не касаясь матов, в прямом и обратном направлении (точки А→Б→А). На каждом повороте менять танцевальный шаг, громко его называя
Способы мотивации	Словесное поощрение за правильно выполненное задание. Студенты ранжируются по результатам выполнения заданий в зависимости от количества набранных ими очков. За правильно выполненный вариант студенту начисляется 1 очко
Критерии успешности	Правильно выполненное учебное задание. Количество набранных очков

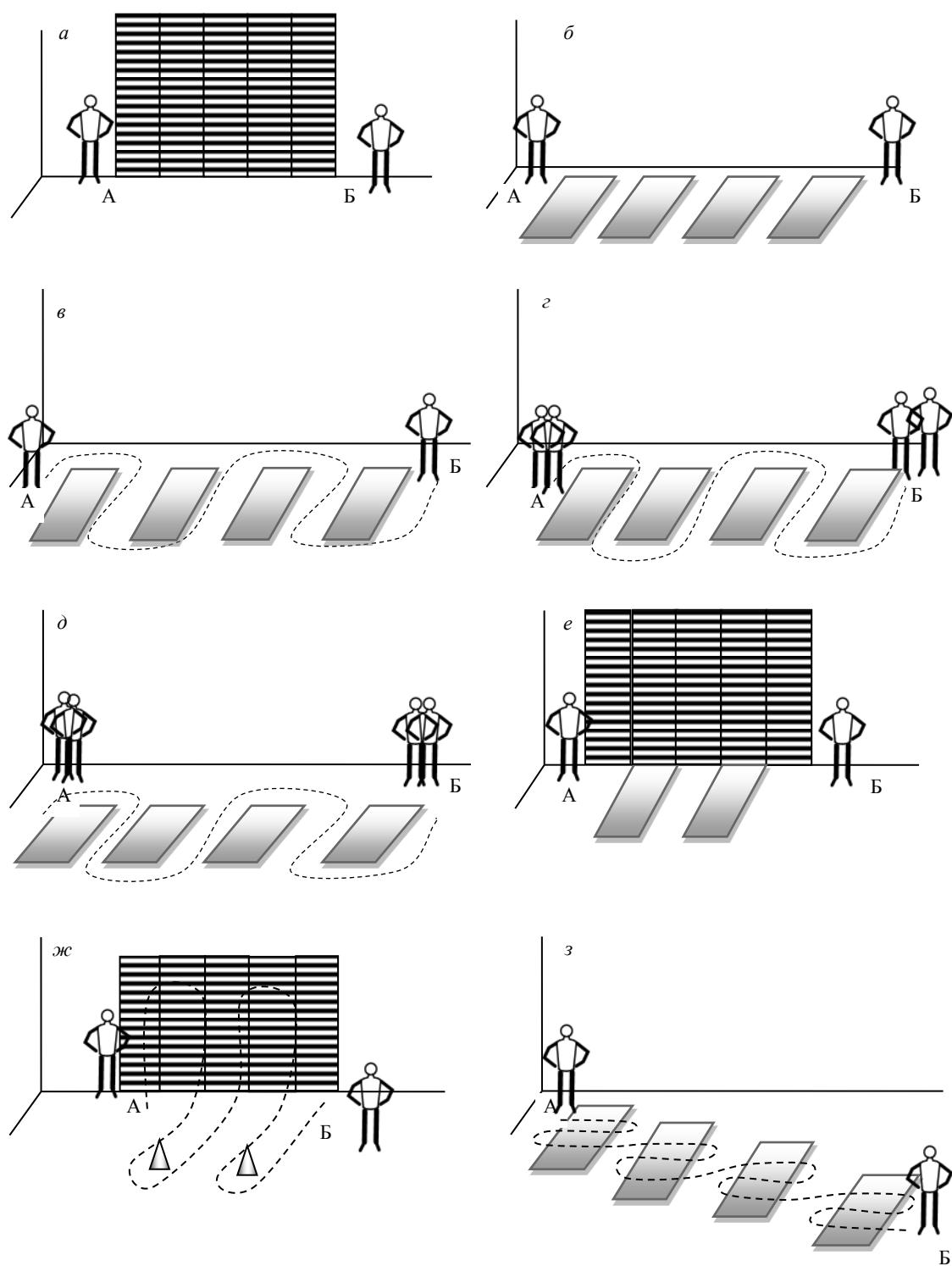

Рисунок 1 – Схематичное изображение условий выполнения пространственно-двигательных упражнений

Нами разработан семестровый план применения ИД упражнений (оформленных в виде учебных заданий) для студентов первого курса на занятиях по учебной дисциплине «Гимнастика и методика преподавания».

При планировании мы попытались оптимально распределить в рамках 16 предусмотренных учебным планом учебных занятий средства основного учебного материала и включить в содержание занятий разработанные нами ИД упражнения. При этом мы придерживались правила «Интеллектуально-двигательные упражнения не вместо, а вместе с традиционными средствами и методами обучения гимнастическим упражнениям».

На первом и последнем учебном занятии, с целью диагностирования уровня сформированности ИД мышления студентов, нами было запланировано тестирование.

На остальных 14 занятиях было запланировано выполнение ИД упражнений как в подготовительной, так и в основной, и в заключительной частях занятий. Причём в подготовительной части планировались символично-двигательные упражнения с опорой на слуховой анализатор студента, в основной – символично-двигательные упражнения с опорой на зрительный анализатор студента, а в заключительной – пространственно-двигательные упражнения. При этом применяемые в основной части символично-двигательные упражнения предполагали параллельное закрепление знания студентами понятийно-терминологического аппарата гимнастики.

При планировании использования ИД упражнений мы придерживались принципов постепенности, систематичности, конкретности, реальности и наглядности.

Заключение

Конструирование ИД упражнений осуществлялось на основе следующих принципов:

- доминирования интеллектуальной составляющей ИД упражнения над двигательной;
- разнообразия и многовариантности ИД задач и способов их решения;
- конструирования ИД упражнения на основе игрового и соревновательного методов;
- диагностичности результатов решения ИД задач.

В соответствии с этим нами разработаны три комплекса учебных заданий, в которые вошли 24 ИД упражнения для подготовительной части практических занятий по учебной дисциплине «Гимнастика и методика преподавания» с опорой на слуховой анализатор. Также разработаны восемь вариантов учебных заданий для заключительной части занятия.

Комплексы интеллектуально-двигательных упражнений для вспомогательных частей занятия (подготовительной и заключительной) являются неотъемлемой частью системы средств, направленных на формирование основ двигательного мышления у студентов, и могут быть применены в виде учебных заданий на практических занятиях по дисциплине «Гимнастика и методика преподавания».

Разработанные нами учебные задания, направленные на формирование основ двигательного мышления студентов, а также метрологически корректная диагностика уровня его сформированности [7] представляют собой целостную методику, частично апробированную нами на практических занятиях со студентами первого курса факультета физической культуры УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины».

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Старчанка, У. М. Рухальнае мысленне і тэхналогія яго развіцця / У. М. Старчанка // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2011. – № 1. – С. 167–172.
2. Старченко, В. Н. Физкультурная мыследеятельность и мышление / В. Н. Старченко // Мир спорта. – 2024. – № 1 (94). – С. 104–108.
3. Старченко, В. Н. Интеллектуально-двигательные упражнения как средство физического воспитания / В. Н. Старченко // Педагогическая наука и образование. – 2021. – № 3. – С. 69–79.
4. Старченко, В. Н. Средства формирования основ физкультурного мышления / В. Н. Старченко // Мир спорта. – 2024. – № 2 (95). – С. 83–88.
5. Старченко, В. Н. Мышление: становление понятия / В. Н. Старченко, Т. А. Чередник // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя С, Псіхолага-педагагічныя науکі. – 2020. – № 1. – С. 38–45.
6. Гимнастическая терминология для преподавателей, работающих со студентами в вузе : учеб.-метод. пособие / И. А. Филиппов, Л. А. Сверигина, И. В. Селиванова [и др.]. – Казань : Казанск. федеральн. ун-т, 2017. – 1 CD-ROM.

7. Старченко, В. Н. Теоретическое и метрологическое обоснование теста для определения уровня сформированности двигательного мышления студентов / В. Н. Старченко, А. А. Курако // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия Е, Педагогические науки. – 2023. – № 2. – С. 48–55.

Поступила в редакцию 15.04.2024

E-mail: kurako1972@gmail.com; Starch@yandex.by

A. A. Kuraka, U. M. Starchanka

MEANS OF FORMING THE BASICS OF STUDENTS' MOTOR COGNITION IN GYMNASTICS CLASSES

The article presents a system of means providing opportunities for motor cognition development and explores the structure and principles of designing cognitive-motor exercises as the primary means of shaping motor cognition. It also introduces a system of cognitive-motor exercises crafted as educational tasks for the development of motor cognition foundational skills in first-year students at the Faculty of Physical Education. These sets of exercises are intended for students to perform in practical classes as part of the academic discipline 'Gymnastics and Teaching Methods'.

Keywords: motor cognition, intellectual activity, motor activity, methodology, cognitive-motor exercises, symbolic-motor exercises, spatial-motor exercises, educational tasks, students, gymnastics.

УДК 613:796

Лю Я¹, Л. А. Глебова²

¹ Аспирант кафедры педагогики и психологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

Научный руководитель: Горовой Вячеслав Александрович, кандидат педагогических наук, доцент

² Аспирант кафедры теории и методики физической культуры,

УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

Научный руководитель: Горовой Вячеслав Александрович, кандидат педагогических наук, доцент

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ КИТАЙСКИХ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье рассмотрены текущие проблемы, связанные со здоровым образом жизни обучающихся Китайской Народной Республики (КНР). Проанализированы статистические данные участия молодого населения в национальных фитнес-мероприятиях КНР, а также в Sunshine Sports, в частности, в провинциях Чжэцзян и Цзянсу (являющимися самыми густонаселенными провинциями КНР). Установлено, что обучающимся не хватает знаний в области рационального питания, что у них накапливается дефицит сна, имеются проблемы социального взаимодействия.

Ключевые слова: обучающиеся, здоровый образ жизни, физическая культура.

Введение

Состояние здоровья китайских обучающихся зависит от множества факторов, включая образ жизни, образование, окружающую среду, экономику и т. д.

Проведенный макрообзор состояния здоровья обучающихся Китайской Народной Республики (КНР) за последние годы позволяет отметить, что с развитием социальной экономики и повышением уровня жизни населения состояние их здоровья в целом улучшилось. Согласно последним данным Национального исследования физического здоровья обучающихся, показатели их физического развития продолжают расти, а традиционные проблемы, такие как недоедание, эффективно решаются [1].

В то же время с развитием технологий и изменениями в образе жизни среди обучающихся становятся все более заметными такие проблемы, как малоподвижный образ жизни в течение длительного времени (просмотр Интернета, телевизора и т. д.) и отсутствие двигательной активности. Такой образ жизни оказывает негативное влияние на физическое здоровье обучающихся (например, возникает ожирение, сердечно-сосудистые заболевания, заболевания шейного отдела позвоночника и т. д.).

В рамках системы образования, ориентированной на зачеты и экзамены, китайские обучающиеся испытывают стрессовое влияние образовательной деятельности. Длительные часы учебы и отсутствие полноценного отдыха приводят к тому, что некоторые обучающиеся страдают от физической усталости, бессонницы, психологического стресса и других проблем [2]. В то же время департамент образования инициировал ряд мер по снижению нагрузки на обучающихся, однако реальных результатов еще не наблюдается.

Кроме того, в последние годы среди обучающихся постепенно увеличилось количество проблем с психическим здоровьем (депрессия, тревога, низкая самооценка и т. д.) [3], частично вызванных академическим давлением, семейными проблемами, межличностными отношениями и другими факторами. Следовательно, учреждения образования, семья и общество в целом нуждаются в большем внимании и усилиях по решению этих проблем.

Благодаря повышению осведомленности об охране окружающей среды и усилиению деятельности правительства в области экологического управления качество жизни обучающихся улучшилось. Однако такие проблемы, как загрязнение воздуха и раздражающий шум, все еще существуют и требуют дальнейшего внимания и решений.

Целью нашего исследования является выявление проблемных вопросов, связанных с формированием культуры здорового образа жизни обучающихся КНР.

Методы и методология исследования

В работе использовались следующие методы исследования: теоретическое изучение и анализ специальной научно-методической литературы, методы статистической обработки данных, посвященных исследованиям в области физического и психического здоровья обучающихся начальных и средних школ, высших профессиональных колледжей КНР.

Результаты исследования и их обсуждение

Текущая ситуация со здоровым образом жизни и культурными проблемами среди обучающихся КНР занимает важное место в области физической культуры. Как уже было отмечено, с развитием общества и современных технологий обучающиеся становятся более зависимыми от электронных продуктов, приводящих к недостатку двигательной активности, снижению физической формы и ухудшению здоровья.

Во-первых, у обучающихся недостаточно времени для занятий физической культурой. По данным соответствующего опроса, многие из них в свободное время предпочитают по несколько часов проводить за мобильными телефонами, телевизорами и компьютерными играми и редко участвуют в спортивных мероприятиях на свежем воздухе [4]. Некоторые из-за академического давления и высоких ожиданий родителей, особенно первокурсники, часто уделяют больше времени учебе и пренебрегают дополнительной двигательной активностью, что приводит к ее дефициту.

Во-вторых, большинство обучающихся полагаются на школьное образование в области физической культуры, а их двигательная нагрузка, как правило, связана с традиционными видами спорта, такими как бег, баскетбол, футбол и т. д. Использование только одного вида спорта приводит к утомлению интереса и снижению мотивации к длительным занятиям.

Кроме того, проблемой является и неадекватное физкультурно-спортивное оснащение спортивных сооружений, которые во многих учреждениях образования относительно простые и не имеют необходимых спортивных площадок и оборудования. Это затрудняет доступ к разнообразным физическим упражнениям, ограничивая развитие спортивного уровня и интересов обучающихся.

Длительное отсутствие двигательной активности может привести к таким проблемам, как снижение физической силы, ожирение и другим затруднениям со здоровьем. Кроме того, ее недостаток также влияет на когнитивные способности, внимание и результаты обучения студентов. Физические упражнения не только полезны для организма человека, но также имеют решающее значение для развития у студента чувства сотрудничества, командного духа, уверенности в себе и позитивного отношения к жизни [5].

Судя по статистическим данным, участие в национальных фитнес-мероприятиях КНР (374 млн китайцев) показывает, что значительная часть молодого населения обладает высокой мотивацией к занятиям физической культурой [6].

Так, доля жителей в возрасте 7 лет и старше, которые занимаются физическими упражнениями один или более раз в неделю, составляет 67,5 %, в том числе 70,4 % – в городской местности и 63,1 % – в сельской местности. Эти данные включают людей всех возрастов: детей, подростков, взрослых и пожилых людей.

Однако, если мы посмотрим данные только обучающихся средних школ и высших профессиональных колледжей, мы увидим, что из них доля занимающихся физическими упражнениями один или несколько раз в неделю достигает 81,1 %. Эти данные значительно превышают средний уровень для всех возрастных групп, что свидетельствует об относительно высоком уровне участия обучающихся в спортивных мероприятиях.

Кроме того, мы также выявили, что время занятий физическими упражнениями более 60 минут в день в группах обучающихся относительно велико и составляет 62,3 % [6].

Аналогичным образом, судя по статистическим данным, в национальной фитнес-деятельности КНР доля людей, регулярно занимающихся физическими упражнениями, составляет 37,2 %, из них 40,1 % – в городах, а 32,7 % – в сельской местности. Доля обучающихся, регулярно занимающихся физическими упражнениями, составляет 55,9 %, что значительно выше, чем в других группах.

Далее представим некоторые статистические данные об участии обучающихся в Sunshine Sports. Эти показатели взяты из Национального исследования молодежного спорта и ежегодных отчетов о молодежном спорте в различных провинциях и городах (таблица 1) [6].

Таблица 1 – Участие в национальной молодежной программе Sunshine Sports

Вид спорта	Уровень участия, %	Среднее время взаимодействия (часов в неделю)
Футбол	65,5	5,5
Баскетбол	62,8	4,8
Волейбол	57,3	4,2
Легкая атлетика	54,7	4,1
Плавание	52,1	3,8

Ниже приведены некоторые статистические данные об участии обучающихся (начальная и средняя школа) в соревнованиях в провинциях Чжэцзян и Цзянсу (эти две провинции являются самыми густонаселенными провинциями КНР).

Провинция Чжэцзян

Согласно опросу, 85,1 % учащихся начальной школы, 77,6 % учащихся младших классов средней школы и 69,4 % учащихся старших классов в провинции Чжэцзян могут заниматься физической культурой в течение одного часа каждый день.

Говоря о доступности занятий физическими упражнениями, отметим, что 96,3 % школ провинции Чжэцзян имеют возможность проводить дополнительные занятия физическими упражнениями, в том числе 98,5 % начальных школ, 93,7 % младших классов средней школы и 91,2 % старших классов средней школы.

Общий уровень соблюдения требований по физическому здоровью в провинции Чжэцзян (Национальный стандартный тест физического здоровья учащихся) составляет 40,2 %, в том числе 59,7 % – учащихся начальной школы, 47,6 % – учащихся младших классов средней школы и 40,8% – учащихся старших классов.

Провинция Цзянсу

По данным опроса, 83,7 % учащихся начальной школы, 74,9 % учащихся младших классов средней школы и 67,8 % учащихся старших классов в провинции Цзянсу могут заниматься физической культурой в течение одного часа каждый день.

Доступность дополнительных занятий физическими упражнениями: 94,7 % школ провинции Цзянсу могут предлагать занятия, в том числе 97,1 % – начальных школ, 90,2 % – младших классов средних школ и 89,3 % – старших классов средних школ.

Соблюдение требований Национального стандартного теста физического здоровья учащихся в провинции Цзянсу составляет 37,5 %, в том числе 58,1 % учащихся начальной школы, 46,4 % учащихся младших классов средней школы и 38,2 % учащихся старших классов.

С точки зрения рационального питания как компонента здорового образа жизни обучающихся средних школ и высших профессиональных колледжей КНР существуют некоторые проблемы.

Прежде всего, это распространенная проблема необоснованной структуры питания среди обучающихся. Исследование показывает, что питание многих обучающихся состоит из необходимых продуктов питания, но потребление ими овощей, фруктов и белков недостаточно [7]. Кроме того, обучающиеся обычно любят продукты с высоким содержанием соли, масла и сахара, например, фастфуд и закуски. Такая несбалансированная структура питания приводит к недостаточному и необъективному потреблению питательных веществ, что может легко привести к таким проблемам со здоровьем, как ожирение, диабет и хронические заболевания.

Во-вторых, пищевые привычки обучающихся несистематичны. Из-за академической нагрузки и напряженной жизни многие обучающиеся питаются нерегулярно. Они могут пропустить завтрак или выпить послеобеденный чай, перекусить поздно вечером и пропустить прием пищи. Такая привычка в питании негативно влияет на их пищеварительную функцию и энергоснабжение, что напрямую влияет на здоровье.

В-третьих, популярность фастфуда и обработанных пищевых продуктов также создала проблемы для здоровья обучающихся. Фастфуд и обработанные пищевые продукты часто богаты такими ингредиентами, как жиры, соль и сахар, а чрезмерное их потребление может привести к таким проблемам, как ожирение и сердечно-сосудистые заболевания [8]. Эти продукты очень привлекательны для обучающихся, а в некоторых районах традиционная культура питания постепенно вытесняется фастфудом западного образца.

Одним из аспектов, заслуживающим внимания в культурных вопросах здорового образа жизни обучающихся КНР, является качество сна.

Прежде всего, опросы показывают, что китайские обучающиеся обычно не высыпаются. Большинство обучающихся не высыпаются каждую ночь из-за академической нагрузки, общественной деятельности или зависимости от электронных устройств, таких как мобильные телефоны и компьютеры. Данные показывают, что обучающиеся спят в среднем от 6 до 7 часов в сутки, что по сравнению с рекомендованными медицинскими экспертами не менее 8 часов сна недостаточно [9].

Во-вторых, у многих обучающихся наблюдаются проблемы с бессонницей. Исследование показало, что значительное количество обучающихся часто или время от времени испытывают трудности с засыпанием, просыпаются ночью или слишком рано, что является проявлением бессонницы [10]. Такие факторы, как академический стресс, социальная тревожность и беспокойство о будущем, оказывают негативное влияние на сон, его качество [11], что в целом негативно влияет на их здоровье [12].

Проблема социального взаимодействия обучающихся КНР является также важным аспектом вопросов культуры здорового образа жизни.

Прежде всего, популярность виртуальных социальных сетей оказала глубокое влияние на общественное взаимодействие обучающихся. Большое количество обучающихся зависимы от онлайн-платформ, таких как WeChat, QQ, Weibo и т. д., и проводят много времени, общаясь с другими людьми в виртуальном мире. Это приводит к тому, что обучающиеся меньше контактируют лицом к лицу с реальным миром и им не хватает возможностей для прямого социального взаимодействия.

Во-вторых, проблема общественной тревожности более заметна среди обучающихся. Исследования показали, что многие обучающиеся страдают от симптомов тревожности из-за таких факторов, как повышенное академическое давление, мысли и предположения относительно будущих событий, самооценка [13]. Они могут бояться социальных ситуаций и беспокоиться о том, что их осудят и отвергнут, что приводит к отстранению или избеганию нормального общественного взаимодействия с другими.

Кроме того, в последние годы некоторые обучающиеся для общения стали чрезмерно полагаться на мобильные телефоны и Интернет, игнорируя при этом реальные социальные возможности для этого. Чрезмерная зависимость от виртуальных сетей не только влияет на тесные отношения обучающихся с другими людьми, но также может вызвать чувство одиночества и оторванности от реальности [14].

Одну из важных ролей в формировании здорового образа жизни и культурных вопросах обучающихся играет семейное воспитание.

Во-первых, в некоторых семьях наблюдается пренебрежение и невмешательство. Данные опроса показывают, что имеются семьи, пренебрегающие рациональным питанием, физическими упражнениями и сном своих детей в связи с трудовой деятельностью и другими причинами, что приводит к развитию у молодежи вредных жизненных привычек. Кроме того, некоторым родителям не хватает научных знаний и правильных рекомендаций по данным вопросам [15].

Во-вторых, проблемой также является чрезмерная опека. Данные показывают, что некоторые родители чрезмерно защищают и берегут своих детей, в результате чего им не хватает самостоятельности и самодисциплины. Чрезмерная опека и избалованность могут легко привести к развитию у них неспособности справляться с трудностями и неудачами, что влияет на их психическое здоровье [16].

Кроме того, некоторым детям не хватает положительных примеров для подражания. Данные показывают, что поведение и привычки родителей оказывают большое влияние на образ жизни и привычки детей [17]. Если у самих родителей нет хороших жизненных привычек, таких как здоровое питание, отсутствие физических упражнений и т. д., дети, скорее всего, будут подражать тем же формам поведения.

Заключение

Таким образом, существует множество проблем с состоянием здоровья обучающихся КНР. Чтобы улучшить эту ситуацию, необходимо начинать со многих аспектов, включая улучшение образа жизни, снижение учебной нагрузки, обращение внимания на психическое здоровье, улучшение качества окружающей среды и т. п.

Выявлено, что участие молодых студентов в Sunshine Sports в провинциях Чжэцзян и Цзянсу в целом удовлетворительно. Однако, говоря о возможности организации дополнительных занятий физическими упражнениями и выполнении Национального стандартного теста физического здоровья обучающихся – данные в обеих провинциях ниже, чем средний показатель по стране. Это показывает, что в двух провинциях еще есть возможности для улучшения физического воспитания и необходимо принять меры для повышения физической подготовки обучающихся и их стремления к занятиям (Sunshine Sports) видами спорта.

Кроме того, обучающимся не хватает знаний в области рационального, здорового питания. Без научных знаний о питании и правильных диетических концепций обучающиеся могут легко приобрести вредные привычки в еде.

Хроническое отсутствие достаточного сна приводит к ухудшению психического и физического здоровья обучающихся, отрицательно сказывается на учебе, снижает гибкость мышления и творческие способности.

Проблемы с социальным взаимодействием обучающихся негативно отражаются на их здоровье, а отсутствие реального личного общения может привести к чувству одиночества, социальным трудностям, эмоциональным проблемам и многому другому. Поэтому важно отметить, что адекватное общественное взаимодействие необходимо для психического их здоровья и развития в обществе.

Вопросы культуры здорового образа жизни обучающихся тесно связаны с семейным воспитанием и оказывают глубокое влияние на их здоровье. Должное семейное воспитание может помочь сформировать у детей навыки самодисциплины и хорошие жизненные привычки, способствующие сохранению здоровья.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. 薛原. 生命化教育视野下中学体质健康教育研究 / 薛原. – 上海 : 华东师范大学, 2021. – 65 p. = Сюэ Юань. Исследование воспитания в области физического здоровья в средней школе с точки зрения образования, ориентированного на жизнь / Сюэ Юань. – Шанхай : Вост.-Кит. пед. ун-т, 2021. – 65 с.
2. 张向东. 中职学生体质健康现状研究综述及分析 / 张向东 // 体育风尚. – 2018. – № 12. – 36 p. = Чжан Сяндун. Обзор и анализ результатов исследования современного состояния физического здоровья учащихся средних профессиональных учебных заведений / Чжан Сяндун // Спортивная мода. – 2018. – № 12. – 36 с.
3. 李佳. 新时代视域下高职院校心理健康教育实施路径探析 / 李佳 // 湖北经济学院学报(人文社会科学版). – 2020. – № 17 (04). – Р. 121–123. = Ли Цзя. Анализ путей внедрения образования в области психического здоровья в высших профессиональных колледжах в соответствии с концепцией новой эры / Ли Цзя // Журнал Института экономики провинции Хубэй (издание гуманитарных и социальных наук). – 2020. – № 17 (04). – С. 121–123.
4. 刘泓辰. 初中生健康生活素养现状调查与提升策略研究 / 刘泓辰. – 重庆 : 西南大学, 2021. – 89 p. = Лю Хунчэн. Исследование текущей ситуации с грамотностью учащихся младших классов средней школы в области здорового образа жизни и разработка стратегий ее улучшения / Лю Хунчэн. – Чунцин : Юго-Зап. ун-т, 2021. – 89 с.
5. 黄敬亨. 健康教育学 / 黄敬亨. – 第4版. – 上海 : 复旦大学出版社, 2006. – 34 p. = Хуан Цзинхэн. Медицинское просвещение / Хуан Цзинхэн. – 4-е изд. – Шанхай : Изд-во ун-та Фудань, 2006. – 34 с.
6. 国家统计局. 中国统计年鉴. 2022. – 北京 : 国统计出版社, 2022. – 33 p. = Национальное бюро статистики. Статистический ежегодник Китая. 2022. – Пекин : Нац. стат. служба, 2022. – 33 с.
7. 黄希斌. 对大学生生活习惯与保健行为的探讨 / 黄希斌, 方孺钦 // 北京体育学院学报. – 2018. – № 25 (5). – Р. 109–111. = Хуан Сибинь. Обсуждение жизненных привычек и поведения студентов колледжа в области охраны здоровья / Хуан Сибинь, Фан Рукинь // Журнал Пекинского института физического воспитания. – 2018. – № 25 (5). – С. 109–111.
8. 张启珍. 吉林省普通高中健康教育专题的现状调查与对策研究 / 张启珍. – 长春 : 东北师范大学, 2017. – 147 p. = Чжан Цичжэн. Исследование текущей ситуации и мер противодействия санитарному просвещению в обычных средних школах провинции Цзилинь / Чжан Цичжэн. – Чанчунь : Сев.-Вост. пед. ун-т, 2017. – 147 с.
9. 刘飒. 青少年睡眠与执行功能的相关研究 / 刘飒. – 上海 : 上海交通大学, 2019. – 90 p. = Лю Са. Исследование сна и исполнительной функции у подростков / Лю Са. – Шанхай : Шанх. ун-т Цзяотон, 2019. – 90 с.
10. 喜临门 : 中国睡眠指数报告, 2021. = Силиньмэн : отчет по индексу сна в Китае, 2021. – URL: https://www.sleemon.cn/web/sleec_guide.html (дата обращения: 22.04.2024).
11. 睡眠状况与青少年心理行为问题关联研究 / 汪倩玲, 张新东, 伍晓艳, 等 // 中华流行病学杂志. – 2021. – № 42 (05). – Р. 859–865. = Исследование связи между состоянием сна и психологическими и поведенческими проблемами подростков / Ван Цяньлин, Чжан Синьдун, У Соянь [и др.] // Китайский журнал эпидемиологии. – 2021. – № 42 (05). – С. 859–865.
12. 李冰. 睡眠剥夺对青少年情绪影响研究进展 / 李冰, 刘成禹, 王富春 // 临床医药文献电子杂志. – 2020. – № 7 (04). – Р. 189–190 = Ли Бин. Прогресс в исследованиях влияния недосыпания на настроение подростков / Ли Бин, Лю Чэньюй, Ван Фучунь // Журнал клинической медицинской литературы. – 2020. – № 7 (04). – С. 189–190.
13. 刘洋. 初中生焦虑抑郁情绪与生活方式的关系 / 刘洋, 张伟波, 蔡军 // 中国心理卫生杂志. – 2017. – № 31 (03). – Р. 235–240. = Лю Ян. Взаимосвязь между тревожностью и депрессией и образом жизни учащихся младших классов средней школы / Лю Ян, Чжан Вэйбо, Цай Цзюнь // Китайский журнал психического здоровья. – 2017. – № 31 (03). – С. 235–240.

14. 吴贻乐. 安徽省某农村地区青少年社交焦虑及其影响因素的两年随访研究 / 吴贻乐. – 安徽 : 安徽医科大学, 2015. – 47 p. = У Илэ. Двухлетнее последующее исследование социальной тревожности и факторов, влияющих на нее, среди подростков в сельской местности провинции Аньхой / У Илэ. – Аньхой : Мед. ун-т Аньхой, 2015. – 47 с.
15. 家庭氛围与父母受教育程度对青少年抑郁影响 / 季冬, 陈虹, 钱淼, 等 // 中国公共卫生. – 2018. – № 34 (01). – Р. 38–41 = Влияние семейной атмосферы и уровня образования родителей на подростковую депрессию / Цзи Дон, Чэн Хун, Чжоу Мяо [и др.] // Общественное здравоохранение в Китае. – 2018. – № 34 (01). – С. 38–41.
16. 贝克尔. 家庭论 / 贝克尔 ; 译王献生, 王宇. – 北京 : 商务印书馆, 2005. – 231 p. = Беккер. Теория семьи / Беккер ; пер. Ван Сяньшэна, Ван Ю. – Пекин : Коммерч. пресса, 2005. – 231 с.
17. 关颖. 父母教育方式与儿童社会性发展 / 关颖, 刘春芬 // 心理发展与教育. – 2018. – № 4. – Р. 66–67 = Гуань Ин. Методы воспитания родителей и социальное развитие детей / Гуань Ин, Лю Чуньфэн // Психологическое развитие и образование. – 2018. – № 4. – С. 66–67.

Поступила в редакцию 10.02.2025

E-mail: lusiamozyr@bk.ru

Liu Ya, L. A. Glebova

KEY ISSUES OF HEALTHY LIFESTYLE CULTURE OF CHINESE STUDENTS

The article examines current issues related to healthy lifestyles of students in the People's Republic of China (PRC). The statistical data on the participation of young people in national fitness events in China, as well as in Sunshine Sports, in particular in Zhejiang and Jiangsu provinces (the most populous provinces in China) have been analyzed. It has been established that students lack knowledge in the field of rational nutrition, accumulate sleep deficit, and have problems with social interaction.

Keywords: students, components, healthy lifestyle, physical culture.

УДК 373.21

Л. Н. Полын

Магистрант кафедры психологии и социальной педагогики,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

Научный руководитель: Болбас Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент

РАЗВИТИЕ СИСТЕМНО-КРЕАТИВНОГО МЫШЛЕНИЯ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА СРЕДСТВАМИ STEM-ТЕХНОЛОГИЙ

В статье актуализируются вопросы развития системно-креативного мышления у воспитанников учреждений дошкольного образования. В решении данной задачи автором раскрываются возможности STEM-технологий, представленных системой образовательных модулей, в основе которых – экспериментирование с живой и неживой природой, математическое развитие и робототехника MАТАLАB. Акцентируется внимание на практической работе с детьми 5–6 лет через систему интеллектуально-развивающих ситуаций, включение воспитанников в различные виды исследовательской, творческой деятельности и научно-технического творчества, что экологично для дошкольного возраста и эффективно для развития их системно-креативного мышления.

Ключевые слова: системно-креативное мышление, STEM-технологии, дошкольный возраст, образовательные модули, программирование, MАТАLАB.

Введение

В сложившейся социокультурной ситуации одной из задач современного образования выступает формирование конкурентноспособной личности, творчески, системно и креативно мыслящей, эффективноправляющейся с вызовами времени. Человек, способный порождать новые идеи, создавать уникальные продукты, находить нестандартные решения, востребован уже сегодня, и потребность в таких людях в будущем будет лишь возрастать. Это вызывает необходимость актуализации задач развития креативности у подрастающего поколения, что наиболее эффективно осуществлять в дошкольном возрасте. Ребенок в этот период открыт для восприятия мира и любознательен, свободен от штампов и стереотипов, что способствует расширению его познавательных интересов, фантазированию и продуцированию идей. Однако есть обстоятельства, которые требуют некоторого уточнения этих задач. В первую очередь речь идет об информационной среде и стремительном росте объема информации, приводящим к тому, что современные дети пребывают в зоне так называемого постоянного «разумного хаоса» и сталкиваются, с одной стороны, с потребностью, с другой – с трудностями обработки, освоения, систематизации приобретенного знания, его встраивания в контекст собственной картины мира. Такого рода проблемы требуют развития креативного мышления у дошкольников в тесной связи с развитием системного, что будет способствовать осмысливанию новых, сгенерированных дошкольником в процессе поиска идей, явлений и ситуаций в их системности и наполненности множественными связями. Именно системно-креативное мышление во многом обеспечивает адаптивность поведения личности в условиях нестабильного и непредсказуемого, перенасыщенного информацией мира. Эффективным педагогическим инструментарием в решении таких задач являются STEM-технологии, которые получают активное распространение в образовательной практике, но в то же время требуют научно-теоретического осмысливания относительно их экологичности, применимости и эффективности в процессе формирования системно-креативного мышления у дошкольников. Анализ научной литературы показал, что исследования по данной теме касаются формирования у дошкольников в отдельности либо креативного (М. А. Букина, Е. В. Везетину, И. А. Майданник, Э. В. Николаева, А. Г. Щупак и др.), либо системного мышления (И. Я. Гуткович, М. С. Кричевцова, Ю. А. Панова, Т. А. Сидорчук, З. А. Филинцева и др.). Что касается STEM-технологий, то использованию их в дошкольном образовании посвящены работы И. А. Гнидкиной, Е. В. Зверач, О. В. Нефедовой, А. С. Никоновой, Н. П. Ходаковой и др. При этом исследования, аккумулирующие в себе все обозначенные нами аспекты, отсутствуют, что и обусловило цель данной статьи – раскрыть возможности STEM-технологий в развитии системно-креативного мышления у детей старшего дошкольного возраста.

Методы и методология исследования

Методология исследования определена его целью и представлена системным подходом, общелогическими методами (анализ и синтез, индукция и дедукция, обобщение и систематизация); методами теоретического исследования (идеализация, формализация, анализ научной литературы, сравнительный и причинно-следственный анализ).

Результаты исследования и их обсуждение

Понятие «системно-к创тивное мышление» достаточно ново для педагогической науки и представлено в научной литературе как мышление, которое активизирует креативность ребенка в процессе решения существующих проблем и поиска новых возможностей, позволяет увидеть альтернативные варианты решения сложных задач и новые возможности развития проблемной ситуации [1, с. 17]. В анализе данного понятия большинство исследователей прибегают к выявлению сущности отдельно системного и отдельно креативного мышления, определяя их структурными компонентами системно-к创тивного мышления [2]. Однако не менее важной является связь между ними, которая обуславливает интегративные, системные характеристики анализируемого понятия, выходящие за рамки свойств его компонентов. Относительно данной связи мнения ученых расходятся. Есть точка зрения, что это вообще противоположные способности, которые не могут быть сосредоточены в одном человеке, так как системному человеку сложно выйти за рамки определенной системы, а креативному – наоборот, проблематично создать упорядоченную систему и функционировать в ней [2]. Природе человека присуща целостность, которую составляют различные элементы, часто противоположные, но при этом гармонично взаимодействующие [3]. Такие аргументы определяют возможность системно-к创тивного мышления и процесс его развития. Его внутренний синтез проявляется в способностях креативного мышления находить новые решения, а системного – упорядочивать беспорядочность креативного и встраивать новые решения в строгую и целостную систему научных знаний. Личность с данным типом мышления характеризуется многомерностью восприятия реальности, инвариантностью мышления, способностью совмещать иррациональные и рациональные способы познания мира, которые являются востребованными в современном мире, отличающимся сложностью и непостоянством.

Развитие системно-к创тивного мышления у детей дошкольного возраста особенно актуально на этапе перехода от наглядно-образного мышления к абстрактно-логическому, т. е. в старшем дошкольном возрасте, так как «именно в этом возрастном периоде у детей возникает потребность к накоплению и систематизации знаний» [4, с. 143]. Современные исследователи (З. Л. Решетова, И. Б. Новика, В. П. Кузьмина, Л. Я. Зорина и др.) рассматривают системное мышление как наиболее продуктивную форму теоретического мышления в процессе познания в целом и процессе обучения в частности. Системно-к创тивное мышление, на наш взгляд, проявляется в конкретной способности ребенка анализировать объект как систему связанных элементов, выделять ее общий принцип построения и конструировать на его основе новую систему. У детей дошкольного возраста уже есть для этого предпосылки, и в возрасте 5–6 лет наиболее эффективно осуществлять данный процесс. В связи с этим необходимым является разработка и подбор педагогического практико-ориентированного инструментария, который позволит оптимально решать такие задачи. Чтобы достичь нужных результатов, необходимо умело и грамотно сочетать традиционные подходы в образовании и инновационные образовательные педагогические технологии, базируясь на выверенных методологических основаниях. В. С. Болбас подчеркивает, что «практическое преобразование какого-либо объекта не может не опираться на поиск оптимальных путей его осуществления, что значительно облегчается, если используются уже выявленные и обоснованные подходы, методы и средства организации подобной деятельности» [5, с. 29].

Поиск наиболее эффективных способов развития системно-к创тивного мышления у современных детей и опыт работы в учреждении дошкольного образования привели к осознанию и практической апробации педагогических ресурсов STEM-технологий. В настоящее время в системе дошкольного образования Республики Беларусь активно развивается система STEM-образования, реализующаяся посредством инновационных и pilotных проектов образовательного отдела Парка высоких технологий: «Информатика без розетки», «Робоалгоритмик», «Лаборатория открытый».

Основная цель STEM-образования заключается в развитии интеллектуальных способностей детей через вовлечение их в научно-техническое творчество и наиболее точно соотносится с понятием «образование по естественно-научным и техническим специальностям» [6, с. 7]. Это находит отражение в самой аббревиатуре STEM, объединяющей следующие понятия: наука (SCIENCE), технология (TECHNOLOGY), инженерия (ENGINEERING), математика (MATH). Концептуальная основа STEM-технологий представлена теорией развивающего обучения, научными идеями

Л. С. Выготского о зоне ближайшего развития и теорией когнитивного развития Ж. Пиаже, определяющей необходимость опосредованного контакта ребенка с миром через действие.

Данным технологиям в образовательном процессе учреждения дошкольного образования уделяется много внимания ввиду их возможностей проецироваться на различные виды деятельности воспитанников и внутренне интегрировать изучаемые детьми образовательные модули, что нацеливает на комплексность их использования в процессе воспитания и обучения. STEM-технологии реализуются через систему образовательных модулей: «Дидактическая система Фридриха Фребеля», «Экспериментирование с живой и неживой природой», «Лего-конструирование» (STEM-конструирование), «Математическое развитие», «Робототехника Matatalab».

Практические занятия в рамках STEM-подхода отличает направленность на тесную связь получаемого детьми знания с реальной жизнью, постижение способов его применения в различных жизненных ситуациях. На начальном этапе педагог, моделируя проблемные ситуации, наглядно и доступно демонстрирует данные способы, стимулируя детей к самостоятельному поиску практических решений. Далее, при реализации каждого проекта, максимально проявляя свою фантазию, дети дошкольного возраста самостоятельно создают собственные образовательные продукты, представляющие собой, по сути, аналоги существующих в реальной жизни, выпускаемых промышленностью предметов. При осуществлении такой деятельности у них формируется уверенность в своих силах, развивается воображение и системно-креативное мышление, так как в ходе опытов дети учатся анализировать явление, наблюдают за изменениями агрегатных состояний, делают выводы, выдвигают гипотезы. Они получают новые знания путём исследовательской и проектной деятельности, участвуя визуально и понимать проблему и явление с разных сторон, видеть связь между частями. Такое мышление позволяет воспитанникам научиться видеть одновременно систему явлений, надсистему, подсистему и связи между ними и внутри них. Для занятий с использованием STEM-подхода характерны командные формы работы, которые обеспечивают продуктивное взаимодействие воспитанников и создают ситуации взаимной проверки выполненных упражнений. Важным при этом является создание условий для свободного самовыражения ребенка, высказывания им своего мнения, собственной точки зрения. Основной этап занятия педагог посвящает познавательно-практической деятельности, когда воспитанники наблюдают за явлениями и предметами, разрабатывают игровые поля, придумывают захватывающие сюжеты для робота, тем самым находятся в постоянном общении и взаимодействии как с педагогом, так и с товарищами по игре.

Упражнения игрового формата в контексте STEM-технологий реализуются как непосредственно на занятиях, так и в рамках свободной игровой деятельности, и направлены на развитие системно-креативного мышления путем разрешения проблемных ситуаций, которые могут возникнуть в их обычной жизни. В игре воспитанники создают разнообразные продукты детской деятельности. Столяры строят мебель, строят дома, запускают воздушные шары, тестируя роботов и электронные игры, разрабатывая свои подводные и воздушные конструкции, они делают и пробуют, дорабатывают и снова тестируют, совершенствуя таким образом свой продукт. Самостоятельность ребенка в достижении своей цели усиливает его уверенность в себе, что крайне важно для формирующейся личности.

Каждый опыт (эксперимент) в рамках образовательного модуля «Экспериментирование с живой и неживой природой» является по сути мини-проектом, который тщательно изучается и позволяет получить более обширные и системные знания об окружающем мире. Разнообразие и увлекательность экспериментов «Башня плотности», «Подводная лодка», «Фильтр для воды», «Капиллярный эффект», «Солнечные часы» способствуют развитию устойчивости у дошкольников познавательного интереса. Развитые исследовательские способности детей становятся залогом не только успешного освоения всех модулей программы STEM-технологии, но и обеспечивают достижения в освоении учебных предметов. В то же время образовательный модуль «Экспериментирование с живой и неживой природой» находит непосредственное продолжение на первой ступени общего среднего образования в исследовательской деятельности, которая обеспечивает формирование таких способностей детей, как умение видеть проблемы, задавать вопросы разных типов, формулировать гипотезу, давать определение понятиям, классифицировать, собирать и анализировать информацию из различных источников, наблюдать, проводить эксперимент, делать выводы и умозаключения, защищать результаты исследования [7, с. 22].

Особую роль в развитии системно-креативного мышления у детей старшего дошкольного возраста играет образовательный модуль «Математическое развитие», который предполагает комплексное решение задач математического развития и информатики с учетом возрастных и индивидуальных особенностей детей по направлениям: величина, форма, пространство, время, количество и счет в сочетании с элементарными представлениями в информатике: истина и ложь,

отрицание по аналогии, кодирование и декодирование информации, знакомство с алгоритмами. В процессе освоения компонентов образовательной области «Элементарные математические представления» у воспитанников формируются основные операции мышления, необходимые для развития системного мышления: классификация, систематизация, анализ, синтез, обобщение. Классифицируя геометрические фигуры, воспитанники учатся определению предметов какого-либо рода на группы согласно наиболее существенным признакам, присущим предметам данного вида и отличающим их от предметов других видов. Для проведения классификации детям необходимо уметь анализировать предметы, сопоставлять (соотносить) друг с другом отдельные их элементы, находить в них общие признаки, осуществлять на этой основе обобщение, распределять предметы по группам на основании выделенных в них и отраженных в слове – названии группы – общих признаков. Изучаемые объекты организуются в определенную систему на основе выбранного принципа, устанавливаются причинно-следственные отношения, выделяются основные заданные признаки, которые позволяет рассматривать конкретный объект как часть целой системы. Если признаки отрицаются, воспитанники осуществляют операцию «отрицание по аналогии» и подбирают группу предметов, используя частицу НЕ. Например, в обруч красного цвета необходимо положить геометрические фигуры НЕ зеленого цвета, НЕ круглой формы и НЕ большого размера.

Данный модуль реализуется в учреждениях дошкольного образования в рамках образовательного проекта Парка высоких технологий «Информатика без розетки» и способствует развитию логики и алгоритмического мышления у воспитанников. Это уникальная методика, которая позволяет выявлять задатки детей старшего дошкольного возраста и в игровой форме занятий развивать у них основы алгоритмического мышления и логики как основы пропедевтики к дальнейшему изучению информатики и математики, позволяет формировать интеллектуальную готовность детей к обучению на первой ступени общего среднего образования, что станет в дальнейшем базой для развития системного мышления.

Образовательный модуль «Робототехника Matatalab» направлен на формирование у дошкольников навыков технического творчества, которые напрямую коррелируют с развитием системно-креативного мышления. Процесс элементарного программирования детьми робота Matatalab превращается в практический опыт такого творчества. В программе представлены виды блоков для составления алгоритма, которые обозначают свойство движения робота (вперед, назад, поворот направо, поворот налево), музыки (блоки нот гаммы до мажор) и различных функций (циклы повторений, проигрывание случайной мелодии, случайного танца, движение робота под углом определенного градуса) и др. Выкладывая алгоритм из комбинации блоков движения, дети учатся видеть систему, состоящую из отдельных шагов и этапов. Блоки кодирования с интуитивно понятными графическими символами доступны для понимания детьми старшего дошкольного возраста. Составление собственных алгоритмов, простейших программ развивают системно-креативное мышление детей, способность прогнозировать движения робота поэтапно, пошагово, а также возможность создания своих маршрутов, творческих заданий.

Быстрое освоение детьми системы обозначения стрелок на контроллере (движение вперед, назад, поворот направо и налево), дает возможность организовать креативную дидактическую игру «Приключения в городе». Запрограммированный ребятами робот-такси развозит человечков Лего по заданному маршруту. Во время занятия обращается внимание детей, что на улицах города можно встретить разные виды транспорта. Педагог вспоминает с детьми виды транспорта и их назначение, раздает детям новый скин (обертку) для робота в виде нераскрашенных автомобилей, предлагает пофантазировать и проявить креатив: раскрасить, придумать необычное название и действие для своего автомобиля, выполнить миссию в сказочном городе [8, с. 470].

Каждый описанный в статье образовательный модуль представлен как система реализации целей и задач конкретных образовательных областей. Интеграция модулей предполагает корректировку педагогом содержания каждого образовательного модуля с целью их объединения в универсальную систему для достижения образовательных целей развития системно-креативного мышления средствами STEM-технологий. Важным при использовании данной технологии является ее экологичность для детей дошкольного возраста, которая выражается в «органичном и безопасном взаимодействии с личностью ребенка» [9, с. 20].

Заключение

Таким образом, развитие системно-креативного мышления у детей старшего дошкольного возраста средствами STEM-технологий представляет собой современное направление деятельности учреждений дошкольного образования, способствующее формированию у детей в процессе различных видов исследовательской и творческой деятельности способности анализа и синтеза, умений

воспринимать изучаемое явление как систему и выстраивать связи между его компонентами и между ним и окружающей средой. Моделирование педагогом развивающих и проблемных ситуаций создает условия для генерирования уникальных идей, встраивания их в систему имеющихся у воспитанников знаний и «расширения» данной системы. Внутренний синтез системного и креативного начал, характерный для развивающего мышления, наиболее полно обеспечивает задачи формирования всесторонне развитой, целостной, адаптивной и творческой личности. Образовательные модули, посредством которых реализуется STEM-подход, способствуют активизации креативности дошкольников в процессе поиска необходимых решений, позволяют увидеть различные способы выхода из проблемных ситуаций и спрогнозировать возможные сценарии их развития.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баринов, Ю. Г. Системно-креативное решение проблем / Ю. Г. Баринов // Вестник Псковского государственного университета. Серия : Экономика, право и управление. – 2017. – № 5. – С. 14–23.
2. Шевырёв, А. В. Формирование и развитие системно-креативного мышления – базовая стратегия образования в XXI веке / А. В. Шевырёв, М. Н. Романчук. – URL: <http://spkurdyumov.ru/education/formirovanie-i-razvitiye-sistemno-kreativnogo-myshleniya/> (дата обращения: 10.07.2024).
3. Гавриловец, К. В. Целостность человека как педагогическая категория / К. В. Гавриловец, Т. Е. Титовец // Педагогика. – 2007. – № 10. – С. 13–20.
4. Божович, Л. И. Личность и его формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М. : Питер, 2008. – 398 с.
5. Болбас, В. С. Методологические основы научной и практической педагогической деятельности / В. С. Болбас // Педагогика. – 2021. – № 8. – С. 28–35.
6. Галимзянова, Г. Х. Использование Стэм-технологии, как инновационный подход в образовательной деятельности / Г. Х. Галимзянова. – URL <https://infourok.ru/user/4344999/blog/tema-ispolzovaniestem-tehnologiyu-kak-innovacionnyj-podhod-vobrazovatelnoj-deyatelnosti-249158.html> (дата обращения: 10.12.2024).
7. Аверин, С. А. Методические рекомендации по реализации парциальной модульной программы «STEM-образование детей дошкольного и младшего школьного возраста» : метод. пособие / С. А. Аверин, Н. С. Муродходжаева. – М. : ЭЛТИ-КУДИЦ, 2018. – 124 с.
8. Беляк, Е. А. Детская универсальная STEAM-лаборатория : учеб.-метод. пособие / Е. А. Беляк. – Ростов н/Д : Проф-Пресс, 2019. – 472 с.
9. Болбас, Г. В. Экологичность образования: содержательно-сущностный аспект / Г. В. Болбас // Педагогические и экологические аспекты перехода к устойчивому развитию : сб. ст. участников Междунар. науч.-практ. конф., г. Арзамас, 25 нояб. – 3 дек. 2017 г. / Арзамас. филиал ННГУ, Нижегород. обл. общ. орг-ция «Компьют. эколог. центр», Инициат.-проект. группа «Кессельберг» ; редактор: С. В. Напалков (отв. ред.) [и др.]. – Арзамас, 2018. – С. 17–20.

Поступила в редакцию 07.04.2025

E-mail: maliumba@mail.ru

L. N. Polyn

THE DEVELOPMENT OF SYSTEMS AND CREATIVE THINKING IN SENIOR PRESCHOOL CHILDREN THROUGH STEM TECHNOLOGIES

The article highlights the issues of the development of systems and creative thinking among pupils of preschool educational institutions. In solving this problem, the author reveals the possibilities of STEM technologies represented by a system of educational modules based on experimentation with living and inanimate nature, mathematical development and robotics MATATALAB. Attention is focused on practical work with children aged 5–6 through a system of intellectual and developmental situations, the inclusion of pupils in various types of research, creative activities and scientific and technical creativity, which is environmentally friendly for preschool age and effective for the development of their systemic and creative thinking.

Keywords: systems creative thinking, STEM technologies, preschool age, educational modules, programming, MATATALAB.

УДК 796.0-057.875

Г. В. Сафонова¹, В. А. Горовой²

¹ Аспирант кафедры теории и методики физической культуры, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

Научный руководитель: Горовой Вячеслав Александрович, кандидат педагогических наук, доцент

² Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры теории и методики физического воспитания, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

СУЩНОСТНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПОВСЕДНЕВНАЯ ЗНАЧИМОСТЬ КУЛЬТУРЫ БЫТА И ДОСУГА СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

В статье представлен анализ данных исследования, в котором раскрыта сущность и структура культуры быта и досуга студентов и определена ее важность в процессе их жизнедеятельности. Рассмотрены понятия «досуг», «культура досуга», «быт», «культура быта». Даны характеристика видам досуга: развлекательному, интеллектуальному, оздоровительному и эстетическому. Определено значение физической культуры в организации культурно-досуговой деятельности. Выявлены виды досуга, которые вызывают у студентов интерес и удовлетворенность.

Ключевые слова: досуг, студенты, свободное время, образ жизни.

Введение

В Кодексе Республики Беларусь об образовании, Концепции непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь, Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи в Республике Беларусь на 2021–2025 годы указываются приоритетные направления государственной политики Республики Беларусь, одним из которых является воспитание культуры здорового образа жизни, осознания важности и ценности здоровья. Основная цель данного направления работы – сформировать у обучающихся ценностное отношение к своей материально-духовной среде; конкретные формы ежедневных рациональных действий в бытовой сфере, коммуникации, в разнообразных моделях досуговой деятельности; навыки целесообразного использования свободного времени [1].

Образовательный процесс (включающий учебно-методическую, воспитательно-идеологическую, научную, общественную работу) в учреждениях высшего образования (УВО) раскрывает широкие возможности для студентов и благоприятствует постоянному совершенствованию их знаний, умений и навыков. В то же время социализация студенческой молодежи не может рассматриваться отдельно от свободного времени. Культура досуга студентов имеет существенную взаимосвязь с учебной деятельностью и в целом с их миропониманием. Характерной особенностью свободного времени студентов является отсутствие строгой регламентации в поведении, действиях, которые в основном направлены на достижение собственных интересов. В связи с этим важно анализировать и изучать выбор форм, видов и средств организации досуга студентов с целью получения достаточной информации о процессе развития его социальной сущности [2].

Цель исследования заключается в раскрытии сущности и структуры культуры быта и досуга студентов и определении ее важности в процессе их жизнедеятельности.

Методы и методология исследования

Теоретическую основу исследования составляют труды таких отечественных ученых, как Т. А. Лопатик [3], Н. Н. Филиппов [4], А. Г. Фурманов, В. А. Горовой [5], и др., посвященные проблеме здоровьесбережения студентов средствами рекреативной физической культуры.

В работе использовались следующие методы исследования: теоретическое изучение и анализ специальной научно-методической литературы, анкетирование, методы математической статистики.

В исследовании приняли участие 120 студентов дневной формы обучения факультетов нефизкультурного профиля УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».

Результаты исследования и их обсуждение

Для выяснения особенностей формирования культуры быта и досуга у студентов необходимо возвратиться к вопросам трактовки таких понятий, как «досуг», «культура досуга», «культура быта», «быт».

В литературе представлено большое количество определений понятия «досуг». Так, Ю. А. Стрельцов считает понятия «досуг» и «свободное время» идентичными. По его мнению, досуг – часть внерабочего времени (в границах суток, недели, года), оставшаяся у человека (группы, общества) с учетом вычета обязательных дел и необходимого для этого времени [6].

В. А. Ядов определяет понятие «досуг» как часть свободного времени, которая связана с личным потреблением материальных и духовных благ, или «самоценная» деятельность, составляющая органический элемент быта и направленная на удовлетворение потребностей в отдыхе, развлечении, саморазвитии. По мнению автора, саморазвитие личности и деятельность, являются специфическими чертами досуга [7].

Структурно быт и досуг студентов заключается в следующем:

1) домашний досуг (любимые занятия: коллекционирование, уход за домашними животными, видеосъемка, фотосъемка и т. п.; коллективное (семейное) обращение к аудиовизуальной информации: просмотр телевизора, обращение к Интернету и другим средствам СМИ; рекреативный отдых: дача, рыбалка, туризм и т. д.; организация семейных праздников);

2) коммуникации (общение с друзьями, деловое общение, межличностное общение, предметное общение);

3) саморазвитие личности (чтение книг, занятия физическими упражнениями, обучение новым навыкам и хобби);

4) развлечения (участие в спортивно-массовых мероприятиях, играх, дискотеках, посещение театров, кино и т. д.);

5) социальная активность (волонтерство, участие в благотворительных акциях, местных концертах, студенческих выставках и др.).

Основными видами досуга являются развлекательный, интеллектуальный, оздоровительный и эстетический.

1. Развлекательный вид досуга является традиционным, доставляющим удовольствие, позволяющий веселиться и абстрагироваться от обычных видов деятельности. Для того чтобы организовать отдых с группой людей, необходимо объединить интересы каждого. Гедонистическая функция данного досуга, учитывая особую эмоциональную нагрузку, способствует снятию психологического напряжения и восстановлению физического состояния. Следует учесть, что результативность данного вида досуга зависит от умения его рационально организовать [8; 9; 10].

2. Интеллектуальный досуг – социально-значимая деятельность, обусловленная интеллектуальными потребностями и интересами личности, свободным выбором форм её самосовершенствования с целью реализации на практике познавательного и творческого потенциала. Этот вид досуга является важным для развития культуры, вырабатывающим у студентов творческий метод мышления и способствующий лаконичному выбору профессиональной деятельности с учетом собственных интересов. Мотивационной составляющей интеллектуального вида досуга студентов является в основном потребность личностного развития, желание быть высококультурным человеком и соответствовать своему окружению, необходимость приобщения к профессиональной культуре [11].

3. Спортивно-оздоровительный досуг является активной формой отдыха, включающей различные виды и средства физической культуры (спортивные и подвижные игры, гимнастика, физкультурно-оздоровительные системы, ходьба, бег, плавание, ходьба на лыжах, туризм, спортивно-массовые мероприятия, спартакиады), направленные на здоровый образ жизни, предусматривающий оптимальную двигательную активность, рациональное питание, соблюдение режима труда и отдыха, профилактику вредных привычек, формирование личностных качеств молодежи (патриотизм, честность, ответственность), а также умений и навыков, позволяющих достойно проходить военную службу в вооруженных силах Республики Беларусь.

4. Эстетический досуг является неотъемлемой частью развития личности молодого специалиста. Для этого в УВО создаются необходимые условия, позволяющие студентам использовать свои творческие способности в процессе непосредственного участия в культурно-досуговой деятельности УВО через включение их в организацию и проведение творческих конкурсов, фестивалей, КВН и т. п.

Следовательно, можно отметить, что при формировании морально-этических качеств человека досуг играет важную роль, посредством которой реализуется рекреативная, эстетическая и интеллектуальная функции, рассматривается социально-потребностный аспект населения, направленный на рациональный образ жизни, включающий профилактику алкоголизма, наркомании, преступной деятельности.

Вопрос воспитания культуры быта человека остается всегда актуальным. Быт является той сферой жизни человека, которая удовлетворяет его материальные и духовные потребности. В связи

с этим важно формировать разумные потребности личности, создавая у нее рациональное отношение к окружающей обстановке [12; 13].

Культура быта – действительная сущность жизни, характеризующая уровень бытия личности. Быт и личность являются взаимозависимыми, поэтому чем выше степень культуры личности, тем выше степень культуры быта.

Для изучения отношения студентов к организации своего свободного времени и определения значимости досуга в их повседневной жизни нами проведено анкетирование 120 студентов 1 и 2 курсов дневной формы обучения факультетов нефизкультурного профиля УО «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».

Анализ полученных данных позволяет утверждать, что значительная часть студентов не может рационально распределить свое свободное время и не имеет навыков организации досуга. Так, 97,2 % опрошенных студентов уделяют время на досуг. Из них 17 % выделяют на досуг менее 1–3 часов в неделю, 16 % – более 5 часов в неделю, 25 % – менее 8 часов в неделю. Значительная часть студентов (20,2 %) уделяет досугу более 10 часов в неделю, а 19 % полностью себя не ограничивают во времени на данную деятельность. Только 2,8 % не имеют времени на досуг. Следовательно, можно отметить, что недостаток времени, связанный с отдыхом, является характерной специфической чертой организации учебного дня студента. Это приводит к нервно-психическому переутомлению, необоснованной враждебности, апатии и снижению интереса к выполнению физических упражнений в свободное время. В свою очередь, негативное отношение к занятиям физической культурой и функциональная неподготовленность нервной системы к выполнению физических нагрузок снижают положительный эффект занятий [14].

Таким образом, при организации своего свободного времени студентам важно соблюдать принципы, предусматривающие здоровый образ жизни.

Также по результатам исследования установлено, что 49 % студентов имеют денежные средства, которые можно тратить во время досуга. Однако 36 % студентов такой возможности не имеют, а 15 % считают, что денежные средства при организации досуга не обязательны.

Определены любимые виды проведения досуга, среди которых значительная часть опрошенных указала следующие (рисунок 1): общается с друзьями во время досуга 38 % студентов, 18 % занимаются физической культурой и спортом, 17 % любят ездить на природу, а 11 % во время досуга используют интернет. Предпочитают туристическую деятельность во время досуга 7 % студентов, 9 % любят посещать кафе, театры и кино.

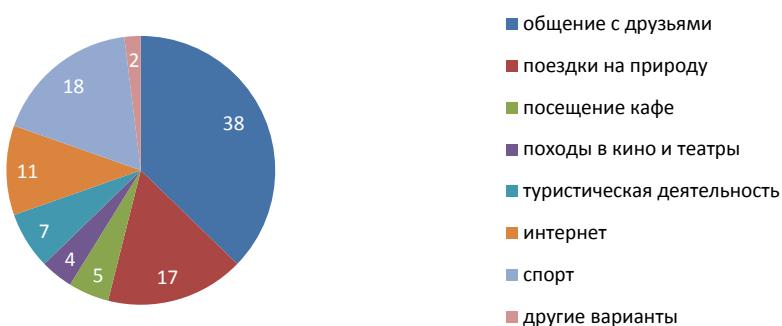

Рисунок 1 – Любимые виды досуговой деятельности у студентов

К сожалению, по данным опроса 56 % респондентов бессмысленно относятся к своему свободному времени и его проведению, 17 % иногда пытаются сделать свой досуг целесообразным, и только 27 % стремятся провести его с пользой. Данный факт говорит об отсутствии у значительной части студентов умений и навыков по рациональной организации досуговой деятельности.

Отвечая на вопрос о ключевом аспекте при подборе вариантов досуговой деятельности, 42 % респондентов стремятся просто восстановиться, 20 % желают общаться, 18 % выбрали увлекательное и красивое времяпрепровождение. Для 16 % основным аспектом во время досуга является физическое развитие и самосовершенствование, а для 4 % – получение полезной информации.

Следует отметить, что 45 % студентов совершенно довольны своим времяпрепровождением во время досуга, а 29 % почти удовлетворены данной деятельностью. 19 % респондентов не могут сказать, что довольны своей досуговой деятельностью, а 7 % хотят полностью поменять свое

свободное времяпрепровождение (рисунок 2). С нашей точки зрения, значительная часть студентов не совсем понимает всей важности досуговой деятельности для личностного развития.

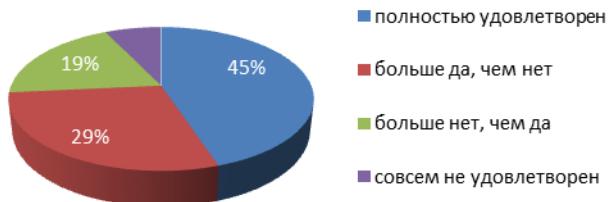

Рисунок 2 – Удовлетворенность студентов своей досуговой деятельностью

Общеизвестно, что для поддержания оптимального уровня психофизического состояния студентам требуется выполнять дополнительную физическую нагрузку (не менее 4–5 часов в неделю), так как двухразовых занятий в неделю по 80–90 минут по учебной дисциплине «Физическая культура» недостаточно. Важным является включение самостоятельных занятий физическими упражнениями в своё досуговое времяпрепровождение. Результаты нашего исследования показывают, что значительная часть респондентов (56 %) занимается физическими упражнениями в свободное время на регулярной основе, нерегулярно занимаются 37 % и только 7 % практически не тратят на это времени вообще.

Отмечается, что дополнительная двигательная активность во время досуга является отличным способом противодействия психологическому и эмоциональному напряжению, так как выброс эндорфина (гормон счастья) во время физической нагрузки улучшает настроение и замещает дополнительные средства, снимающие напряжение [15]. Кроме того, при умеренной физической нагрузке улучшается сон, восстанавливаются умственные и психические функции организма, повышаются адаптивные возможности, повышается социализация студентов, что в итоге уменьшает стрессоиндуцирующую активность образовательной деятельности – основную причину, ухудшающую здоровье студентов.

Важно отметить, что многие студенты (67 %) желают посещать тренажерный зал. Установлено, что при систематическом посещении тренажерного зала укрепляется организм, увеличивается мышечная масса, улучшается кровообращение, общее самочувствие и снимается нервное перенапряжение. В то же время студенты не владеют знаниями и умениями составления тренировочной программы занятий. Постоянно посещают тренажерный зал 18 % студентов, стараются посетить, но не всегда получается у 49 % студентов, редко и не посещают вообще 33 % респондентов.

Кроме систематических занятий физическими упражнениями, студентам необходимо помнить о профилактике вредных привычек (никотиновая зависимость, злоупотребление алкоголем), которые ухудшают здоровье любого человека [16]. В результате исследования установлено, что значительная часть студентов (74 %) не курит (из них 12 %, бросили курить), 15 % могут иногда покурить, 11 % курят регулярно.

Не будет лишним напомнить, что алкоголь вреден для здоровья, снижает работоспособность, психофизические функции организма человека и, соответственно, негативно влияет на физическую подготовку. К сожалению, злоупотребляют спиртными напитками 61 % респондентов. Из них 33 % выпивают в исключительных случаях, 26 % иногда и 2 % выпивают каждую неделю. 39 % студентов не злоупотребляют алкоголем во время досуга.

Заключение

В результате нашего исследования установлено, что вместе с образовательной культурно-досуговая деятельность студентов, ее планирование и организация является одной из главных задач учреждения высшего образования. Необходима специально организованная педагогическая система формирования культуры досуга и быта студентов, так как немногие студенты осознают значимость своего образа жизни и нуждаются в его корректировке.

Фиксация данного положения обуславливает актуальность данной тематики и необходимость проведения дальнейших исследований, направленных на выявление и уточнение методов и средств, способствующих формированию культуры быта и досуга студентов.

Значение культурно-досуговой деятельности еще более возрастает, так как она может являться средством профилактики аддиктивности и девиантности в студенческой среде и развивать досуговую самодеятельность, общественную инициативу, творческую самореализацию.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Программа непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг. : [утв. постановлением М-ва образования Респ. Беларусь 31.12.2020 № 312] // Зборнік нарматыўных дакументаў Міністэрства адукацыі Рэспублікі Беларусь. – 2021. – № 7. – С. 3–50.
2. Рогов, Е. И. Эмоции и воля / Е. И. Рогов. – М. : Владос, 2001. – 285 с.
3. Лопатик, Т. А. Моделирование процесса физической подготовки студентов непедагогических вузов / Т. А. Лопатик. – Минск : Бестпринт, 2008. – 23 с.
4. Филиппов, Н. Н. Научно-педагогические основы физкультурно-оздоровительной работы по месту жительства / Н. Н. Филиппов. – Минск : Минсктипроект, 2001. – 174 с.
5. Фурманов, А. Г. Формирование здорового образа жизни / А. Г. Фурманов, В. А. Горовой. – 3-е изд., доп. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2017. – 200 с.
6. Стрельцов, Ю. А. Культурология досуга : учеб. пособие / Ю. А. Стрельцов. – М. : МГУКИ, 2002. – 90 с.
7. Ядов, В. А. Социологические методы исследования клубной работы : метод. пособие / В. А. Ядов ; Всесоюз. науч.-метод. центр нар. творчества и культ.-просвет. работы, Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской. – М. : ВНМЦНТИКПР, 1986. – 92 с.
8. Воловик, А. Ф. Педагогика досуга : учебник / А. Ф. Воловик, В. А. Воловик. – М. : Флинта, 1998. – 240 с.
9. Чекмарева, Н. Г. Особенности развития физической рекреации в Украине / Н. Г. Чекмарева, Е. В. Шатровая, В. А. Зелик // Молодая спортивная наука Беларуси : материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 8–10 апр. 2014 г. : в 3 ч. / Белорус. гос. ун-т физ. культуры ; редкол.: Т. Д. Полякова (гл. ред) [и др.]. – Минск, 2014. – Ч. 2. – С. 293–295.
10. Трегубов, Б. А. Свободное время молодежи: сущность, типология, управление / Б. А. Трегубов. – СПб. : С.-Петербург. ун-т, 1991. – 152 с.
11. Горовой, В. А. Физическая рекреация студентов: методические рекомендации / В. А. Горовой. – 2-е изд. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2015. – 158 с.
12. Гуслистова, И. И. Внедрение олимпийского образования в систему воспитательной работы училищ олимпийского резерва : учеб.-метод. пособие / И. И. Гуслистова. – Минск : БГУФК, 2004. – 51 с.
13. Берков, В. Ф. Современные методы научно-исследовательской работы : пособие / В. Ф. Берков, Л. Ф. Медведева. – Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2009. – 202 с.
14. Горовой, В. А. Культура быта и досуга студентов как психолого-педагогическая проблема / В. А. Горовой, В. П. Павлов, Г. В. Сафонова // Актуальные проблемы физического воспитания, спорта и туризма : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., Мозырь, 8–10 окт. 2020 г. / МГПУ им. И. П. Шамякина ; редкол.: С. М. Блоцкий [и др.]. – Мозырь, 2020. – С. 89–92.
15. Бахнова, Т. В. Формирование осознанной потребности будущего учителя в здоровом образе жизни в процессе физического воспитания : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.08 / Бахнова Татьяна Валентиновна ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2005. – 27 с.
16. Мартинковский, М. К. Здоровье и здоровый образ жизни в ценностных ориентациях молодежи : моногр. / М. К. Мартинковский. – Минск : Технопринт, 2003. – 276 с.

Поступила в редакцию 10.02.2025

E-mail: slava.gorovo1980@mail.ru

G. V. Safronova, V. A. Gorovoi

KEY CHARACTERISTICS AND PRACTICAL SIGNIFICANCE OF STUDENT CULTURE:
EXAMINING DAILY LIFE AND LEISURE ACTIVITIES

The article presents an analysis of research data that reveals the essence and structure of students' daily life and leisure culture and determines its importance in their life. It also considers the concepts of 'leisure', 'leisure culture', 'everyday life', 'the culture of everyday life', with featuring various forms of leisure, such as entertainment, intellectual pursuits, health benefits, and aesthetic enjoyment. The significance of physical culture in the orchestration of cultural and leisure pursuits has been established. Specific leisure activities that elicit interest and satisfaction among students have been delineated.

Keywords: leisure, students, free time, lifestyle.

УДК 37.013.77

А. Д. Соломаха

Магистрант кафедры психологии и социальной педагогики,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

Научный руководитель: Болбас Галина Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент

**ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ШКОЛЬНИКОВ
В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ**

В статье раскрывается роль современных цифровых технологий в организации процесса патриотического воспитания. Целесообразность их использования в школе обосновывается усиливающейся тенденцией технологической модернизации учебного процесса, запросами современного поколения и задачами поиска новых эффективных методов и средств развития патриотической культуры у школьников. Представлен анализ результатов изучения сформированности патриотического сознания у учащихся 6–8 классов. Рассмотрены имеющиеся возможности практической организации патриотического воспитания средствами сетевых технологий в учреждении общего среднего образования.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, патриотизм, цифровая образовательная среда, цифровые инструменты, современная школа, цифровое поколение.

Введение

В современной социокультурной ситуации вопросы патриотического воспитания подрастающего поколения приобретают все большую остроту и актуальность. В условиях глобализации и культурной интеграции в обществе усиливается значимость задач сохранения и укрепления национальных ценностей и традиций, формирования у школьников чувства гражданской идентичности, ответственности за будущее своей страны и готовности к активному участию в ее развитии. Также патриотическое воспитание играет ключевую роль в обеспечении политической стабильности и национальной безопасности страны, способствуя формированию у человека гражданской позиции и внутренней потребности защищать ее интересы. Как отмечают Г. В. Болбас и В. С. Болбас, «патриотические чувства и преданность своей стране становятся важнейшим показателем гармоничного социального развития человека, а патриотизм приобретает ярко выраженный гражданский характер» [1, с. 9].

Активная государственная политика, направленная на укрепление патриотических идеалов, требует анализа применяемых методик, которые не всегда эффективны, так как в недостаточной степени учитывают запросы современных учащихся. На необходимость распространения и внедрения в практику передовых технологий работы по патриотическому воспитанию ориентирует Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы [2]. Сегодняшние школьники относятся к цифровому поколению и демонстрируют принципиально иные когнитивные стратегии, способы восприятия и обработки информации. Их психологические особенности, включая клиповое мышление, потребность в визуализации и интерактивности, требуют пересмотра устоявшихся практик в патриотическом воспитании и их дополнения цифровыми инструментами. Такой подход соотносится как с тенденцией технологизации образовательной среды, так и с актуализировавшимся сегодня поиском эффективных методов и средств формирования патриотической культуры учащихся.

Анализ научных работ, отражающих вопросы цифровизации патриотического воспитания, показал, что отдельные аспекты этого процесса уже получили освещение в научной литературе. В частности, в достаточной степени изучены и представлены в публикациях теоретические основы патриотического воспитания в эпоху цифровых трансформаций, возможности применения в образовательном процессе конкретных информационных технологий (виртуальные музеи, образовательные платформы и др.), психолого-педагогические особенности работы с современными школьниками. Белорусскими исследователями актуализируются вопросы национально-культурных особенностей патриотического воспитания (Е. М. Бабосов, В. С. Болбас, Г. В. Болбас, В. В. Буткевич, С. П. Винокурова, Ж. М. Грищенко, В. Г. Стуканов, С. В. Панов, В. Н. Пунчик, Л. Г. Титаренко, В. В. Чечет и др.), разработки цифровых образовательных ресурсов на белорусском языке (А. В. Русецкий, С. А. Петрикевич, В. В. Кириенко, Д. Г. Ротман, М. Ю. Узгорок и др.), интеграции регионального

компонент в цифровые форматы (С. М. Алейникова, Н. М. Звездкин, Е. В. Беляева, И. В. Котляров, В. Г. Моисеенко, Л. А. Гащенко, А. Н. Данилова и др.). Однако проведенный нами анализ выявил некоторую фрагментарность в осмыслиении потенциала цифровых инструментов в организации патриотического воспитания в условиях современной школы. Таким образом, целью данной статьи является определение возможностей и обоснование целесообразности использования цифровых технологий в организации процесса патриотического воспитания в современной школе.

Методы и методология исследования

Методологическая база исследования определена его целью и предметом. Основу составляют структурно-системный и онтологический подходы, теоретические методы (сравнительный и причинно-следственный анализ, обобщение, систематизация) и эмпирические инструменты (анкетирование, контент-анализ цифровых ресурсов, наблюдение).

Результаты исследования и их обсуждение

Процесс формирования патриотической культуры у учащихся в условиях современной школы представлен целенаправленной и систематической деятельностью по развитию у них представлений о национально-культурных ценностях, активизации у подрастающего поколения чувства любви к Родине, уважения к её истории и культуре, стимулирования готовности к защите её интересов. Усиление внимания со стороны государства и общества к патриотическому воспитанию, к разработке более эффективных способов привлечения школьников к мероприятиям патриотической направленности требует анализа текущего состояния и результатов данного процесса, что напрямую выражается в степени сформированности у школьников патриотического сознания. Нами было проведено исследование в учреждениях общего среднего образования г. Мозыря: ГУО «Средняя школа № 14», «Средняя школа № 15 имени генерала Бородуна Е. С.», «Средняя школа № 16». В опросе приняли участие 290 учащихся 6–8-х классов, что обеспечило репрезентативность выборки. Основной задачей стало выявление соотношения декларируемых патриотических ценностей и реальной вовлеченности учащихся в соответствующие мероприятия. Для сбора данных использовались две анонимные онлайн-анкеты, представленные автором в Google Forms. Первая, с закрытыми вопросами, фокусировалась на оценке уровня гордости за Беларусь, значимости национальных символов, участия в патриотических мероприятиях и определения источников получения информации о патриотизме. Вопросы данной анкеты находятся в свободном доступе на официальном сайте ЭТАЛОН-ONLINE, «АНКЕТА для учащихся учреждений общего среднего образования» [3]. Вторая онлайн-форма (автор С. Н. Кипреев; опросник «Мой патриотизм») [4], с открытыми вопросами, дала школьникам возможность свободно выразить своё понимание патриотизма, объяснить мотивы участия или неучастия в мероприятиях патриотической направленности и предложить идеи по улучшению их организации. Анонимность анкетирования, особенно важная при работе с подростками, способствовала искренности ответов.

Результаты исследования показали выраженный разрыв между показателями эмоциональной привязанности учащихся к стране и их реальной вовлеченностью в конкретные инициативы и действия, способствующие развитию страны. Подавляющее большинство респондентов (87,9 %, 255 из 290 человек) продемонстрировали высокий уровень гордости за Беларусь (рисунок 1), а 73 % подчеркнули особую ценность национальных символов – флага, герба и гимна (211 учащихся).

Интерес к истории и культуре страны проявляется преимущественно через школьные уроки и патриотические мероприятия, которые стали основными источниками информации: суммарно респондентами выбраны эти ответы 486 раз (рисунок 2).

При этом посещаемость государственных музеев остаётся низкой: лишь 44 % опрошенных бывали в них. Большинство (262 человека) считают важным сохранять традиции, находя в этом основу патриотизма, однако их вовлеченность в практическую деятельность ограничена недостатком актуальных форматов. Что касается военно-патриотической деятельности, то у тех школьников, которые проявляют в ней активность, преобладает внутренняя мотивация (рисунок 3).

Основными причинами участия являются интерес к военно-патриотической тематике, стремление сохранить память о героях и исторических событиях, а также желание помочь другим. В числе препятствий к участию респонденты чаще всего называют нехватку времени и недостаточную осведомленность о проводимых мероприятиях. Отношение к критике страны также показательно: большинство опрошенных поддерживают открытое обсуждение проблем, считая, что это способствует их решению. Кроме того, респонденты выразили заинтересованность в участии в конкретных мероприятиях, таких как «Вахта памяти у Вечного огня», встречи с ветеранами, тематические экскурсии и военно-спортивные игры.

Испытываете ли Вы гордость за свою страну?

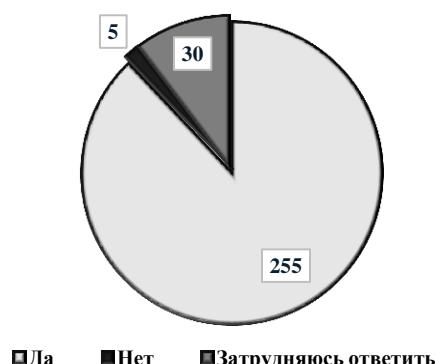

Рисунок 1 – Результаты опроса учащихся 6–8 классов

Где вы чаще всего сталкиваетесь с информацией о патриотизме?
(можно выбрать несколько вариантов)

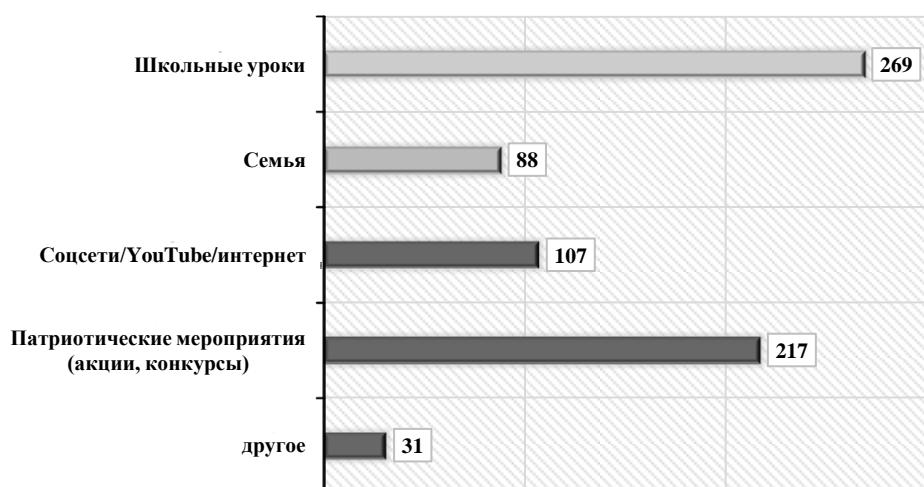

Рисунок 2 – Результаты опроса учащихся 6–8 классов

Что побуждает Вас участвовать в мероприятиях военно-патриотической направленности, проводимых в Вашем учреждении образования:
(возможно несколько вариантов ответа)

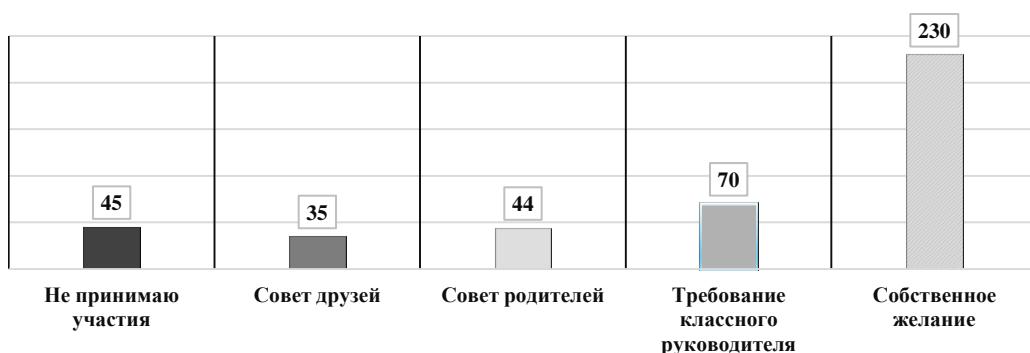

Рисунок 3 – Результаты опроса учащихся 6–8 классов

Ответы на открытые вопросы раскрыли противоречия в восприятии патриотизма. С одной стороны, учащиеся определяли патриотизм как «любовь к Родине», «готовность защищать страну», «уважение к истории», с другой – их предложения отражали запрос на изменение подходов к организации патриотического воспитания в школе: «Хочется не слушать про войну, а встретиться с ветеранами и помочь им»; «Почему нельзя изучать историю через игры или квесты?». Таким образом, исследование фиксирует некоторый разрыв у части школьников между эмоциональной привязанностью к стране и отсутствием актуальных для них форм практической деятельности, что создает поле для анализа данной проблемы и существующих подходов к организации патриотического воспитания. Ее решению во многом будет способствовать более широкое использование цифровых инструментов, обладающих возможностями эмоционального вовлечения в нашу историю и глубокого «проживания» ее событий, что в большей степени формирует внутреннюю готовность к практическим действиям во благо своей родины.

Школы играют ключевую роль в этом процессе, так как именно в образовательных учреждениях закладываются основы мировоззрения и ценностных ориентаций обучающихся. В современных школах создаются все необходимые условия для использования возможностей цифровой среды в системе патриотического воспитания [5, с. 23]. Динамичное внедрение цифровых технологий в сферу образования трансформирует подходы к организации патриотического воспитания, способствует повышению вовлеченности учащихся в данный процесс и переходу из пассивных слушателей в его активных участников [6, с. 38]. В учреждениях образования Республики Беларусь уже накоплен достаточный опыт интегрирования цифровых технологий в процесс патриотического воспитания [7, с. 96]. Одним из примеров является использование виртуальных туров по музеям, доступных в онлайн-режиме. На официальном сайте «Белорусский государственный музей истории Великой Отечественной войны» разработана интерактивная платформа, которая предоставляет возможность учащимся, не покидая учебного кабинета, погружаться в историю Великой Отечественной войны через виртуальные экскурсии и интерактивные экспозиции, изучение мультимедийных материалов. На базе платформы виртуального музея созданы виртуальные экскурсии по ключевым историческим местам, таким как «Мамаев Курган», мемориальный комплекс «Хатынь», «Брестская крепость-герой», историко-культурный комплекс «Линия Сталина» и др.

При организации патриотического воспитания в условиях современной школы используется платформа «Патриот.ВЫ». Этот ресурс представляет собой интерактивную информационную площадку, созданную для совершенствования патриотического воспитания в учреждениях образования. Данная интерактивная платформа предоставляет доступ к лекциям экспертов и виртуальным экскурсиям по историческим местам, что помогает учащимся лучше понять и почувствовать историю своей страны. Учителя имеют возможность организовывать просмотры патриотических фильмов и документальных лент, доступных на платформе, с последующим обсуждением. Электронная площадка содержит нормативные и методические документы, которые могут быть использованы для подготовки уроков и внеклассных мероприятий. Также педагоги могут использовать готовые викторины и квесты для интерактивного обучения, что делает процесс изучения истории и патриотизма более увлекательным. Кроме того, виртуальная платформа позволяет учащимся и педагогам участвовать в различных патриотических проектах и конкурсах, что способствует развитию творческих способностей детей и укреплению их патриотических чувств. Интернет-платформа «Патриот.ВЫ» предоставляет возможность обмениваться опытом и лучшими практиками с другими школами и образовательными учреждениями, веб-платформа предлагает широкий спектр обучающих материалов для педагогов, включая лекции, видеоролики и книги, что помогает им лучше подготовиться к проведению патриотических мероприятий. Использование данной электронной площадки в школе помогает не только углубить знания учащихся о своей стране и ее истории, но и формировать у них патриотические чувства.

В образовательном процессе белорусских школ реализуются виртуальные проекты, среди которых – цифровой архив «Память поколений», «Цифровая летопись», где учащиеся не просто сканируют старые фотографии или письма из семейных архивов, но и вовлекаются в исследовательскую деятельность: проводят интервью с родственниками, реконструируют биографии предков с помощью открытых баз данных типа «Подвиг народа», анализируют исторический контекст через призму семейных историй. Это превращает абстрактные исторические события в персонифицированные� нарративы, где Великая Отечественная война раскрывается через судьбу прадеда-фронтовика, а индустриализация 1930-х – через воспоминания прабабушки-стахановки. Интерактивные карты «История моего района», «Культурное наследие региона», «Герои нашего города» на платформе Google Earth создают эмоциональную связь с историей через персонификацию. Подростки начинают

воспринимать свою семью или район как часть общего наследия, что усиливает чувство сопричастности. Это тем более важно, так как «любовь к своей Родине, окружающей природе, труду, семье и близким, уважение к культуре своего народа» составляет духовную основу патриотизма [8, с. 6]. Через развитие творчества и самостоятельности у учащихся формируются социально значимые качества, включая патриотизм, который проявляется как в эмоциональной сфере, так и в повседневных поступках. При том, что уже имеются серьезные наработки в сфере цифровизации патриотического воспитания, необходимым является усиление их практической реализации, о чем свидетельствуют результаты проведенной диагностики. Решению такой задачи будет способствовать системная работа по следующим направлениям:

- разработка онлайн-образовательных программ с включением в них курсов по истории и культуре страны;
- повышение квалификации педагогов через организацию онлайн-курсов и тренингов по использованию цифровых технологий в патриотическом воспитании;
- организация онлайн-фестивалей, выставок, конкурсов и других мероприятий, которые способствуют популяризации национальной культуры и истории;
- внедрение современных форматов воспитательных мероприятий: исторических квестов с элементами дополненной реальности, виртуальных экскурсий по местам боевой славы, TikTok-челленджей на знание государственной символики Республики Беларусь;
- анонсирование мероприятий по патриотическому воспитанию через использование популярных платформ – Telegram-каналов, Instagram-аккаунтов школ, YouTube-стримов.

Заключение

Таким образом, цифровые технологии открывают новые перспективы для организации патриотического воспитания, оказывая существенное влияние на формирование гражданской идентичности и патриотических ценностей у современных школьников. Прежде всего они способствуют познанию истории и культуры страны с учетом актуальных интересов современных учащихся и предпочтительных для них форматов деятельности (виртуальные экскурсии и туры по музеям, изучение мультимедийных, видео- и аудиоматериалов, виртуальные проекты и др.), повышению информирования учащихся об организации и проведении мероприятий патриотической направленности и эмоциональной вовлеченности в них (электронные платформы, социальные сети). При этом важным остается оптимальное сочетание инновационных и традиционных методов и средств воспитания, сохранение содержательной глубины и эмоциональной насыщенности деятельности по решению данных задач. Имеющиеся в учреждениях общего среднего образования возможности организации процесса патриотического воспитания средствами цифровых инструментов требуют своей дальнейшей реализации, что соотносится с возрастающими требованиями к системе образования в целом, а также запросами цифрового поколения и задачами поиска новых эффективных методов и средств развития патриотической культуры у школьников.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Болбас, В. С. Этнічныя асновы патрыятызму беларусаў / В. С. Болбас, Г. У. Болбас // Адукацыя і выхаванне. – 2020. – № 4 (340). – С. 3–10.
2. О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы : Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773 // Официальный ресурс Министерства образования Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22100773&p1=1> (дата обращения: 24.04.2025).
3. Информационно-правовая система ЭТАЛОН-ONLINE : [сайт]. – Минск, 2006–2025. – URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u0240097401&q_id=&ysclid=m9qmzqlre964896841 (дата обращения: 16.04.2025).
4. Кипреев, С. Н. Опросник по определению уровня сформированности чувства патриотизма «Мой патриотизм» / С. Н. Кипреев // Психологические тесты онлайн. – Краснодар : Новация, 2024. – URL: <https://psytests.org/group/patriot.html> (дата обращения: 04.04.2025).
5. Ершова, О. И. Патриотическое воспитание учащихся: современные цивилизационные вызовы и перспективы / О. И. Ершова // Веснік адукцыі. – 2021. – № 1. – С. 21–29.
6. Корнейков, Е. Н. Информационные технологии как средство гражданско-патриотического воспитания современных школьников / Е. Н. Корнейков, В. Н. Пустовойтов // Научное обозрение. Педагогические науки. – 2021. – № 2. – С. 37–41.

7. Звёздкін, Н. М. Тэндэнцыі і перспектывы развітія сістэмы патрыотічнага воспитання моладзі ў Рэспубліцы Беларусь: соціалогічны ааналіз / Н. М. Звёздкін // Весн. Гродзенскага дзярж. ун-та імя Я. Купалы. Сер. 5. Эканоміка. Сацыялогія. Біялогія. – 2021. – Т. 11, № 2. – С. 92–100.

8. Болбас, В. С. Патрыятызм як найважнейшая педагогічная каштоўнасць / В. С. Болбас, Г. У. Болбас // Адукацыя і выхаванне. – 2020. – № 5 (341). – С. 3–10.

Поступила в редакцию 02.04.2025

E-mail: solomakhaanastasia@yandex.by

A. D. Solomakha

PATRIOTIC EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN IN A DIGITALLY TRANSFORMED EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article reveals the role of modern digital technologies in organizing the process of patriotic education. The expediency of their use in schools is justified by the increasing trend of technological modernization of the educational process, the demands of the modern generation, and the tasks of finding new effective methods and means of developing patriotic culture among schoolchildren. The analysis of the obtained results regarding the shaping of patriotic consciousness in middle schoolers (grades 6–8) is presented. The possibilities afforded by network technologies for the practical implementation of patriotic education in general secondary educational institutions are considered.

Keywords: patriotic education, patriotism, digital educational environment, digital tools, modern school, digital generation.

УДК 37.091.3:004.738.5

Н. Я. Якубовская

Преподаватель кафедры спортивных дисциплин, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

РАЗВИТИЕ КОМПЕТЕНЦИЙ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ОБЛАСТИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЦИФРОВОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СЕРВИСА LEARNINGAPPS.ORG

В статье анализируется использование цифрового сервиса LearningApps.org в развитии профессиональных компетенций студентов факультета физической культуры на примере дисциплин «Правовые основы ФКиС» и «Организация и экономика ФК», включающем как их формирование, так и диагностику. Результаты проведенного нами педагогического эксперимента показали статистически значимое повышение доли правильных ответов при использовании сервиса и сокращение времени выполнения заданий. Выявлено улучшение оперативности и гибкости знаний. Предложены рекомендации: разработка кейсовых заданий, онлайн-анализ ошибок, комбинирование методов оценки точности (правовые дисциплины) и скорости (экономические дисциплины). Подтверждено, что LearningApps.org способствует развитию информационной грамотности, критического мышления и самоорганизации.

Ключевые слова: цифровые технологии, компетенции, онлайн-тестирование, физическая культура, LearningApps.org, диагностика знаний.

Введение

Современные тенденции в образовании требуют активного внедрения цифровых инструментов, обеспечивающих не только формирование профессиональных компетенций, но и их объективную диагностику. Эти процессы являются взаимосвязанными этапами развития компетенций: формирование предполагает освоение знаний и навыков через интерактивные методы, а диагностика – оценку их усвоения и применения.

Особую актуальность такой подход приобретает в области физической культуры и спорта, где сочетание теоретических знаний и практических навыков является основой подготовки специалистов. Однако существующие исследования [1–3] и анализ нормативной базы [4] выявляют ряд нерешённых проблем:

- между потребностью в использовании интерактивных методов для формирования компетенций и недостатком методических разработок, учитывающих специфику учебных дисциплин по физической культуре;
- между возможностями цифровых платформ для автоматизации контроля знаний и их ограниченным применением в оценке практико-ориентированных навыков (например, анализ правовых кейсов или экономическое моделирование в спорте).

Такие цифровые образовательные онлайн-сервисы, как LearningApps.org, предоставляют уникальную возможность интегрировать формирование и диагностику компетенций в единый процесс. Например, создание интерактивных заданий (тесты, викторины, кейсы) позволяет не только развивать профессиональные навыки (формирование), но и анализировать результаты выполнения в режиме реального времени (диагностика). Это обеспечивает обратную связь, корректировку учебных траекторий и объективную оценку прогресса. Среди аналогов можно назвать Google Forms, Kahoot, SurveyMonkey, Typeform, Microsoft Forms, Moodle, Canvas [5], однако LearningApps.org выделяется гибкостью настройки заданий под специфику физической культуры.

Цель исследования – анализ возможностей сервиса LearningApps.org для формирования и диагностики профессиональных компетенций студентов в области физической культуры и спорта, а также разработка методических рекомендаций по его применению.

Задачи исследования:

1. Выявить ключевые компетенции на основе анализа содержания дисциплин «Организация и экономика физической культуры» и «Правовые основы физической культуры и спорта».
2. Спроектировать интерактивные задания в LearningApps.org, направленные на формирование выявленных компетенций.
3. Оценить эффективность онлайн-тестирования и традиционных методов, а также разработать методические рекомендации для преподавателей по интеграции сервиса в учебный процесс.

Методы и методология исследования

Анализ научно-методической литературы для теоретического обоснования исследования, педагогическое наблюдение для сбора данных о процессе обучения, контрольно-педагогические испытания (тесты) для диагностики трёх ключевых критерииев: полнота знаний (оценка способности студентов точно воспроизводить и применять теоретический материал, что соответствует компетенции информационной грамотности), оперативность (измерение скорости выполнения заданий, что отражает развитие самоорганизации), гибкость знаний (анализ использования разнообразных источников информации, что связано с критическим мышлением) обучающихся, педагогический эксперимент для проверки гипотезы о повышении эффективности диагностики компетенций, методы математической статистики для анализа данных и получения объективных результатов. Для анализа различий между юношами и девушками по непрерывным показателям (процент правильных ответов, скорость выполнения заданий) использовался U-критерий Манна-Уитни, t-критерий Стьюдента, а для категориальных данных (гибкость знаний) применялся χ^2 -критерий Пирсона.

Результаты исследования и их обсуждение

Педагогический эксперимент проводился в 2023–2024 учебном году на базе кафедры спортивных дисциплин УО «ГГУ имени Ф. Скорины». В исследовании участвовал 71 студент факультета физической культуры (37 юношей, 34 девушки). Для сравнения эффективности методов тестирования студенты выполняли идентичные задания в двух форматах:

- традиционный (письменные тесты);
- онлайн (с использованием LearningApps.org) (рисунок 1).

Рисунок 1 – Главная страница онлайн-сервиса LearningApps.org

LearningApps.org – это онлайн-платформа для создания и использования интерактивных заданий. Сервис позволяет проверять знания и навыки студентов, повышая их интерес и мотивацию к обучению.

В соответствии с учебным планом специальности «Физическая культура», дисциплины «Правовые основы физической культуры и спорта» и «Организация и экономика физической культуры» изучаются в 3-м и 7-м семестрах соответственно. Обе дисциплины завершаются зачетом и имеют одинаковый объем – 3 зачетные единицы. В процессе обучения практическая подготовка занимает около 50 % времени, реализуясь через практико-ориентированный подход.

Целью изучения данных дисциплин является формирование у будущих специалистов профессиональных компетенций, необходимых для работы в сфере физической культуры и спорта. В частности, студенты должны овладеть базовыми знаниями о структуре и принципах функционирования отрасли, а также уметь применять эти знания в своей профессиональной деятельности. Кроме того, программы дисциплин направлены на формирование знаний в сфере экономики инноваций на микро- и макроуровне, а также предусматривают самостоятельную работу обучающихся.

На основе учебных программ дисциплин были определены области содержания и цели тестирования. Тестовые задания включали наиболее важные базовые знания, отражающие сущность, содержание, законы и закономерности изучаемых явлений. Для каждой дисциплины были разработаны несколько частей тестовых заданий, которые затем были объединены в коллекции тестов (рисунок 2).

Интерфейс страницы сервиса предоставляет пользователям доступ к заданиям через ссылки и QR-коды. Для контроля доступа к различным частям коллекции тестов автор может настроить требование ввода данных (имя, фамилия, номер группы) перед переходом ко второй части (рисунок 3).

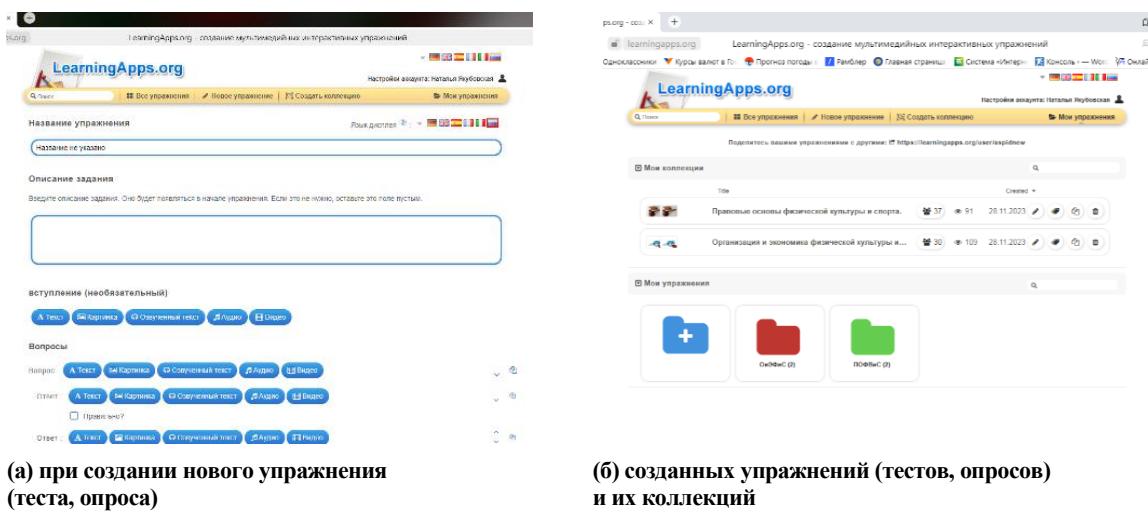

Рисунок 2 – Интерфейс страницы сервиса LearningApps.org

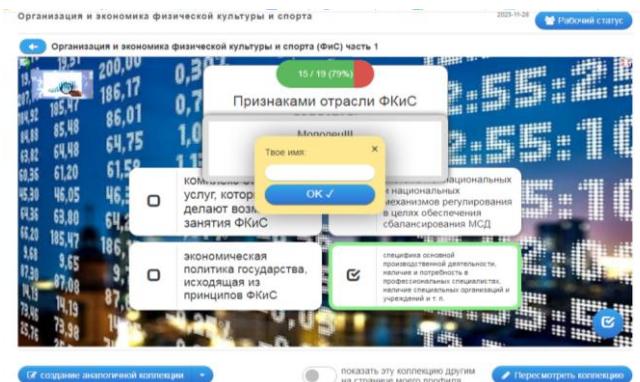

Рисунок 3 – Интерфейс страницы сервиса LearningApps.org на примере учебной дисциплины «Организация и экономика физической культуры и спорта»

Сервис LearningApps.org был успешно адаптирован для дисциплин физической культуры, предоставляя инновационные методы формирования компетенций у студентов. Интеграция этого цифрового инструмента в образовательный процесс позволила создать разнообразные интерактивные задания, которые не только способствовали усвоению теоретического материала, но и развивали профессиональные навыки будущих специалистов в области физической культуры и спорта.

Для дисциплин «Организация и экономика физической культуры» и «Правовые основы физической культуры и спорта» были разработаны специализированные кейсовые задания, направленные на решение практических задач. Например, студентам предлагалось рассчитать бюджет спортивного мероприятия, что позволяло применить экономические знания в реальном контексте. В рамках правовых основ обучающиеся анализировали потенциальные юридические последствия нарушения антидопинговых правил, развивая навыки правовой грамотности и умение применять законодательство в профессиональной деятельности.

Интерактивные форматы заданий, такие как сопоставление терминов, заполнение таблиц и использование QR-кодов для быстрого доступа к нормативным документам, способствовали лучшему усвоению материала и формированию навыков работы с цифровыми технологиями. Эти задания создавали условия для самостоятельной работы студентов, стимулируя их активное участие в образовательном процессе.

Для контроля за ходом тестирования сервис предоставляет преподавателю возможность в режиме реального времени отслеживать статус выполнения заданий: количество студентов, приступивших к каждой части теста, их данные, а также время, затраченное на выполнение каждой части (рисунок 4).

Фамилия	Юлия	Алина	Ангелина	Е	Ваня	Виктория	Σ / 2
	✓	✓	✓	✓	✓	✓	2
	✓	✓	✓	✓	✓	✓	2
	✓	✓	✓	✓	✓	✓	2
	✓	✓	✓	✓	✓	✓	2
	✓	✓	✓	✓	✓	✓	2

Рисунок 4 – Интерфейс страницы сервиса LearningApps.org, отображающей контроль текущего статуса тестиирования на примере учебной дисциплины «Правовые основы физической культуры и спорта»

Результаты проведения тестирования представляются в процентном соотношении количества правильных и неправильных ответов каждого участника (рисунок 5).

Рисунок 5 – Интерфейс страницы сервиса LearningApps.org, отображающей результат тестирования

Применение LearningApps.org позволило задействовать несколько ключевых механизмов формирования компетенций. Во-первых, информационная грамотность студентов значительно повысилась: 56 % обучающихся активно использовали интернет для поиска дополнительной информации при выполнении заданий. Это способствовало развитию навыков работы с цифровыми ресурсами и критического анализа информации (анализ правовых кейсов). Во-вторых, задания с множественными правильными ответами (например, выбор релевантных статей Кодекса Республики Беларусь о спорте) стимулировали развитие критического мышления. Студенты учились анализировать контекст, сопоставлять различные аспекты законодательства и принимать обоснованные решения. В-третьих, автоматический учет времени выполнения заданий (в среднем 9,2 минуты) способствовал формированию навыков самоорганизации и управления ресурсами – важного аспекта профессиональной подготовки специалистов в сфере физической культуры.

Особое внимание следует уделить результатам тестирования студентов с использованием LearningApps.org. Данные показали, что студенты демонстрировали более высокие показатели полноты знаний по дисциплине «Правовые основы физической культуры и спорта», но отвечали медленнее по сравнению с дисциплиной «Организация и экономика физической культуры». Это различие может быть связано с особенностями содержания дисциплин: правовые задания требуют более глубокого анализа текста нормативных документов, тогда как экономические задачи предполагают оперативность расчётов.

Таким образом, адаптация сервиса LearningApps.org для дисциплин физической культуры не только повысила эффективность образовательного процесса, но и способствовала формированию ключевых компетенций – информационной грамотности, критического мышления и самоорганизации. Интеграция цифровых технологий в обучение позволила создать интерактивную образовательную среду, стимулирующую активное участие студентов в учебном процессе и развитие их профессиональных навыков.

Результаты исследования демонстрируют статистически значимое превосходство онлайн-сервиса LearningApps.org над традиционным тестированием по ключевым параметрам контроля компетенций (таблица 1). Согласно данным, использование цифрового инструментария ассоциировано с повышением доли правильных ответов на 8,66 % (77,46 % против 68,80 %; U=1024, p=0,01) и сокращением среднего времени выполнения заданий на 36,5 % (9,2 мин против 14,5 мин; U=856, p=0,001). Эти результаты подтверждают, что онлайн-формат не только оптимизирует временные затраты, но и повышает точность выполнения заданий.

Таблица 1 – Сравнение традиционного тестирования и онлайн-сервиса LearningApps.org (n=71)

Параметр	Традиционное тестирование	Онлайн-сервис	p-значение (U-критерий)
Правильные ответы, %	68,80 ± 6,5	77,46 ± 5,2	0,01
Среднее время, мин	14,50 ± 3,1	9,20±2,4	0,001

Преимущества онлайн-сервиса включают:

- автоматизацию процессов: исключение субъективных ошибок при проверке;
- централизованное хранение данных: удобство анализа и архивации;
- адаптивность: возможность индивидуализации заданий.

В отличие от традиционного тестирования, требующего ресурсозатратных этапов (печать бланков, ручная обработка), LearningApps.org обеспечивает оперативность и стандартизацию оценки.

Для углублённого анализа проведена диагностика компетенций в двух учебных дисциплинах: «Правовые основы ФКиС» (n=37) и «Организация и экономика ФКиС» (n=34) (таблица 2). Результаты выявили специфику влияния формата заданий на показатели знаний.

Таблица 2 – Диагностика компетенций у студентов (n=71) с использованием онлайн-сервиса LearningApps.org

Критерии оценки / компетенции	Показатели	Правовые основы ФКиС (n=37)		p-значение, критерий	Организация и экономика ФКиС (n=34)		p-значение, критерий
		юноши (n=20)	девушки (n=17)		юноши (n=17)	девушки (n=17)	
Полнота знаний, % / информационная грамотность	Процент правильных ответов	87,75 ± 5,2	82,35 ± 6,1	0,15 (U-критерий)	72,42 ± 7,3	72,85 ± 6,8	0,89 (U-критерий)
	Количество выполненных заданий	35	35		26	26	
Оперативность знаний, с / самоорганизация	Скорость ответов	734 ± 45	687 ± 38	0,07 (t-критерий)	518 ± 30	444 ± 25	0,03 (t-критерий)
Гибкость знаний / критическое мышление	Использование разных источников информации	Юноши: память – 15 % конспект – 30 % интернет-сеть – 55 % Девушки: память – 12 % конспект – 29 % интернет-сеть – 59 %					0,01 (χ^2)

Примечание – Если $p \geq 0,05$ → различия незначимы.

По окончании исследования был проведен опрос для оценки эффективности контроля знаний с помощью LearningApps.org. Опрос включал вопросы о качестве и сложности тестовых заданий, удобстве интерфейса, необходимости ограничения времени на ответы, а также использовании различных источников информации (таблица 2).

Данные таблицы 2 позволяют сделать вывод о том, что использование онлайн-сервиса LearningApps.org способствует формированию полноты, оперативности и гибкости знаний.

Полнота знаний: в дисциплине «Правовые основы физической культуры и спорта» юноши демонстрируют более высокий процент правильных ответов (87,75 % и 82,35 %), однако различия статистически незначимы ($p=0,15$). В дисциплине «Организация и экономика физической культуры и спорта» показатели юношей и девушек сопоставимы ($p=0,89$), что может объясняться унифицированной структурой аналитических заданий.

Следует отметить, что учебная дисциплина «Правовые основы физической культуры и спорта» включала 35 заданий, направленных на детальное тестирование нормативных актов. В дисциплине «Организация и экономика физической культуры и спорта» использовалось 26 заданий, сфокусированных на аналитических задачах (например, расчёт себестоимости спортивного инвентаря). Разница объясняется структурой учебных программ: правовая дисциплина требует точного воспроизведения информации и анализа формулировок (11,45 мин), тогда как экономическая дисциплина фокусируется на аналитических задачах и применении шаблонных расчётов (7,24 мин у девушек). Это подтверждает необходимость адаптации форматов заданий под специфику дисциплины: правовые задания развивают точность анализа, экономические – оперативность решений.

Оперативность знаний: в дисциплине «Организация и экономика физической культуры и спорта» зафиксировано значимое сокращение времени выполнения заданий у девушек (444 с и 518 с; $p=0,03$), что свидетельствует об их склонности к алгоритмизированным решениям. При этом меньшая оперативность в дисциплине «Правовые основы физической культуры и спорта» (734 с у юношей) связана с необходимостью анализа нормативных текстов, требующих детализации.

Гибкость знаний: большинство студентов (56 %) используют интернет для поиска ответов, что подтверждает роль цифровых ресурсов в формировании компетенций ($\chi^2=0,01$). При этом распределение источников информации (конспекты – 31 %, память – 13 %) отражает разнообразие учебных стратегий.

Для успешного внедрения цифрового образовательного сервиса LearningApps.org в учебный процесс преподавателям рекомендуется придерживаться последовательной стратегии, которая включает несколько этапов, анализ результатов и использование мотивационных подходов.

Первым шагом является определение ключевых компетенций, которые должны быть сформированы у студентов в рамках изучаемой дисциплины. Например, для дисциплины «Правовые основы физической культуры и спорта» это может быть умение применять правовые нормы в профессиональной деятельности, а для «Организации и экономики физической культуры» – способность планировать бюджет спортивного мероприятия. Четкое выделение таких компетенций позволяет задать ориентиры для разработки интерактивных заданий.

На следующем этапе создаются задания, которые максимально приближены к профессиональному контексту. Это могут быть кейсы, требующие решения реальных задач, например, составление договора со спонсором спортивного мероприятия или анализ правовых последствий нарушения антидопинговых правил. Такие задания способствуют не только усвоению теоретических знаний, но и развитию навыков их применения на практике.

Далее задания группируются в тематические коллекции, что обеспечивает структурированность учебного материала. Например, задания могут быть разделены по модулям курса или по уровням сложности. Это позволяет студентам постепенно углублять свои знания и осваивать новые аспекты дисциплины. Использование визуальных элементов, таких как схемы или QR-коды для доступа к нормативным документам, делает процесс обучения более наглядным и интерактивным.

После выполнения заданий важным этапом становится анализ ошибок студентов. Преподаватели могут использовать статистику платформы LearningApps.org для выявления наиболее проблемных тем. Например, если 62 % студентов допускают ошибки в вопросах о налогообложении спортивных организаций, это сигнализирует о необходимости усиления внимания к данной теме на лекциях или практических занятиях. Разбор типичных ошибок и кейсов помогает студентам лучше понимать материал и избегать подобных недочетов в будущем.

Для поддержания интереса студентов к обучению рекомендуется использовать мотивационные стратегии. Геймификация может включать начисление баллов за скорость выполнения заданий или создание рейтинговых таблиц с результатами студентов. Такие элементы стимулируют соревновательный дух и повышают вовлеченность обучающихся. Кроме того, проведение рефлексивных обсуждений после выполнения заданий помогает студентам осознать свои достижения и трудности. Например, можно обсудить причины того, почему 31 % студентов предпочли использовать конспекты вместо самостоятельного анализа заданий.

Таким образом, внедрение LearningApps.org в образовательный процесс требует четкого планирования на каждом этапе: от определения целей до анализа результатов и мотивации студентов.

Такой подход позволяет не только повысить качество обучения, но и эффективно формировать ключевые компетенции у будущих специалистов в области физической культуры и спорта.

Заключение

Проведённое исследование подтвердило, что цифровой сервис LearningApps.org эффективно решает задачи формирования и диагностики профессиональных компетенций студентов в области физической культуры и спорта. На основе анализа дисциплин «Правовые основы ФКиС» и «Организация и экономика ФКиС» были выявлены ключевые компетенции, включая умение применять правовые нормы в профессиональной деятельности и навыки экономического моделирования. Для их развития в среде LearningApps.org были спроектированы такие специализированные интерактивные задания, как анализ антидопинговых правил и расчёт бюджета спортивных мероприятий. Эти задания не только способствовали усвоению теоретического материала, но и стимулировали информационную грамотность (56 % студентов активно использовали интернет для поиска нормативных документов) и критическое мышление (улучшение навыков анализа контекста на 12 %).

Сравнение онлайн-формата с традиционными методами тестирования продемонстрировало значительное повышение эффективности образовательного процесса. Использование сервиса LearningApps.org позволило увеличить долю правильных ответов на 8,66 % (с 68,80 % до 77,46 %) и сократить среднее время выполнения заданий на 36,5 % (с 14,5 до 9,2 минут). Эти результаты подтверждают, что сервис не только оптимизирует диагностику знаний, но и способствует развитию самоорганизации и оперативности решений. Особенно ярко это проявилось в дисциплинах разной направленности: правовые задания требовали глубокого анализа (среднее время выполнения – 11,45 мин), тогда как экономические задачи акцентировались на скорости расчётов (7,24 мин).

Успешная интеграция сервиса в учебный процесс возможна при соблюдении нескольких условий. Во-первых, задания должны быть тесно связаны с такими профессиональными сценариями, как моделирование договоров или оптимизация ресурсов. Во-вторых, важно адаптировать форматы заданий под специфику дисциплин: акцент на точность анализа для правовых кейсов и оперативность – для экономических расчётов. В-третьих, комбинирование цифровых инструментов с традиционными методами, например, обсуждение кейсов на семинарах позволяет закрепить навыки и усилить практическую направленность обучения.

Перспективы исследования связаны с расширением возможностей цифровых технологий в образовании. Разработка мобильных приложений для симуляции реальных ситуаций (управление спортивной организацией, планирование мероприятий) и изучение влияния геймификации на мотивацию студентов могут стать следующими этапами работы. Таким образом, использование LearningApps.org не только достигло цели исследования, но и предоставило методическую основу для дальнейшего совершенствования профессиональной подготовки специалистов в области физической культуры и спорта, подчеркнув роль цифровых инструментов в современном образовании.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бодрова, Е. Г. Цифровые инструменты и сервисы в профессиональной деятельности современного педагога / Е. Г. Бодрова, Л. Н. Дегтеренко // Современная высшая школа: инновационный аспект. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 48–56. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-instrumenty-i-servisy-v-professionalnoy-deyatelnosti-sovremenennogo-pedagoga> (дата обращения: 05.02.2024).
2. Котельникова, Е. Н. Использование сервисов онлайн-опроса на примере Google форм как средства для проверки знаний обучающихся / Е. Н. Котельникова, Л. В. Курзаева, Е. В. Чернова // Наука. Информатизация. Технологии. Образование : материалы XIII междунар. науч.-практ. конф., г. Екатеринбург, 24–28 февр. 2020 г. – Екатеринбург : Изд-во РГППУ, 2020. – С. 335–346. – URL: https://elar.rsvpu.ru/bitstream/123456789/31378/1/978-5-8295-0699-5_2020_047.pdf (дата обращения: 07.02.2024).
3. Забродина, Е. В. Применение сервиса LearningApps.org при обучении бакалавров педагогического образования / Е. В. Забродина // Молодой учёный. – 2018. – № 18 (204). – С. 182–186.
4. Кодекс Республики Беларусь об образовании : 13 января 2011 г. № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : с изм. и доп. от 6 марта 2023 г. № 257-З // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=hk1100243> (дата обращения: 07.02.2024).
5. Якубовская, Н. Я. Применение онлайн-сервисов для оценки компетенций студентов / Н. Я. Якубовская // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы:

традиционные ценности и инновационные технологии в образовании как фактор прогрессивного развития общества : сб. материалов Респуб. науч.-метод. конф. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомельский гос. ун-т им. Ф. Скорины ; редкол.: Ю. В. Никитюк (гл. ред.) [и др.]. – Гомель, 2024. – С. 482–484.

Поступила в редакцию 22.10.2024

E-mail: aspidnew1375@gmail.com

N. Ya. Yakubovskaya

THE DEVELOPMENT OF STUDENTS' COMPETENCIES IN PHYSICAL CULTURE
AND SPORTS DEVELOPMENT OF STUDENTS' COMPETENCIES IN PHYSICAL CULTURE
AND SPORTS USING THE LEARNINGAPPS.ORG DIGITAL EDUCATIONAL SERVICE

The article analyzes the use of a digital educational service LearningApps.org in the development of professional competencies of students doing degrees in the Physical Education Faculty. (By way of illustration, we will point to such disciplines as Legal Foundations of Physical Culture and Sports, and Organization and Economics of Physical Culture.) The process of students' professional competences development is viewed here as embracing both formation and diagnostics. The results of the conducted pedagogical experiment showed a statistically significant increase in the percentage of correct answers when using the service, as well as a reduction in the time required to complete the tasks, among other benefits identified are improvements in students' responsiveness and flexibility of knowledge. A set of recommendations has been offered, including the development of case-based assignments, online error analysis, and combining methods for assessing accuracy (legal disciplines) and speed (economic disciplines). It has been confirmed that LearningApps.org supports the development of students' information literacy, critical thinking, and self-organization skills.

Keywords: digital technologies, competencies, online testing, physical culture, LearningApps.org, knowledge diagnostics.

ФІЛАЛАГІЧНІЯ НАВУКІ

УДК 811.161'373

О. В. Агафонова

Старший преподаватель кафедры иностранных языков, УО «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины», г. Витебск, Республика Беларусь

СЕМАНТИКА ФИТОНИМА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Для русской лингвокультуры значимыми являются образы таких растений, как береза, ива, калина, дуб и многие другие. В статье исследуется, каким образом особенности использования этих фитонимов в художественных текстах выражают специфику менталитета русского народа. Фитонимы представляют собой наиболее устойчивые и массовые ментальные стереотипы этноса. Но меняются времена, жизненные реалии, и понимание названий растений, традиция их восприятия также меняются. Конечно, ядро концепта, сформированного веками, сохраняется (например, ива – символ грусти, печали, одиночества), но периферия концепта изменяется, постоянно переосмысливается, расширяется или сужается, особенно это касается современных поэтических текстов, в которых реализуется принцип умножения смысла.

Ключевые слова: менталитет, поэтический текст, концепт, картина мира, языковые единицы, фитоним, лингвокультурология.

Введение

Одним из приоритетных направлений лингвистики является изучение языка в тесной связи с мышлением человека, его сознанием, духовной и практической деятельностью. Язык – это отражение национальной культуры; языковые единицы фиксируют содержание, которое так или иначе отражает условия жизни народа-носителя. Изучение названий растений дает возможность проследить, как внеязыковая действительность отражается в языке.

Цель статьи – показать специфику менталитета русского народа через особенности использования в художественных текстах наиболее распространенных и ярких фитонимов: береза, ива, калина, рябина, дуб. Исследование проведено на материале текстов Национального корпуса русского языка.

Согласно исследованиям Ю. А. Дьяченко, в языкоznании существует узкое и широкое понимание терминологической единицы «фитоним». Первые попытки толкования этого понятия были предприняты в научных статьях, где фитонимами назывались имена индивидуальных растений, а фитонимика как совокупность названий реалий растительного мира считалась разделом ономастики – науки, занимающейся всесторонним исследованием имен собственных. Н. В. Подольская также считала, что термин «фитоним» принадлежит ономастике (по аналогии с зоонимом, топонимом и т. д.) [1]. Широкое понимание понятия «фитоним» было представлено в работах Т. А. Бобровой, которая рассматривала этот термин как «терминологическое название всех растений (малина, калина, базилик и др.)» [2, с. 73].

Изначально филологи сконцентрировали свое внимание на изучении этимологии названий растений в классических языках. Первой работой, посвященной этимологии фитонимов, стала монография В. А. Меркуловой «Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды» [3], где автор рассматривала наименования съедобных трав, ягод и грибов.

Еще в XIX веке Ф. И. Буслаев в своей статье «Значение собственных имен лютики, вильцы и волчки в истории языка» обращает внимание на связь названий растений с жизнью народа, с его обычаями, религией и т. д. [4, с. 17].

Взяв за основу мифологический подход, предложенный Ф. И. Буслаевым, А. С. Ермолов продолжил изучение фитонимической лексики с точки зрения лингвокультурологии, т. к. исследование лексики с этой позиции позволяет полностью раскрыть систему культурных ценностей и ориентиров, которые присущи языковому сознанию членов определенного лингвокультурного общества и которые отражены в языковой картине мира этого общества. В. А. Маслова пишет: «В сфере особого внимания

лингвокультурологов являются единицы языка, которые приобрели символическое, эталонное, образно-метафорическое значение в культуре и которые обобщают результаты собственно человеческого сознания – архетипического и прототипического, зафиксированные в мифах, легендах, ритуалах, обрядах, фольклорных и религиозных дискурсах, поэтических и прозаических художественных текстах, фразеологизмах и метафорах, символах и паремиях и т. д.» [5, с. 79].

Растения представляют собой наиболее устойчивые и массовые ментальные стереотипы этноса. Но меняются времена, жизненные реалии, и понимание названий растений, традиция их восприятия также меняются. Конечно, ядро концепта, сформированного веками, сохраняется (например, *ива* – символ грусти, печали, одиночества), но периферия концепта изменяется, постоянно переосмысливается, расширяется или сужается, особенно это касается современных поэтических текстов, в которых реализуется принцип умножения смысла. Периферия концепта может изменяться за счет появления новых коннотаций. Например, *ива* после Великой Отечественной войны стала олицетворять женщин, потерявших на войне мужей, отцов, сыновей.

Это может быть метафоризация, основанная на реалиях современной жизни (например, *малина* – как воровской притон или как привольная жизнь). Поэтому изучение названий растений, связанных с ними традиций и верований, их современное восприятие в художественных текстах представляется весьма актуальным для текстологических, лингвокультурологических, этимологических и лигвопоэтических исследований.

Методы и методология исследования

В качестве фактического материала исследования использовались 4 русскоязычные названия растений. В работе применялись общенаучные методы (описательно-аналитический, сравнительный и сопоставительный), а также частные методы и приемы (прием семантической идентификации, количественный метод).

Результаты исследования и их обсуждение

Образность и частотность употребления названий растений связаны с положительным отношением народа к растениям и их названиям. Фитонимы, которые совершенствуют предметные, нравственные, культурно-ценностные смыслы, принадлежат растительному коду культуры.

Художественные образы растений по традиции часто переходят на людей. Названия растений наделяются, например, антропоморфными коннотациями, которые проявляются с помощью фитоморфизмов и сравнений с самим человеком или частями его тела. Большая часть таких названий коннотативными значениями связана с внешним видом, физическим состоянием и т. д. (выглядеть *огурцом*; уши, как *лопухи*; нос *картошкой*; *пищеничные* волосы и др.). Сюда же мы можем отнести коннотации с помощью фитоморфизмов с коннотативными значениями «поведение», «характер»: упрямство связано с *дубом*, самовлюбленность – с *нарциссом*, неприятные черты характера – с *хреном*, простодушие – с *лопухом*, капризность – с *мимозой*, насмешливость, остроумие – с *перцем* и др. Коннотации, не имеющие антропоморфного значения, мы можем проследить чаще всего в номинациях, которые характеризуют какие-то понятия или события с помощью метафор: *малина* как воровской притон или как привольная, без трудностей жизнь; смотреть *клубничку*; почивать на *лаврах* и др.

В русской лингвокультуре образ растения представляет собой метафоры качеств и свойств человека, инструменты оценивания событий в жизни человека, значимыми являются образы таких растений, как *береза*, *дуб*, *ива*, *калина* и многие другие.

Береза – одно из самых знаковых деревьев у славян. Еще язычниками было замечено, что *береза* иссушает почву, многие растения не выживают рядом с ней. Считалось, что после смерти душа человека переселяется в *березу*, поэтому это дерево символизировало души умерших. И сейчас в некоторых областях России места, где когда-то росли *березы*, считаются несчастливыми, приносящими беду. С другой стороны, славянская мифология говорит о том, что *береза* приносит счастье в дом, берегает от болезней. Из *березы* делали обереги, которые отгоняли злые силы. Так, на Троицу крестьяне ходили в лес за молодыми березовыми ветками, вкалывали их возле дома, чтобы привлечь счастье [6, с. 55]. *Береза* считалась деревом, которое облюбовали представители нечистой силы: леший, русалка, черти. Ведьмы летали на березовых метлах. Однако мы можем отметить, что, несмотря на популярность *березы*, ее название практически не встречается ни в пословицах, ни в народных приметах. Скорее всего, это связано с тем, что растения, которым поклонялись люди и которые считались священными, нельзя было называть вслух. Вся русская фразеология и фольклор буквально «пропитаны» образами *берез*, и они все разные. Мы можем отметить, что все-таки значительно

преобладает положительное оценочное значение лексемы *береза*: *стройна, как береза* (передаются такие культурные смыслы, как «молодость», «здоровье», «целомудрие»); *сердце трепещет, как березовый лист* (транслируется эмоциональная реакция человека).

Несмотря на сложность и неоднозначность восприятия *березы*, можно утверждать: *береза* – одно из самых любимых деревьев у русских, что находит свое отражение, например, в поэзии. Это *березовый ситец* у Сергея Есенина и воспетые им *березовые рощи*. Николай Рубцов говорил: «*Я люблю, когда шумят березы*».

Изначально *береза* являлась символом молодой незамужней девушки: «*береза, как невеста*», «*березонька, невеста белостольная*», «*береза-светловолоска*», она «*скромно зеленела*». С помощью использования различных глаголов *береза* одушевлялась, превращалась в девушку: «*волновалась*», «*разделась донага*», «*стояла, как плыла*», «*дрожала*» и др. Лингвокультурологический фон использования фитонима *береза* в художественных текстах разных периодов вызывает ассоциации *березы* со светлым характером человеческих взаимоотношений, с женщиной, ее нежностью, часто – с ее печалью, одиночеством:

*Но всех милей мне девушка-береза,
Пришедшая из сказок и былин,
Снегурочка, любимица мороза,*

Аленушка пригорков и равнин. (Вс. А. Рождественский. «В земном пути, меняющем кочевья...»)

С течением времени *береза* становится символом русской земли, родины, любви к родине, русской души, например, Т. Герасимова в разговоре с *березой* восклицает: «*Ты в любое время года / Чудно хороша. / И для русского народа / Ты его душа*» (Т. Герасимова. «Гимн березе»).

В современной поэзии мы наблюдаем появление новых значений у слова «*береза*». Так, С. Островой в стихотворении «Одна» пишет:

*Ворчит береза старая.
Ворчит.
Все зябко ей. Болят сухие
кости.
И воздух по утрам уже
горчит.
И птицы к ней не прилетают
в гости. (С. Островой)*

Перед нами метафорически в образе *березы* предстает не молодая девушка, а старушка в зеленом платке, с сединой в волосах, в своей скрипучей старушечьей доле, которая вздыхает, ворчит, вспоминает свою молодость. Она чувствует себя одинокой. Хотя автор дальше говорит о том, что у нее есть и семья, и подруги, которые «не пустят в этот лес беду, грозу». Но при всей грусти у этой старушки-березки мирная, гармоничная старость и достойно прожитая жизнь, а в плохом настроении виновата погода. Так, образ *березы* глубинно отражает отношение русских людей к жизни, старости, смерти.

Береза стала символом России, поэтому очень часто для описания русской природы используется ее название (например, «*березовая роща*»).

*Я не знаю, что на свете проще?
Глушь да топь, коряги да пеньки.
Старая березовая роща,
Редкий лес на берегу реки.
Капельки осеннего тумана
По стволам текут ручьями слез.
Серый волк царевича Ивана
По таким местам, видать, и вез. [11]*

При всей какой-то безысходности нарисованной поэтом картины природы Серый волк все-таки увез и спас Ивана, т. е. получается, что, вопреки обстоятельствам, победить можно всегда – а это уже мудрость народа, его верования и ценности.

Семантическая структура лексемы *береза* отражает важность прагматического и эмоционального компонентов. Во многих текстах описывается практическое применение этого дерева: «*Из двух длинных тонких берез, воткнутых в землю и связанных у верхушек, было сделано нечто вроде ворот*» (Татьяна Кравченко. «Санкт-Петербург в вопросах и ответах»). «*Простой письменный стол из карельской березы стоял у окна и такое же кресло*» (Евгений Салиас де Турнемир. «Кудесник»).

Эмоции проявляются во фрагментах, где присутствуют размышления, восторг, печаль, впечатления от происходящего вокруг: «Как не дивиться зеленої зале, в которой ветви плачущих берез покрывали белые стены?» (Адель Алексеева. «Опасный менэт»).

И. Светличный писал: «Красота России, чистота России / В ней, в березе белой, на века сплелись». Уже традиционно береза для русских людей является олицетворением жизни и родины. Это подтверждают многочисленные факты из жизни первой волны русской эмиграции. Например, великий русский композитор Сергей Рахманинов, уехавший после революции в эмиграцию, посадил на своей вилле в Швейцарии три березки и трепетно за ними ухаживал [7, с. 86].

Б. Слуцкий в своем стихотворении «Хочу умереть здесь» проводит параллель между березой и родиной:

Необходимо мне,
чтобы на склоне дней
береза была в окне,
чтобы ворона на ней,
чтоб шелест этой листвы
и грай
услышались мне
в районной больнице Москвы,
в родимой стороне. (Б. А. Слуцкий. «Хочу умереть здесь»)

Где бы ни был русский человек, но умирать он хочет дома, на родной земле, слыша шелест березовой листвы. Трудно представить, чтобы так просил о шелесте березы европеец. Здесь отражается именно русский менталитет.

Ради берез велись сражения, погибали бойцы в годы Великой Отечественной войны. В военной лирике ХХ века мы наблюдаем появление различных коннотаций у концепта «береза». Береза для советских воинов становилась олицетворением друга, матери, невесты, сестры: «...береза ветви наклонила, / Помогая раненому встать. / Соком, словно молоком его поила, / Как сестра, как бабушка, как мать» (Л. Долгих. «Баллада о березе»). Березы напоминали о доме, о мирной жизни.

Еще один концепт – ива – дошел до нас через народные приметы (ива рано инеет покрылась – к долгой зиме), через пословицы (гибкую иву ветер не сломает; от ивы яблоко не родится). Формирование данного концепта происходит и в настоящее время. Концепт постоянно переосмысливается, исходя из изменяющихся реалий.

Ивы растут на берегах водоемов, поэтому люди приметили, что там, где есть ива, есть и вода: колодцы всегда копали рядом с этими деревьями, к тому же считалось, что ива очищает воду. За то, что ива указывала на присутствие воды, люди относились к ней с особым почтением [8, с. 296].

Ива традиционно – это олицетворение грусти, печали, одиночества, поскольку сам ее внешний вид с опущенными ветками ассоциируется с опущенной в горести головой человека, бессильными руками, согбенной спиной.

Всю землю, грустно-сиротлива,
Считая родиной скорбей,
Плачущая склоняет ива
Везде концы своих ветвей. (А. А. Фет. «Ивы и березы»)

Считается, что ива – это женское дерево, к которому в давние времена приходили обиженные девушки, обнимали ее ствол и просили помощи. Поэтому ива часто выступает в образе девушки [8, с. 293]: «Как невесты, распушились ивы» (В. Смирнов).

Со временем такая трактовка практически исчезла. В современных поэтических текстах фитоним «ива» в качестве символа молодой красивой девушки почти не встречается. После Великой Отечественной войны ива стала олицетворять в большинстве случаев вдову, пожилую женщину, старенькую мать:

Я себя пересилю упрямко,
Стану мальчиком лет шести,
Но прости меня, мамочка-мама,
Сумасшедшего сына прости...

Мать меня укоряла ревниво,
Но, когда растерялись слова,
Оказалось, что мать моя – ива,
А под ивой – могила-трава. (В. Блаженный. «Все мне кажется, ждет меня кто-то...»)

Через образ *ивы* поэт передает свою любовь к матери, мысленно просит у нее прощение. Нам часто не хватает времени, сил, энергии уделять родителям столько внимания, сколько они заслуживают. Андрей Вознесенский писал: «*Матери сиротеют, дети их покидают. Ты мой ребенок, мама, брошенный мой ребенок...*». Это неизбежный закон жизни: время, силы и здоровье уходят на собственных детей и собственную жизнь, родители отходят на второй план.

Еще одним важным для русского этноса растением является *калина*. В народном мировосприятии *калина* олицетворяет поры года и связанные с ними изменения в жизни растений: «*Зазеленела старая и вылезающая иглами молодая трава, надулись почки калины, смородины и липкой спиртовой бересы...*» (Л. Н. Толстой. «*Анна Каренина*»). «*Теперь вот в Малороссии так настоящая весна. Цветет черемуха, калина...*» (А. И. Куприн. «*Черный туман*»).

И опять же, *калина* выступала как олицетворение юной девушки, происходил метафорический перенос на основе семы «красота»:

*Он хотел меня, калину,
Посадить в своем саду...
Не довёз и в поле бросил,
Думал, что я пропаду,
А я за землю ухватилась,
Встала на ноги свои
И навеки поселилась
Где вода и соловьи. (Русская народная песня)*

Эти строки свидетельствуют о специфике менталитета русского народа: о красоте русской женщины, о ее душевной силе, о том, что «*коня на скаку остановит, в горячую избу войдет*». Сколько перенесли русские женщины только в XX веке, но всегда оставались сильными, терпеливыми и мудрыми. А красная *калина*, действительно, олицетворяет красоту и статность русской женщины.

В структуре современного концепта «*калина*» ведущими символическими значениями выступают Родина и память:

*Казак и просил, и молил, умирая,
Насыпать курган в головах:
«Пускай на кургане калина родная
Красуется в ярких плодах.
Пусть вольные птицы, садясь на калине,
Порой прощебечут и мне,
Мне, бедному, весть на холодной чужбине
О милой, родной стороне!» [12]*

Для поэта *калина* и родина – два неразделимых понятия. Мы видим, что *калина*, как и *береза*, неразрывно связаны с русской душой, с любовью к родной земле.

Для русской лингвокультуры знаковым является также образ *рябины*. Этот образ имеет много общего с образами *березы*, *калины*, *ивы*. Это все женские символы, связанные с женским началом. *Рябина*, как и вышеупомянутые растения, изначально была связана с образом русской молодой незамужней девушки. Она «плачет», «слезы льет». В. Хромова писала: «*Aх, рябинушка, краса земная русская!*». Как правило, *рябина* представляла собой страдающую, печальную девушку, часто сироту. Очень часто *рябина* сравнивается с царицей, с боярыней, с красавицей, что еще больше подчеркивает любовь народа к этому дереву. О ней говорят «*рябинка*», «*рябинушка*». В знаменитой русской песне на слова И. Сурикова *рябина* говорит про себя: «*Грустно, сиротинка, / Я стою, качаюсь, / Что к земле былинка, / К тыну нагибаюсь*». В XX веке концепт «*рябина*» расширяет свои границы. В результате процесса метафоризации *рябина* становится символом России, родины. Например, Н. Рачков называет Россию «*рябиновой Русью*». В поэтических текстах при описании русской земли также можно встретить выражение «*край мой рябиновый*». В стихотворении М. Цветаевой мы читаем: «*Рябину / Рубили / Зорькою. / Рябина – / Судьбина / Горькая. / Рябина – / Седыми / Спусками... / Рябина! / Судьбина / Русская*» (М. Цветаева. «*Рябину рубили...*»). Россию поэт сравнивает с *рябиной*: как горьки ягоды у *рябины*, так и горька судьба земли русской. Однако же, как ни уничтожали Русь, как ни выжигали ее, – поседела она, судьба у нее горькая, страшная, но выстояла. Как и многие фитонимы, ассоциирующиеся с женским образом, *рябина* в XX веке становится и символом вдовы: «*Aх вдовы, вдовы – русские рябины / В глухих послевоенного села...*» (Н. Рачков).

Символом жизненной мощи, энергии, власти, мужественности в русской языковой картине мира выступает *дуб* – дерево высокое, широкое, крепкое, не подвластное дождю, грозе и ветру:

*В его кривых ветвях, как в мышцах
великана,
Всё та же бродит мощь сквозь чуткий
полусон,
И споря до конца с осенним ураганом,
Кудрями рыжими взмахнет, проснувшись
он. [13]*

Поэт воспевает мощь дуба, который до конца спорит с ураганом, т. е. упорно стоит под его страшным натиском, его не сломать и не сломить, а потом, победив, – дуб «кудрями рыжими взмахнет» и продолжит стоять, вопреки всему. И это тоже русский характер: стоять, несмотря ни на какие ураганы времени в своей жизни, в жизни семьи, своего народа, своей родины. И русские, как вековые дубы, всегда стояли насмерть. В любой страшный час происходило только увеличение силы и стойкости.

Для славян дуб всегда являлся культовым деревом. Это дерево считалось связующим звеном трех миров: подземного, земного и небесного, оно являлось символом мирового пространства. Особенно часто такой символизм встречается в русских заговорах: «на восточной стороне стоит дуб железный, под тем дубом Богородица сидит, шьет-вышиивает, меня рабу Божию ... сторожит». На дубах, как и на березах, часто селились представители нечистой силы. Считалось, что на Купалье на дуб прилетали ведьмы, поэтому крестьяне вешали на ветки нитки и полотенца в качестве оберегов [9, с. 136].

*То ли ворон накликал беду,
То ли ветром ее наскалило,
На могильном холме – во дубу
Поселилась нечистая сила.
Неразъемные кольца ствола
Разорвали пустые разводы.
И нечистый огонь из дупла
Обжигает долы, и воды. [14]*

Под дубом очень часто проводили различные колдовские и магические ритуалы, молодожены после венчания ездили к дубу на поклон, под дубом совершали жертвоприношения, собирались для принятия каких-то решений [9, с. 177].

*В старь под этот дуб сходились
За советом, за судом.
Сколько раз враги мирились
Под густым его шатром!
Не слыхал он слова браны
Видел только тишь да гладь.
Собирайтесь, поселяне,
Здесь, под дубом, поплясать! (Пьер Жан Беранже. «Старый скрипач»)*

С течением времени, с появлением новых реалий, периферия концепта «дуб» заметно расширилась. Так, например, в XX веке на это повлияла Великая Отечественная война. Дуб стал олицетворением войны, сражений, борьбы с фашистами, символом советского воина: «их дупла – пушечные жерла», «и встали на дубы чудовищные мамонты-дубы», «гулкие дула смазали в бой сутулые туловища дубов», «а дуб в кафтане рваном стоит, на смерть готов».

В современной поэзии интересны некоторые необычные сравнения дуба с людьми. Например, Г. Я. Горбовский в стихотворении «Квартира номер шесть» пишет: «Старуха, бывшая актриса, / жила настойчиво, как дуб». Дуб, как правило, является символом мужского начала, а здесь он олицетворяет пожилую женщину, у которой сохранилось стойкое желание жить.

О. А. Охапкин сравнивает пожилого человека с высохшим дубом: «быть может, я похож на сохлый дуб». Традиционно дуб – воин, воплощение силы, мужества, стойкости. Здесь же мы видим образ прошедшей жизни, старости, какой-то обреченности.

К. Симонов сравнивает с дубом дружбу, подчеркивая, что настоящая дружба вечна, бессмертна, несокрушима:

*Дружба настоящая не старится,
За небо ветвями не цепляется, –
Если уж приходит срок, так валится
С грохотом, как дубу полагается. (К. М. Симонов. «Дружба настоящая не старится»)*

Заключение

Таким образом, важнейшими фитонимами, функционирующими в художественных произведениях, являются дуб, береза, калина, ива, рябина. Фитонимы способны рассказать об истории этносов благодаря существующим в структуре концептов образным, символическим и понятийным значениям. Многие единицы фитонимической лексики связаны с символическими представлениями о растениях. Исследование фитонимов в рамках лингвокультурологического подхода позволяет подробно рассмотреть проблему экстралингвистических факторов, влияющих на формирование семантики языковых единиц и способствующих более детальному изучению вопросов, касающихся особенностей языковой картины мира.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Подольская, Н. А. Словарь русской ономастической терминологии / Н. А. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 200 с.
2. Боброва, Т. А. О природе названий и принципах номинации / Т. А. Боброва // Русский язык в школе. – 1974. – № 4. – С. 73–79.
3. Меркулова, В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений. Травы. Грибы. Ягоды / В. А. Меркулова. – М. : Наука, 1967. – 259 с.
4. Буслаев, Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности : избранное / Ф. И. Буслаев. – М. : ЛИБРОКОМ, 2011. – 426 с.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология как наука о наиболее культуроносных языковых сущностях / В. А. Маслова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2014. – № 16. – С. 78–89.
6. Колосова, В. Б. Береза в славянской духовной культуре и быту / В. Б. Колосова // Береза : сб. ст. / отв. ред. Н. Н. Казанский, В. Т. Ярмишко. – СПб., 2015. – С. 33–82.
7. Сатина, С. А. Записка о С. В. Рахманинове // Сенар : [сайт]. – Москва, 2006–2025. – URL: <https://senar.ru/memoirs/Satina/> (дата обращения: 27.12.2024).
8. Агапкина, Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракита (род Salix) / Т. А. Агапкина // Славянский альманах. – 2014. – № 1–2. – С. 283–302.
9. Ненадавец, А. М. Міфалогія роднага краю / А. М. Ненадавец. – Мінск : Беларусь, 2018. – 399 с.
10. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – М., 2003–2025. – URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 3.01.2025).

Поступила в редакцию 21.01.2025

E-mail: timka2007.77@mail.ru

O. V. Agafonova

THE SEMANTICS OF THE PHYTONYMS IN THE RUSSIAN LANGUAGE: LINGUOCULTURAL ASPECT

Images of plants such as birch, willow, viburnum, oak and many others are significant for Russian linguistic culture. The article explores how the peculiarities of using these phytonyms in literary texts express the specifics of the mentality of the Russian people. Phytonyms represent the most stable and widespread mental stereotypes of an ethnic group. But time is changing, the realities of life, and the understanding of plant names, the tradition of their perception is also changing. Of course, the core of the concept formed over the centuries remains (for example, willow is a symbol of sadness, sadness, loneliness), but the periphery of the concept is constantly changing, constantly being rethought, expanded or narrowed, especially in modern poetic texts, which implement the principle of multiplication of meaning.

Keywords: mentality, poetic text, concept, worldview, linguistic units, phytonym, linguoculturology.

УДК 811.581'42'373.231:004.77

В. А. Белодед

Аспирант кафедры русского, общего и славянского языкоznания, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь
Научный руководитель: Ничипорчик Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор

ПРЕЦЕДЕНТНОЕ ИМЯ 林黛玉 ЛИНЬ ДАЙЮЙ КАК СРЕДСТВО КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ЖЕНСТВЕННОСТИ И ГЕНДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИТАЙСКОМ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСЕ

В статье анализируется функционирование имени одной из главных героинь классического китайского романа «Сон в красном тереме» 林黛玉 Линь Дайюй в китайском интернет-дискурсе. Выясняется, что имя 林黛玉 Линь Дайюй используется носителями языка не только как уникальный идентификатор персонажа известного романа, но и как культурный символ, в котором закреплены стереотипные представления о женском характере. Обращение к имени 林黛玉 Линь Дайюй служит раскрытию как положительных, так и отрицательных черт женской личности.

Ключевые слова: прецедентное имя, Линь Дайюй, гендерные стереотипы, интернет-дискурс, контекст.

Введение

История любого народа, богатство его культуры специфично отображаются в коллективной памяти ее носителей. Одним из способов передачи аккумулированной в памяти народа информации является использование в речи прецедентных феноменов, важнейшими характеристиками которых выступают «отсылочность», общеизвестность и аксиологическая маркированность [1; 2, с. 20, 22]. Вопросы, связанные с исследованием прецедентных феноменов в русской лингвокультуре, нашли отражение в работах целого ряда отечественных ученых. Значительный вклад в теоретическое осмысление данной категории внесли исследователи, опирающиеся на теорию языковой личности и когнитивную лингвистику, в частности Ю. Н. Карапулов, В. В. Красных, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева, Ю. Е. Прохоров, В. Г. Костомаров, Н. Д. Бурвикова [2; 3; 4; 5]. Параллельно с российскими исследованиями изучением прецедентных феноменов в китайской лингвокультуре занимались такие ученые, как 徐琪 Сюй Чи [6], 苏娅 Су Я [7], 刘宏 Лю Хун [8] и др.

Важное место среди прецедентных феноменов занимает прецедентное имя, обладающее сложной семиотической природой. При его использовании происходит обращение не столько к самому денотату (референту), сколько к совокупности дифференциальных признаков, составляющих содержание данного культурно значимого имени [9, с. 172].

Анализ исследований прецедентных имен говорит о том, что изучение такого рода прецедентных феноменов важно по ряду причин. Во-первых, прецедентные имена служат зеркалом культурных ценностей, показывают, как общество воспринимает и интерпретирует различные социальные группы. Во-вторых, прецедентные имена демонстрируют динамику языка и культуры. Изменения в их использовании могут указывать на трансформации общественного сознания. Появление новых прецедентных имен может быть связано с изменениями в общественных нормах и ценностях. В-третьих, прецедентные имена играют важную роль в дискурсе. Они часто используются в литературе, СМИ и повседневной речи для создания контекстов, которые помогают передать сложные идеи, а также углубить понимание культурных и исторических реалий. Исследование функционирования прецедентных имен в речи объясняет, как язык формирует и изменяет общественное мнение. Прецедентные имена обогащают текстуальное содержание, встраивая в него культурные ассоциации и исторические отсылки, что способствует более глубокому восприятию информации. Кроме того, использование прецедентных феноменов способствует проявлению у аудитории определенных чувств и реакций, которые активируют коллективную память и социальные стереотипы, что делает прецедентные имена мощным инструментом в риторических и аргументативных структурах. В рамках гендерной лингвистики прецедентные имена предоставляют возможность исследовать, как язык и культура формируют представления о женственности и мужественности. Это особенно актуально в современном обществе, в котором гендерные роли подвергаются пересмотру и вопросы гендерной идентичности становятся предметом активного обсуждения.

В китайской лингвокультуре прецедентные имена являются важными компонентами, с помощью которых носители языка конструируют и транслируют культурные ценности и гендерные стереотипы. Это влияние, подкрепленное многовековой традицией, сохраняет свою актуальность в современном интернет-дискурсе, где прецедентные имена функционируют как маркеры культурной идентичности и когнитивной преемственности.

Цель данного исследования заключается в определении функциональной нагруженности прецедентного имени одной из героинь романа 《红楼梦》 «Сон в красном тереме» 林黛玉 *Линь Дайюй* в китайском интернет-дискурсе. Отметим, что роман 《红楼梦》 «Сон в красном тереме» остается одним из самых значимых и популярных классических произведений китайской литературы. Его огромная литературная и культурная ценность обусловлена не только глубиной психологических портретов персонажей, но и философскими, моральными и социальными проблемами, которые затрагиваются в тексте. Именно по причине культурной значимости и богатой символики таких персонажей, как 林黛玉 *Линь Дайюй*, «Сон в красном тереме» не только не утратил своей популярности, но и стал объектом многолетних научных изысканий. В Китае сформировалось отдельное научное направление, посвященное изучению романа, – 红学, что означает ‘красноведение’.

Методы и методология исследования

В нашем исследовании был проведен анализ прецедентного имени, функционирующего в интернет-дискурсе. Эмпирической базой для составления женского характерологического портфеля в китайской национальной картине мира послужили данные таких популярных интернет-платформ, как 新浪微博 (Sina Weibo), 知乎 (Zhihu), 豆瓣 (Douban), 小红书 (Xiaohongshu) и 微信 (WeChat), в которых было зафиксировано прецедентное имя. Важным инструментом в исследовании стал Большой китайско-русский словарь [10], содержащий информацию о переводах и значениях слов, в том числе и дефиниции прецедентных имен.

Результаты исследования и их обсуждение

Имя 林黛玉 *Линь Дайюй* обладает глубокими культурными и историческими коннотациями, отражающими гендерные идеалы и ценности китайской национальной картины мира. Образ 林黛玉 *Линь Дайюй* уже подлежал исследованию в научных работах китайских и русских ученых [11; 12; 13]. В частности, Юйфэй Цуй в своей статье рассматривает особенности характера 林黛玉 *Линь Дайюй* сквозь призму восприятия в китайской культурной традиции и приходит к выводам, что имя героини для современных китайцев считается олицетворением сентиментальности и ранимости, а также страдания [14]. Такие атрибутивы, как 虚弱的 ‘слабая’, 易受影响的 ‘впечатлительная’, 纯洁的 ‘непорочная’, 脆弱的 ‘хрупкая’, 多愁善感的 ‘сентиментальная’, с одной стороны, и 任性的 ‘капризная’, 多疑的 ‘подозрительная’, 容易受伤的 ‘ранимая’, 倔强的 ‘строптивая’ – с другой, не только отражают основные черты характера *Линь Дайюй*, но и формируют ее комплексный образ. Упоминание имени 林黛玉 *Линь Дайюй* в речи вызывает у носителей китайской культуры ассоциации с образом героини произведения 《红楼梦》 «Сон в красном тереме», а использование соответствующих эпитетов для создания характерологического портфеля женщины автоматически отсылает к личности Дайюй.

Героиня романа «Сон в красном тереме» известна своей тонкой душевной организацией и страстной любовью, что делает ее символом печали и утраты. В Большом китайско-русском словаре имя 林黛玉 *Линь Дайюй* зафиксировано с образным значением ‘физически слабый, болезненный человек’ [13]. Однако данный факт не свидетельствует о завершении перехода антропонима в разряд нарицательных имен, поскольку его использование по-прежнему сохраняет связь с образом героини произведения 《红楼梦》 и не утрачивает индивидуально-референциальной функции. В современном китайском языке это имя нередко используется и во вторичной функции – для характеристики женщин, похожих на героиню романа. Это способствует закреплению за прецедентным именем определенной семантической нагрузки.

Перейдем к рассмотрению контекстов, содержащих соответствующее языковое обозначение, и выясним, какие именно когнитивные признаки, связываемые с концептуализацией женского образа 林黛玉 *Линь Дайюй*, оказываются актуальными в китайской национальной картине мира. Анализ функционирования прецедентного имени позволит выявить прагматические характеристики его использования в текстовом пространстве.

Как показывают наблюдения, прецедентное имя 林黛玉 *Линь Дайюй* в современном интернет-дискурсе активно используется как средство характерологии, маркер как положительных, так и отрицательных черт женской личности. Выделим для начала положительные качества женщин, ассоциируемые с образом 林黛玉 *Линь Дайюй*.

Тонкое восприятие чувств, чувственная изысканность: 你这个现代版的林黛玉, 不但诗写得好, 还总是用细腻的感情打动人心。Ты словно современная Линь Дайюй: не только пишешь великолепные стихи, но и всегда трогаешь сердца своей утонченной чувствительностью. В этом контексте имя 林黛玉 *Линь Дайюй* становится символом женственности и творческой глубины, воплощает поэтическую натуру, которая способна вызывать сильные положительные эмоции у окружающих.

我们的林黛玉一定会赢得选美比赛, 难道你怀疑她的美丽吗? Наша Линь Дайюй обязательно выиграет конкурс красоты, разве ты сомневаешься в ее очаровании? Имя 林黛玉 *Линь Дайюй* выступает как культурно обусловленный референциальный маркер, отсылающий к идеалу утонченной женской красоты. Имя сохраняет связь с литературным персонажем и прецедентным текстом, актуализируя релевантные черты женского образа.

Эмоциональная чуткость, отзывчивость: 她像林黛玉一样温柔体贴。Она такая же нежная и заботливая как Линь Дайюй. Прецедентное имя здесь играет роль средства для воссоздания идеализированного образа, через который транслируется ценность душевной теплоты и заботы как культурно значимых характеристик. Указание на женственность и заботливость, характеризующиеся высокой сенситивностью и эмпатией, подчеркивает значимость эмоциональной глубины и чуткости, которые ассоциируются с образом героини как воплощением мягкости и душевного тепла.

她每天早上都为我泡花茶, 给我熨衬衫, 有时在工作日给我打电话, 问我一切是否顺利, 她每天都关心我的情况, 真心为我担心—她的关心让我感到非常温暖, 我也有了自己的林黛玉。
Она всегда заваривает мне по утрам цветочный чай, гладит мои рубашки, иногда звонит в течение рабочего дня и спрашивает все ли в порядке, она каждый день интересуется, как у меня дела и искренне переживает за меня — ее забота очень приятна мне, у меня есть своя Линь Дайюй.

Единение красоты и разума: 他喜欢她的原因是她有点像林黛玉: 文静、细腻, 擅长写诗, 而且她聪明机智, 总的来说, 她集美丽与智慧于一身。Он влюбился в нее, потому что она немного напоминает Линь Дайюй: спокойная, утонченная, умеет писать стихи, кроме того, у нее гибкий ум, в общем, она сочетает в себе красоту и мудрость, служит не только символом красоты, но и интеллектуальной глубины. В культурологическом аспекте контекст отражает идею гармоничного сочетания физического и духовного начала, которая является ключевой для восточной философии. Акцент делается на интеллектуальной элегантности и художественно-эстетической утонченности женщины. Имя 林黛玉 *Линь Дайюй* является универсальной метафорой для описания женщин, обладающих красотой, и разумом.

艾丽卡的皮肤像桃子一样柔嫩, 你看过她的头发吗? 她简直是我们这个时代的林黛玉! 她弹古筝的样子也很美, 话语优雅, 真是才华横溢。У Эрики такая нежная кожа, напоминающая персик, а ты видел, какие у нее волосы? Прямо такая Линь Дайюй нашего времени! А как она красиво играет на гучжэне, какая у нее изящная речь — она еще очень талантлива.

Таким образом, в приведенных контекстах 林黛玉 *Линь Дайюй* выполняет роль культурного маркера, который символизирует идеал утонченной женственности, эмоциональной глубины и интеллектуального совершенства, что подтверждает значимость имени как интертекстуального элемента в китайской литературной традиции и повседневной речи.

К негативным характеристикам женской личности, актуализированным в интернет-дискурсе посредством обращения к прецедентному имени 林黛玉 *Линь Дайюй*, можно отнести следующие характеристики.

Духовная слабость и плаксивость, эмоциональная хрупкость: 很多人认为林黛玉代表了柔弱的女性形象, 她的多愁善感和脆弱性格让人觉得她不适合面对现实。真好, 现代的女孩不是这样的。Многие считают, что Линь Дайюй олицетворяет слабый женский образ; ее меланхолия и хрупкий характер заставляют людей думать, что она не готова к столкновению с реальностью. Как хорошо, что современные девушки не такие. Прецедентное имя функционирует как метафора, выражая стереотипные представления о женщине, чьи внутренние качества препятствуют ей в способностиправляться с жизненными трудностями. Под этим именем подразумевается характерологический

портрет женщины, которая в глазах общества воспринимается как неполноценная, неспособная встретиться с реальностью силу своей эмоциональной хрупкости.

现在的女孩都应该像林黛玉一样有才华，但也要坚强，而不是只会哭泣。*Современные девушки должны быть талантливыми, как Линь Дайой, но при этом им нужно быть сильными, а не только плакать.* Функционирование имени **林黛玉** *Линь Дайой* в таком контексте является примером культурной эволюции: оно из символа слабости становится ориентиром для пересмотра гендерных ожиданий современного общества.

每次考试成绩不好，她就开始哭，真是我们班的林黛玉。*Каждый раз, когда у нее плохие оценки, она начинает плакать, – настоящая Линь Дайой нашего класса.*

当我的妹妹遇到困难时，她立刻就会沮丧，哭得像林黛玉一样—因此，很多人都不尊重她。
Когда моя младшая сестра сталкивается с трудностями, она сразу расстраивается и плачет, совсем как Линь Дайой – ее многие не уважают.

看看，那边角落里坐着的就是林黛玉。你为什么哭？抬起头，看看我。*Посмотри, какая Линь Дайой сидит вон там в углу. Чего плачешь? Подними голову, посмотри на меня.* В данном случае прецедентное имя используется для создания эмоционально насыщенного высказывания. Возникают ассоциации с образом героини романа, известной своей хрупкостью, сентиментальностью и склонностью к печали.

В когнитивном плане использование имени **林黛玉** *Линь Дайой* служит индикатором восприятия женщины через призму слабости, чувствительности и эмоциональной неустойчивости. Прецедентное имя, таким образом, играет роль средства концептуализации женского образа. Употребление имени *Линь Дайой* усиливает выразительность высказывания и отражает представления, согласно которым меланхоличность женщины ассоциируется с низкой стрессоустойчивостью и неспособностью эффективно преодолевать жизненные трудности.

Зависимость и отсутствие самостоятельности:

有人说她像林黛玉的爱情观太过于理想化，她像林黛玉太依赖贾宝玉，缺乏独立性。

Некоторые люди говорят, что представления о любви у нее, как у Линь Дайой, слишком идеализированы; как и Линь Дайой, она чересчур зависит от Цзя Баоюя и несамостоятельна. В этом контексте имя **林黛玉** *Линь Дайой* используется в сравнительной конструкции. Представление о любви как о чем-то идеализированном, нереалистичном можно рассматривать как концептуальную метафору «любовь как утопия».

我的前女友就像林黛玉一样—没有我，她连一步都迈不开，更别提独立做决定了。*Моя бывшая девушка была как Линь Дайой: она и шагу не могла ступить без меня, не говоря уже о том, чтобы самостоятельно принять решение.* В данном контексте *Линь Дайой* является олицетворением слабости и несамостоятельности, что связано с социальными стереотипами, в соответствии с которыми женщина без мужской опоры кажется некомпетентной, беспомощной.

我的朋友们认为，林黛玉代表了传统女性的柔弱，她太依赖男人的意见了，而现代女性应该更加勇敢和独立。林黛玉那样的性格不太受欢迎了。*Мои друзья считают, что Линь Дайой символизирует традиционную женскую слабость, она слишком зависит от мужского мнения, в то время как современные женщины должны быть более смелыми и независимыми.* Характер *Линь Дайой* уже не так популярен. *Линь Дайой* здесь воспринимается как символ традиционной женской слабости и зависимости. Восприятие *Линь Дайой* через призму «традиционной женской слабости» имеет отношение к культурному архетипу, устаревшим представлениям о женском поведении.

Пессимизм:

你别再像林黛玉一样，总是悲观地看待一切，人生还有希望。*Не будь как Линь Дайой, всегда смотришь на все с пессимизмом, в жизни еще есть надежда.* Пессимизм в китайской культуре часто ассоциируется с излишней чувствительностью, уязвимостью и слабостью, что и находит отражение в использовании имени *Линь Дайой*. Эмоции становятся центральным фактором восприятия жизни. Здесь пессимизм является не просто краткосрочным настроением, а устойчивой характеристикой личности, что связано с ограничением способности адекватно воспринимать реалии внешнего мира и реагировать на происходящее.

丽丽总是像林黛玉一样，对一切充满了无力感，总觉得自己无法改变什么。*Лили всегда как Линь Дайой, полна чувства беспомощности, всегда думает, что не может изменить ничего.* *Линь Дайой* символизирует не только личную слабость, но и неизменность в восприятии реальности. Сравнение Лили с *Линь Дайой* усиливает представление о беспомощности Лили. Это состояние воспринимается как неспособность контролировать или изменять окружающий мир.

你真是个爱抱怨的人，像林黛玉一样，总是哭泣，真是个悲观主义者，唉。Ты такой нытик, словно Линь Дайюй, вечно плачешь, такой пессимист, ах. И в этом контексте имя *Линь Дайюй* используется как культурная метафора для выражения беспомощности и эмоциональной уязвимости. Для интенсификации негативной оценки человека, склонного к жалобам и депрессивному взгляду на жизнь, наряду с прецедентным именем употребляются и другие оценочные средства.

Прецедентное имя *林黛玉* *Линь Дайюй* в данных контекстах используется для формирования стереотипного женского образа, ассоциируемого со слабостью и эмоциональной уязвимостью. Меланхолия, несамостоятельность *林黛玉* *Линь Дайюй* как персонажа классической китайской литературы, ее склонность к слезам в современном дискурсе интерпретируются как недостатки, особенно в контексте современных ожиданий от женщин. Мы видим противопоставление старой и новой модели женственности; в соответствии с новой моделью девушки должны быть сильными и независимыми, что отражает трансформацию социальной роли женщины в обществе.

Линь Дайюй воплощает образ утонченной и одаренной девушки, чьи таланты подчеркивают ее богатый внутренний мир. Она обладает выдающимся поэтическим даром, создавая стихи, которые отражают ее меланхоличный взгляд на жизнь. Не менее ярко раскрывается ее музыкальный талант. *Линь Дайюй* мастерски играет на традиционных инструментах. Кроме того, она активно участвует в литературных конкурсах и неизменно выделяется среди остальных участников благодаря своему глубокому уму. *Линь Дайюй* олицетворяет идеал талантливой и утонченной девушки в традиционной китайской культуре. Однако ее тонкость и высокая чувствительность делают ее уязвимой перед жестокостью внешнего мира, что подчеркивает трагичность ее образа.

Прецедентное имя *Линь Дайюй* в приведенных контекстах становится культурным маркером, с помощью которого передаются не только конкретные качества персонажа, но и идеализированный образ личности, воспринимаемый через призму этих качеств.

Заключение

Женские прецедентные имена в китайской лингвокультуре представляют собой сложный культурный пласт, связанный с символами красоты, добродетели, жертвы и храбрости. Эти имена играют важную роль в формировании представлений о женственности в традиционной и современной культуре Китая, активно используются для репрезентации идеалов женственности, гендерных ролей и социальной значимости женщин, ее эмоциональных, моральных и интеллектуальных характеристик, а также для передачи традиционных и изменяющихся представлений о месте и функциях женщин в обществе.

Анализ функционирования феминного прецедентного имени *林黛玉* *Линь Дайюй* в китайском интернет-дискурсе позволяет выделить несколько ключевых аспектов, отражающих не только характер самого персонажа, но и общественные ценности и идеалы, связанные с женственностью в китайской культуре. Образ *Линь Дайюй* как символ сентиментальности, ранимости и красоты, а также духовной глубины и интеллектуальной утонченности продолжает выступать средством концептуализации женственности и гендерной идентичности в китайской языковой картине мира. В китайском интернет-пространстве имя *Линь Дайюй* активно используется для раскрытия как положительных, так и отрицательных черт женской личности.

Положительные черты образа *林黛玉* *Линь Дайюй* включают ее чувственность, заботливость, эмоциональную чуткость и гармоничное сочетание красоты и разума, воспринимаемые как идеал женственности в китайской культуре. В то же время имя *林黛玉* *Линь Дайюй* используется для обозначения духовной слабости, ранимости, плаксивости и эмоциональной нестабильности, что связано с традиционным представлением о женщине как слабом существе, не способном справиться с жизненными трудностями. Актуализация перечисленных характеристик женского образа указывает на наличие в современном китайском обществе двойственных стандартов, при которых изображение женского идеала балансирует между сдержанностью и силой, но также сталкивается с критикой за излишнюю зависимость от мужчин и идеализацию любви.

Таким образом, прецедентное имя *林黛玉* *Линь Дайюй* выступает в интернет-дискурсе не только как уникальный идентификатор персонажа, но и как культурный символ, в котором закреплены стереотипные представления о женском характере. Использование прецедентного имени ведет к переносу ассоциированных с ним характеристик на другие субъекты или ситуации, что способствует выражению представлений о гендерной идентичности и социальной роли женщин, свойственных разным хронологическим срезам.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Голубева, Н. Деривационная активность концепта «прецедент» / Н. Голубева // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2008. – № 5. – С. 259–264.
2. Назарова, Р. З. Прецедентные феномены: проблемы дефиниции и классификации прецедентных феноменов / Р. З. Назарова, М. В. Золотарев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. – 2015. – Т. 15, вып. 2. – С. 17–23.
3. Карапулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Карапулов. – Изд. 7-е. – М. : ЛКИ, 2010. – 264 с.
4. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации / В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. – 1997. – Вып. 3. – С. 62–75.
5. Красных, В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований / В. В. Красных // Язык, сознание, коммуникация : [сб. ст.] / Моск. гос. ун-т. – М., 1997. – Вып. 2. – С. 5–12.
6. 徐琪. 大众传播媒介中的先例现象 / 徐琪 // 中国俄语教学. – 2002. – № 1. – Р. 12–17. = Сюй Чи. Прецедентный феномен в средствах массовой информации / Сюй Чи // Преподавание русского языка в Китае. – 2002. – № 1. – С. 12–17.
7. 苏娅. 当代俄罗斯报刊广告中的先例现象 / 苏娅 // 中国俄语教学. – 2005. – № 4. – Р. 41–46. = Су Я. Прецедентный феномен в современных российских газетах и журналах / Су Я // Русский язык в Китае. – 2005. – № 4. – С. 41–46.
8. 刘宏. 跨文化交际中的先例现象研究 / 刘宏 // 外语与外语教学. – 2007. – № 12. – Р. 25–28. = Лю Хун. Исследование прецедентного феномена в межкультурной коммуникации / Лю Хун // Обучение иностранному языку. – 2007. – № 4. – С. 25–28.
9. Красных, В. В. Основы психолингвистики и теории коммуникации / В. В. Красных. – М. : Гнозис : Кучково поле, 2001. – 269 с.
10. Большой китайско-русский словарь : [сайт]. – 2007–2025. – URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 17.02.2025).
11. Воропаев, Н. Н. Китай: имена на все времена: прецедентные персонажи : лингвокультуролог. слов.-справ. для изучающих кит. яз., культуру, историю, лит. Китая / Н. Н. Воропаев. – 2-е изд., испр. – М. : ВКН, 2018. – 382 с.
12. 谢鹏雄. «红楼梦»女性形象新探 / 谢鹏雄. – 济南 : 齐鲁书社, 2006. – 132 р. = Се Пэнсяон. Новое исследование женских образов в романе «Сон в красном тереме» / Се Пэнсяон. – Цзинань : Изд. дом Цилу, 2005. – 132 с.
13. Чэн Цюн. Культура Китая через призму восприятия романа «Сон в красном тереме» / Чэн Цюн. – Куньмин : Нар. изд-во пров. Юннань, 2005. – 312 с.
14. Юйфэй Цуй. Прецедентное женское имя в китайской художественной литературе и его отражение в русском переводе на примере Линь Дайю / Юйфэй Цуй // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 2. – С. 582–585.

Поступила в редакцию 10.03.2025

E-mail: vey.syao@mail.ru

V. A. Beloded

THE PRECEDENT NAME 林黛玉 LIN DAIYU AS A MEANS OF CONCEPTUALIZING FEMININITY AND GENDER IDENTITY IN CHINESE INTERNET DISCOURSE

The article analyzes the functioning of the name of one of the main heroines of the classic Chinese novel *Dream of the Red Chamber* 林黛玉 Lin Daiyu in Chinese internet discourse. It has been revealed that the name *Lin Daiyu* is used by native speakers not only as a unique identifier of a character from the famous novel but also as a cultural symbol embodying stereotypical perceptions of female character traits. The reference to the name 林黛玉 Lin Daiyu serves to highlight both positive and negative aspects of female personality.

Keywords: precedent name, Lin Daiyu, gender stereotypes, internet discourse, context.

УДК 811.161.1

И. О. Ковалевич

Кандидат филологических наук, доцент, первый проректор,
УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»,
г. Мозырь, Республика Беларусь

**ОККАЗИОНАЛИЗМЫ КАК СРЕДСТВО СОЗДАНИЯ ЗВУКОВЫХ ОБРАЗОВ
В ПОЭЗИИ С. ЕСЕНИНА**

Настоящая статья посвящена исследованию особенностей окказионального словотворчества С. Есенина как способа выражения его индивидуального звуковосприятия. Окказиональные дериваты со значением звучания анализируются в аспекте их частеречной отнесённости и словообразовательной структуры. Выявлена способность окказионализмов данного типа развивать дополнительные тропические качества и вступать во взаимодействие с иными тропами в рамках развернутых метафорических структур. Установлено, что созданию сложных чувственных образов способствует сочетание в едином контексте звуковых, цветовых, осознательных, обонятельных ассоциаций.

Ключевые слова: окказионализм, словотворчество, звуковой образ, тропическая образность, звуковые ассоциации, одушевление.

Введение

Художественная литература, в частности поэзия, представляет собой особое коммуникативное пространство, отличающееся от других жанрово-стилевых разновидностей дискурса не только своей мелодичностью, ритмико-метрической композицией, но и особой экспрессией и образностью. В силу этого поэтическое слово выступает в качестве особой эстетической категории, в которой отражается индивидуальное восприятие поэтом окружающего мира через его чувственно-эмоциональный опыт.

В этом плане особый интерес у исследователей вызывает поэзия С. Есенина, поскольку в ней прослеживается очень сильное чувственное начало, раскрывающее всю уникальность мировосприятия и мироощущения поэта. Этую особенность есенинского творчества Ю. Л. Прокушев назвал «лирическим чувствованием» [1]. И. Захариева характеризует лирику С. Есенина как ориентированную на воспевание красоты родной земли, «красавицей светлыми, радужными красками, благоуханной и музыкально гармоничной» [2]. С этой целью поэт создаёт многообразие ярких чувственных образов, исследованию которых посвящены многие научные работы (О. Е. Воронова, О. С. Жаркова, П. В. Перелыгин, А. В. Сухов, С. А. Щербаков и др.). По мнению А. В. Сухова, одним из главных средств выражения так называемого «лирического чувствования» поэта является именно музыкальная образность его поэтического слова [3, с. 3].

Цель настоящей статьи заключается в выявлении особенностей окказионального словотворчества С. Есенина как способа выражения его индивидуального звуковосприятия.

Методы и методология исследования

Методологическую основу настоящего исследования составили научные труды, посвящённые теории художественного текста (В. В. Виноградов, А. Н. Кожин, Ю. М. Лотман и др.), образной номинации (Л. М. Васильев, А. М. Кузнецов, П. А. Лекант, О. Н. Селиверстова и др.), окказиональной деривации (Е. А. Земская, А. Г. Лыков, В. В. Лопатин и др.), языковой личности (Г. И. Богин, Е. В. Гольдин, Ю. Н. Карапулов, О. Б. Сиротинина и др.), творчеству С. Есенина (Р. В. Алимпиева, С. В. Бабуевич, О. Е. Воронова, О. С. Жаркова, В. В. Коржан, Н. Кравцов, Б. В. Нейман, П. В. Перелыгин, Ю. Л. Прокушев, В. А. Сухов, С. А. Щербаков и др.).

Материал исследования составляют окказиональные дериваты со значением звучания, отобранные методом сплошной выборки из поэтических текстов С. Есенина.

Были использованы следующие методы исследования: метод лингвистического описания с элементами компонентного анализа, структурный, семантический, словообразовательный, стилистический, контекстуальный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

В результате проведённого исследования установлено, что окказионализмы разной частеречной отнесённости используются поэтом в качестве средств создания звуковых образов.

К элементам есенинской звукописи относятся окказиональные субстантивы второго склонения, мотивированные звукоподражательными глаголами и образованные способом нулевой суффиксации: *Заунывным карком / В тишину болот / Чёрная глухарка / К всенощной зовёт...* [4, с. 40]; *Не совиний ух защурился, / не волчья пасть оскалилась...* [4, с. 324]; *Гнев рабов – не кобылий фырк...* [4, с. 346]; *Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость хлеба / И с хруптом мысленно кусаю огурцы...* [4, с. 70]; *Я пастух, мои палаты – / Межи зыбистых полей, / По горам зелёным – скаты / С гарком гулких дупелей...* [4, с. 53]; *Там с вызвоном блюда / Прохлада куста, / И рыжий Иуда / Целует Христа...* [4, с. 226] и др. Посредством нулевой суффиксации могут создаваться также и отглагольные субстантивы третьего склонения: *Серым веретьём стоят шалаши, / Глухо баюкают хлюпь камыши....* [4, с. 60].

Подобные дериваты представляют собой своего рода «осколки» мотивирующих глаголов. Ср.: *каркать – карк, ухать – ух, фыркать – фырк, хруптать – хрупт, гаркать – гарк, вызыванивать – вызвон, хлюпать – хлюпь*. Краткость формы усиливает создаваемый поэтом эффект, придавая звучанию некий динамизм и энергичность. В. В. Лопатин указывает на то, что вышеперечисленные новообразования выступают своего рода аналогами узульных субстантивов на *-ни[j]-*, а через структурное преобразование происходит обновление общеупотребительных слов [5, с. 144]. Посредством эпитетов могут создаваться дополнительные звуковые ассоциации. Так, например, прилагательное *заунывный*, определяющее окказионализм *карк*, добавляет определённый эмоциональный оттенок – тосклиwyй, наводящий уныние.

Зафиксированы случаи производства отглагольных субстантивов посредством таких непродуктивных в литературном языке суффиксов, как *-н(я), -от(a), -нь, -ень: И кричат они, / И вопят они. / От такой кричи / Загашай огни...* [4, с. 382]; *Вижу сад в голубых накратах, / Тихо август прилёг ко плетню. / Держат липы в зелёных латах / Птичий гомон и щебетню...* [4, с. 132]; *А в окне на сени скатые, / От пугливой шумоты, / Из углов щенки кудлатые / Заползают в хомуты...* [4, с. 50]; *То слышится звань, / Звань к оружью под каждой оконницей...* [4, с. 349]; *Ведь радость бывает редко, / Как весення звень поутру, / И мне – чем сгнивать на ветках – / Уж лучшие сгореть на ветру...* [4, с. 158]; *Наша печь как-то дико и странно / Завывала в дождливую ночь. / Голос громкий и всхлипень зычный, / Как о ком-то погибшем, живом. / Что он видел, верблюд кирпичный, / В завывании дождевом?..* [4, с. 132] и др. Данные форманты несут дополнительную смысловую и стилистическую нагрузку. Так, например, суффикс *-н(я)* содержит дополнительный оттенок интенсивности действия, выраженного мотивирующей основой (ср.: *крик* и *кричня*). Созданию данного эффекта также способствует употребление в предшествующем контексте двух глаголов звучания со значением разной степени интенсивности обозначаемого ими действия. При этом их перечисление в определённой последовательности создаёт эффект нарастания степени качества, что и обусловливает употребление данного окказионализма в последующем контексте (ср.: *кричат – вопят – кричня*). Суффикс *-от(a)*, в свою очередь, характеризуется увеличенной валентностью, которая достигается за счёт расширения производящей базы словообразовательного типа. В языковом узусе данный суффикс сочетается с глаголами, обозначающими физиологические процессы и физические состояния (ср.: *дремота, ломота, икота* и др.) [6, с. 358]. Кроме того, данные форманты добавляют звучанию некие народные мотивы, поскольку несут оттенок просторечности и разговорности. Окказиональные дериваты, сочетающиеся с другими лексическими единицами со значением звучания, выступают в качестве элементов развернутых метафорических конструкций. Это хорошо прослеживается в последнем фрагменте поэтического текста, в котором деревенская печь уподобляется живому существу – верблюду (ср.: *кирпичный верблюд*). Данное уподобление усиливается звуковыми метафорами: доносящийся из дымохода шум ветра и дождя напоминает трубные звуки, издаваемые животными (ср.: *печь дико завывала, голос громкий, всхлипень зычный, завывание дождевое*).

Зафиксирован случай производства сложного субстантива, имеющего структуру билексемы: *Уведу тебя под склоны / В шелкопряные поля. / Ой ли гусли-самозвоны, / Псалмопенья ковыля* [7, с. 297]. Данное новообразование характеризуется ярко выраженной метафоричностью, поскольку компонент *самозвоны*, выступая в качестве средства характеристики музыкального инструмента, наделяет его способностью самостоятельно, без участия музыканта, исполнять музыку и тем самым вдыхает душу в неживой объект. Данная тропическая единица взаимодействует с другой метафорой – *псалмопенье ковыля*, которая продолжает тематику олицетворения через музыкальное исполнительство, в данном случае пение.

Компонент звон также используется для производства окказионального композита субстантивной отнесённости *стозвон*, от которого в дальнейшем образуется прилагательное *стозвонный*: *Поёт зима – аукает, / Мокнатый лес баюкает / Стозвоном сосняка...* [4, с. 27]; *Край любимый! Сердцу сняться / Скирды солнца в водах лонных. / Я хотел бы затеряться / В зеленях твоих стозвонных...* [4, с. 45]. Данные окказионализмы за счёт содержащегося в их структуре компонента *сто* выражают высокую степень характеризующего объект признака, что позволяет рассматривать их в качестве индивидуально-авторских гипербол.

Окказиональные адъективы, характеризующиеся особой тропической образностью, широко используются поэтом для создания звуковых ассоциаций. При этом в рамках композита качество звучания может соотноситься с иными характеристиками объекта, что способствует описанию его разных сторон: *Ни друга, ни думы о бабых губах / Не зреет в её тихомудрых словах, / Но есть в ней, как вера, живая мечта...* [8, с. 100]; *Плач несознательный досаден, / Не славят музы голос бед. / Из меднолающих громадин / Салют последний даден, даден, / Того, кто жил – уж больше нет...* [4, с. 305]. Так, например, окказионализм *тихомудрый* характеризует как содержательную, так и физическую сторону речи (ср.: *тихомудрые слова*). Адъектив *меднолающий* в своей структуре содержит два компонента, первый из которых указывает на материал, а второй – на характеристику объекта по совершающему им действию. При этом мотивирующий глагол обозначает именно характер звучания. Данный эпитет употреблен в отношении крупного огнестрельного орудия, которое на основе звуковых ассоциаций уподобляется живому существу: во время выстрела орудие производит громкие отрывистые звуки, которые чем-то напоминают собачий лай. В данном случае ещё можно проследить реализацию эмотивного компонента семантики окказионализма, поскольку лай способен вызвать у человека чувство обеспокоенности и даже страха.

Звуковые образы могут также передаваться посредством образования сложных адъективов с опорными глагольными либо субстантивными основами. В качестве мотивирующей основы выступают глаголы звучания либо речи: *У побережья зелёного, / Наклонив головки нежные, / Перешиптывались лилии / С ручейками тихозвонными...* [8, с. 48]; *Колокольчик среброзвонный, / Ты поёшь? Иль сердцу снится?..* [4, с. 73]; *Ой, удал и многосказен / Лад весёлый на пыжну. / Запевай, как Стенька Разин / Утопил свою княжну...* [4, с. 42]; *И не отдам я эти цепи, / И не расстанусь с долгим сном, / Когда звенят родные стени / Молитвословным ковылем...* [4, с. 71]. Окказионализм *среброзвонный* содержит сравнение, поскольку уподобляет звучание колокольчика нежному звуку серебра, напоминающему мелодию. Кроме того, следует отметить, что перечисленные выше окказионализмы являются компонентами развернутых метафорических конструкций, в рамках которых происходит олицетворение представителей флоры – лилий, колокольчиков, ковыля – и иных неживых объектов. Олицетворение происходит за счёт наделения данных объектов речевой способностью, например, говорить, петь: лилии шепчутся с ручейками (ср.: *перешёптывались лилии с ручейками тихозвонными*), ковыль читает молитву (ср.: *молитвословный ковыль*), музыкальная мелодия что-то повествует (ср.: *лад многосказен*) и др.

При образовании окказиональных прилагательных определённый звуковой эффект может создаваться посредством структурных преобразований узальных слов: *Ей все бластился в колючем дыме выстрел, / Колыхалася в глазах лесная топь. / Из кустов косматый ветер взбыстрил / И рассыпал звонистую дробь...* [4, с. 88]; *Выйдут парни, выйдут девки / Славить зимни вечера, / Голосатые запевки / Не смолкают до утра* [8, с. 44]. В первом текстовом фрагменте мы наблюдаем случай изменения словообразовательных отношений, в результате чего качество звучания дроби толкуется через действие (ср.: звон – звонкий и звонить – звонистый). Формат *-ист-* указывает на склонность к совершению действия. Окказионализм *голосатый*, в свою очередь, выступает результатом замены суффикса *-ист-* на *-ат-*, за счёт чего происходит сталкивание двух значений: ‘наделенный качеством, выраженным мотивирующей основой’ (ср.: *голосистый*) и ‘характеризующийся ярко выраженным внешним признаком’ (ср.: *зубатый, носатый* и др.).

В сфере глагольной деривации зафиксированы случаи производства следующих окказионализмов со значением звучания: *Топи да болота, / Синий плат небес. / Хвойной позолотой / Взвенивает лес...* [4, с. 61]; *А ныне я в твою безгладь / Пришел, не ведая причины: / Родной ли прах здесь обрыдать / Иль подсмотреть свой час кончины!..* [4, с. 277]; *Грустя и радуясь звезде, / Спадающей тебе на брови, / Ты сердце выпеснил избе, / Но в сердце дома не построил...* [4, с. 115]. Окказиональный глагол *взвенивать* мотивирован глагольной основой *звенеть* и обозначает действие, направленное на производство высоких и тонких звуков. При этом посредством префикса *вз-* акцентируется интенсивность, резкость и внезапность совершающегося действия. Дериват *обрыдать* не содержит прямого указания на звук, однако данный признак выступает в качестве сопутствующего при характеристике основного действия (ср.: *рыдать* – ‘громко, судорожно плакать’). Префикс *об-* указывает на широкое распространение

указанного действия. Особый интерес представляет окказионализм *вытеснить* в силу своей ярко выраженной метафоричности. Данный дериват, произведённый по окказиональной словообразовательной модели, используется для выражения значения ‘создать посредством песни’. Песня наполняет избу жизнью, превращает её в живой организм. Реализации данного значения способствует использование в рамках метафоры соматизма *сердце* в отношении неживого объекта. Стилистический эффект усиливается также за счёт употребления окказионального глагола в качестве компонента параллельной конструкции, основанной на перевёртышении её отдельных элементов, т. е. хиазма (ср.: *вытеснить сердце избе – построить дом в сердце*).

Окказиональные наречия в меньшей степени представлены в словотворчестве С. Есенина. При этом окказионализмы данной частеречной отнесённости также могут использоваться в качестве средств создания звуковых образов: *Как захожий богомолец, / Я смотрю твои поля. / А у низеньких околиц / Звонно чахнут тополя...* [4, с. 52]. Мы наблюдаем образование наречного деривата со значением образа действия *звонно*, мотивированного опосредованно глагольной основой *звонить*. Чересступенчатый способ словообразования предполагает наличие промежуточного звена, в нашем примере – прилагательного (ср.: *звонить – звонный – звонно*).

Окказиональные прилагательные также могут использоваться в качестве эпитетов узуальных слов со значением звучания, передавая дополнительные ассоциации: *Под окном от скользких вётелей / Перепёльи звоны ветра. / Тихий сумрак, ангел тёплый, / Наноён нездешним светом...* [8, с. 89]. В данном примере мы видим уподобление звука ветра крику перепёлки, который воспринимается как нежный свист. Очень яркий поэтический образ создаётся окказиональным адъективом *обосененный*, используемым для описания тишины: *С отягченными веками / Я смотрю и смотрю на луну. / Вот опять петухи кукарекнули / В обосененную тишину...* [4, с. 167]. Мы слышим, как многоголосое лето, наполненное разнообразными звуками природы (пением птиц, жужжанием пчёл, стрекотанием кузнецов, кваканьем лягушек и т. п.) умолкает, т. к. природа готовится к зимнему сну. Лишь листья бесшумно падают на землю, издавая легкое шуршание под ногами.

Следует отметить, что звуковые образы, создаваемые С. Есениным посредством разных языковых средств, включая и окказионализмы, часто сочетаются с другими чувственными образами: запахами, тактильными ощущениями, цветом и т. д. Всё это наполняет поэзию жизнью, добавляет ей особую экспрессию и чувственность. Через разные каналы передачи информации поэт погружает нас в свой мир и позволяет нам его глубоко прочувствовать. Чаще всего наблюдается сочетание звука и цвета: *Щебетнули звёзды месяцу: / «Ой ты, жёлтое янятице! / Ты не мни траву небесную, / Перестань бодаться с тучами...* [4, с. 324]; *Не просунет когтей лазурь / Из пургового кашля-смрада; / Облетает под ржанье бурь / Черепов златохвойный сад...* [4, с. 256] и др. Так, в первом примере посредством звуковых ассоциаций поэт уподобляет звёзды птицам, а добавление эпитета *жёлтый* к субстантиву *янятице* способствует зрительному восприятию поэтического образа, в рамках которого луна представлена в виде живого существа. Ранее был упомянут субстантив *гусли-самозвоны*, который в рамках одного контекста употребляется с окказионализмом *шелкопряный* (ср.: *шелкопряные поля*). Данный сложный адъектив дополняет сельский пейзаж, создаваемый поэтом, соответствующими осязательными и обонятельными образами. Подобным способом С. Есенин передаёт своё трепетное отношение и любовь.

Заключение

Создание звуковых образов является одним из проявлений «лирического чувствования» С. Есенина. Посредством создания окказионализмов со значением звучания поэт выражает свое индивидуальное звуковосприятие. Окказиональные дериваты, используемые для передачи звуковых ассоциаций, характеризуются разной частеречной отнесённостью и структурной оформленностью. При этом отмечается тенденция к большему употреблению окказиональных субстантивов, мотивированных звукоподражательными глаголами, а также адъективов, функционирующих в качестве эпитетов. Окказиональные новообразования, наделённые тропической образностью, в рамках единого контекста взаимодействуют с иными тропами и способствуют тем самым созданию сложных образов (ср. уподобление деревенской печи верблуду: *голос громкий, всхлипень зычный, завывание дождевое*). Отмечается склонность поэта к одушевлению неживых объектов через наделение их способностью говорить, петь, играть на музыкальных инструментах, издавать иные звуки, свойственные живым существам (ср.: *молитвословный ковыль*). Созданию комплексных чувственных образов способствует сочетание звуковых, цветовых, осязательных и обонятельных ассоциаций (ср.: *шелкопряные поля и гусли-самозвоны*).

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Прокушев, Ю. Л. Сергей Есенин / Ю. Л. Прокушев. – М. : Дет. лит., 1971. – 190 с.
2. Захариева, И. Своеобразие эмоционально-образной системы Есенина / И. Захариева // Столетие Сергея Есенина : Международный симпозиум [29 сент. – 3 окт. 1995 г.] : материалы / ред.-сост. А. Н. Захаров, Ю. Л. Прокушев]. – М., 1997. – С. 169–194.
3. Сухов, А. В. Музыкальные образы в творчестве С. А. Есенина: мифопоэтика и контекст : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Сухов Алексей Валерьевич ; Нижегор. гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2017. – 18 с.
4. Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 2 т. / С. А. Есенин ; сост. Ю. Л. Прокушев ; комментарии Ю. Л. Прокушев. – Минск : Мастацкая літаратура, 1992. – Т. 1 : Стихотворения. Поэмы. – 480 с.
5. Лопатин, В. В. Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования / В. В. Лопатин. – М. : Наука, 1973. – 152 с.
6. Ефремова, Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка : ок. 1900 словообразов. единиц / Т. Ф. Ефремова. – 2-е изд. – М. : ACT : Астрель, 2005. – 636 с.
7. Есенин, С. А. Полное собрание сочинений : в 7 т. / С. А. Есенин ; редкол. Ю. Л. Прокушев (гл. ред.) ; Рос. акад. наук. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. – М. : Наука : Голос, 1995–2002. – Т. 1 : Стихотворения / науч. ред. А. М. Ушаков. – 1995. – 671 с.
8. Есенин, С. А. Собрание сочинений : в 2 т. / С. А. Есенин ; сост. Ю. Л. Прокушев ; комментарии Ю. Л. Прокушев. – Минск : Мастацкая літаратура, 1992. – Т. 2 : Стихотворения. Проза. Статьи. – 384 с.

Поступила в редакцию 28.02.2025

E-mail: irina_kovalevich@list.ru

I. O. Kovalevich

OCCASIONALISMS AS A MEANS OF CREATING SOUND IMAGES
IN THE POETRY OF S. YESENIN

This article is devoted to the study of the features of S. Yesenin's occasional word creation as a way of expressing his individual sound perception. Occasional derivatives with the meaning of sound are analyzed in terms of their part-of-speech attribution and word-formation structure. The ability of occasionalisms of this type to develop additional trope qualities and interact with other tropes within the framework of expanded metaphorical structures has been revealed. It has been established that the creation of complex sensory images is facilitated by the combination of sound, color, tactile, olfactory associations in a single context.

Keywords: occasionalism, word creation, sound image, trope imagery, sound associations, animation.

УДК 81'23

В. В. Кузьмич¹, В. В. Молочко²

¹Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры психологии и социальной педагогики, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

²Студент 3 курса факультета дошкольного и начального образования, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина», г. Мозырь, Республика Беларусь

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ДЕКОДИРОВАНИЯ СЕМИОТИЧЕСКИ УСЛОЖНЕННЫХ ТЕКСТОВ

В статье рассматриваются психолингвистические закономерности понимания семиотически усложненных текстов, основу которых составляют аллюзии и реминисценции. Анализируются два типа стратегии понимания (декодирования) семиотически усложненных текстов: суккессивный и симультанный. Доказывается на многочисленных примерах, что основной стратегией при декодировании является симультанный способ понимания.

Ключевые слова: семиотически усложненный текст, квазитекст, декодирование текста, аллюзия, симультанный концепт текста.

Введение

Понимание текста всегда представляло для психологов и психолингвистов значительный интерес. Данная статья посвящена проблеме декодирования так называемых семиотически усложненных текстов, где все текстовые категории подвергаются кардинальной трансформации и деформации [1]. Цель данного исследования – показать, насколько сложным для неподготовленного реципиента является процесс декодирования семиотически усложненных текстов.

К общепринятой дихотомии текст-не текст можно добавить еще тексты, которые по внешнему виду имеют все признаки текста, но на самом деле – это тексты-обманки. Мы дали таким текстам рабочее название «квази-тексты», или тексты мнимые. В первую очередь, к таким мнимым текстам можно отнести тексты пародий-переводов самых различных жанров, от портретных пародий определенных авторов до мнимых аннотаций и объявлений [2]. Вот пример такого квази-текста:

Куда пойти окончить

Список учебных заведений, рекомендованных для немедленного поступления:

Институт Тонкого Востоковедения им. А. С. Грибоедова («Тюбетейка»).

Специальности: хитрован-технолог, женозаводчик, абдулла, господин, красногвардеец, любимая жена.

Экзамены: сочинение Екатерине Матвеевне (устно), прикуривание от динамитной шашки (быстро), павлины (говорить).

Документы: мандат.

Учащиеся ребята пулеметом не обеспечиваются.

В следующем году мы расскажем, как поступить в:

Эстрадно-церковное училище;

Институт тварей дрожащих и права (ИТДиП);

Институт языкоznания со словарем

и Московское Высочайшее Музыкально-Техническое училище им. Розенбаумана (знаменитую «Розенбауманку»).

(Данный и последующие примеры квазитекстов взяты из журнала «Красная бурда».)

Любой текст включает в себя перекличку с другими текстами, что составляет категорию интертекстуальности [3, с. 78]. Выражается это в различных аллюзиях и реминисценциях. Однако в квазитекстах аллюзии и реминисценции являются не добавочными элементами к содержанию текста, а составляют его основу [4, с. 43]. Чем короче тексты такого рода, тем концентрированнее в них аллюзии. Под аллюзией понимают скрытый намек на любое событие или явление. Именно из-за сложности восприятия аллюзий такие тексты наиболее сложно декодировать. Это своего рода ребусы для читателя. Как отмечает Н. А. Кузьмина, «восприятие и понимание/интерпретация цитаты требуют от читателя огромной имплицитной энергии» [5, с. 28].

Термин «аллюзия» происходит от латинского «allusio» и первоначально имел два значения: 1. ‘намек’; 2. ‘шутка’. В текстах, нацеленных на языковую игру, используются оба этих значения. Во-первых, все подобные тексты обязательно соотносятся с исходным текстом или претекстом [6, с. 14].

Во-вторых, такие тексты должны вызывать смеховую реакцию у реципиента. В. И. Новиков назвал искусство перепева и, шире, пародии, «умным смехом» [6, с. 28].

Методы и методология исследования

В основу методологии исследования положены теоретические положения восприятия текстов А. А. Леонтьева, Л. С. Выготского, А. Р. Лурии. Основным методом, который мы использовали, был метод направленных ассоциаций [7, с. 87]. При адекватном декодировании аллюзий реципиент должен воспроизвести нужную ассоциацию. К таким ассоциациям можно отнести имена собственные, названия литературных текстов, топонимы и т. д.

Н. Пьеге-Гро различает два типа межтекстовых связей: эксплицитные и имплицитные. Эксплицитные отношения основаны на соприсутствии двух или нескольких текстов. К подобным связям она отнесла цитату и ссылку. Так, такой тип квазитекста, как центон целиком строится на основе эксплицитных связей. Аллюзии же она относит к имплицитным связям [8, с. 84].

Однако между анализом аллюзий и методом направленных ассоциаций имеется существенное различие. Метод направленных ассоциаций предполагает, что реpondent может выбрать любое слово по своему выбору. Это могут быть ассоциации парадигматические, синтагматические, ситуативные, образные и т. д. Ассоциации же, нацеленные на адекватное восприятие аллюзий, должны быть абсолютно точными, иначе текст окажется непонятным, а задача продуцента текста невыполненной. Единственный тип ассоциаций, который может коррелировать с аллюзиями – это ассоциации образные. Так, на словосочетание-стимул «люди в белых халатах» возможна единственную верная ассоциация – врачи, а «второй хлеб» – картофель.

Результаты исследования и их обсуждение

Квазитексты можно анализировать исключительно с помощью симультанного восприятия. Это означает, что смысл такого текста понимается сразу, а аллюзии постигаются без анализа. Без знания нужных аллюзий, заложенных продуцентом, адекватное декодирование просто невозможно. В первой фазе восприятия текста реципиент понимает, что перед ним текст-обманка, который направлен на языковую игру. Так, читая текст пародии-перепева в сборнике пародий, мы понимаем, что это не оригинальный текст, к примеру, Б. Окуджавы, а пародия на него. Реципиент включается в игру по определенным правилам. Если в основе обычного текста лежит кодирование и декодирование определенной информации, то в квазитекстах категория информативности трансформируется до неузнаваемости. При незнакомстве с правилами языковой игры адекватного понимания от реципиента ждать не приходится.

Для адекватного декодирования «обычного» текста любого стиля и жанра реципиенту достаточно иметь достаточный словарь и знать грамматические правила определенного языка [7, с. 58]. Однако, чтобы понять тексты, направленные на языковую игру, этого недостаточно. По форме все квази-тексты не отличаются от текстов «нормальных». Более того, они маскируются под такие тексты. Чем они ближе по форме к претексту, тем ярче выступает несоответствие между формой и содержанием [9].

В психолингвистике рассматривают два подхода к восприятию текста: суксессивный и симультанный. При суксессивном подходе текст анализируется step by step (шаг за шагом). В этом случае даже если какая-то реалия из текста останется непонятной, то читатель может её просто пропустить. Все равно общий смысл текста будет в целом понятным. Например, когда Стива Облонский в «Анне Карениной» пытается доказать, что лес, который он продаёт, не обедной, а дровянной, то читателю нет необходимости справляться в словарях, что такое обедной лес. При восприятии текста для реципиента главное, что лес хуже дровяного. При восприятии же аллюзий необходимо совершенно точно знать, на какую именно реалию, дату, другой текст делается отсылка. Как указывает А. А. Масленникова, для понимания подобных текстов необходимо владеть определенными филологическими навыками и компетенциями [6, с. 18]. Так, в приведенном выше примере с мнимым объявлением о поступлении в высшие учебные заведения реципиенту необходимо знать, что основу этого микротекста составляет отсылка к культовому фильму «Белое солнце пустыни». Весь текст состоит из аллюзий и реминисценций, связанных с этим фильмом. Псевдоназвание института: институт тонкого востоковедения представляет собой отсылку к крылатой фразе из этого фильма: «Восток – дело тонкое». Названия мнимых специальностей – это персонажи фильма. Аллюзивными являются и названия экзаменов. Уточнение «Ребята пулеметом не обеспечиваются» – это реминисценция фразы бывшего таможенника Верещагина: «Ну вот что, ребята, пулемет я вам не дам». В тексте же пародийного объявления эта фраза трансформируется в уточнение типа «общежитием абитуриенты не обеспечиваются», чем и достигается эффект комизма.

Каждая аллюзия в подобных текстах входит как отдельная семантическая единица в гипераллюзию. Это значит, что квази-текст состоит целиком из целого комплекса аллюзий. Подобные микротексты строятся по принципу семемы. Как семема строится из сем, так и квазитекст создается из нескольких аллюзий. Вот примеры таких текстов.

Любите книгу – источник бумаги.

Поль Брэгг. «Сейчас бы супчику куриного, да с потрошками!» Изд-во «Голод».

«Сивка-Бубка» Українська народна казка. Изд-во «Reebook». М. А. Вроде. «Как заработать миллион с помощью тяжелого непосильного труда». Издательство «Трутень».

А. Худой (бывший А. Толстой). «Гербалайф инженера Гарина».

Все эти микротексты представляют собой пародийные комплексы аллюзий. По форме это как бы заголовки аннотаций. В каждом таком заголовке указывается мнимый автор либо пародийно трансформируемая ссылка к такому автору. Так, Поль Брэгг – это реальный американский автор книги «Чудо голодания». М. А. Вроде – трансформация реального основателя мошеннической фирмы «МММ» Сергея Мавроди. Название якобы украинской народной сказки «Сивка Бубка» – это ссылка к знаменитому рекордсмену в прыжках с шестом Сергею Бубке. Пародийным является и название издательства. Ю. Н. Тынянов [10, с. 232] утверждал, что «перемена одной буквы уже производит пародию». Мнимое издательство «Reebook» – пародия на название известной фирмы по производству спортивной обуви. Пародийность же создается добавление буквы о: book-книга.

Естественно, что после симультанного понимания этих микротекстов квалифицированный реципиент легко может разложить эти комплексы аллюзий на составляющие: 1. Поль Брэгг – автор книги «Чудо голодания»; 2. Название псевдокниги «Сейчас бы супчику куриного, да с потрошками» – ссылка к фразе Глеба Жеглова из фильма «Место встречи изменить нельзя». 3. Название «Гербалайф инженера Гарина» + пародийная фамилия писателя А. Худого с указанием, что он бывший А. Толстой, – ссылка к роману А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Пародийная замена слова «Гиперболоид» на слово «Гербалайф» связана с общим смыслом текста: бывший А. Толстой стал худым, потому что использовал Гербалайф – средство для похудения, модное в 90-е годы XX века.

Для анализа уровня понимания семиотически усложненных текстов мы выбрали несколько относительно однородных по возрастному составу групп учащихся. Это студенты 2–4 курсов нескольких факультетов МДГУ им. И. П. Шамякина: физико-инженерного факультета, филологического факультета, факультета физической культуры и факультета дошкольного и начального образования. В сумме число респондентов составляло 84 студента. Правила языковой игры заранее не объявлялись. Необходимо было каждому реципиенту в отдельности понять механизм языковой игры, суть которой заключалась в декодировании аллюзий. Чтобы определить примерный уровень тезауруса реципиентов, мы предложили ровно 100 культуре. Студентам было предложено указать источник цитат из популярных фильмов, известных литературных произведений и песен: *Входит! И выходит! Высокие, высокие отношения! Где деньги, Зин? Гигант мысли, отец русской демократии и особы, приближенная к императору. Граждане алкоголики, хулиганы и тунеядцы. Грузите апельсины бочках. Братья Карамазовы. Гранаты не твой системы. Графиня изменившимся лицом бежит пруду. Грешино смеяться над больными людьми. Гуд-бай, Америка, где я не был никогда и т. д.*

Мы специально включили в этот список несколько культурами элитарной культуры, хотя этот критерий достаточно субъективен. Так, в 70–80-е годы XX века цитаты из «Мастера и Маргариты» были практически недоступны для читателя. В настоящее время эти культуры, скорее, – принадлежность массовой культуры.

Анализ ответов респондентов показал, что уровень восприятия микротекстов является достаточно низким. В среднем были идентифицированы менее чем 30 % заданных культурами. При этом многие из ответов были неверными. Как и следовало ожидать, наиболее трудными при декодировании для студентов оказались цитаты из «высокой» культуры. Так, только один из респондентов (физико-инженерный факультет) правильно атрибутировал цитату о советских газетах из «Собачьего сердца».

Более сложный вариант, который мы предложили школьникам и студентам, включал в себя перепев с якобы японского языка:

Жили у старой женщины две рыбы Фуго. Одна белая, другая серая, две веселых рыбы.

Вышел из тумана Месяц с лицом самурая. Обнажил меч из кармана кимоно.

Сын быка движется неровной походкой. Вздохни полной грудью. Падения не избежать.

Потеряла лицо Тана-тян. Плачет о мяче, укатившемся в пруд. Возьми себя в руки, дочь самурая.

При анализе студенческих ответов выяснилось, что студенты поняли, в чем суть языковой игры по декодированию перепевов в 100 % случаев. Большинство текстов-перепевов на японскую тему актуализировало еще детские впечатления студентов: загадки, детские считалки, популярные стихи для дошкольников. Однако предложенные тексты с более сложным содержанием практически никто не смог декодировать адекватно. Только один студент смог хотя бы приблизительно воспроизвести претекст: *Голова обязана, кровь на рукаве, шел под знаменем самурая Сегун, старший над всеми.* (Песня 30-х годов XX века о красном командире Щорсе.)

Также только одна студентка из всех респондентов смогла расшифровать культуруему *Чудно японское море при тихой японской погоде, редкая птица способна от середины вернуться.* (Аллюзия на отрывок из повести Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки».)

Никто не смог адекватно декодировать перепев, где претекстом выступает комедия в стихах «Горе от ума»: *Клянусь не возвращаться никогда в столицу, где осмеян. Рикизу мне, рикизу.* (Вон из Москвы... Карету мне, карету.) Как позже выяснилось, никто из студентов не знал значения слова «рикша».

Семиотически усложненными могут быть не только тексты, нацеленные на языковую игру. В качестве примера можно привести стихотворение А. А. Вознесенского «Гекзаметры другу».

ГЕКЗАМЕТРЫ ДРУГУ

Сокололетний Василий!

Сирин джинсовый,

художник в полете и в силе,

ржавой подковой

твой рот подковали усищи, Василий,

юность сбисирай, Василий,

где начищали штиблеты нам властелины Ассирий...

**Первая встреча: облчудище дуло –
нас не скосило.**

Оба стояли пред оцепеневшей стихией.

Встреча вторая: над черной отцовской
могилой

я ощутил твою руку, Василий.

Бог упаси нас встретиться в третий, Василий.

Мы ли виновные в сроках, в коих дружили,
что городские – венозные – реки нас отразили?

О венценосное имя – Василий.

Тело мое, пробегая по ЦДЛу,

так просвистит твоему мимолетному телу:
«Ваш палец, Вас. Палыч! Сидите красиво».

О! Соловьевое имя – Василий.

По жанру этот текст относится к дружеским посвящениям. Окказиональный эпитет «сокололетний» опосредованно указывает на сорокалетие адресата стихотворения. Квалифицированный реципиент, который знаком с литературным дискурсом 60–70-х годов XX века, без труда узнает в этом адресате известного писателя Василия Аксёнова. В тексте стихотворения есть косвенные указания на это. Так, в последнем абзаце в сокращенном варианте имени Вас. Палыч легко угадывается имя и отчество. Во время написания стихотворения В. П. Аксёнов уже считался неблагонадежным, поэтому автору стихотворения приходилось в некоторой степени шифровать свое послание. Если воспринимать этот текст суксессивным способом, то многие факты останутся для читателя непонятными. В тексте есть как минимум три аллюзии, которые позволили поэту зашифровать некоторую подцензурную информацию. Мы выделили эти аллюзии с помощью шрифта.

1. Сирин джинсовый. Это псевдоним русского и американского писателя В. В. Набокова. В период написания стихотворения он не был запрещен, но в СССР не издавался. Этот псевдоним А. А. Вознесенский использовал неоднократно. Так, в стихотворении, посвященном своей матери, он писал: «Любит Блока и Сирина, режет рюмкой пельмени, есть другие в России, но мне эта милее».

2. Властелины Ассирий. В послевоенные годы, на которые пришла юность Аксёнова и Вознесенского, чистильщиками обуви были так называемые айсоры. По национальности все они были ассирийцы. Призыв автора «сбисировать юность» означает, что он хотел бы вернуться в то время.

3. Облчудище дуло – нас не скосило. Это самая сложная из аллюзий данного текста. Здесь содержится сразу несколько отсылок: основная и две побочных. Во-первых, это отсылка к В. Тредиаковскому: «Чудище обло, стозевно и лаяй». Во-вторых, К. Рылеев взял этот текст в качестве эпиграфа к своему стихотворению. Основная же аллюзия связана с конкретной ситуацией, когда глава государства Н. С. Хрущёв на встрече с творческой интеллигенцией подверг разносу и Вознесенского, и Аксёнова.

Мы предложили этот текст для анализа тем же группам, которые выявляли аллюзии в текстах пародийных перепевов. В ответ на первый вопрос, кто адресат посвящения, было несколько попыток анализировать информацию: его звали Василий или его звали Василий Павлович. Реальную фамилию из 84 студентов не назвал никто, что свидетельствует о незнании общественных и литературных реалий второй половины XX века.

Аллюзию на псевдоним «Сирин» также не указал ни один студент. Несколько студентов указали, что адресат носит джинсы. Реальный же смысл этой отсылки состоит в том, что Аксёнов – творческий наследник В. Набокова.

Аллюзию, связанную с ассирийцами, правильно не определил никто из респондентов.

В группе филологического факультета было несколько попыток связать название стихотворения «Гекзаметры» с древней Грецией и, соответственно, с древней Ассирией, что никак не приблизило респондентов к адекватному пониманию конкретной аллюзии и текста стихотворения в целом.

Заключение

Таким образом, на основании проведенного исследования было определено, что основным способом декодирования семиотически усложненных текстов является симультанный способ, при котором аллюзии и реминисценции постигаются респондентом сразу, без предварительного анализа. Однако такой способ декодирования требует от респондентов достаточно высокого уровня филологической культуры.

Экспериментальным путем установлено, что навыки выявления аллюзий и реминисценций нуждаются в совершенствовании. В первую очередь это касается точного знания, что стоит за теми или иными аллюзиями. Тексты, нацеленные на языковую игру, всегда требуют адекватного декодирования соответствующих отсылок, которые заложены продуcentом подобных текстов.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Гальперин, И. Р. Грамматические категории текста / И. Р. Гальперин // Изв. АН СССР. – Серия Лия. – 1977. – № 6. – С. 47–58.
2. Советская литературная пародия : в 2 т. / сост., вступ. ст. и comment. Б. М. Сарнова. – М. : Советский писатель, 1988. – 732 с.
3. Кристева, Ю. Избранные труды: Разрушение поэтики / Ю. Кристева. – М. : РОССПЭН, 2004. – 656 с.
4. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста / В. Е. Чернявская. – М. : Либроком, 2008. – 248 с.
5. Кузьмина, Н. А. Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 267 с.
6. Новиков, В. И. Книга о пародии / В. И. Новиков. – М. : Советский писатель, 1989. – 538 с.
7. Леонтьев, А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – М. : Просвещение, 1969. – 214 с.
8. Пьеge-Гро, Н. Введение в теорию интертекстуальности / Н. Пьеge-Гро. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008. – 240 с.
9. Масленникова, А. А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов / А. А. Масленникова ; С.-Петерб. гос. ун-т. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. – 260 с.
10. Тынянов, Ю. Н. Ода как ораторский жанр / Ю. Н. Тынянов // Поэтика. История литературы. Кино / Ю. Н. Тынянов ; подг. изд. и комментарии Е. А. Тоддеса, А. П. Чудакова, М. О. Чудаковой. – М. : Наука, 1977. – С. 227–252.

*Поступила в редакцию 20.03.2025
E-mail: wowenciukuzmitch@yandex.by*

V. V. Kuzmich, V. V. Molochko

PSYCHOLINGUISTIC ASPECTS OF DECODING SEMIOTICALLY COMPLICATED TEXTS

The article examines the psycholinguistic patterns of understanding semiotically complicated texts, which are based on allusions and reminiscences. Two types of strategy for understanding (decoding) semiotically complicated texts have been analyzed: successive and simultaneous. It has been proved by numerous examples of semiotically complicated texts that the main decoding strategy is a simultaneous way of understanding.

Keywords: semiotically complicated text, quasi-text, text decoding, allusion, simultaneous text concept.

УДК 811.521

В. А. Медюлянова

Кандидат филологических наук, доцент кафедры восточных языков, УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь

**ТРИАДА «ЧАСТНОЕ/ОБЩЕЕ/ЧУЖОЕ»
В ДРЕВНЕЯПОНСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**

В статье представлено исследование на предмет релевантности и выделенности компонентов концептуальной триады «частное/общее/чужое» в древнеяпонской языковой картине мира. На примерах значений лексических единиц древнего японского языка показан путь формирования устойчивых концептов «частного/общего/чужого» через сближение и объединение в одной семантической плоскости связанных с ними смыслов, репрезентирующих существующие в древности представления об окружающей действительности.

Ключевые слова: частный, общий, чужой, картина мира, древнеяпонский, внутренний, скрытый, внешний, доступный, дальний, объективный, субъективный, понятие, концептуальный.

Введение

Триада «частное/общее/чужое» является более широкой, развернутой семантической моделью архетипа «свой/чужой», отражающего древнейшую лингвосемиотическую систему, настолько прочно укоренившуюся в человеческом сознании, что, будучи усвоенной на ранних этапах общего развития человека, она смешается в сферу подсознательного и проявляет себя только в критически важных, проблемных ситуациях. На основе различия «своего» и «чужого» в силу его относительности не только упорядочивается социальное пространство ближайшего окружения человека, но и формируется этническое самосознание, коллективное, народное массовое мироощущение [1, с. 84, 126–143]. Встраивание *общего* в эту модель выделяет, обнаруживает наличие *частного*, а частное, в свою очередь, подразумевает наличие *целого*. Таким образом, выстраивается обширное семантическое поле, объединенное ядерным понятием притягательности и организуемое формально-логическими отношениями включения, пересечения и примыкания входящих в это поле микрополей соответствующих понятий.

Несомненно, организованная таким образом система рассматриваемых концептов является компонентом мировоззрения людей, частью их языковой картины мира, т. е. запечатленной в языке и специфичной для данного языкового коллектива схемы восприятия действительности [2, с. 9]. Среди ученых нет единого мнения о том, стоит ли рассматривать все языковые средства как составные элементы этой схемы либо ограничиться лексико-семантической областью языка [3]. Цель данной статьи – выявить некоторые возможные лексические средства и релевантность выражения с их помощью концептов «частного/общего/чужого» в древнем японском языке. В зарубежном японоведении имеется весомое количество работ, рассматривающих языковое выражение концепта «свой/чужой». Однако такой не менее значимый, на наш взгляд, концептуальный элемент языковой картины мира, как «частное/общее» вкупе со смежным концептом «чужое» до сих пор внимание исследователя-японоведа не привлекал, тем более в исторической ретроспективе.

Интерес к древним фрагментам отображения действительности вызван согласием автора с мнением ученых о том, что языковая картина мира «фиксирует восприятие, осмысление и понимание мира конкретным этносом не на современном этапе его развития, а на этапе формирования языка, т. е. первичного, донаучного, наивного познания мира» [4, с. 15]. А значит, для лучшего и более полного понимания современных концептуальных представлений следует обратиться к древнему источнику познания мира – туземной мифологии. По мнению японских лингвистов, именно с помощью исконного японского языка, так называемого уамато-котоба (大和言葉), можно понять суть менталитета и мышления японцев [5, с. 100, 104].

Методы и методология исследования

Для достижения поставленной цели в работе использовались общенаучные методы анализа, сопоставления, описания и обобщения с элементами историзма. Контекстуальному анализу

подвергались лексические единицы со значением *частного/общего/чужого*, а также *целого* и других смежных концептов, содержащиеся в таких древних японских литературных произведениях, как «Нихонги», «Манъёсю», «Гэндзи моногатари» и др., включающих описания мифологических представлений жителей древней Японии. Источником материала послужил словарь древнего японского языка Weblio古語辞典, составленный, в том числе, на основе указанных произведений.

Результаты исследования и их обсуждение

Свидетельства мифологических воззрений древних жителей японских островов частично зафиксированы в японских литературных памятниках. Хотя летописи появились гораздо позднее первобытного периода (в 8-м веке н. э.), после адаптации китайской иероглифической письменности, и уже в ряде частей содержат идеально-религиозный налет пришедшего извне буддизма, они по-прежнему остаются одними из немногих источников информации об архаичных представлениях, господствовавших в древней Японии.

Основным способом реагирования на окружающий мир и процессы, происходившие в нем в так называемую «мифологическую фазу» исторического существования Японии, являлось ««мифологическое апперцептирование» всего окружающего» [6, с. 28]. Особенной чертой мировосприятия древних людей, населявших японские острова, являлось «всеохватывающее согласие с природой» [7, с. 48], в которой человек представлялся ее нераздельной частью, органичным «отростком». Об этом можно судить по названию тела человека как ствола дерева (幹だ), руки и ноги при этом назывались ветвями (枝), способными вытягиваться в длину. Для обозначения глаз использовалось слово *te* (め) *росток*, носа – *hana* (はな) *цветок*, уха – *mi* (み) *плод* [5, с. 101–102]. (Позднее эти понятия стали различимы на письме благодаря заимствованию китайской иероглифической письменности.) Природным явлениям приписывалась анимистическая по характеру жизненная, творящая энергия [7, с. 49], что обусловило расцвет анимизма и многобожия.

Судя по описаниям в сборнике мифов «Нихонги» (яп. 日本紀), в сознании древних японцев преобладало шестинаправленное членение пространства: сияние солярной богини Аматэрасу распространялось на север и юг, запад и восток, верх и низ [8, с. 9]. Вкупе с таким разновекторным пространственным делением считалось, что боги-ками (神) обитают не только вверху, но присутствуют везде, «не было щели и тени, где не присутствовали бы ками» [8, с. 20]. Они являются «магической, невидимой ипостасью всего имеющего отношение к повседневной жизни» [9, с. 215] (здесь и далее курсив наш – В. М.). При этом, как и человек, боги смертны, подчинены своей внутренней родовой иерархии, а значит, концепция единого всемогущего бога была чуждой японскому мировосприятию. В то же время одной из характеристик божественного мира является его недоступность для человека [7, с. 52].

Бытие представлялось как «перетекание одного в другое», как становление одного другим, что оказывается присущим всем процессам и явлениям [8, с. 19]. Вероятно, по этой причине в семантике многих глаголов японского языка присутствует инцептивный компонент, означающий переход из одного качественного состояния в другое (*atatamaru* (温まる) *становиться теплым*, *hieru* (冷える) *становиться холодным* и мн. др.). По данному семантическому признаку многие глаголы в современном японском языке образуют оппозитивные пары действительных и недействительных (признаковых) глаголов, например: *miru* (見る) *смотреть* – *mieri* (見える) *становиться видимым*, *kiku* (聞く) *слышать* – *kikoeru* (聞こえる) *становиться слышимым*, *akeru* (開ける) *открывать* – *aku* (開く) *становиться открытым* [10].

Самые важные и предельно наблюдаемые изменения состояния человека – рождение и смерть. Рождение характеризовалось как переход из скрытого мира в видимый, а смерть – как уход в отдаленную страну, в мир невидимый [8, с. 13], т. е. смерть не представлялась фатальной чертой. Как пишет Л. М. Ермакова, «сокрытый мир умерших, мир предков оказывался невидимой частью мира живущих и не был отделен от них непроницаемой стеной» [8, с. 19].

Посредником между двумя мирами является странник Ebisu, с которым связывается понятие *гостя*, *чужака*, появившегося из-за моря (*marebito*). Заморское или прибывшее по морю считается наделенным магической силой, поэтому Ebisu становится богом рыболовства и впоследствии торговли, а концепция «пришелец – бог» долгое время оставалась сильной в Японии [8, с. 13]. При этом Ebisu неполноценен, ненормален. Его деформации (уродство, аномалии) свидетельствуют о принадлежности к скрытому миру, который именуется как *усоо* *внешний*, *другой* в отличие от видимого мира, получившего название *uchi* *внутренний*, *домашний* [8, с. 13]. Для выражения отчужденности,

неблизости отношений образовалась метафора от слова *toho далекий (в пространстве и времени)* [11], что лишний раз подтверждает архаичность понятия *чужой* и устойчивое о нем представление.

В роли местоимений 1-го лица в древнем японском языке выступали корни *a/wa*, которые служили для указания на себя, а в сочетании с частицей *ga* образовывали притяжательные конструкции. Однако примеры, приведенные в этом отношении Н. А. Сыромятниковым [12, с. 91], дают основания полагать, что сочетания *a/wa-ga* в составе данных конструкций указывали прежде всего на принадлежность к группе людей, роду, клану. Например, конструкция *a-ga* в сочетании со словом *sumekami боги*, скорее всего, толкуется как *наши (местные) боги*, а не *мои (местные) боги*, *a-ga-nushi – наш хозяин*, *a-ga-ko – наш ребенок*, *wa-ga-sato – наша деревня* и т. д., фактически выступая в роли местоимения множественного числа и, таким образом, объединяя или, по меньшей мере, не разделяя сферы частного и общего. Именование *мой* понималось более широко, чем *личный*, функционируя слитно со значением *наши*. Примеры *a/wa-ga* с таким значением содержатся в старейшей антологии японских стихов «Манъёсю» (яп. 万葉集), датируемой 759 г. н. э. (эпоха Нара). В более позднем источнике – «Гэндзи моногатари» (яп. 源氏物語), датируемом приблизительно 1000 г. н. э. (эпоха Хэйан), т. е. в период заметного социального неравенства и развития отношений частной собственности, сочетание *wa-ga* встречается уже и в значении «мой собственный» [11]. (К тому времени *a-ga*, очевидно, вышло из употребления). В последнем источнике зафиксировано и появление слова *watakushi* в значении *частный, личный, индивидуальный* [11], которое, судя по всему, вытеснило собственно личное местоимение *я* ↔ *мы* и притяжательную конструкцию *a-ga мой* ↔ *наши* в пользу четкого разграничения и фиксации сфер принадлежности людей и вещей.

Весьма любопытен тот факт, что уже в древности японцы проводили различие между внешним телом, именуя его, как уже выше упоминалось, *karada ствол дерева*, и телом внутренним *mi тело*. Под последним понималось нечто духовное и символическое, внутреннее «я» [5, с. 101]. Здесь стоит упомянуть, что односложные лексемы с семантикой частей тела человека относятся к базовому, исконному слою лексики [5, с. 100–101]. Конструкция *wa-ga-mi* означала *сам, личный, собственный* не в смысле принадлежности, а в смысле внутреннего ментального пространства, т. е. души (мыслей, чувств) человека, что в современном японском языке передается также синонимичной лексемой *jibun* [11]. Следовательно, можно утверждать, что японцы с древних времен при таком абсолютном отождествлении себя с природой имели представление об *объективной и субъективной* стороне вещей, специально выделив в языке слово для различия этих понятий.

Говоря о древнем периоде, следует отметить зарождение различных мифологически обусловленных религиозных культов и церемоний, в контексте которых появилась необходимость каким-то образом обособить волю и поведение отдельного человека от поведения общественной группы. Одним из таких важнейших и показательных ритуалов служил обряд очищения от скверны посредством всяческих ритуальных действий, который и по сей день проводится в Японии дважды в год как дань народным синтоистским традициям. В древности он существовал в двух формах: очищение индивидуальное *harai* (祓い) и всенародное *oo-harai*¹ (大祓い) [6, с. 30]. Из этих названий становится очевидным, что для выражения общего, коллективного, к существительному присоединилась часть прилагательного *oo* (大い либо 多い), имевшего в древнеяпонском языке произношение *oho-* и два значения: *многочисленный* и *большой* [11]. Слово *harai* *очищение, экзорцизм, молитва* посредством присоединения аффикса *oo-*, названного впоследствии префиксом *увеличительности*, значило всеобщее очищение, в котором под руководством священнослужителя принимали участие как простые члены общины, так и более родовитые их соплеменники. При дальнейшем развитии японского языка морфема *大*, читаемая как *oo-, dai-, tai-*, оказалась весьма продуктивной и сохранила в ряде случаев значение *общий* в корреляции со значением *целый*: *大体 в общем, в целом; 大抵 в основном, почти все; 大筋 общее содержание* и др.

Таким образом, поскольку в древнеяпонском языке, как, по-видимому, и в иных древних языках, существовали лишь прилагательные, выражающие объективные качества вещей [12, с. 82], значение общего выражалось опосредованно, через концепт «собирательности». Сходным образом для обозначения *целого* использовались слова *magu* (丸) *круглый*, т. е. без недостающих дробных элементов, *hito* (一) *один*, т. е. весь, полный [11]. В то же время слово *hito* (一) *один* однозвучно

¹ В статье Н. И. Конрада очищение именуется «хараи», а всенародное очищение – «охараи», т. е. в начале слова появляется префикс *o-* [6, с. 30]. Однако по данным словаря древнеяпонского языка [11], большое (коллективное) очищение называется *ohoharahe* (大祓へ), в современном варианте *ooharai*.

со словом *hito* (人) *человек*, и для выражения не отдельного человека, а многих людей использовалась корневая редупликация *hito-bitō* (人人).

Интересно в этом отношении также наличие и функционирование дейктических лексем *ko* (此) и *so to* (其), зафиксированных в антологии «Манъёсю», которыми выражалась степень пространственной близости по отношению к говорящему. Лексема *ko*, означающей нечто, близкое к говорящему, соответствовал глагол *ku* (來) *приближаться (к говорящему)*. Лексема *so* со значением удаленных от говорящего предметов соответствует глагол *yuku* (行く) *удаляться (от говорящего)*, который также означал *умирать* [11]. В древнеяпонских источниках хотя и редко, но встречается лексема *ka von to* (彼) [12, с. 94], предваряя появление ее современного аналога *are von to* (あれ), которая, указывая на нечто отдаленное, недоступное для обоих собеседников, объединяет их в одно общее, сглаживая дискурсивную противопоставленность друг другу (ср. личные местоимения *я, ты, т. е. мы и они* в европейских языках).

Заключение

Таким образом, в мифологический период стержневые понятия *общего/частного*, очевидно, в силу объективно-исторических причин (родоплеменной первобытно-общинный строй, характеризующийся отсутствием частной собственности и социального неравенства, слабые связи с внешним (материковым) миром и др.), еще не оформились в устойчивые концепты, отображающие межсубъектные отношения притяжательности в окружающей действительности. *Общее* выражалось синкетично с индивидуальным либо опосредованно, через концепт «собирательности», а *частное* понималось как принадлежащее своему роду, общине в противовес *чужому*. Иными словами, личное, частное, индивидуальное обретало смысл и выводилось, главным образом, в противопоставлении *чужому, как свое*. Однако уже в древности жителями японских островов осознавалась *объективная* и *субъективная* природа вещей, о чем свидетельствует наличие специальной лексемы для обозначения того, что составляет понятие души человека. При этом мифологические представления японцев, которые позднее оформились в национальную японскую религию синто, достаточно отчетливо концептуализируют мир в части основных жизненных процессов, представляемых как переход в различные состояния, через сближение понятий, с одной стороны, *своего, видимого, внутреннего, ближнего, доступного*, с другой – *целого, собирательного* и с третьей – *сокрытого (невидимого), внешнего, дальнего, недоступного*. Перечисленные понятия, смежные соответственно по отношению к концептам «частного/общего/чужого» либо входящие частично или полностью в их объем, предваряют возникновение последних, формируя будущее пространство соответствующих понятийных и лексико-семантических полей.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
2. Яковleva, E. S. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) / Е. С. Яковleva. – М. : Гнозис, 1994. – 344 с.
3. Небольсина, П. А. Языковая картина: определение понятия / П. А. Небольсина // XV Ежегодная богословская конференция : материалы, Москва, 20–22 янв. 2005 г. : в 2 т. / Правосл. Свято-Тихон. гум. ун-т ; редкол. В. Н. Воробьев (гл. ред.) [и др.]. – М., 2005. – Т. 2. – С. 302–306.
4. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М. : ЧеРо, 2003. – 347 с.
5. Уэмура, С. Курс лекций из истории японского языка / С. Уэмура. – Киото : Сангё-дайгаку, 2017. – URL: https://ksu.repo.nii.ac.jp/record/1279/files/AHSUSK_HS_37_91.pdf (дата обращения: 12.12.2024).
6. Конрад, Н. И. Японский народ в его истории / Н. И. Конрад // Очерки японской литературы : статьи и исследования / Н. И. Конрад. – М., 1973. – С. 19–44.
7. Игнатович, А. Н. Буддизм в Японии (Очерк ранней истории) / А. Н. Игнатович. – М. : Наука, 1987. – 319 с.
8. Ермакова, Л. М. Мишопоэтический строй как ранний модус японской культуры / Л. М. Ермакова // Человек и мир в японской культуре : сб. ст. / отв. ред. Т. П. Григорьева. – М., 1985. – С. 7–25.

9. Воробьев, М. В. Япония в III–VII вв. Этнос, общество, культура и окружающий мир / М. В. Воробьев. – М. : Наука, 1980. – 344 с.
10. Медюlianova, B. A. Значение типа японского глагола в грамматической семантике (на примере формы настоящего длительного времени) / B. A. Medziulianova // Сборник научных статей Гаварского государственного университета. – Гавар, 2024. – Вып. 16. – С. 358–370.
11. Weblio古語辞典 : [словарь древнеяпонского языка Weblio]. – [Токио], 2024. – URL: <https://kobun.weblio.jp/> (дата обращения: 11.12.2024).
12. Сыромятников, Н. А. Древнеяпонский язык / Н. А. Сыромятников. – 2-е изд. – М. : Вост. лит., 2002. – 176 с.

Поступила в редакцию 30.12.2024

E-mail: viktoriya.vi@mail.ru

V. A. Medziulianova

THE TRIAD ‘PRIVATE/GENERAL/OTHER’ IN THE ANCIENT JAPANESE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

The article presents a study on the relevance and prominence of the components of the conceptual triad ‘particular/general/other’ in the ancient Japanese language picture of the world. Using examples of the lexical units’ meanings of the ancient Japanese language, the path of forming stable concepts of particular/general/other has been shown through the convergence and unification in one semantic field of the meanings associated with them, representing the ideas about the surrounding reality that existed in ancient times.

Keywords: particular, general, other, picture of the world, ancient Japanese, internal, hidden, external, accessible, distant, objective, subjective, concept, conceptual.

УДК 659.123.1:81'373.612.2

A. С. Мунір

Аспирант кафедры германской филологии, УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель: Маслова Валентина Абраамовна, доктор филологических наук, профессор

МЕТОНИМИЯ В РЕКЛАМНЫХ СЛОГАНАХ БЕЛАРУСИ, ЕГИПТА И ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Проанализированы различные типы метонимии и выявлены ее функции как языкового инструмента в цифровых рекламных слоганах, представляющих три разных языка и культуры. Значимость изучения метонимии в отношении различных языков заключается в углублении понимания того, как разные культуры используют рекламные стратегии. Для проведения данного исследования автор проанализировал цифровые рекламные материалы трех стран (Беларусь, Египет и Великобритания). Новизна исследования заключается в развитии ряда идей когнитивной лингвистики и в направленности на совершенствование практики маркетинговой коммуникации.

Ключевые слова: метонимия, реклама, слоган, информация.

Введение

Термин «метонимия» заимствован из греческого языка, в котором дословно означает «изменение имени». Метонимия является предметом исследования когнитивной лингвистики, которая сосредоточена на языке как инструменте для обработки и передачи информации [1].

Метонимия – это устоявшийся ментальный процесс [2]. Она также описывается как «по сути концептуальный процесс, который отражается в различных типах семиотических режимов, в частности, в человеческом языке, но также и в жестах, искусстве и т. д.» [3].

Метонимия выполняет в первую очередь референтную функцию – она позволяет нам использовать одну сущность для обозначения другой, она также служит для обеспечения понимания. То, какую часть мы выбираем, определяет, на каком аспекте целого мы фокусируемся; это больше, чем просто поэтический или риторический прием или языковое средство. Метонимии также являются частью обычного, повседневного способа общения; они основаны на нашем опыте. В этом контексте метонимия является лингвистическим приемом: она упрощает сложные идеи, привлекает внимание, повышает интерес и при этом стимулирует желание приобрести рекламируемый товар [4].

Метонимия является тропом, где связанная вещь (термин) заменяет название исходного объекта. Однако, в отличие от метафоры, метонимия позволяет потребителям связывать понятия с более широкими представлениями и вызывает ментальные образы, которые являются одновременно уникальными и узнаваемыми, делая рекламу более запоминающейся [5].

Таким образом, мы можем сделать вывод, что «метонимия» может быть реализована как многомерное лингвистическое и когнитивное явление; это явление играет важную роль как мощный инструмент для понимания сложных отношений между сущностями в различных контекстах, от повседневного общеупотребительного языка до сложной рекламы. В соответствии с целью нашей работы мы сформулировали следующее определение метонимии: это **риторический прием, в котором слово или фраза используются для представления чего-то тесно с ними связанных, а не самой вещи. В частности, он требует использования части чего-то для обозначения целого и/или наоборот, а в широком смысле используется для отражения сложных идей косвенным образом.** Приведем примеры.

- В арабском слогане " مصر نـاـهـلـهـ" («Банк народа Египта») нация представлена как "أهـلـهـ مصر" («народ Египта»).
- В слогане "Because You're Worth It" – L'Oréal («Потому что ты этого стоишь») слово "worth" («стоить») фактически используется для обозначения полномочия, что является более общим значением по отношению к дословному значению "value" (ценность).

Метонимия играет важную роль в повышении эффективности рекламных текстов путем создания ярких слоганов, которые действительно могут привлечь потребителей. Сочетание мультимодального взаимодействия (метонимия с визуальными элементами) в рекламе тем не менее увеличивает образную сложность, улучшает понимание, а также привлекательность для представителей различных культур [6]. Хотя метонимия эффективна при создании рекламных слоганов, некоторые ученые все же

утверждают, что опора на образный язык приводит к неправильному толкованию смысла со стороны потребителей. При этом важно обращать внимание на кросс-культурные контексты, где ассоциации различаются. Таким образом, понимание культурных нюансов в метонимии является важным для создания эффективных рекламных слоганов.

Метонимия играет роль в повышении вовлеченности потребителей. Используя метонимию, авторы слоганов создают ментальные образы, которые воздействуют на потребителей и в то же время делают слоганы более эффективными. С узкой точки зрения, реклама, использующая изобразительную метонимию, вызывает чувство стремления к идентичности [7].

По мнению Лакоффа и Джонсона [8], метонимия похожа на метафору, является систематической, основана на человеческом опыте, структурирует наши мысли и действия. Они также утверждают, что «концептуальные метонимии» поддерживают повседневные метонимические выражения, встречающиеся в языке.

Методы и методология исследования

Во-первых, нами изучены предыдущие исследования метонимии, используя библиометрический анализ в рамках когнитивно-лингвистического подхода. Затем были собраны примеры метонимии в слоганах цифровой рекламы из разных стран, чтобы показать ее разнообразные функции и культурную значимость. Наконец, мы проанализировали эти примеры, чтобы выявить функции метонимии в языке. При этом использовались как традиционные методы (наблюдение, описание, анализ), так и современные – когнитивный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение

Мы выделяем следующие типы метонимии: «референтную» метонимию, «пропозициональную» метонимию, «иллокутивную» метонимию, «ситуативную» метонимию и т. д.

(1) **«Референтная метонимия»** Б. Уоррен считал ее наиболее прототипичным видом. Референтная метонимия концентрируется на том, как выражения используются для косвенного обозначения сущностей через связанные контексты в целом; эти сущности не обозначаются буквально самим выражением [9]. Кроме того, интерпретация референтной метонимии зависит от контекста (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Виды метонимии в рекламных слоганах

Метонимия	Референтная метонимия: одно понятие заменяет другое. Часть представляет целое или наоборот
	Пропозициональная метонимия: утверждение используется для ссылки на другое связанное утверждение
	Иллокутивная метонимия: один иллокутивный тип заменяет другой, часто в речевых актах
	Ситуативная метонимия: метонимы, зависящие от контекста и опирающиеся на знание ситуации
	Конвенциональная метонимия: метонимы, которые широко поняты в языке или культуре
	Нетрадиционная метонимия: Менее распространенные или креативные способы использования метонимии, которые могут быть не поняты многими
	Синекдоха-метонимия: особый тип метонимии, при котором часть представляет целое и наоборот
	Пространственная метонимия: метонимы, которые включают пространственные отношения или местоположения
	Временная метонимия: метонимия, включающая время или временные отношения
	Материальная метонимия: метонимы, в которых упоминаются материалы или вещества

Приведем примеры референтной метонимии.

▪ "بِيَاهْنَا صَلَطْ بِيَاهْنَا" («Вода из природы») – в этом арабском слогане термин «природа» на самом деле используется для обозначения чистоты воды, тем самым представляя более широкую идею природных ресурсов. Слово "بِيَاهْنَا صَلَطْ بِيَاهْنَا" («природа»), как видно, метонимически используется для обозначения чистой воды, полученной из природных ресурсов.

▪ "Lifetastesbetterwithfriends." – Heineken («Жизнь вкуснее с друзьями»). В этом английском слогане слово «друзья» на самом деле относится к товариществу, а также к социальному опыту, который, действительно, связан с наслаждением пивом Heineken, в широком смысле, чтобы

вызвать чувство удовольствия. Слово «друзья» метонимически используется для обозначения приятного социального опыта.

■ «Жизнь начинается с молока...» – «Беллакт». Этот слоган выражает, что молоко необходимо для жизни. Слово «молоко» используется здесь для обозначения всего ассортимента молочных продуктов, что делает метонимию эффективной.

В отличие от «референтной» метонимики, (2) **пропозициональная метонимия**, согласно К.-У. Пантеру и Л. Торнбургу, подразумевает связь между двумя сущностями. Поэтому «поднятие брови» нацелено на то, чтобы вызвать предположение, что кто-то удивлен. Пропозициональная метонимия играет важную роль в pragmatике и построении смысла [10]. Приведем примеры.

■ Арабский слоган "طعماً صلي و شكلجدي د" («Новый взгляд и оригинальный вкус») – это пример пропозициональной метонимики, поскольку слоган четко связывает идею "شـكـلـجـدـيـ د" («новый облик») с "طـعـمـاـً صـلـيـ" («оригинальный вкус»). Кроме того, он утверждает подлинность новой версии продукта.

■ Английский слоган компании Honda использует фразу "The Power of Dreams" («Сила мечты») для предложения о потенциале, связанном с продукцией Honda. Кроме того, пропозициональная метонимия явно используется в сочетании идеи мечты с более широкими предложениями инноваций.

■ «Не думай о колготках, думай в колготках» – «Conte». В этом примере слово «колготки» рассматривается как символизирующее более широкое понятие, связанное с «мода» или даже «идентичность». Это пример пропозициональной метонимики, поскольку здесь устанавливается связь между двумя предложениями (думать о колготках) и (думать в колготках Conte).

(3) **Иллокуттивная метонимия**. Современные ученые, включая Р. В. Гиббса [11], изучали иллокуттивную метонимию в контексте pragmatики. Проще говоря, при помощи «иллокуттивной метонимики» говорящий может использовать фразу, которая распознает запрос через ассоциации выбранных слов; однако это явно не указано. Важность иллокуттивной метонимики проистекает из того, что она улучшает коммуникацию. Приведем примеры.

■ "أَنْ تُفَيِّبَ دَأْمَ بَنَةً" – Mansour Group («Вы в надежных руках»). Этот арабский слоган использует выражение "أَنْ تُفَيِّبَ دَأْمَ بَنَةً" («надежные руки») для фактического выражения идеи безопасности. Этим вызывается предположение, что компания предоставляет надежную продукцию. Фактически мы видим, как один иллокуттивный акт (уверенность в безопасности) заменяет другой (прямое выражение заботы).

■ «Мы заботимся о вашем здоровье» – «Green». Слоган является примером иллокуттивной метонимики, поскольку использование фразы «Wecare» отражает более широкий иллокуттивный акт «обязательства» к действиям, способствующим здоровью, что предполагает иллокуттивный акт «обещания» или «уверенности». Кроме того, мы можем рассматривать слоган как обещание, отдающее приоритет здоровью и благополучию или обязательство предоставлять здоровые продукты и/или услуги. Следовательно, этот пример отражает иллокуттивную метонимию, нацеленную на утверждение, которое выражает обязательства за пределами их буквального значения.

(4) **Ситуативная метонимия** включает в себя запуск ситуации, которая позволяет вывести отношения между событиями [12]. Поэтому здесь понимание зависит от ситуативного фона больше, чем просто от буквальных значений. Приведем примеры.

■ Арабский рекламный слоган "من سـبـقـ يـاقـتـ كـلـمـ صـرـ" («Из Сивы, жизнь для всего Египта»). "سـبـقـ" («Сива»), оазис в Египте, представляет собой ситуативную метонимию. Культурное и историческое наследие четко отражено в использовании слова "سـبـقـ" («Сива»).

■ Английский слоган "Every Day is an Adventure" («Каждый день – приключение») также основан на ситуативной метонимии, поскольку он четко связывает повседневную жизнь с более широкой идеей приключения.

■ «Место, где рождается тепло и уют для Вашего дома» – «Витебские ковры». Слоган использует слова «тепло» и «уют» метонимически, чтобы представить чувства и/или переживания, связанные с уютной домашней атмосферой. Ковры не являются буквально «теплом» или «комфортом», но метонимически связаны с этими качествами». Таким образом, этот пример показывает, как такой элемент, как повседневный опыт, может выполнять метонимическую функцию.

(5) **Конвенциональная метонимия** означает метонимические выражения, которые наиболее известны и также используются в определенной культуре и/или языке; эти выражения прочно закрепились в повседневном языке и отражают общие ассоциации, которые разделяют говорящие. Кроме того, они фактически расширяют структуру культурных концепций и облегчают коммуникацию, поскольку позволяют говорящим быстро переносить значения через установленные отношения между

понятиями. Так, в предложении «Белый дом выступил с заявлением» сочетание «Белый дом» использовано в качестве конвенциональной метонимии для обозначения правительства США или его администрации [2]. Приведем примеры.

- В слогане "مَدِينَةُ الْأَخْلَاقِ يَارَات" («Город выбора») слово "مَدِينَة" («город») используется как метоним для места разнообразия. В широком смысле он предполагает, что Cairo Festival City предлагает широкий спектр возможностей для своих посетителей. Видно, что использование слова «город» реализует более широкую тему разнообразия.

- Английский слоган "Have a break! Have a Kit Kat" («Сделай перерыв! Поешь Кит-Кат») опирается на известное выражение "taking a break" («Сделай перерыв»), которое действительно известно в английском языке. Связь между этими двумя предложениями, как видно, имеет в своей основе стандартное метонимическое утверждение.

- «Всегда из свежего молока» («Савушкин продукт»). В этом слогане фраза «свежее молоко» используется метонимически для представления всего ассортимента молочных продуктов, производимых компанией «Савушкин продукт», что также иллюстрирует «традиционную метонимию», где один из элементов, а именно «молоко», обозначает конечные продукты (например, йогурт, сыр и т. д.).

(6) **Нетрадиционная метонимия** означает метонимические выражения, которые не очень хорошо известны в языке и/или культуре. Эти выражения имеют отличительные характеристики, в том числе (1) они зависят от прямого контекста; (2) их трудно понять без этого контекста; (3) они менее предсказуемы; и (4) они могут потребовать больше когнитивных усилий для интерпретации. Нетрадиционные метонимические выражения часто производятся и воспринимаются в режиме реального времени; это означает, что они могут быть созданы непосредственно во время разговора. Приведем примеры.

- Слоган "بِهِمْ لِكَالْ فُورَّالْ عَجَّ بِهِ" («Бахидж – прекрасный король фосфора») использует беспрецедентную связь с фосфором, химическим элементом, который обычно не ассоциируется с пищевыми брендами или личными именами. Это делает его нетрадиционной метонимией, потому что в отличие от традиционной метонимии, ассоциация не сразу ясна и требует контекста или фоновых знаний, чтобы понять предполагаемое значение.

- "Think Different" – Apple UK («Думай по-другому»). Этот слоган опирается на нетрадиционную метонимию посредством концентрации на понятии «другого» (different) с тем, чтобы передать обширное сообщение об идентичности бренда Apple.

- Слоган «мечту можно купить» является примером нетрадиционной метонимии, поскольку он использует абстрактное понятие «мечты» для осозаемых стремлений, связанных с продуктом: абстрактное понятие «мечта» преобразуется в конкретное действие – «покупку».

(7) **Синекдоха-метонимия** является литературным приемом, который использует часть чего-либо для представления целого или наоборот; этот термин имеет греческое происхождение и означает «одновременное понимание». Эта фигура речи используется для создания четких образов, для улучшения коммуникации путем замены части на целое или целого на часть. Приведем примеры.

- Слоган "لَلْ كُلُّ بَشَارَاتِ كُلِّ بَشَارَاتِ" («Все побеждают, все получают подарки») использует слово "كُل" («все») для представления всей группы участников, что является распространенным способом обозначения коллектива "كُلِّ" («целого»). Тем самым указывает на то, что речь идет о каждом человеке или группе лиц.

- "The Ultimate Driving Machine" – BMW («Идеальная машина для вождения»). В этом слогане слово "machine" («машина») используется для обозначения автомобиля как сущности. Таким образом, часть "machine" («машина») служит для обозначения всего транспортного средства в целом.

- Слоган «От скважины до АЗС» – Белоруснефть является хорошим примером, представляющим синекдоху-метонимию, поскольку он включает наименования частей для представления всей операции по добыче нефти. Как видно, оба термина выступают в качестве частей, представляющих всю деятельность компании.

(8) **Пространственная метонимия** известна как фундаментальная разновидность метонимии и основана на идее, что сущности связаны посредством пространственных отношений [8]. Она подразумевает использование части местоположения для представления целого или наоборот и основана на их пространственной смежности. Эта метонимия с точки зрения когнитивной лингвистики рассматривается как когнитивный процесс, в котором одна концептуальная сущность предоставляет ментальный доступ к другой внутри той же области.

Приведем примеры.

■ "مسندة قبلك منزلتك" – Sodic (2015) («Ваш дом, ваше будущее»). Слово «дом» здесь не просто физическое пространство, а символ предстоящих достижений и выражает идею безопасности.

■ "Your Journey Starts Here" – National Express («Ваше путешествие начинается здесь»). Этот слоган иллюстрирует установленное место "here" («здесь»), чтобы фактически прояснить начало поездки. Таким образом, слово "here" («здесь») используется, чтобы эффективно изобразить более широкое понятие путешествия.

■ Слоган «Дорога – она моя!...» – Белорусская железная дорога представляет собой пространственную метонимию, поскольку использует слово «дорога» для обозначения всей железнодорожной системы. Такое использование конкретного пространственного термина для обозначения более широкой транспортной сети хорошо согласуется с определением пространственной метонимии.

(9) Временная метонимия считается отдельной разновидностью более широкой категории метонимии, включающей также пространственные, причинные и другие типы метонимических отношений [13]. Дж. Пирсман указывает на использование здесь существительных со значением времени (например, «возраст», «период») для обозначения событий, связанных с этими временами [14] или использование настоящего времени для обозначения будущих событий [13].

Временная метонимия включает в себя два подразряда: (а) целое событие – например: «Он читает для получения первой степени». Чтение является подсобытием для всего события «быть студентом бакалавриата»; (б) тип предшествующей ситуации – обеспечение ситуации. Эта метонимия включает в себя переход от более ранней стадии к результату.

Приведем примеры.

■ Арабский слоган "بِ كُرْفَةٍ بِدَأْلَا نَهَارَدَة" («Завтра начинается сегодня») использует слово "نهاردة" («завтра») для иллюстрации будущего и слово "الآن" («сегодня») для обозначения настоящего момента. Это намекает на то, что действия, совершенные сегодня, могут повлиять на будущее.

■ В английском примере "Make Every Moment Count" («Сделайте каждый момент значимым») слово "moment" («момент») используется в качестве замены более широкого понятия времени. Кроме того, оно действительно связывает настоящее (моменты, проведенные в путешествии) со всем опытом путешествия.

■ «Время новых решений» – компания БелАЗ. В этом слогане слово «время» используется метонимически для обозначения определенного периода, в течение которого разрабатываются новые решения.

(10) Материальная метонимия. Материальная метонимия основывается на использовании наименований материалов для обозначения предметов, изготовленных из этих материалов [13].

Например, определение «серебряные изделия» относится к утвари, изготовленной из серебра или других металлов, а «дерево» может относиться к деревянным предметам, таким как мебель.

Согласно [13], материальная метонимия является одной из многих метонимических моделей, которые основаны на отношениях смежности. Исследователи отмечали, что эта модель переноса лежит в основе семантического расширения слов [15].

В 300 исследованных слоганах фактов материальной метонимии мы не зафиксировали.

Заключение

Метонимия является многомерным языковым и когнитивным явлением. Роль метонимии заключается в обозначении сложных взаимоотношений между сущностями в культурно-языковом пространстве. Метонимия также может повысить вовлеченность аудитории, если она учитывает культурные различия, а также содержится в ярких слоганах, привлекающих целевых потребителей. Результаты исследования рекламных слоганов трех стран – Беларусь, Египта и Великобритания – показывают, что метонимия способна ясно передавать сложные идеи. Проведенный анализ также выявил, что метонимия может сделать рекламные слоганы более эффективными. Результаты исследования показывают, что правильное использование метонимии может привести к созданию легко запоминающихся для потребителей слоганов, что существенно влияет на их потребительское поведение.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Merina, Y. Metonymy: A Way of Conveying Information / Y. Merina, H. Sevrika // Proceedings of the Sixth International Conference on English Language and Teaching (ICOELT-6). – 2018. – Literacy and Competency in EFL Learning in the 21st Century. – P. 140–148.

2. Slabakova, R. Regular and Novel Metonymy: Can You Curl up with a Good Agatha Christie in Your Second Language? / R. Slabakova, J. CabrelliAmaro, S. K. Kang // Applied Linguistics. – 2016. – Vol. 37, № 2. – P. 175–197.
3. Barcelona, A. Metonymy / A. Barcelona // Cognitive Linguistics - Foundations of Language / Ed. by E. Dąbrowska, D. Divjak. – Berlin, Boston : De Gruyter Mouton, 2019. – P. 167–194.
4. Sun, J. On the Application of Metonymy in Advertising / J. Sun, Y. Lin // Studies in Linguistics and Literature. – 2019. – Vol. 3, № 2. – P. 127.
5. Sobrino, P. P. Multimodal Metaphor and Metonymy in Advertising / P. P. Sobrino // Figurative Thinking and Language. – Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2017. – 232 p.
6. Littlemore, J. Metonymy and Text Messaging: A Framework for Understanding Creative Uses of Metonymy / J. Littlemore, C. Tagg // Applied Linguistics. – 2018. – Vol. 39, № 4. – P. 481–507.
7. Villacañas, B. Pictorial Metonymy as a Source of Creativity in the Advertising Campaigns of Purificación García / B. Villacañas, M. White // Metaphor and the Social World. – 2013. – Vol. 3, № 2. – P. 220–239.
8. Lakoff, G. Metaphors We Live By / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago : University of Chicago Press, 1980. – 242 p.
9. Warren, B. Referential Metonymy / B. Warren. – Stockholm, Sweden : Almqvist & Wiksell International, 2006. – 95 p.
10. Panther, K. Metonymy and Pragmatic Inference / K. Panther, L. Thornburg // Pragmatics & Beyond. New Series. – 2003. – P. 127–147.
11. Gibbs, R. W. Intentions in the Experience of Meaning / R. W. Gibbs. – Cambridge : Cambridge University Press, 1999. – 344 p.
12. Ruiz de Mendoza Ibáñez, F. J. Metonymy, Grammar, and Communication / F. J. Ruiz de Mendoza Ibáñez, J. L. Otal Campo. – Albacete : Editorial Comares, 2002. – 167 p.
13. Piersman, J. Metonymy as a Prototypical Category / J. Piersman, D. Geeraerts // Cognitive Linguistics. – 2006. – Vol. 17, № 3. – P. 269–316.
14. Udinskaya, A. G. Metonymic Transfers in English, Russian, and Turkish / A. G. Udinskaya // International Research Journal. – 2015. – № 2-2 (33). – P. 57–58.
15. Murphy, M. L. Lexical Meaning / M. L. Murphy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 314 p.

Поступила в редакцию 28.03.2025

E-mail: tonyolga2019@gmail.com

A. S. Mounir

METONYMY IN ADVERTISING SLOGANS OF BELARUS, EGYPT AND GREAT BRITAIN

The article analyses different types of metonymy and identifies its functions as a linguistic tool in digital advertising slogans representing three different languages and cultures. The significance of studying metonymy in relation to different languages reveals itself in deepening understanding of how different cultures utilize advertising strategies. For conducting this research, the author used digital advertising materials from three countries (Belarus, Egypt, and Great Britain). The novelty of this research lies in its exploration of several cognitive linguistics concepts and its emphasis on enhancing marketing communication practices.

Keywords: metonymy, referential metonymy, non-traditional metonymy, conventional metonymy.

УДК 811.111

Е. В. Пискун

Аспирант кафедры теоретического и славянского языкознания,
Белорусский государственный университет, г. Минск, Республика Беларусь
Научный руководитель: Бобко Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент

КОНФРONTАЦИОННЫЕ ТАКТИКИ В КОНФЛІКТНЫХ ІНТЕРНЕТ-ДИСКУССІЯХ (НА АНГЛІЙСЬКОМ ЯЗЫКЕ)

В статье анализируются конфронтационные тактики, используемые в конфликтных интернет-дискуссиях на английском языке. В интернет-комментариях были выявлены часто используемые коммуникантами конфронтационные тактики: обвинение, констатация некомпетентности противника, анализ-минус, насмешка, негативная оценка, упрек; описаны их ключевые характеристики, а также вербальные средства их реализации.

Ключевые слова: коммуникация, речевая тактика, стратегия конфронтации, речевой конфликт, интернет-комментарий.

Введение

Сегодня интернет-коммуникация занимает особое место среди других сфер общения. Специфика интернет-коммуникации обеспечивает свободу коммуникативных действий, выражющуюся в выборе соответствующей лексики, коммуникативных ролей, графических средств и т. д.

Целью интернет-коммуникации является не только получение и обмен информацией, но и целенаправленное воздействие на аудиторию в процессе выражения мнения, позиции, комментирования какого-либо события, что нередко приводит к появлению конфликтов. Сам процесс коммуникативного конфликта в сети определяется его основными компонентами: коммуниканты, использующие определенные коммуникативные стратегии и тактики; их речевые действия и результат общения [1, с. 825].

Интернет-коммуникацию, а именно реализующиеся в ней коммуникативные стратегии и тактики, рассматривают многие лингвисты [2–6], которые понимают коммуникативную стратегию как «комплекс речевых действий, которые направлены на достижение определенных целей, связанных с человеческой деятельностью, т. к. взаимосвязаны с мотивами, управляющими речевыми особенностями поведения, и с потребностями и желаниями личности» [6, с. 57]. Коммуникативная стратегия реализуется в речи посредством коммуникативных тактик, являющихся совокупностью речевых действий, выполняемых коммуникантами в той или иной последовательности, которые реализуют / не реализуют коммуникативную стратегию и подчиняются / не подчиняются тем или иным правилам. Если коммуникативные стратегии намечают общее развитие диалога, то тактики осуществляют реализацию данной стратегии на каждом этапе развития ситуации общения [7, с. 11–12]. Стоит отметить, что набор тактик динамичен, т. к. он может изменяться в процессе общения при изменении цели говорящего и его коммуникативной стратегии. Одна и та же тактика может использоваться в рамках разных стратегий, например, тактика молчания может использоваться и в нейтральной линии поведения при нежелании общаться с партнером во избежание конфликта; в кооперативной линии для выражения согласия; а также в конфронтационной линии речевого поведения для нагнетания ожидания, привлечения внимания к последующим репликам [7, с. 15].

По мнению Н. Н. Кирилловой, традиционным является разделение стратегий на кооперативные и некооперативные (конфронтационные). Однако она также отмечает, что использование наименований «некооперативные» и «конфронтационные» в качестве синонимов не является целесообразным, «учитывая присущий лексеме «конфронтационный» компонент значения конфликтности»; а некооперативность, в свою очередь, воспринимается как нарушение принципа кооперации, предложенного П. Грайсом, и принципа вежливости Дж. Лича [8, с. 28].

В нашем исследовании мы отдаём предпочтение терминам «конфронтационные стратегии» и «конфронтационные тактики», которые характеризуются проявлением открытой речевой агрессии, а также сопряжены с нарушением принципов, лежащих в основе успешного коммуникативного сотрудничества.

Целью статьи является анализ тактик, использованных в рамках конфронтационных стратегий в конфликтных англоязычных интернет-комментариях. В конфликтологических исследованиях [9–14] отмечается, что в рамках конфликтной коммуникации наиболее часто используются следующие конфронтационные стратегии: дискредитация, подчинение, агрессия, принуждение, захват инициативы, реализация которых происходит за счет следующих тактик: 1) обвинения, 2) констатации некомпетентности противника, 3) анализа-минуса, 4) насмешки, 5) негативной оценки, 6) упрека и др. Необходимо отметить, что в процессе конфликтной коммуникации могут использоваться сразу несколько тактик.

Методы и методология исследования

Путем сплошной выборки для статьи было отобрано 187 интернет-дискуссий, затрагивающих конфликтное обсуждение актуальных событий в общественной и повседневной жизни.

Результаты исследования и их обсуждение

Пример 1. Корневой пост отражает одну из наиболее интересных тем для обсуждения – тему чужих денег. Само корневое сообщение не является конфликтным, однако его тема является триггером для развития конфликта в комментариях под постом. Корневое сообщение: “*My wife is giving away our children's £100,000 inheritance to romance scammers... and there's nothing I can do to stop her*”¹ ‘Моя жена отдает наследство наших детей в 100 000 фунтов мошенникам... и я ничего не могу сделать, чтобы остановить ее’.

Так, в примере 1 продемонстрировано использование следующих тактик:

1) тактика насмешки: используется для достижения личных целей в условиях конфронтации при помощи агрессивного, враждебного и угрожающего коммуникативного поведения; зачастую является более жесткой формой оскорблений и позволяет уязвить оппонента, повергнуть в состояние душевного дискомфорта [10, с. 40];

2) тактика негативной оценки: выражение отрицательной оценочности путем обвинения или критики, которая вызывает конфронтационный ответ других сторон, что приводит к коммуникативному конфликту [11, с. 34];

3) тактика анализ-минус: основанное на фактах рассмотрение ситуации, ее анализ, предполагающий выражение отрицательного отношения к описываемому, а также к людям, их действиям и поступкам [9, с. 174].

Комментарии к посту (орфография и пунктуация сохранены, перевод выполнен автором статьи):

(1) *K_Avon: There's no fool like an old fool* 'Нет большего дурака, чем старый дурак'

(2) *LPVW21: WOW! Unbelievable! Chuck her out and change the locks! I'd have divorced her by now. She has no respect for her husband and family!* 'Bay! Невероятно! Выставь ее за дверь и смени замки! Я бы развелся с ней сразу же. Она не вызывает уважения ни у мужа, ни у ее семьи!'

(3) *tacho1: Where the hell are these so called "cyber crime" experts??* 'Где, черт возьми, так называемые "эксперты в кибермошенничестве"??'

(4) *SoaperDooper5: Yep. It's her money. She can do what she wants with it. Kids aren't owed an inheritance from their parents.* 'Да. Это ее деньги. Она может делать с ним все, что хочет. Дети не обязаны получать наследство от своих родителей.'

(5) *LAH: Isn't it their money?* 'Разве это не их деньги?'

Just a working mum: It isn't "her" money! It's "their" money! 'Это не "ее" деньги! Это "их" деньги!'

(6) *Dutch - Anna: Not yet only after death!* 'Пока еще нет, только после ее смерти!'

(7) *Gretagarbo: Oh, come on, Its her money not your childrens money.* 'О, да ладно, это ее деньги, а не деньги детей'.

(8) *Rugbeian, I am British: It's THEIR money!* 'Это ИХ деньги!'

(9) *Vic: really? Its her money, it's not a guaranteed inheritance.* 'правда? Это ее деньги, наследство не гарантированно'.

(10) *Tiddlesmcduck: Their money. Their kids.* 'Их деньги. Их дети'.

¹ Ссылка на корневой пост: https://www.thisismoney.co.uk/money/beatthescammers/article-13079327/My-wife-giving-away-childrens-100-000-inheritance-romance-scammers-theres-stop-her.html?ico=mo_desktop_home-newtab&moReferrerUrl=https%3A%2F%2Fwww.dailymail.co.uk%2Fhome%2Findex.html.

При анализе комментариев можно выделить основную тему, приводящую к развитию противоречий (а далее – к конфликту): кому принадлежат деньги. Развитие конфликта происходит в дальнейшей цепочке комментариев (5–9), в которой мы видим противопоставление позиций говорящих, реализующееся с помощью местоимений *she / they* и их форм: *It isn't "her" money! It's "their" money!* ‘Это не “ее” деньги, это “их” деньги! – Not yet only after death! ‘Пока еще нет, только после ее смерти! – Its **her** money not **your** childrens money. ‘Это ее деньги, а не детей’ – It's **THEIR** money! ‘Это ИХ деньги! – Its **her** money, it's not a guaranteed inheritance. ‘Это ее деньги, наследство не гарантировано’.

Использование в одной из реплик логической эмфазы, выраженной графически (*THEIR* – ‘их’), а также обилие вопросительных и восклицательных предложений свидетельствует о повышении накала дискуссии. Некоторые коммуниканты использовали иронию для осуществления **тактики насмешки** (1, 3): *There's no fool like an old fool 'Нет большего дурака, чем старый дурак', Where the hell are these so called "cyber crime" experts?? 'Где, черт возьми, так называемые “эксперты в кибермошенничестве”??'* (возможно, использование кавычек во фразе “*cyber crime*” ‘кибермошенничество’ свидетельствует о недоверию и субъективному отношении языковой личности к данному понятию), встречалась **тактика негативной оценки**, которая использовалась в отношении женщины с целью критики ее действий (2): *I'd have divorced her by now. She has no respect for her husband and family! 'Я бы развелся с ней сразу же. Она не вызывает уважения ни у мужа, ни у ее семьи!',* а также наблюдалось использование **тактики анализ-минус** (5), целью использования которой являлось выражение отрицательного отношения как к самой ситуации с деньгами, так и к женщине в целом.

Завершается конфликт подытоживающей фразой *Their money. Their kids. 'Их деньги. Их дети'*, которая разрешает спор о том, кому принадлежат деньги. Говорящий апеллирует к неприкосненности частной жизни, чтобы закончить разговор. Использование простых коротких предложений также указывает на то, что коммуникант не хочет продолжать беседу.

Пример 2. Корневой пост: “*Last week I had the opportunity to go visit the Department of Justice in Washington DC to meet with our United States pardon attorney Elizabeth Oyer. We talked about some of the many men and women who have taken accountability for their crimes, worked hard to turn their lives around, and are ready to come home from our prisons and be with their families. Starting this week, I will be highlighting some of their important cases on my stories...²*” ‘На прошлой неделе у меня была возможность посетить Министерство юстиции в Вашингтоне, округ Колумбия, чтобы встретиться с нашим американским адвокатом по вопросам помилования Элизабет Ойер. Мы говорили о некоторых из многих мужчин и женщин, которые взяли на себя ответственность за свои преступления, упорно трудились, чтобы изменить свою жизнь, и готовы вернуться домой из наших тюрем и быть со своими семьями. Начиная с этой недели, я буду освещать некоторые из их важных дел в своих историях...’

В примере 2 продемонстрировано использование следующих тактик: 1) упрека: демонстрация критического отношения к поступкам и речевым действиям коммуниканта; пользователь, использующий данную тактику, считает себя вправе предъявлять претензии, ставя себя выше других [10, с. 40]; 2) обвинения: намеренное выражение негативного отношения к сопернику, принижение его образа [12, с. 169]; 3) некомпетентности противника: провозглашение собственной правоты, сопровождающейся отрицательной оценкой личности оппонента и его действий [13, с. 11], 4) насмешки.

Комментарии:

(1) marichuz3003: *At some point the kissy faces and duck lips etc has got to come to an end... definitely not appropriate when meeting government officials.* □□♀□ ‘В какой-то момент поцелуй и утиные губы и т. д. должны закончиться... определенно неуместно при встрече с государственными служащими.’ □□♀□’

(2) marichuz3003@warsoldierm: *I don't understand why she keeps doing that! she's a grown up in a serious place* ‘Я не понимаю, почему она продолжает это делать! она взрослая и находится в серьезном месте’

(3) argentinachika_10@warsoldierm: *And the dress with the fur* □ ‘И одежда из меха’ □

(4) warsoldierm @marichuz3003: *exactly! Anything to stay relevant I guess but I think a lot of people have grown tired of their shenanigans.* ‘точно! Все, что угодно, чтобы оставаться актуальной, я предполагаю, но я думаю, что многие люди устали от ее проделок’.

²Ссылка на корневой пост: https://www.instagram.com/p/C_JBPMWvHAt/?img_index=1.

(5) *kellyshanejam @warsoldierm: she's doing good things. We literally don't care if she's doing duck lips you know how many people are looking appropriate while doing NOTHING??? Learn to measure things according to their importance.* ‘она делает хорошие вещи. Нам должно быть все равно, что она делает утиные губы вы знаете, сколько людей выглядят уместно, НИЧЕГО не делая??? Научитесь оценивать вещи по степени их важности’.

(6) *marichuz3003@kellyshanejam: but it's not that hard to do both* ‘но не так уж и сложно сделать и то, и другое’

(7) *parlosix8@warsoldierm: I thought she looked ok* ‘Я думал, что она выглядит нормально’

(8) *sdreyerhansen@kellyshanejam: just remember she is only doing things to give herself credit. None of them would do things if it didn't give them credit* ‘просто помни, что она делает только то, что приносит ей пользу. Никто из них не стал бы делать что-то, если бы это не приносило им выгоды.’

(9) *kellyshanejam@sdreyerhansen: who gives a damn. She's doing work. You think Cyntoia Brown³ gave a damn about why she's free? wake up Hansen. Real life is happening out here* ‘та, которой плевать. Она делает свою работу. Ты думаешь, Синтонии Браун было плевать на то, что ее выпускают (из тюрьмы)? проснись, Хансен. Здесь происходит настоящая жизнь’.

(10) *almondeyez80@warsoldierm: Says who ? You? A nobody... you don't even exist in her world LOL joke* ‘Кто это сказал? Ты? Никто... тебя даже не существует в ее мире, шутка LOL’

(11) *maiaiaww@marichuz3003: she can do what she wants hope that helps* ‘Она делает все, что захочет, надеясь, это поможет’

В примере представлены комментарии к корневому посту известного американского блогера, в котором она рассказала о результатах встречи с адвокатом. Корневой пост (так же, как и в примере 1) не является конфликтным. Сам конфликт развился между пользователями, поддерживающими блогера в ее деятельности, и пользователями, осуждающими ее. Триггером к зарождению конфликта послужила фотография, сопровождающая корневой пост, на котором блогер позирует, изображая (по мнению комментаторов) «губы уточкой», что и спровоцировало дальнейшую цепочку негативных комментариев.

На стадии начала конфликта (комментарии 1, 2) пользователи используют **тактику упрека**, с помощью которой они упрекают блогера в употреблении *duck lips* («губы уточкой»), считая это неуместным при нахождении в государственном учреждении: *kissy faces and duck lips has got to come to an end ... 'поцелуй и утиные губы должны закончиться ...'*. Употребление в комментариях таких фраз, как *definitely not appropriate* ‘определенно неуместно’, *why she keeps doing that!* ‘почему она продолжает это делать!’, является результатом повышения степени эмоциональности дискуссии, что провоцирует дальнейшее развитие конфликта.

В комментарии (3) вдобавок к тактике упрека коммуникант использует **тактику обвинения**: *And the dress with the fur 'И одежда из меха'*. Так, пользователь, сменив тему дискуссии, обвинил блогера в том, что ее одежда из меха. Союз *and* и *'u'* в данном комментарии служит соединительным звеном с предыдущим комментарием; целью использования этого союза являлось намерение коммуниканта добавить еще одну причину, из-за которой можно было бы осудить и/или обвинить блогера. Стоит отметить, что смена самой темы общения могла послужить причиной развития иной линии конфликта, однако этого не произошло, т. к. скорее всего, пользователи больше заинтересованы в обсуждении личности блогера, чем внешнего вида.

Развитие конфликта происходит в последующей цепочке комментариев (4–10), в которых наблюдается очередное использование тактики упрека. Данная тактика используется: 1) как коммуникантами, поддерживающими блогера: *We literally don't care if she's doing duck lips you know how many people are looking appropriate while doing NOTHING??? Learn to measure things according to their importance* ‘Нам должно быть все равно, что она делает утиные губы вы знаете, сколько людей выглядят уместно, НИЧЕГО (выделение CapsLock не только демонстрирует эмоциональность, но и подчеркивает сам упрек, акцентируя внимание на том, что кто-то ничего не делает, а кто-то делает много и неважно, как он при этом выглядит) не делая??? Научитесь оценивать вещи по степени их важности’; 2) так и выступающими против нее: *people have grown tired of their shenanigans 'люди устали от ее проделок'*, *she is only doing things to give herself credit* ‘она делает только то, что

³ Американская писательница и оратор, которая была осуждена за ограбление и убийство человека.

принесут ей пользу' и др. Реализация тактики упрека в комментариях (4–10) также осуществлялась с помощью глаголов речемыслительной деятельности: *think* 'думать', *guess* 'предполагать', *don't understand* 'не понимать', *don't care* 'не волнует (все равно)', *remember* 'помнить'.

Комментарии (9–10) характеризуются использованием коммуникантами **тактики констатации некомпетентности противника**, целью которой является принижение личности путем использования прямого обращения: *wake up Hansen* 'очнись, Хансен', а также использованием фразы: *Real life is happening out here* 'Здесь происходит настоящая жизнь', указывающей на то, что пользователь *Hansen* не понимает того, что происходит в жизни. Комментарий (10) также ярко демонстрирует наличие тактики некомпетентности противника. Принижение личности коммуниканта происходит с помощью использования отрицательно-обобщающих местоимений: *who* 'кто', *nobody* 'никто'; личного местоимения *you?* 'ты?', а также использовании иронии: *you don't even exist in her world...* 'тебя даже не существует в ее мире...'.

Заключение

Таким образом, анализ конфликтных интернет-комментариев в примерах 1 и 2 продемонстрировал использование таких наиболее распространенных тактик, как обвинение, негативная оценка, констатация некомпетентности противника, упрек, анализ-минус и насмешка. Среди проанализированных конфликтных интернет-дискуссий (187) чаще всего встречались следующие тактики: обвинение (27,7 %), упрек (24,4 %), насмешка (17,2 %), реже – негативная оценка (13,5 %), констатация некомпетентности противника (10 %), анализ-минус (7,2 %). Поэтому можно прийти к выводу о том, что выбор тактик зависит от личности коммуниканта, его коммуникативных целей и намерений.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Пушнина, М. П. Коммуникативный конфликт в жанре интернет-комментария / М. П. Пушнина // Вестник Удмуртского университета. Серия: История и филология. – 2018. – Т. 28, вып. 5. – С. 824–831.
2. Галичкина, Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Галичкина Елена Николаевна ; Астрахан. гос. пед. ун-т. – Астрахань, 2001. – 40 с.
3. Ахренова, Н. А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Ахренова Наталья Александровна ; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2009. – 35 с.
4. Russian English: History, Functions, and Features / Z. G. Proshina, E. V. Beloglazova, V. V. Kabakchi [et al.]. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – 328 р.
5. Кислов, А. В. Влияние Интернета на современный китайский язык / А. В. Кислов, Е. Н. Колпачкова // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. – 2017. – Вып. № 1. – С. 72–86.
6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – 7-е изд., стер. – М. : КомКнига, 2015. – 289 с.
7. Гулакова, И. И. Коммуникативные стратегии и тактики речевого поведения в конфликтной ситуации общения : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Гулакова Ирина Ивановна ; Орл. гос. ун-т. – Орел, 2004. – 20 с.
8. Кириллова, Н. Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник Нижегородского государственного технического университета им. Р. Е. Алексеева. Серия: Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии. – 2012. – № 1. – С. 26–33.
9. Крендлева, А. Н. Стратегия дискредитации как способ реализации речевой агрессии в интервью региональных политиков / А. Н. Крендлева // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2012. – № 2 (18). – С. 173–177.
10. Орлова, Т. А. Деструктивные тактики общения в конфликтном англоязычном дискурсе / Т. А. Орлова // Коммуникация в современном поликультурном мире: массовая коммуникация и языковая личность : сб. науч. тр. / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики» ; отв. ред. Т. А. Барановская. – М., 2017. – Вып. 5. – С. 35–41
11. Ван Юе. Коммуникативная тактика эвфемизации и смягчения негативной оценки в интернет-комментариях / Ван Юе // Гуманитарные технологии в современном мире : сб. ст.

Х Междунар. науч.-практ. конф., посвященной памяти проф. О. Я. Гойхмана, Калининград, 19–22 мая 2022 г. / Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина ; сост.: Л. М. Гончарова, Т. В. Нестерова, Э. А. Китанина. – Калининград, 2022. – С. 34–37.

12. Сорокина, А. А. Роль фразеологизмов в реализации тактик скрытого воздействия в американском предвыборном дискурсе / А. А. Сорокина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкоznание. – 2013. – № 2 (18). – С. 168–172.

13. Калякин, А. В. Стратагемно-тактические способы реализации речевой агрессии в политическом дискурсе (на материале немецкого языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Калякин Александр Вячеславович. – Волгоград, 2010. – 20 с.

Поступила в редакцию 20.12.2024

E-mail: katya.stasuykevich@yandex.by

K. V. Piskun

CONFRONTATIONAL TACTICS IN CONFLICT-RIDDEN ONLINE DISCUSSIONS (IN ENGLISH)

The article analyzes confrontational tactics used in conflict-ridden online discussions in English. In online comments, confrontational tactics frequently used by communicators have been identified. These include accusations, denigrating the opponent's abilities, negative analysis, mockery, disparaging remarks, and reproach. Their key distinctive features have been described, as well as verbal communication techniques through which they are manifest.

Keywords: communication, speech tactics, confrontation strategy, speech conflict, Internet commentary.

УДК 811.111'373.211.5(1-21)

М. М. Прищепа

Преподаватель кафедры германской филологии, УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

ФАУНИСТИЧЕСКИЕ НАЗВАНИЯ В УРБАНОНИМАХ ЮГО-ЗАПАДНОЙ АНГЛИИ

В статье рассматриваются наименования внутригородских линейных объектов Юго-Западной Англии, мотивированные названиями животного мира. Фаунистические наименования в годонимиконе этого региона менее частотны (3,0 %), чем фитогодонимы (10,2 %). Фауногодонимы получили наименования от 38 видовых названий животных (преимущественно млекопитающих и птиц). Список наиболее популярных животных включает следующие виды: зарянка, лебедь, лиса, петух, буревестник, заяц, кряква, медведь. Названия улиц исследуемых английских городов содержат, кроме лингвистических, сведения о мировоззрении и культуре людей, населяющих их.

Ключевые слова: топоним, урбаноним, фауногодоним, Юго-Западная Англия.

Введение

Урбанонимические исследования в ономастике в настоящее время получили широкое развитие. Тем не менее некоторые типы урбанонимов изучены недостаточно. Это относится и к названиям внутригородских линейных объектов, мотивированных названиями животного мира. Установлено, что информация, которая заложена в названиях внутригородских линейных объектов, отличается национально-культурной спецификой. Это объясняется тем, что имена собственные отражают менталитет, характерный для каждой культуры [1–3]. Поэтому и фаунистические урбанонимы, распространенные у многих славянских народов, представляют большой интерес для исследователя-ономаста. Они дали возможность определить общие закономерности и отличительные особенности в урбанонимных системах болгар, белорусов и поляков [4]. В настоящее время ономастом А. М. Мезенко проведены сравнительные ономастические исследования, в которых определены место и роль названий животных как трансляторов культуры в урбанонимиках различных городов и стран.

Предметом исследования стали фауногодонимы еще двух областных центров Беларуси – Бреста и Гродно. В Бресте зафиксированы пять фаунистических урбанонимов (от видовых названий птиц) [3]. В результате сравнительно-сопоставительного анализа урбанонимов, в том числе и фауногодонимов, городов Гродно (Беларусь) и Термез (Узбекистан) Т. Н. Одинаев приходит к выводу, что в Гродно к номинативным единицам данного типа относится 6 годонимов, что составляет 6,4 % от общего числа. Они мотивированы наименованиями птиц, млекопитающих и насекомых. В Термезе единственный фауногодоним представлен названием птицы [2].

В Российской Федерации зафиксировано 3500 улиц с фаунистическими названиями [5]. Чаще всего встречаются урбанонимы, которые образованы от видовых наименований таких птиц, как лебеди, соловьи и орлы. Из млекопитающих наиболее часто в названиях улиц встречается медведь. Имеют место также годонимы, которые образованы от названий насекомых (5 %) и рыб (10 %). Реже всего в наименованиях улиц встречаются паукообразные.

Цель данной статьи – выявить особенности функционирования наименований улиц, соотносимых с названиями животного мира, в годонимиконе Юго-Западной Англии.

Методы и методология исследования

Источником материала исследования послужили списки названий улиц 8 городов Юго-Западной Англии (всего 1788 годонимов): Бристоль, Борнмут, Глостер, Плимут, Суиндон, Торки, Челтнем, Эксетер. Списки годонимов получены методом сплошной выборки из топонимических энциклопедий, топонимических словарей, топографических карт и интернет-ресурсов. Последние представлены в открытом доступе на официальном сайте Geographic.org/streetview [6].

Методологический инструментарий настоящего исследования включает качественно-количественный анализ лексических единиц, систематизацию и инвентаризацию онимного материала, структурный анализ и семантическое описание, сравнение.

Результаты исследования и их обсуждение

В нашей статье рассматриваются внутригородские линейные объекты Юго-Западной Англии, мотивированные названиями животного мира. Они представлены 53 единицами, что составляет 3,0 % от общего количества годонимов (таблица 1). Сопоставление имеющихся в нашем распоряжении данных показало, что фаунистические наименования в годонимиконе менее частотны, чем фитогодонимы (10,2 %) [7].

Таблица 1 – Количество фито- и фауногодонимов в городах Юго-Западной Англии

Виды годонимов	Борнмут (%)	Бристоль (%)	Глостер (%)	Плимут (%)	Суиндон (%)	Торки (%)	Челтнем (%)	Эксетер (%)	Всего (%)
Фитогодонимы	5 (3,6)	39 (9,1)	4 (3,4)	38 (18,8)	6 (3,9)	28 (7,9)	22 (15,0)	40 (16,1)	182 (10,2)
Фауногодонимы	3 (2,2)	8 (1,9)	13 (11,1)	6 (3,0)	1 (0,6)	15 (4,2)	3 (2,1)	4 (1,6)	53 (3,0)
Всего фауно- и фитогодонимов	8 (5,8)	47 (11,0)	17 (14,5)	44 (21,8)	7 (4,5)	43 (12,1)	25 (17,1)	44 (17,7)	235 (13,2)
Всего годонимов	138	427	117	202	155	354	146	249	1788

Как свидетельствует анализ таблицы, количество фауногодонимов в городах Юго-Западной Англии различно. В Глостере (13 единиц) и Торки (15 единиц) зафиксировано максимальное число годонимов фаунистического направления. Глостер является самым древним городом региона (1900 лет) [8]. Общеизвестно, что фито-фаунистические названия улиц были наиболее распространены в начальные периоды развития городов – в XIV–XVII вв.: *Bearland* (1301 г.), *Hare Lane* (1301 г.), *Sheep Lane* (1350 г.), *Fish Street* (1395 г.), *Dog Lane* (1455 г.) [7]. Торки, кроме того, является самым крупным морским курортом этого региона и славится хорошей экологией, богатым растительным и животным миром. Минимальное количество фаунистических названий внутригородских линейных объектов отмечено в Суиндоне и Борнмуте, городах молодых (около 200 лет) и развивающихся как промышленный и курортный центры.

Проприальная часть фауногодонимов, в отличие от фитогодонимов, сопровождают всего 10 географических терминов: *Lane* – 14 единиц (26,4 %), *Close* – 11 единиц (20,8 %), *Road* – 10 единиц (18,9 %), *Drive* – 7 единицы (13,1 %), *Garden* – 3 единицы (5,7 %), *Way* – 3 единицы (5,7 %), *Street* – 2 единицы (3,7 %), *Avenue* – 1 единица (1,9 %), *Trail* – 1 единица (1,9 %) и *Meadow* – 1 единица (1,9 %).

Структура фауногодонимов следующая: однословные (2 единицы, 3,8 %) – *Bearland*, *Deerswood*; двухсловные (44 единицы, 83,0 %) – *Dog Lane*, *Dolphin Lane*, *Dovey Court*; многословные (7 единиц, 13,2 %). Среди последних один годоним представлен словосочетанием «существительное + числительное» – *Three Cocks Lane*, 6 единиц содержат словосочетание «существительное + прилагательное» – *White Swan Lane*, *Blue Falcon Road*, *Lower Cock Road*.

Фауногодонимы получили наименования от 38 видовых названий животных: 16 улиц от 12 видов млекопитающих – *Bull Lane*, *Sheep Lane*, *Dolphin Lane*; 33 улицы от 22 видов птиц – *Condor Drive*, *Cormorant Close*, *Curlew Close*; 1 улица от рыб – *Fish Street*; 1 улица от многообразных – *Lamprey Road*; 1 улица от насекомых – *Locust Avenue*; 1 улица от паукообразных – *Pauk Close*.

Анализ годонимов, в основу которых положены видовые названия животных, показал следующее. Наиболее часто при образовании названий внутригородских линейных объектов встречаются наименования птиц. Во всех рассмотренных урбанизмиконах на их долю приходится 62,3 % (33 единицы) всех названий. Большинство видов птиц, наименования которых использованы в качестве базы для годонимов, являются дикими видами и обитают на территории Англии. Например, *Eagle Road* – Орлиная улица, *Mallard Close* – тупик Кряквы, *Robin Lane* – переулок Зарянки. Только одна птица относится к одомашненным – *petyuk* (*Cock Road* – Петушиная улица), который для англичан всегда был олицетворением воинской храбрости и религиозного воодушевления.

На втором месте после птиц в рейтинге следуют млекопитающие (16 единиц, 30,2 %). Из них наиболее популярные животные: заяц (*Hare Lane* – Заячий переулок), лиса (*Fox Trail* – Лисья тропа), медведь (*Bear Lane* – Медвежий переулок). К названиям млекопитающих, которые используются в годонимах хотя бы один раз, относятся олень (*Deer wood* – Оленья деревня), дельфин (*Dolphin Lane* – Дельфиний переулок), выдра (*Dolphin Lane* – переулок Выдры) и др.

При анализе рассматриваемого перечня можно отметить, что видовые названия диких животных (7 единиц) в годонимах встречаются чаще одомашненных видов (5 единиц). Самыми частотными одомашненными животными являются бык (Джон Булль, «Джон Бык» – собирательный

образ типичного англичанина), *лошадь* (коњъ-единорог – герб Великобритании), *овца* (символ «кротости, дружелюбия и терпения»), *собака* (самое популярное домашнее животное, их число составляет 13 млн – 34 % домов в Великобритании), *кролик* (символ Пасхи).

На третьей позиции рейтинга расположились *рыбы*, *насекомые*, *паукообразные*, *миноги* (по одной единице каждый – 1,9 %), которые значимы в жизни человека, и названия их превратились в производящие основы для годонимов.

Из общего числа рассмотренных единиц 35 видов (92,1 %), названия которых легли в основу фауногодонимов, обитают на территории Англии, и только три не встречаются в этом регионе: *дельфин* (*Dolphin Lane* – Дельфиний переулок), *павлин* (*Peacocks Lane* – переулок Павлинов), *кондор* (*Condor Drive* – подъездная дорога Кондора).

Список наиболее распространенных в годонимах названий животных включает следующие виды: *зарянка* (*Robin Lane, Robyns Close*), *лебедь* (*Swan Street, Swan Gardens, White Swan Lane*), *петух* (*Lower Cock Road, Three Cocks Lane, Cock Road*), *альбатрос* (*Petrel Close, Shearwater Drive*), *кряква* (*Mallard Close, Mallard Close*), *медведь* (*Bear Lane, Bearland*), *лиса* (*Fox Road, Fox Trail, Foxhole Road*), *заяц* (*Little Hare Lane, Hare Lane, Warren Road*). При этом названия *заяц*, *кряква*, *лебедь*, *лиса*, *петух* встречаются в наименованиях трех улиц региона, а названия *альбатрос*, *зарянка*, *медведь* – в двух урбанонимах.

Зарянка, или *малиновка*, является национальной птицей Великобритании. С середины XIX века она – неизменный символ Рождества. Почтальоны ее величества королевы Виктории часто работали даже в Рождественский день. Они носили красную форму, за что получили прозвище «зарянки-красногрудки» (*Robin Redbreasts*). С тех пор и до наших дней популярный сюжет рождественских открыток – малиновка рядом с красным почтовым ящиком – символ почтальона, доставляющего традиционные открытки и подарки на Рождество в Британии [9].

Другой распространенной в названиях улиц птицей является *лебедь*. В Великобритании монархи считаются владельцами всех лебедей. Традиция появилась в XIII столетии. На пирах блюдо из этой птицы подавалось только королю. Поймать лебедя мог исключительно монарх или его доверенное лицо. В стране разработали систему специальных меток, которые наносились на клювы лебедей для определения хозяина птицы. Отсутствие метки означало, что лебедь принадлежит королевской семье. В XVIII веке перестали употреблять в пищу лебединое мясо и наносить метки на клюв птиц. В то же время традиция принадлежности лебедей монарху Великобритании сохранилась до наших дней [10].

Популярность *кряквы* в годонимах связана с традицией «Охота на крякву» в Оксфордском университете. В этом старейшем английском университете существует множество традиций, одной из которых является «охота на крякву». Охота является редким развлечением, так как проходит 14 января первого года столетия. Последний раз эта церемония проводилась в 2001 году. В 12 часов ночи студенты университета в мантлях и с горящими факелами в руках выходят из здания. Во главе процессии идет человек, несущий шест, на котором находится деревянная утка. За ним следует Лорд Кряква, сидящий на стуле, которого несут четыре человека. Остальные члены процессии поют Песнь Кряквы. В ней утка провозглашается доминирующей птицей над всеми другими, так как является символом All Souls College. В первый раз этот символ появился в 1438 году во время закладки фундамента колледжа. Из котлована неожиданно вылетела утка, строители бросили работу и стали ее ловить. Праздник «Охота на крякву» продолжается до утра, с песнями и обильным застольем [11].

Встречается в годонимах название *петуха*. Это связано с распространением до XIX века развлечения «cock throwing», название которого переводится как кидание в петуха, жестокой и кровавой забавы. Суть ее заключалась в следующем. В горшок сажали петуха и бросали в него палки, пока птица не умирала. Это происходило во время карнавала в Жирный вторник. Иногда петуха просто привязывали к бревну, а людям, которые бросали палки, для продления забавы завязывали глаза. В графстве Суссекс птицу привязывали бечевкой длиной в несколько метров, чтобы петух мог клюнуть обидчика. Если петушиные бои проводились среди аристократов, то кидание в петуха было забавой для крестьян и ремесленников. В 1660 году правительство Бристоля запретило подобное развлечение, что привело к бунту подмастерьев. Многие в то время считали, что петух олицетворял Францию, так как он является ее национальным символом. Франция на протяжении многих веков была недругом Англии. В период Просвещения подобная забава стала считаться средневековой варварской традицией и широко высмеивалась в прессе. В результате это развлечение потеряло свою популярность [12].

Происхождение идиомы “Albatross around his neck” = «альбатрос вокруг шеи» (английская идиома) – отягощающая вина. Образ происходит из «Поэмы о старом моряке» английского поэта Колриджа, занимающей важное место в истории поэзии. В поэме мореход застрелил альбатроса, который вывел судно из ледяной ловушки и дружил с командой. Этот поступок возмутил команду, и когда корабль попал в полный штиль, невезение сочли проклятием за гибель альбатроса и намотали убитого альбатроса на шею виновнику. Впоследствии наименование птицы часто использовалось в различных названиях [13].

Главным пасхальным фаунистическим символом в Великобритании стал кролик. В период пасхальных праздников он так же популярен, как Санта Клаус в Рождественскую ночь. Кролик является символом плодородия и олицетворяют собой древнюю католическую традицию, которая заключается в поклонении ему. Пасхальных съедобных кроликов и зайцев делают из мармелада и шоколада, выпекают из теста [14].

В названиях городских объектов часто упоминается такое животное, как *лиса* – естественная негеральдическая гербовая фигура, символ проницательности и прозорливости. Лиса является народным символом хитрости в ряде христианских стран. В Англии охота на лис в течение нескольких веков являлась самым распространенным видом развлечений аристократии. Эта английская традиция включает в себя красивые ритуалы, национальную одежду, участие гончих собак, лошадей и лисиц. Вместо последних в настоящее время применяют «искусственный след». Первая охота на лис, описанная в летописи, была проведена в Англии в 1534 году, в графстве Норфорк. Но уже начиная с XVII века, эта традиция, fox hunting, была утверждена на уровне закона и стала кодифицированной. В XIX веке Англия становится законодательницей мод в развлечениях и охота на лис переживает расцвет. Даже в настоящее время эта традиция широко распространена в Великобритании. Каждый год в охоте на лис принимают участие более миллиона англичан, и взрослых, и детей. В настоящее время лис достаточно много в городах. Лондонский фонд дикой природы утверждает, что лисы стали появляться в английских городах сразу после Первой мировой войны. Они пробрались сюда из сельской местности и быстро адаптировались. Сегодня в Лондоне живет около 10 000 лисиц – и их можно встретить даже в метро [15].

Достаточно популярен в Англии *медведь*. В геральдической символике медведь олицетворял хорошего семьянина, учителя, воспитателя, хранителя запасов, купца. Чаще всего этот символ характеризовал умение быть хозяином мира [16]. Для колониальной Великобритании это было актуальным, и поэтому животное являлось популярным у англичан.

Государственный символ Великобритании – *лев* – не нашел отражения в годонимии региона.

Заключение

Таким образом, фаунистические наименования в годонимиконе Юго-Западной Англии менее частотны (3 %), чем фитогодонимы (10,2 %). Фауногодонимы получили наименования от 38 видовых наименований представителей животного мира. Самыми многочисленными являются годонимы, мотивированные видовыми названиями млекопитающих животных (30,2 %) и названиями птиц (62,3 %). Менее распространенными являются наименования улиц, произошедшие от названий насекомых (1,9 %), рыб (1,9 %), паукообразных (1,9 %) и миног (1,9 %). Топ-8 животных включает следующие виды: зарянка, лебедь, лиса, петух, буревестник, заяц, кряква, медведь. В целом, фаунистические наименования в годонимиконе Юго-Западной Англии отражают разнообразные национальные и культурные традиции народа, которые были сформированы в течение длительного исторического периода и которые могут рассматриваться как составляющие культуры населения этого региона.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Мезенко, А. М. Фаунистические названия улиц в свете культуры славян / А. М. Мезенко // Охрана и популяризация культурного наследия: мировой и отечественный опыт : материалы II Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. Году мира и созидания, 26–27 окт. 2023 г., г. Витебск / ВГУ имени П. М. Машерова. – Витебск, 2023. – С. 141–144.

2. Одинаев, Т. Н. Улицы г. Гродно (Республика Беларусь) и г. Термеза (Республика Узбекистан): принципы номинации / Т. Н. Одинаев // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2023. – Т. 68, № 1. – С. 24–34.

3. Токарчук, С. М. Годонимы г. Бреста: общая характеристика, типизация и особенности пространственного распространения / С. М. Токарчук, Т. С. Полячок // Псковский регионалогический журнал. – 2020. – № 2 (42). – С. 110–123.
4. Мезенко, А. М. Фаунистическая составляющая урбанизированного пространства Славии: особенности репрезентации, культурные традиции / А. М. Мезенко // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова» : сб. науч. тр. – Витебск, 2023. – Т. 38. – С. 13–16.
5. От Слоновой до Мухинской: животные в названиях российских улиц. – URL: <https://yandex.ru/company/researches/2023/animal-streets> (дата обращения: 10.10.2024).
6. Geographic.org. – URL: Geographic.org/streetview (дата обращения: 05.10.2024).
7. Прищепа, М. М. Мотивы и принципы номинации линейных объектов городов Юго-Западной Англии / М. М. Прищепа // Ученые записки УО «ВГУ имени П. М. Машерова» : сб. науч. тр. – Витебск, 2024. – Т. 39. – С. 151–155.
8. Woodford, Kate. Cambridge Dictionary / Kate Woodford. – Cambridge : Cambridge University Press, 2003. – P. 1550.
9. Hume, R. Birds of Britain and Europe. – London : Dorling Kindersley, 2002. – P. 263.
10. Swans upping. – URL: <https://www.royal.uk/swans> (дата обращения: 25.12.2024).
11. Simpson, John. Oxford English Dictionary / John Simpson, Edmund Weiner. – Oxford : Oxford University, 1997. – Vol. 3. – 876 p.
12. Рошаль, В. М. Энциклопедия символов / В. М. Рошаль. – М. : ACT; СПб : Сова, 2007. – 1007 с.
13. Mallard song. Wikipedia. – URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Mallard_Song (дата обращения: 25.12.2024).
14. Багдасарян, В. Э. Кролик. Символы, знаки, эмблемы : энциклопедия / В. Э. Багдасарян, И. Б. Орлов, В. Л. Телицын. – М. : ЛОКИД-ПРЕСС, 2005. – 495 с.
15. Этот дикий, дикий, очень дикий Лондон. – URL: <https://www.bbc.com/russian/features-41986379> (дата обращения: 11.12.2024).
16. Топоров, В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического : моногр. / В. Н. Топоров. – М. : Директ-Медиа, 2007. – 1845 с.

*Поступила в редакцию 08.01.2025
E-mail: maksimpr2002@gmail.com*

М. М. Pryshchepa

FAUNAL NAMES IN URBAN NAMES OF THE SOUTH-WEST OF ENGLAND

The article discusses the names of inner-city linear objects in the South-West of England, motivated by the names of the animal world. Faunal names in the godonymicon of this region are less frequent (3.0 %) than phytonyms (10.2 %). Faunogonyms were named from 38 species names of animals (mainly mammals and birds). The list of the most popular animals includes the following species: robin, swan, fox, rooster, petrel, hare, mallard, bear. The street names of the English cities under study contain, in addition to linguistic information, information about the worldview and culture of the people who inhabit them.

Keywords: toponym, urbanonym, faunogonym, South-West of England.

УДК 81'373.612.2'255.2(045)

Е. А. Ревуцкая

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лексикологии французского языка,
УО «Минский государственный лингвистический университет», г. Минск, Республика Беларусь

СТРАТЕГИИ ПЕРЕДАЧИ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ПЕРЕВОДЕ

Цель статьи – определить и истолковать соотношение стратегий передачи концептуальной метафорической модели «пространство – вещества» в поэтическом переводе. Исследование подготовлено на материале «Прозы о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» ('La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France', 1913) французского поэта-модерниста Блеза Сандрака и русского перевода Михаила Яснова. В ходе сопоставительного анализа оригинальных метафор вещества и их переводных эквивалентов выявлено преобладание переводческой стратегии адаптации. Соотношение стратегий адаптации и буквального перевода раскрывает вариативный потенциал метафорической модели. Установлено, что переводческий прием амплификации обуславливает развертывание образа. Показано, что стратегия адаптации сосредоточивает переводческое решение на концептуальной метафорической модели, а не оригинальной языковой метафоре.

Ключевые слова: концептуальная метафорическая модель, пространство, вещество, поэтический перевод, буквальный перевод, адаптация

Введение

Научное осмысление языковых фактов сквозь призму познавательной деятельности человека предопределило новый этап в изучении метафорических ресурсов языка. Более того, именно ученые, сосредоточенные преимущественно на лингвистических аспектах образности, заложили основы когнитивного видения метафоры – вторичной номинации (В. Н. Телия), языкового преобразования (В. Г. Гак), идентификации осмыслием сущности (И. Р. Гальперин). Развитие теории концептуальной метафоры (Дж. Лакофф, М. Джонсон) позволило обосновать образную мысль как важное проявление онтологического единства повседневной и поэтической речи (Дж. Лакофф, М. Тернер).

Концептуальная метафора представляет собой процесс и результат последовательного освоения человеческим сознанием некоторой сущности или сферы опыта в понятиях иной сферы опыта [1, с. 11]. Потенциал концептуальной метафоры как объекта когнитивных исследований языка обусловил ее последующее научное осмысление в различных концепциях – теориях концептуальной интеграции (Ж. Фоконье, М. Тернер) и «преднамеренной» метафоры (Г. Стейн), когнитивно-дискурсивной (А. П. Чудинов), дескрипторной (А. Н. Баранов), интегративной (И. В. Новицкая) и других теориях метафоры. Важность изучения метафорических смыслов в повседневной, научной и институциональной речи предопределила обращение исследователей к материалу нехудожественных текстов. Параллельное развитие когнитивной поэтики (Р. Цур, Л. В. Миллер, И. А. Тарасова, С. Б. Кураш) и поэтической лексикографии (Н. В. Павлович, Н. Н. Иванова, Н. А. Афанасьев) позволило раскрыть языковую вариативность поэтической метафоры и описать базовые метафорические модели, в равной мере структурирующие художественную и повседневную речь. При этом менее разработанным направлением в изучении поэтической метафоры является переводческий аспект: определяя преемственность и постоянство смысла, стратегии передачи метафор в поэтическом переводе требуют особого исследовательского внимания.

Цель данной статьи – определение и истолкование соотношения стратегий передачи метафорической модели «пространство – вещества» в переводе «Прозы о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской» ('La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France', 1913) французского модерниста Блеза Сандрака (1887–1961). Объектом исследования выступает концептуальная метафорическая модель «пространство – вещества», структурирующая оригинальный поэтический текст. Предметом исследования являются стратегии передачи данной модели в тексте перевода. Объем исследованного материала охватывает 6100 словоупотреблений, из них 3432 словоупотребления составляет оригинальный текст, 2668 – перевод. Репрезентативность материала обусловлена, прежде всего, художественной равноценностью оригинала и перевода: автор русской версии поэмы Михаил Яснов (1946–2020) – один из выдающихся мастеров перевода французской поэзии. В отличие

от времени, осмыслиемого как поэтическим, так и обыденным сознанием преимущественно метафорически [2, с. 178], пространство, будучи доступно непосредственному восприятию, в меньшей степени подвергается метафоризации и требует дополнительного изучения.

Методы и методология исследования

Одним из современных направлений развития науки о переводе является методологический переход от уровня смысла к уровню модели [3] в ходе анализа переводческих решений. Понимание перевода как модели предполагает, что переводчик должен обладать исключительно развитыми аналитическими способностями. Эти способности требуют обращения к знаниям, обобщаемым в ментальных моделях мира, которые предшествуют выполнению перевода и хранятся в сознании и подсознании моделирующего субъекта [3, с. 128]. Поэтому на сегодняшнем этапе перевод принял определять как сложный когнитивный процесс, включающий толкование оригинального текста, порождение текста перевода и одновременное установление «отношения соответствия» между двумя текстами [4, с. 55–56].

В свою очередь, построение метафорической модели базируется на выявлении метафорических словоупотреблений в тексте [5, с. 35]. Поэтому методика проведенного исследования необходимо основываться на соотнесении языковой метафоры с ее концептуальной моделью. В соответствии с поставленной целью был разработан комплексный подход, включающий процедуры пошаговой идентификации метафорических словоупотреблений [6] и сфер-источников метафоризации [7], сопоставительный и контекстуальный методы анализа. Особенностью избранной методики является ее трудоемкость (анализу подлежат все без исключения лексемы текстов оригинала и перевода), осложняющая работу с большими массивами текстов, но не создающая препятствий для обращения к поэтическим произведениям – текстам небольшого объема. Так, проверка всех лексем параллельных текстов – оригинала и перевода – на предмет метафоричности предполагает соотнесение контекстуальных значений верифицируемых слов с их базовыми словарными значениями. Если контекстуальное значение слова отлично от его базового словарного значения, следует установить, возможно ли понимание контекстуального значения благодаря сравнению с базовым значением [6, с. 3]. Преимуществом избранной методики является ее квалитативность: выделению лексем оригинала (и далее в ходе сопоставительного анализа – лексем перевода), подлежащих проверке, необходимо предшествует внимательное прочтение текста, направленное на углубленное понимание его смысла [6, с. 3]. Кроме того, квалитативный характер носит и соотнесение выявленных метафорических словоупотреблений с заданной концептуальной сферой-источником метафоризации [7].

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно известному положению теории перевода, не исказить «чувство и мысль переводимого автора» позволяет лишь «бережное отношение к тексту» [8, с. 409]. Так, переводчик художественной литературы во многих случаях обращается к буквальному переводу – стратегии сохранения в тексте перевода формальных особенностей оригинального текста с соблюдением грамматических правил и норм языка перевода [4, с. 15]. В то же время опыт лингвистического изучения художественных текстов показывает, что поэтическая метафора характеризуется исключительной вариативностью [9, с. 237]. Поэтому в переводоведении распространена и противоположная точка зрения: в полной мере передать оригинальный смысл поэтического текста позволяет именно отказ от буквального перевода [10, с. 747]. В свою очередь, представляя собой фиксируемый в тексте «взгляд на мир» [11, с. 7], концептуальная метафора обладает потенциально безграничной вариативностью в поэтическом переводе [12]. Так, в процессе поэтического перевода общая для двух языков концептуальная основа вступает в противоборство с многообразием и непредсказуемостью языкового арсенала переводчика. Это обстоятельство обосновывает гипотезу проведенного исследования: константой поэтического перевода является не оригинальная метафора, а метафорическая модель. Для верификации выдвинутой гипотезы был проведен сопоставительный анализ оригинальных отождествлений с их переводческими соответствиями, отвечающими концептуальной модели «пространство – вещества». В результате сопоставления было выявлено неравное соотношение двух переводческих стратегий – буквального перевода и адаптации.

Согласно толковому словарю-справочнику переводческих терминов Ж. Делиля, адаптация – это переводческая стратегия, при которой ряд выражений языка оригинала не каждый раз передаются на язык перевода буквально [4, с. 10]. Как показал сопоставительный анализ, в 20 выявленных

в исследованном материале случаях переводческой реализации метафорической модели «пространство – вещество» число обращений к стратегии адаптации (15) втрое превышает число случаев буквального перевода (5) отождествлений, отвечающих данной модели.

Так, в нижеследующем фрагменте лирический герой повествует о своем воображаемом путешествии во времени и пространстве: *L'histoire antique / L'histoire moderne / Les tourbillons / Les naufrages / Même celui du Titanic que j'ai lu dans un journal / Autant d'images-associations que je ne peux pas développer dans mes vers / Car je suis encore fort mauvais poète / Car l'univers me déborde* [13]. ‘Античная история / Водовороты / Кораблекрупенья / Одно из них – «Титаник» о котором я прочел в газете / И столько образов ассоциаций и аллюзий не уместившихся в моих стихах / Поскольку я еще весьма дурной поэт / И до краев Вселенной переполнен’ [14].

Сопоставление оригинальной метафоры *l'univers me déborde* ‘Вселенная переполняет меня’ с переводческим соответствием ‘до краев Вселенной переполнен’ указывает на стратегию буквального перевода. Отметим, что выражение ‘переполнять до краев’ может быть признано эквивалентом глагола *déborder* ‘переполнять, наполнять до краев’ именно с учетом оговоренных в вышеупомянутом определении «норм языка перевода» [4, с. 15], а не только лишь «словарного» эквивалента. В соответствии с принятой методикой [6; 7], тождественность универсума «воде, выплескивающейся из вместилища», позволяет идентифицировать метафорическую модель «пространство – вещество». Так, окружающий мир предстает не просто как переполненный сосуд, но как терпящий крушение корабль.

Переводческая стратегия адаптации, втрое чаще используемая для передачи отождествлений, соответствующих модели «пространство – вещество», служит, как правило, созданию развернутых образов. Кроме того, в переводе метафорическая модель может быть представлена значительным языковым разнообразием за счет использования приема амплификации.

Амплификация – способ перевода, заключающийся в использовании в тексте перевода большего числа слов, нежели в оригинале, с целью адекватной передачи значения слова оригинального текста, словарное соответствие которого в языке перевода обладает меньшей самостоятельностью [4, с. 13]. Сопоставим следующий оригинальный фрагмент с его русским переводом: *Paris a disparu et son énorme flambee / Il n'y a plus que les cendres continues / La pluie qui tombe / La tourbe qui se gonfle / La Sibérie qui tourne / Les lourdes nappes de neige qui remontent / Et le grelot de la folie qui grelotte comme un dernier désir dans l'air bleui / Le train palpite au coeur des horizons plombés* [13]. ‘Исчез Париж потух его огонь / Остался только пепел / Только дождь / Разбухший торф / **Мир поглотившая** Сибирь / Тяжелый снег до горизонта / Да бубенец безумия дрожащий как дрожит в синюшном воздухе душа последнего желания / Экспресс трепещет в самом сердце серого пространства’ [14].

По мере того, как Париж – начальный пункт Транссибирской магистрали – остается далеко позади, пространство в воображении лирического субъекта превращается в *cendres* ‘пепел’, *pluie* ‘дождь’, *la tourbe qui se gonfle* ‘разбухший торф’, *les lourdes nappes de neige* ‘тяжелый снег’. При этом сопоставительный анализ показывает, что в переводе метафорическая модель подвергается дополнительному развертыванию: окружающий мир осмысливается поэтом-переводчиком как вещество, которое постепенно, но безвозвратно «поглощают» бескрайние сибирские леса.

Константный характер метафорической модели подтверждается и в ходе обнаружения в переводе метафорических значений, соответствующих заданной модели, но не выявленных в оригинале: *Le Kremlin était comme un immense gâteau tartare croustillé d'or, / Avec les grandes amandes des cathédrales, toutes blanches / Et l'or mielleux des cloches... / Un vieux moine me lisait la légende de Novgorode / J'avais soif / Et je déchiffrais des caractères cunéiformes / ... / J'avais faim / Et tous les jours et toutes les femmes dans les cafés et tous les verres / J'aurais voulu les boire et les casser / Et toutes les vitrines et toutes les rues / Et toutes les maisons et toutes les vies* [13]. ‘Татарским пирогом с поджаристою коркой / Казался мне огромный Кремль / С распухшими миндалинами белых храмов / С медоточивым золотом колоколов... / Монах замшелый мне читал о новгородских тайнах / Я жажду утолить не мог / В неразберихе клинописных букв / ... / Я голод утолить не мог / Я так хотел испить и сокрушить / Все дни всех женщин все стаканы / Все улицы и все витрины / И все дома и все людские судьбы’ [14].

Так, ‘золото колоколов’, наделяемое автором признаками вещества (*or mielleux* ‘медовое золото’), осмыслено поэтом-переводчиком как еще более подвижное, текучее, неподвластное закону тяготения (‘медоточивое золото’). Переводческое решение со всей очевидностью усиливает художественный эффект скорости, с которой колокольни соборов Московского Кремля сменяются в памяти лирического героя заснеженными просторами Сибири по мере того, как Транссибирский экспресс устремляется вдаль по железнодорожному полотну.

Наконец, в нижеследующем фрагменте вещественность инея, сковавшего и сделавшего непрозрачными окна вагона, указывает на неизвестность, непредсказуемость жизненного пути, невозможность предугадать грядущие испытания. Концептуальная модель приобретает уже не метафорическое, а символическое измерение: *Et le siflement de la vapeur / Et le bruit éternel des roues en folie dans les ornières du ciel / Les vitres sont givrées / Pas de nature !* [13]. ‘И шипенье пара / И вечный стук опоюмевших колес на колеях небес / Зайндевелое окно / Ни зги не видно!’ [14].

Таким образом, неравное соотношение двух переводческих стратегий раскрывает вариативный потенциал адаптации – стратегии, позволяющей переосмыслить либо распространить переводную метафору в пределах заданной концептуальной модели.

Заключение

Языковое своеобразие переводной метафоры предопределено стратегией адаптации, сосредоточивающей переводческое решение на концептуальной метафорической модели, а не оригинальной языковой метафоре. Преобладание адаптации над буквальным переводом позволяет подтвердить гипотезу исследования о константном характере метафорической модели в поэтическом переводе. Использование приема амплификации приводит к развертыванию образа и установлению между оригинальной и переводной метафорами эквивалентных отношений, относящихся к уровню концептуальной модели, а не ее языковой реализации. Константность метафорической модели, способствуя творческой активности поэта-переводчика, указывает на когнитивную сущность амплификации как способа перевода. Несводимое к поиску эквивалентных соответствий метафорическое творчество переводчика поэзии должно рассматриваться на уровне мышления и познания. Данные выводы существенны для дальнейшего развития когнитивного направления в переводоведческих исследованиях, а также для практики, оценки и преподавания художественного перевода.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон ; пер. с англ. ; под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 254 с.
2. Piata, A. The Poetics of Time: Metaphors and Blends in Language and Literature / A. Piata. – Amsterdam : John Benjamins, 2018. – 226 p.
3. Kolesnikov, V. La traduction repensée en termes de la théories des modèles / V. Kolesnikov // Am Schnittpunkt von Philologie und Translationswissenschaft: Festschrift zu Ehren von Martin Forstner ; ed.: H. Lee-Jahnke, E. Prunc (eds.). – Bern : Peter Lang, 2010. – P. 121–138.
4. Делиль, Ж. Терминология перевода : Толковый словарь-справочник переводческих терминов / Ж. Делиль, Х. Ли-Янке, М. К. Кормье ; науч. коорд. К. Аллиньюль ; пер. А. М. Горлатов [и др.]. – Минск : МГЛУ, 2003. – 128 с.
5. Heywood, J. Linguistic metaphor identification in two extracts from novels / J. Heywood, E. Semino, M. Short // Language and literature. – 2002. – Vol. 11 (1). – P. 35–54.
6. Pragglejaz group. MIP: A Method for Identifying Metaphorically Used Words in Discourse / Pragglejaz group // Metaphor and Symbol. – 2007. – Vol. 22 (1). – P. 1–39.
7. Reijnierse, W. G. MSDIP: A Method for Coding Source Domains in Metaphor Analysis / W. G. Reijnierse, C. Burgers // Metaphor and Symbol. – 2023. – Vol. 38 (4). – P. 295–310.
8. Самойлов, Д. С. Памятные записки / Д. С. Самойлов. – М. : Время, 2014. – 704 с.
9. Semino, E. Metaphor in literature / E. Semino, G. Steen // The Cambridge Handbook of metaphor and thought ; ed.: R. W. Gibbs. – Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2008. – P. 232–246.
10. Tröger, G. Contribution à une épistémologie de la traduction : Pour une explication des présupposés théoriques / G. Tröger // Meta : J. des traducteurs. – 2004. – № 49 (4). – P. 747–767.
11. Кураш, С. Б. Метафорический континуум русских и белорусских поэтических текстов: дискурсивные взаимодействия : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.02; 10.02.01 / Кураш Сергей Бонифациевич ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2023. – 54 с.
12. Цалко, Л. В. Сістэмныя метафоры ў паэтычным тэксце і іх трансфармацыя пры перакладзе (на матэрыйле твораў А. Пушкіна і іх перакладаў на беларускую мову) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01; 10.02.02 / Цалко Людміла Валер'еўна ; Беларус. дзярж. ун-т. – Минск, 2007. – 22 с.

13. Cendrars, B. La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France / B. Cendrars. – URL: https://tierslivre.net/spip/IMG/pdf/Cendrars_Transsiberien.pdf (дата обращения: 25.02.2025).

14. Сандрап, Б. Проза о транссибирском экспрессе и маленькой Жанне Французской / Б. Сандрап ; пер. с фр., вступ. и примеч. Михаила Яснова // Новый Мир. – 2015. – № 6. – URL: <https://nm1925.ru/articles/2015/201506/proza-o-transsibirskom-ekspresso-i-malenkoy-zhanne-frantsuzskoy-1581/> (дата обращения: 25.02.2025).

Поступила в редакцию 22.10.2024
E-mail: e.a.revutskaya@yandex.by

A. A. Revutskaya

STRATEGIES FOR RENDERING A METAPHORICAL PATTERN IN POETRY TRANSLATION

The article aims at determining the relationship between strategies for rendering the conceptual metaphorical pattern ‘space is substance’ in poetic translation. The study is based on the poem by the French modernist Blaise Cendrars *Prose about the Trans-Siberian Express and Little Jeanne of France* (‘La prose du Transsibérien et de la petite Jehanne de France’, 1913) and the Russian translation by Mikhail Yasnov. A comparative analysis of the original substance metaphors and their translation equivalents show the predominance of the adaptation strategy. The relation between adaptation and literal translation reveals the linguistic variability of the metaphorical pattern ‘space is substance’. The article shows that the translation technique of amplification determines the metaphorical extension. It points out that the adaptation strategy focuses translation decisions on the conceptual metaphorical pattern, and not the original linguistic metaphor.

Keywords: conceptual metaphorical pattern, space, substance, poetic translation, literal translation, adaptation

УДК 81'367.625

A. B. Сенько

Старший преподаватель кафедры русского и белорусского языков,
УО «Гродненский государственный медицинский университет», г. Гродно, Республика Беларусь

НОМИНАТИВНЫЕ РЯДЫ ГЛАГОЛОВ, ХАРАКТЕРИЗУЮЩИХ «СТЕПЕНЬ ИНТЕНСИВНОСТИ ДЕЙСТВИЯ» (НА ПРИМЕРЕ ГЛАГОЛОВ С ПРЕФИКСОМ ПЕРЕ-)

Статья посвящена вопросам исследования словаобразовательного значения и механизмов его выражения. Объектом анализа явились деривационные отношения, которые характеризуют номинативные ряды глаголов с префиксом пере-, обозначающих степень интенсивности действия. Работа выполнена в русле теории деривационной грамматики (В. М. Никитевич), которая базируется на комплексном описании эквивалентных по семантике родственных единиц смежных уровней – производных слов и словосочетаний в деривационной функции. Обращение к исследованию процессов функционирования производных глаголов различных значений и эквивалентных им по семантике деривационных сочетаний в тексте, по мнению автора, является важнейшей составляющей в анализе структуры словаобразовательной семантики различных типов префиксальных производных глаголов и их дискретных соответствий. В работе дается характеристика словосочетаний, являющихся аналогами производных глаголов, выявляется специфика деривационных именных и глагольных компонентов. Обращается внимание на те факты деривационного аналитизма, когда в языке отсутствует однословное выражение данного значения и деривационное сочетание является единственным способом представления семантики интенсивности действия.

Ключевые слова: словообразовательное значение, теория деривационной грамматики, номинативный ряд, способ глагольного действия.

Введение

Изучение закономерностей в организации словаобразовательной семантики, языковых средств, используемых для ее выражения, составляет фундаментальный аспект исследований в области дериватологии. Одним из традиционных способов выявления и описания семантики производных единиц является использование семантической перифразы производного слова, которая, в частности, может совпадать со словарным определением или его частью. Как утверждает Е. С. Кубрякова, «примером простейшего номинативного ряда является объединение слова и его дефиниции» [1, с. 27]. Исследование различных объединений родственных единиц, фрагментов словаобразовательных гнезд (словообразовательных парадигм и цепочек) с учетом параметров некоторых деривационных полей [2, с. 3], например деривационного поля интенсивности, способствует более глубокому пониманию специфики проявления деривационного потенциала, присущего определенным подсистемам русского языка.

Подобно словообразовательному гнезду, которое есть объединение родственных слов и может быть описано как «модель построения, модель реализованной комбинаторики аффиксов» [3, с. 129], номинативный ряд, представляющий собой объединение единиц с различной структурой, также характеризуется присущими модели признаками. Типология соотносительных словообразовательных сочетаний всецело зависит от структурно-семантических характеристик соответствующих производных слов.

Среди ряда словаобразовательных значений, передаваемых глагольными префиксами, можно отметить такое, как «интенсивность действия». Это значение охватывает ряд глаголов, которые означают «усиление, напряжение действия, направленного на объект или сосредоточенного в сфере субъекта» [4, с. 598].

В основе настоящего исследования лежит теория деривационной грамматики, которая утверждает, что «закрытость» многих словаобразовательных моделей позволяет обратить внимание на деривационный потенциал единиц смежного уровня – такие типы словосочетаний, которые способны выступить в деривационной функции, поскольку очевидны отношения семантической эквивалентности, имеющие место между ними и соответствующими группами производных слов. Эта теория позволяет нам проводить анализ деривационных отношений на основе сравнения семантики производных слов и их словосочетаний-аналогов.

В центре нашего исследования находятся номинативные ряды глаголов, характеризующих различную степень интенсивности действия и основанные на взаимодействии семантически эквивалентных единиц смежных уровней производных слов и словосочетаний в деривационной функции.

Предметом исследования являются номинативные ряды глаголов с префиксом *пере-*, обозначающих степень интенсивности действия.

Цель исследования – выявление и описание деривационных отношений, которые характеризуют взаимодействие между производными глаголами с семантикой интенсивности и коррелятивными этим глаголам словосочетаниями.

Методы и методология исследования

Особенности изучаемого объекта и цель исследования определили использование следующих методов. При выявлении особенностей семантической структуры производного слова, словообразовательных значений префиксов использовался метод компонентного анализа. Также применялись традиционные методы наблюдения, описания, словообразовательного анализа. Материал исследования был получен путем сплошной выборки из «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, а также из основного и газетного подкорпуса и подкорпуса социальных сетей Национального корпуса русского языка.

Результаты исследования и их обсуждение

Группы глаголов, передающие значение «действие, совершенное с большой интенсивностью», образуются от переходных и непереходных глаголов с помощью ряда приставок или приставок и постфикса *-ся*. Кроме этого, значение «интенсивности» допускает различные частные значения и оттенки значения, характеризующие отдельные группы производных глаголов, словосочетаний в деривационной функции, что в конечном итоге и определяет «наполнение» и своеобразие исследуемых номинативных рядов [5, с. 123].

Глаголы, имеющие общее словообразовательное значение «делать что-либо слишком интенсивно, сверх меры выполнять действие, названное мотивирующим глаголом», образуются преимущественно от имперфективных глаголов с помощью следующих приставок: *пере-*, *раз-* (*рас-*), *вы-*, *из-*, *на-*, *от-*, *про-*, *за-*, *до-*, *об-* (*о-*), *у-*: *перевыполнить*, *разволновать*, *выступить*, *изболеться*, *набаловать*, *отгладить*, *продрогнуть*, *закачать*, *доработаться*, *облениться*, *убегаться* и др.

В современном языке количество глаголов интенсивного способа действия, а также классификации данной глагольной лексики в научной литературе представляют собой существенное разнообразие, связанное с их большим семантическим потенциалом и множеством оттенков значения.

Важнейшим понятием при определении и характеристике конкретного значения интенсивности, очевидно, является понятие нормы, поскольку нарушение нормы, отдаление от нее по шкале интенсивности приводит к усилению или ослаблению значения глагольного действия. С учетом данного, вполне очевидного параметра степень интенсивности действия может быть «нормальной» (не явной), ослабленной или усиленной.

Проанализировав многообразие производных единиц интенсивного способа глагольного действия, в нашем исследовании мы особое внимание уделили глаголам, выражающим степень интенсивности, которые в составе словарных дефиниций и эквивалентных им по семантике деривационных сочетаний имеют в качестве семантических маркеров интенсивности следующие: «сверх меры», «чрезмерно», «очень», «слишком».

Как отмечает А. В. Никитевич, «различные типы дискретных соответствий к производным глаголам, представляющим интенсивность действия, могут включать в свой состав следующие компоненты – показатели интенсивности» [5, с. 126], а именно: различные наречия типа **внезапно**, **вдруг**; **очень**, **очень сильно**; **сильно**, **слишком сильно**, **сверх меры**, **слишком долго**, **слишком много**, **слишком**; **больше, чем нужно**; **чрезмерно**. Например: *вспыхнуть* – *внезапно* загореться / *внезапно* прийти в раздраженное состояние; *перетемнить* – сделать **очень** тёмным; *перепугать* – **очень сильно** испугать; *взвинтить* – **слишком сильно** возбудить, напрячь / **чрезмерно** увеличить (цены), *разозлить* – **сильно** рассердить, *перегрузить* – **нагрузить сверх меры**, *размусоливать* – говорить, рассуждать **слишком долго**, *переучить* – учить **слишком много**, *пересушить* – сделать **слишком** сухим; *перевыполнить* – выполнить **больше, чем нужно**.

В данной работе мы рассматриваем в первую очередь одну из наиболее крупных семантических групп глаголов и типовых словосочетаний в деривационной функции, которые передают значение действия, проявляющегося очень/слишком интенсивно.

Среди префиксальных глаголов рассматриваемой семантики важное место занимают производные с префиксом *пере-*. С помощью этого префикса возможно выражение чрезмерной степени количественно-временного проявления действия (например, *переварить...*), а также чрезмерной продолжительности разового действия, оцененной с позиции нормы (например, *перегулять...*). Он также

указывает на действия, выполненные с большей силой или мастерством, чем аналогичные действия других исполнителей (такие, как *перехитрить* или *перетанцевать*), и передает значения «много, всё» (как в словах *перепробовать*, *перестрелять*).

В качестве производящей основы для чрезмерно-нормативного значения служат глаголы, указывающие на непосредственное воздействие на объект (предельные, переходные), например, *пересолить*, *переварить*, *переморозить*. Для сверхнормативно-длительного значения в качестве базовых выступают глаголы состояния или изменения состояния, деятельности, например, *перекиснуть*, *пересохнуть* (*пересыхать*) [4, с. 601].

Пере-/пре...-(ся): *перевыполнить*, *переволновать(ся)*, *перегнуть* (устойчив. сочет. «перегнуть палку»), *передержать*, *передозировать*, *переесть*, *перезреть*, *перекалить*, *перекармливать*, *перележать*, *перелететь*, *перелить*, *перемудрить*, *перенапрячь(ся)*, *перенервничать*, *переоценить*, *перепечь(ся)*, *перепить*, *перепоить*, *переплатить*, *переполнить(ся)*, *перепреть*, *перепугать(ся)* (напр., до смерти), *перерасходовать*, *пересидеть*, *пересластить*, *пересолить*, *пересохнуть*, *перестараться*, *перестоять*, *пересушить*, *пересыпать*, *преувеличить*, *перетрусить*, *превознести*, *превозноситься*, *пресытиться*, *перехвалить*, *перегреть(ся)*, *переусердствовать*, *переборщить*, *перебродить*, *переварить(ся)*, *перевинтить*, *перетревожить*, *перегрузить*, *пережарить(ся)*, *пережечь*, *перекричать*, *переобременить*, *переохладить*, *перепачкать*, *переплюнуть*, *переплясать*, *переработать(ся)*, *перерасті*, *перетревожить(ся)* и др.

В толковых словарях из состава дефиниций к данным глаголам достаточно легко можно вычленить деривационные сочетания с соответствующими показателями интенсивности. Например, *переохладить* – «охладить **слишком сильно**», *пережарить* – «ожарить **слишком сильно** или долго», *перерабатывать* – «работать **слишком долго**, много», *пересолить* – «посолить **слишком много**», *передержать* – «продержать **слишком долго**», *переесть* – «съесть **слишком много**», *перепечь* – «**слишком долго** печь», *переоценить* – «оценить **слишком высоко**», *перестоять* – «испортиться, простояв **слишком долго**», *перегреть(ся)* – «нагреть(ся) **слишком сильно**», *переварить(ся)* – «**слишком долго** варить(ся)», *перепить* – «выпить **слишком много**», *перепоить* – «дать **слишком много** выпить», *переполнить(ся)* – «наполнить(ся) **сверх меры**», *пересыпать* – «насыпать **сверх меры**», *перерасходовать* – «израсходовать **сверх меры**, плана», *пережечь* – «подвергнуть действию огня **сверх меры**», *передозировать* – «увеличить дозу **сверх меры** (нормы)», *перелить* – «наливать **сверх меры**» [6, с. 499–513]. Как видно, приведенные выше деривационные сочетания демонстрируют использование таких составных показателей интенсивности, как **слишком сильно**, **слишком долго**, **слишком много**, **сверх меры**. Не говоря уже о простых показателях **сильно**, **чрезмерно** и **слишком** (*перепугать* (**сильно** испугать), *перегрузить* (нагрузить **чрезмерно**, **слишком**), *переусердствовать* (усердствовать **чрезмерно**), *перекормить* (**слишком**, **чрезмерно** накормить), *перекалить* (**слишком** накалить), *перемудрить* (**слишком** намудрить), *перенапрячь(ся)* (**слишком**, **чрезмерно** напрячь(ся)), *перепреть* (**слишком** упреть), *перестараться* (**слишком** постараться), *переобременить* (**слишком** обременить), *переутомить* (**слишком** утомить)).

Интересно, что глаголы, образованные от основ совершенного вида, образуют коррелятивные словосочетания с производящими единицами, в то время как глаголы, образованные от основ несовершенного вида, очень часто имеют более сложные номинативные ряды с родственными глаголами, которые содержат другие префиксы. Ср.: *перевыполнить* – выполнить **сверх меры**, *переобременить* – **слишком обременить**, *переесть* – **съесть слишком много**, *перепачкать* – **сильно испачкать**, *перегрузить* – **нагрузить чрезмерно** и т. д.

По справедливому мнению А. В. Никитевича, «этим обеспечивается необходимое соответствие по виду между производными префиксации и аналитическими составляющими в составе конкретных номинативных рядов» [5, с. 133].

Среди достаточно сложных, «развернутых» деривационных компонентов можно отметить конструкции типа *больше, чем нужно (следует)* и *больше, чем нужно (следует)*, которые служат показателями интенсивности, как, например, *перележать* – пролежать *больше, чем следует*, *пересидеть* – просидеть *больше, чем следует*, *перелететь* – пролететь *больше, чем нужно*, *переплатить* – заплатить *больше, чем нужно*, *перехвалить* – похвалить *больше, чем следует*, *переработать* – проработать *больше, чем нужно*, *перетемнить* – сделать темным *больше, чем нужно* («Это сложный волос, который очень легко *перетемнить*» (nedosekina тиа. Макияж (2022)) [7].

Сравните синонимику двух предложений: *Нельзя перекутывать детей*. (Ирина Рязанова. Отит // «Здоровье», 1999.03.15) [7]. *Нельзя закутывать детей **больше, чем нужно***.

Заслуживают внимания и глаголы со значением интенсивности, заменяемые конструкциями «стать/сделать + слишком + каким»: *перезреть* (стать **слишком** зрелым), *пересластить* (сделать

слишком сладким), *пересохнуть* (стать *слишком* сухим), *перемокнуть* (стать *слишком* мокрым), *пересушить* (сделать *слишком* сухим). Таким образом, можно заметить, что среди глаголов, представляющих значение «интенсивно совершить действие», немало таких, которые в качестве деривационных соответствий имеют сочетания с родственными именами прилагательными.

Некоторые глаголы с префиксом *пере-* обозначают действие с большей интенсивностью или мастерством по сравнению с другим исполнителем, которые представляют особую группу: *перещеголять*, *переиграть*, *перекричать*, *перевесить*, *переспорить*, *переплюнуть*, *перепеть*, *перетанцевать*, *перерастти*, *перегнать* (= обогнать) и др. В данную группу также входят некоторые глаголы с приставкой *об-*: *обыграть*, *обдурить*, *объегорить*. Уникальность большинства словосочетаний – коммуникативных аналогов к глаголам, образованным при помощи префиксов, а также соответствующих номинативных рядов – определяется особенностями базового глагольного элемента. Например: *перещеголять* – *превзойти в щегольстве*, *переиграть* – *победить в игре*, *перевесить* – *превзойти в весе*, *переспорить* – *взять верх в споре*, *перепеть* – *превзойти в пении*, *перетанцевать* – *превзойти в танце*, *перерастти* – *стать ростом выше кого-н./чего-н.*, *обыграть* – *одержать верх в игре* и т. д. В данных примерах видно, что в функции «деривационной поддержки» могут быть использованы не только производящие глаголы, но и имена существительные (*игра, спор, пение, танец* и др.). Устойчивость конструкции «победить в чем-либо» очевидна, что косвенно подтверждается синонимией таких компонентов, как «превзойти в», «взять верх», «одержать верх». Разумеется, существует и область деривационного анализа, независимого от аффиксации. Например: *победить в конкурсе – Ø, победить в соревновании – Ø, превзойти в силе – Ø, превзойти в выносливости – Ø, одержать верх в полемике – Ø* и так далее. Это касается и основного значения «интенсивности», обсуждаемого в этом исследовании. Стоит отметить, что в группе глаголов присутствуют словосочетания в деривационной функции с показателями интенсивности [5, с. 127]. Например: *перехитрить* – *проявить слишком много хитрости; перерастти – стать по росту выше* (кого-л./чего-л.).

Глаголы рассматриваемого словообразовательного типа (с префиксом *пере-*) в составе коррелятивных словосочетаний в деривационной функции могут иметь и другие маркеры интенсивности. Ср.: *перепачкать – очень испачкать, перепугаться – очень испугаться*.

Анализ рассматриваемой группы глаголов показывает, что многим глаголам соответствует определенная аналитическая конструкция, то есть при выражении конкретного значения в большинстве случаев современный русский язык дает говорящему возможность выбора синтетической либо аналитической формы. В свою очередь служебное слово, являясь частью аналитической конструкции, по своей грамматической функции подобно словообразовательной морфеме. Но также нередки примеры, когда семантика (или ее оттенок) не способна быть передана в виде отдельного производного слова, языковой ассортимент в выборе из синтетических или аналитических средств сужается до одного варианта. Так, в рассматриваемой нами группе «интенсивных» глаголов с префиксом *пере-* обнаружены случаи только лишь аналитической формы выражения: ср. *перевыполнить – выполнить больше, чем нужно и сделать больше, чем нужно – Ø, реализовать слишком много – Ø, исполнить больше, чем нужно – Ø, сильно паниковать – Ø* (Когда шли туда, думали, что будем обсуждать роль Европейского союза в наше время по-русски и сильно паниковали. (vk (29.05.2014)) [7], *перепрет – слишком упрет и слишком отсырет – Ø, переутомить – слишком утомить и слишком устанет – Ø, перетрусить – сильно струсить и сильно бояться – Ø* (Я не готов к экзамену и так сильно боюсь, что даже по-настоящему заболел. (Цвет боли // «Наука и жизнь», 2008) [7]. Существует глагол *перебояться*, но в совершенно другом значении, которое не имеет никакого отношения к «степени интенсивности», а именно «*перестать бояться*». Таким образом, вышеуказанные примеры демонстрируют недостаточность только лишь синтетических вариантов выражения определенных значений, которые компенсируются аналитическими конструкциями.

Заключение

В процессе анализа номинативных рядов глаголов со значением «степени интенсивности действия» на примере глагольных лексем с префиксом *пере-* мы пришли к следующим выводам. Выявленные синтетические лексемы большей частью формируют пласт разговорной лексики. Помимо синтетических вариантов с префиксом *пере-* (однословных производных глаголов), данное значение может быть передано аналитическими конструкциями. В аналитических конструкциях с различными показателями интенсивности глагольный элемент может быть представлен производящим глаголом или родственным глаголом, имеющим иной префикс. Наиболее распространенный и основной показатель интенсивности – компонент, выраженный наречием, который в свою очередь различается по степени конкретизированности/абстрактности. И степень аналитичности деривационного словосочетания

определяется в зависимости от характера показателя интенсивности: регулярность/нерегулярность деривационного компонента, степень конкретности/отвлеченности его лексической семантики. Сравним достаточно отвлеченный характер деривационного слова *очень*, сочетания *сверх меры* и лексически конкретизированный характер компонентов *чрезмерно*, *слишком* и составного *больше, чем нужно*. Благодаря ему передаются различные оттенки семантики интенсивности русских глаголов. Помимо однословных деривационных наречных компонентов типа *сильно*, *слишком*, *чрезмерно*, обращают на себя внимание также частотно употребляемые усложненные конструкции *больше, чем нужно (следует)* и *больше, чем нужно (следует)*. Эти показатели интенсивности, обладая достаточно высокой степенью регулярности и частотой использования в текстах, способствуют осуществлению процесса «анализации» словосочетаний в деривационной функции. Особого внимания заслуживают ситуации, когда рассматриваемая семантика выражается исключительно аналитически. Исследование номинативных рядов глаголов, представляющих степень интенсивности действия, позволит глубже понять механизмы словообразования, а также семантические связи между производными словами и их аналитическими аналогами.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Кубрякова, Е. С. О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц / Е. С. Кубрякова // *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji : materiały z 4 konferencji Komisji Slowotwórstwa przy Międzynarodowym Komitecie Sławistów*. – Katowice : Wydawnictwo Gnome, 2000. – S. 24–31.
2. Никитевич, А. В. Деривационное поле деятельности в русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / Никитевич Алексей Васильевич ; АН СССР Ин-т русского языка. – М., 1990. – 23 с.
3. Никитевич, А. В. Словообразовательное гнездо как объект лингвистического моделирования / А. В. Никитевич // Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкоznания (к 100-летию со дня рождения Б. Н. Головина) : сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., Н. Новгород, 28–30 сент. 2016 г. / редкол.: Т. В. Радбиль (отв. ред.) [и др.]. – Н. Новгород, 2016. – С. 125–130.
4. Русская грамматика : в 2 т. / АН СССР, Ин-т русского языка ; редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – Т. 1 : Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Н. Ю. Шведова, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко [и др.]. – 1980. – 789 с.
5. Никитевич, А. В. Русский глагол в составе номинативных рядов / А. В. Никитевич. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 347 с.
6. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : ООО ИТИ Технологии, 2003. – 944 с.
7. Национальный корпус русского языка : [сайт]. – М., 2003–2024. – URL: <http://ruscorpora.ru> (дата обращения: 24.07.2024).

Поступила в редакцию 22.10.2024

E-mail: annasenko.zareckaja@gmail.com

H. V. Senko

NOMINATIVE SERIES OF VERBS CHACTERIZING ‘THE DEGREE OF INTENSITY OF ACTION’ (BY THE EXAMPLE OF VERBS WITH THE PREFIX PERE-)

This article is devoted to the study of word-formation meaning and the mechanisms of its expression. The object of the analysis is derivational relations that characterize the nominative series of verbs with the prefix *pere-*, denoting the degree of intensity of action. The work has been carried out in line with the theory of derivational grammar (V.M.Nikitevich), which is based on a comprehensive description of semantically equivalent related units of adjacent levels – derived words and phrases in the derivational function. Turning to the study of the processes associated with functioning of derivative verbs that convey various meanings and the derivational combinations that correspond to these meanings within a text is viewed as the most important component in the analysis of the structure of word-formation semantics expressed by various types of prefixed derivative verbs and their discrete correspondence. The work gives characteristics of phrases that are analogues of derived verbs, and reveals the specificity of derivational nominal and verbal components. Attention is drawn to those facts of derivational analyticism when the language does not have a one-word expression of a given meaning and a derivational combination is the only way to represent the semantics of the intensity of an action.

Keywords: word-formation meaning, theory of derivational grammar, nominative series, method of verbal action.

УДК 378.147:004.9:821.161.1

О. В. Славина

Магистр филологических наук, старший преподаватель кафедры русского, общего и славянского языкоznания, УО «Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

**ТРАДИЦИОННАЯ И СОВРЕМЕННАЯ КЛАССИКА
В КОНЦЕПЦИИ ПРОЕКТА «ЖИВЫЕ СТРАНИЦЫ»**

Исследуется способ внедрения традиционной и современной литературной классики в медийную среду. Рассматриваются возможности мобильного приложения «Живые страницы». Анализируется информационная насыщенность контента и организация содержательных компонентов. Отмечаются способы привлечения аудитории и увеличения ее вовлеченности в медийный ресурс. Рассматриваются альтернативные сценарии изучения художественных текстов, предлагаемые разработчиками приложения. Это «Ход времени», «Судьбы», «Герои», «Места», «Игры в слова». Отмечается соотношение количества произведений современной и традиционной классики в проекте, преобладание литературного рода и жанра, превалирование произведений в зависимости от времени их создания. Выявляются проблемные вопросы, связанные с перспективой, скоростью, условиями распространения интерактивной литературной энциклопедии «Живые страницы».

Ключевые слова: «Живые страницы», код, интеграция, мобильное приложение, художественная литература.

Введение

Жизнеспособность художественного произведения определяется способностью литературного первоисточника являться актуальным, востребованным продуктом во времени и пространстве. Учитывая тягу современного человека к большому потреблению медийного продукта, видится целесообразным внедрение в современную медийную среду медиапродуктов, ориентированных на активизацию познавательной деятельности общества. Примером такого продукта является проект «Живые страницы» – приложение для смартфонов и планшетов на платформе Android. Инновационный проект, созданный в 2015 году компанией Samsung Electronics в коллaborации со школой лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» и лингвистами группы Tolstoy Digital, позволяет аудитории исследовать традиционную и современную литературную классику нетипичным способом – художественные произведения представлены в интерактивном формате. Куратор проекта Фекла (Анна) Никитична Толстая сообщает: «Читайте как хотите, только читайте. Ведь если очень строго что-то требовать, то можно натолкнуться на то, что вообще ничего не будет сделано. А когда это больше игровой формат, то можно незаметно начать скроллить на смартфоне не Facebook, а «Войну и мир»» [1].

Отмечается научный интерес к медийному продукту. Проект «Живые страницы» исследуется Е. В. Абрамовских, М. А. Аристовой, А. Н. Архангельским, Н. В. Беляевой, Л. Р. Бердышевой, Ю. А. Гимрановой, Т. А. Горняковой, М. А. Ильиной, Ж. Н. Критаровой, А. А. Новиковой, Ж. И. Стрижекуровой. В 2018 году опубликована работа «Актуальные проблемы использования ИКТ в литературном образовании школьников» под авторством М. А. Аристовой, Н. В. Беляевой, Л. Р. Бердышевой, Ж. Н. Критаровой, Ж. И. Стрижекуровой. В 2020 году вышли статьи Е. В. Абрамовских, М. А. Ильиной «Методика создания инфографики в профессиональной подготовке магистранта гуманитарного вуза» и Ю. А. Гимрановой «Мобильное приложение «Живые страницы» как средство подготовки студентов филологического факультета к организации урока литературы». В 2021 году опубликована работа Ю. А. Гимрановой «Обучение литературе в вузе с применением дистанционных образовательных технологий». В том же году вышла статья А. Н. Архангельского, А. А. Новиковой «Трансмедийный поворот в стратегиях обучения: нарративные практики на уроках литературы». В 2022 году под авторством Т. А. Горняковой опубликован материал «Некоторые приемы формирования умений читать текст на электронном носителе». Исследователи акцентируют внимание на том, что «...учителя неохотно и фрагментарно пользуются ИКТ, предпочитая традиционные методы и формы обучения» [2], «В системе высшего педагогического образования проблема обучения с применением онлайн-технологий имеет на данный момент одно из первостепенных значений» [3].

Витиевато и тонко ту же проблему, проблему следования «проторенной тропой», излагают А. Н. Архангельский и А. А. Новикова: «Парадоксальным образом главными могильщиками школьного литературного канона оказываются именно сторонники жесткой модели его сохранения и бесконечной трансляции «один к одному» [4]. Для повышения осведомленности, профессиональной компетентности преподавателей филологических дисциплин видится необходимым более детально представить возможности проекта «Живые страницы».

Целью данного исследования является раскрытие механизмов адаптации литературного первоисточника в социокультурном пространстве посредством интерактивной литературной энциклопедии «Живые страницы».

Объект исследования: идентификация феномена «нового интермедиального прочтения» произведений художественной литературы в его заданности образовательными программами, идеино-эстетическими предпочтениями и установками социума.

Предмет исследования: проект «Живые страницы».

Методы и методология исследования

В основе исследования находится метод экспериментально-теоретического уровня – анализ интерактивной литературной энциклопедии «Живые страницы». Применяется метод эмпирического уровня – сопоставление (развитие проекта во времени (данные 2023 года, 2025 года)). Материалами исследования являются литературные первоисточники, представленные в интерактивном формате.

Результаты исследования и их обсуждения

Информационная насыщенность «Живых страниц». По состоянию на август 2023 года в приложении насчитывалось 26 произведений мировой литературы, 1 перевод художественного труда на английский язык, 1 текст проекта «Тотальный диктант – 2020». Из них 4 труда Л. Н. Толстого: «Анна Каренина», «Детство. Отчество. Юность», «Война и мир» на русском и английском языках, «Воскресение». Включены 3 произведения Ф. М. Достоевского: «Братья Карамазовы», «Идиот», «Преступление и наказание». 3 творения А. С. Пушкина: «Евгений Онегин», «Капитанская дочка», «Медный всадник». 2 произведения Н. В. Гоголя: «Мертвые души», «Ревизор». 2 труда И. А. Ильфа и Е. П. Петрова: «Двенадцать стульев», «Золотой теленок». По одному литературному произведению мастеров слова: «Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Обломов» И. А. Gonчарова, «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова, «Отцы и дети» И. С. Тургенева, «Кому на Руси жить хорошо» Н. А. Некрасова, «Вишневый сад» А. П. Чехова, «Двенадцать» А. А. Блока, «Тихий Дон» М. А. Шолохова. В приложении представлены романы современников: «Лавр» Е. Г. Водолазкина, «С неба упали три яблока» Н. Ю. Абгарян, «Сад» М. Л. Степновой, «Зулейха открывает глаза» Г. Ш. Яхиной. Включен текст А. В. Геласимова «Per aspera», созданный для некоммерческого проекта «Тотальный диктант – 2020». По состоянию на январь 2025 года в приложении насчитывается 30 произведений мировой литературы, 1 перевод художественного труда на английский язык, 1 текст проекта «Тотальный диктант – 2020». Появились произведения «Гроза» А. Н. Островского, «На дне» М. Горького, «Авиатор» Е. Г. Водолазкина, «Филэллин» Л. Ю. Юзефовича. Соответственно, за 1 год и 4 месяца в приложение добавлено 4 художественных произведений и интерактивных блоков.

Важно, что в приложение включены литературные труды авторов, чей потенциал может привлекать различную аудиторию. Например, роман Марины Степновой «Сад» имеет возрастные ограничения 18+. Произведение Андрея Геласимова «Per aspera» создано, в том числе для усвоения правил русской орографии и пунктуации, оно может привлечь тех, кто изучает русский язык как иностранный. Ценителей литературных экспериментов ожидают полифонические романы. Это произведения основателя жанровой формы Федора Достоевского (по мнению М. М. Бахтина, «Достоевский создал как бы новую художественную модель мира, в которой многие из основных моментов старой художественной формы подверглись коренному преобразованию...» [5, с. 128]) и творение Наринэ Абгарян «С неба упали три яблока». Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» представлен на русском и английском языках. Приложение имеет русскую и английскую версии. Популяризация проекта осуществляется через проведение мероприятий: онлайн-чтение (проект «Война и мир»), онлайн-марафон (проект «Война и мир. Читаем роман»), семинар (семинар для педагогов в музее-усадьбе «Ясная Поляна»). В 2016 году на Всероссийском конкурсе «Создавая будущее» проекту «Живые страницы» присуждена победа в номинации «Русский мир».

Организация содержательных компонентов «Живых страниц» следующая: основа – литературные первоисточники, составные элементы – дополнительная информация из разных областей

наук (географии, истории, лингвистики, политологии, психологии), соотносящаяся с основой. Рассмотрим на примере романа Л. Н. Толстого «Воскресение». Текст произведения – это основа. Составные элементы: информация о прототипах героев (прообраз Катюши Масловой – Розалия Они, Дмитрия Нехлюдова – В. Г. Чертков, Мисси Корчагиной – М. Л. Урусова, Топорова – К. П. Победоносцев); информация об исторических явлениях и событиях, связанных с сюжетной линией романа (Русско-турецкая война 1877–1878 годов, Пенитенциарная система в Российской империи, Судебная реформа 1864 года, деятельность партии «Народная воля», функционирование Правительствующего сената); карта мира с указанием местонахождения героев (локации Москвы, локации Санкт-Петербурга, Иркутская городская дума, Томск, Екатеринбург, Пермь). В качестве еще одного примера рассмотрим поэму А. А. Блока «Двенадцать». Текст поэтического произведения – это основа. Составные элементы: информация о взаимоотношениях личности и общества (трагичный образ Петрухи – обладателя частной судьбы, которая должна быть уничтожена «во имя Революции». Двенадцать красногвардейцев готовы уничтожить старый порядок и пальнуть «глупей в Святую Русь... в толстозадую» [6]. Катюка представляет контингент продажных женщин, который формировался из числа бывших крестьянок. Образ Христа как попытка «освятить» дело революции или как кощунство (загадка поэмы)); информация об исторических событиях и жизни общества (начало Первой мировой войны, трудности со снабжением на фронте, Февральская революция, проституция в революционном Петрограде, создание Красной гвардии, батальоны Керенского, Октябрьский переворот, Всероссийское учредительное собрание, погода в начале января 1918 года). Дополнительные информационные блоки имеет каждое художественное произведение, представленное в приложении.

Если изучение художественных произведений в привычном формате подразумевает «линейное» прочтение материала, то «Живые страницы» предлагают исследовать литературный первоисточник, используя, в том числе альтернативные сценарии. В тексты включены интерактивные элементы и инфографика. Цветовое кодирование помогает распознать тематику глав. Так, красный цвет указывает на военное время, голубой – на мирное. После выбора художественного произведения пользователь может приступить к чтению или перейти по следующим ссылкам: «Ход времени» (визуализация композиции произведения в хронологическом порядке с включением дополнительных ссылок для сопоставления по времени литературных и исторических событий); «Судьбы» (визуализация линии судьбы любого персонажа в хронологическом порядке с возможностью перехода в первоисточник к исследуемой части материала; визуализация пересечения судеб двух героев (на выбор пользователя) в хронологическом порядке с включением ссылок для перехода к исследуемой части художественного произведения); «Герои» (художественное изображение каждого персонажа с индексом упоминания, характеристика героя, информация о прототипе (при наличии) и связи с реальными историческими фактами, цитаты героя с возможностью перехода к цитируемой части в первоисточнике); «Игры в слова» (игровая форма проверки на знание художественного материала, на понимание лексического значения встречающихся в тексте слов, а также специальные вопросы для подготовки к ЕГЭ (Единый государственный экзамен, централизованно проводится в Российской Федерации с 2009 года)); «Места» (визуализация пространства, где происходят события, а также маршрутов перемещения героев с включением ссылок к месту упоминания локации в первоисточнике). Стоит отметить, что на карте (переход по ссылке «Места») отмечены и события, происходящие с героями художественных произведений на территории современной Беларуси. Так, красная ссылка «Дрисский лагерь» размещена в Витебской области, между деревнями Атоки и Горбули. Сноска информирует о приезде князя Андрея в этот район во время военных сражений (роман «Война и мир» Л. Н. Толстого). Красная ссылка «Квартира Бенигсена в Дриссе» находится в Витебской области, между Верхнедвинском и деревней Мыково. Сноска информирует о приезде князя Андрея в квартиру генерала Бенигсена (роман «Война и мир» Л. Н. Толстого). Красная ссылка «Островно» расположена рядом с агрогородком Островно Бешенковичского района Витебской области. Сноска информирует о связи Николая Ростова с Островненским сражением (роман «Война и мир» Л. Н. Толстого).

В проекте «Живые страницы» количество произведений традиционной классики значительно преобладает над современной. Наибольшее количество художественных текстов, представленных в приложении, создано в XIX веке. Преобладающий литературный род – эпос, литературный жанр – роман. В проекте представлены произведения 21 писателя, 15 из них родились на территории современной России, 5 – Украины, 1 – Армении.

Литературоведческая традиция в мобильном приложении поддерживается А. С. Бодровой (эксперт), А. А. Бонч-Осмоловской (контент-редактор), Н. П. Великановой (эксперт), А. С. Диковой

(контент-редактор), М. М. Кабисовой (контент-редактор), С. А. Лашук (контент-редактор), О. А. Лекмановым (эксперт), Т. С. Лукашевским (контент-редактор), А. С. Львовой (контент-редактор), К. М. Поливановым (эксперт), Л. П. Разогреевой (эксперт), Ю. Г. Свищевой (контент-редактор), Л. И. Соболевым (эксперт), В. В. Файнберг (контент-редактор), С. С. Шауловым (эксперт, контент-редактор), Е. С. Шлосман (контент-редактор). Комментариями экспертов сопровождается каждое художественное произведение, что способствует лучшему пониманию материала.

Отмечается широта возможного применения разработки. Мобильное приложение может быть использовано как в частных целях, так и в процессе преподавания филологических дисциплин, при организации тематических литературных встреч, семинаров, конференций.

Важно обозначить высокое стремление команды «Живые страницы» к созданию коммуникативного сообщества, в котором «сообщество как нечто целое определяет существование входящего в него индивида. Последний должен принять установленные в сообществе правила» [7]. Данная позиция подкрепляется наличием следующих обстоятельств: приложение работает только на платформе Android, регистрация осуществляется через приложение «ВКонтакте». Следует, что показатель количества пользователей, вовлеченных в проект, напрямую зависит от количества пользователей смартфонов и планшетов на платформе Android. Использование приложения «Живые страницы» без регистрации «ВКонтакте» возможно.

Заключение

Очевидным способом внедрения традиционной и современной литературной классики в медийную среду является ее представление в медиапространстве через мобильные приложения, в частности, через проект «Живые страницы». Информационная насыщенность контента («Ход времени», «Судьбы», «Герои», «Места», «Игры в слова») и организация содержательных компонентов позволяют характеризовать «Живые страницы» как проект инновационный, уникальный. Интерактивные элементы и инфографика способствуют более глубокому погружению личности в мир литературного произведения. Приложение дает возможность перемещаться во времени и пространстве. Теперь читатели становятся исследователями, режиссерами, игроками, что приводит и к увеличению их вовлеченности в изучение первичного текста. Авторы проекта делают ставку на литературную классику (2023 год – 23 произведения из 28-ми, 2025 год – 25 произведений из 32). Преобладают прозаические произведения, род – эпос, жанр – роман. Одно произведение имеет возрастное ограничение 18+. Программа оснащена удобным интерфейсом. Переход по ссылкам осуществляется в один клик. Названия ссылок ясные, однозначные. Эти показатели позволяют утверждать, что пользоваться программой может человек с базовым уровнем владения цифровыми навыками. Среди проблемных вопросов – функционирование приложения. «Живые страницы» работают только на платформе Android. Тем не менее мобильное приложение «Живые страницы» является феноменальным продуктом взаимодействия реальности и фантазии, искусства и информации.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Фекла Толстая: «Живые страницы» облегчат школьникам восприятие литературной классики. – URL: <https://news.rambler.ru/other/41497359-fekla-tolstaya-zhivye-stranitsy-oblegchat-shkolnikam-vospriyatiye-literaturnoy-klassiki/> (дата обращения: 01.01.2025).
2. Актуальные проблемы использования ИКТ в литературном образовании школьников / М. А. Аристова, Н. В. Беляева, Л. Р. Бердышева [и др.] // Вестник Московского университета. Серия 20: Педагогическое образование. – 2018. – № 3. – С. 85–94. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akтуальные-проблемы-использования-икт-в-литературном-образовании-shkolnikov/viewer> (дата обращения: 07.01.2025).
3. Гимранова, Ю. А. Мобильное приложение «Живые страницы» как средство подготовки студентов филологического факультета к организации урока литературы / Ю. А. Гимранова // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2020. – № 4 (157). – С. 82–96. – URL: <https://clck.ru/3MDVs> (дата обращения: 25.12.2024).
4. Архангельский, А. Н. Трансмедийный поворот в стратегиях обучения: нарративные практики на уроках литературы / А. Н. Архангельский, А. А. Новикова // Вопросы образования. – 2021. – № 2. – С. 63–80. – URL: <https://clck.ru/3MDW3B> (дата обращения: 14.02.2025).
5. Бахтин, М. М. Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – М. : Азбука, 2016. – 416 с.

6. Кудинова, Е. А. Исследование концептосферы поэмы А. Блока «Двенадцать» / Е. А. Кудинова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – № 2 (42). – С. 281–283. – URL: <https://clck.ru/3MDWEk> (дата обращения: 20.04.2024).

7. Гутнер, Г. Б. Коммуникативное сообщество и субъект коммуникативного действия / Г. Б. Гутнер // Философия науки. – Вып. 11: Этос науки на рубеже веков. – 2005. – № 11. – С. 82–108. – URL: <https://clck.ru/3MDWRB> (дата обращения: 20.04.2024).

Поступила в редакцию 16.04.2025

E-mail: volyasna@gmail.com

V. V. Slavina

TRADITIONAL AND MODERN CLASSICS IN THE CONCEPT OF THE PROJECT
‘LIVE PAGES’

The article explores the ways of introducing traditional and modern literary classics into the media environment. Considering the possibilities of the mobile application *Live Pages*, the author analyzes the information richness of its content and the organization of content components. Ways to attract the audience and increase their involvement in the media resource have been noted, as well as alternative scenarios for studying literary texts offered by the application developers, including *TimeLine*, *Character evolution*, *Characters*, *Places*, *Word Games*. The ratio of the number of works of modern and traditional classics in the project, the predominance of the literary type and genre, and the prevalence of works depending on the time of their creation have been outlined. Problematic issues related to the perspective, speed, and conditions governing the distribution of the interactive literary encyclopedia *Live Pages* have been identified.

Keywords: *Live Pages*, code, integration, mobile application, classical literature.

УДК 82.09(510):821.161.3'06

Сюй На

Аспирант кафедры белорусской литературы, УО «Гомельский государственный университет

им. Ф. Скорины», г. Гомель, Республика Беларусь

Научный руководитель: Штейнер Иван Фёдорович, доктор филологических наук, профессор

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В НАУЧНО-ГУМАНИТАРНОМ ДИСКУРСЕ КИТАЯ

В статье основное внимание уделяется рецепции белорусской литературы в КНР, что открывает возможности для анализа восприятия китайскими исследователями произведений белорусских авторов, а также позволяет выявить ключевые тенденции и оценки этого явления. Автор приходит к выводу о значимости изучения белорусской литературы через призму китайского научно-гуманитарного дискурса и рассматривает его как активный процесс, способствующий более глубокому пониманию культурных особенностей обеих наций.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, белорусская литература, китайское литературоведение и критика, перевод, рецепция.

Введение

Современная белорусская литература представляет собой уникальный культурный феномен, возникший на стыке различных исторических и культурных влияний. За последние десятилетия её наиболее значительные достижения стали привлекать внимание учёных не только в странах постсоветского пространства, но и на международной арене.

Актуальность избранной темы нельзя переоценить в условиях роста количества и разнообразия межкультурных коммуникаций. «На современном этапе диалог белорусской и китайской культур – историческая необходимость и объективная закономерность, что обусловлено в первую очередь состоянием международных отношений, традициями, заложенными еще в советские времена, новыми направлениями сотрудничества Республики Беларусь и Китайской Народной Республики в гуманитарной сфере, высоким уровнем развития интернет-коммуникации и др.» [1, с. 21], – утверждает Н. Хмельницкий. Наблюдается рост межэтнических взаимодействий, что делает необходимым углубленное изучение критического восприятия белорусской литературы в контексте китайской культурной традиции. Несмотря на наличие значительного потенциала, белорусская литература остаётся незаслуженно недооцененной на международной сцене. В рамках проводимого исследования планируется восполнить данный пробел, проанализировав реакции китайских критиков на белорусскую литературу, что создаст условия для расширения литературного взаимодействия между двумя культурами. Цель исследования – выявить основные тенденции и оценки текстов белорусской литературы в научно-гуманитарном дискурсе Китая.

Методы и методология исследования

Для осмыслиения степени представленности белорусской литературы и особенностей ее функционирования на разных временных срезах в китайском культурном пространстве автор использует описательный и культурно-исторический методы, а также элементы социологического метода и метод статистического анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Белорусская литература выделяется своим стилем разнообразием, темами и жанрами, а также способностью отражать сложные социальные и политические реалии. На сайте Национальной библиотеки Беларуси отмечается: «Современная белорусская литература характеризуется гармоническим сочетанием традиционалистских и постмодернистских течений» [2]. Особенный интерес для переводчиков представляет творчество таких писателей, как Янка Купала, Якуб Колас, Максим Танк и Василь Быков, имена которых стали синонимами белорусской литературы на международной арене. Перечисленные выше авторы выступают важным связующим звеном между белорусской культурой и другими странами, включая Китай, где их произведения находят признание среди читателей и критиков. Не случайно в КНР создано 14 центров изучения Беларуси. В четырех ведущих вузах страны, изучающих иностранные языки, ведется преподавание белорусского языка. В двух самых значительных городах Поднебесной установлены памятники народным писателям: в 2018 году – Якубу Коласу

в Циньцзиньском университете и в 2020 году – Янке Купале во Втором Пекинском университете иностранных языков.

Критический и литературоведческий анализ литературных произведений играет важнейшую роль в формировании общественного мнения и восприятия текстов читателем. Он не просто рассматривает произведения с точки зрения художественных и смысловых значений; критика создает контекст восприятия, акцентируя внимание на специфических литературных трендах и культурных особенностях. «В широком общекультурном смысле литературная критика – обозначение восходящей к глубокой древности филологической рефлексии по поводу любого словесно организованного текста» [3, с. 6]. Китайская критика, посвящённая литературе Беларуси, в значительной степени помогает формировать общественное мнение и даёт представление реципиенту из КНР о белорусской культуре в целом. В условиях недостаточной осведомленности китайского читателя о белорусских авторах необходимость в критической и литературоведческой интерпретации становится более чем актуальной, поскольку белорусские произведения наделены уникальными культурными кодами, которые могут оказаться непривычными для неподготовленного читателя.

Практически до конца XX века белорусская литература в Китае воспринималась исключительно как часть советского словесного искусства. Соответственно, и переводы книг белорусских писателей осуществлялись в большей степени не непосредственно с оригинальных текстов, а через русскоязычные источники. С точки зрения Гуань Линьли, к «таким писателям принадлежал и Василь Быков, известный позже как общественный деятель, Лауреат Государственной премии СССР, чьи труды были переведены на многие языки мира. Нельзя не отметить, что на протяжении, по крайней мере, пятидесяти лет (40–80-е годы XX в.) советские писатели не отделялись друг от друга по национальным признакам. Соответственно, Белорусская Республика не мыслилась как самостоятельное объединение, а ее территория воспринималась как западная часть СССР. Из этого исходили все художники военного и послевоенного времени. Но В. Быков, живший большей частью на территории нынешней Белоруссии, предельно глубоко знал то, что происходило в этой части страны в 1941–1945 гг. Его произведения неоценимы для читателей последующих лет и для понимания сущности трагического» [4, с. 89].

Только в 1993 году, после того как Беларусь стала независимой, в Китайской Народной Республике вышла первая книга «История белорусской литературы». Её автор, профессор Хэннаньского университета Ян Юйцяо, показал историю развития белорусской литературы с XIII века до 80-х годов XX столетия. Помимо обзорных разделов в книге созданы портреты 20-ти белорусских поэтов и прозаиков. Профессор призвал молодое поколение славистов продолжить его начало. Известный переводчик русской литературы Гао Ман поддерживал тесные контакты с белорусскими писателями, переводил их произведения на китайский язык. В 2019 году во Втором Пекинском университете иностранных языков профессор Чжан Хуэйцинь издала книгу «Известные имена Беларуси», в которой, наряду с портретами государственных деятелей, рассказала о первопечатнике Франциске Скорине, классиках Янке Купале, Якубе Коласе, Максиме Богдановиче. В феврале 2023 года вышла книга «Избранные современные произведения белорусских писателей», в которую вошли как стихи, так и проза известных писателей. Профессор Второго Пекинского университета иностранных языков Сюй Чуаньхуа составил для студентов сборник «Современная белорусская литература» и написал курс лекций по данной теме.

Активно занимается переводческой деятельностью Хань Сяоэ, китайский литературовед, начальник Центра культуры Беларуси во втором Пекинском университете. Его творческие интересы сосредоточены прежде всего на произведениях современных белорусских писателей, предназначенных для детей. Китайский переводчик отмечает качественные стороны современной белорусской детской литературы: ее способность точно передавать стремление детей к приключениям, их любовь и привязанность к родной земле, к ее людям, истории и культуре [5, с. 5]. Именно поэтому, по мнению указанного выше авторитетного исследователя, произведения белорусских авторов вызывают интерес у китайских читателей. В 2025 году в Китае вышла в переводе Хань Сяоэ книга «Выбраныя аповесці» белорусского писателя Алексея Карлюкевича. Под одной обложкой для китайского читателя представлены повести «Прыгоды Максімкі на радзіме і ў іншых краінах», «Шубуршун і яго сябры», а также «Апавяданні пра Айчыну». В планах Хань Сяоэ также значится издание книги поэзии и прозы А. Бадака. Кроме того, магистранты, аспиранты и докторанты второго Пекинского университета и ряда других китайских вузов исследуют творчество белорусских поэтов и прозаиков, что предполагает продолжение работы по переводу произведений белорусской литературы.

В свою очередь в современной Беларуси выходят книги китайских литераторов. Так, несколько лет назад вышли белорусские антологии китайской поэзии «Пад крыламі Дракона. Сто

паэтаў Кітая» и «Пялёсткі лотаса і хрызантэмы» – уникальные творческие проекты лауреата Государственной премии Республики Беларусь Николы Метлицкого, который перевоссоздал на белорусском языке произведения поэтов Китая XX века.

Ключевым аспектом настоящего исследования является оценка качества переводов белорусской литературы на китайский язык. Процесс перевода обрачивается не просто механическим переносом текста, но и сложной интерпретацией, затрагивающей культурные и языковые различия, возникающие между народами. Понимание того, как изменения в процессе перевода влияют на восприятие читателем белорусских авторов, становится очень важным. Например, те ценности и традиции народа, которые описаны в белорусской литературе, могут быть неверно истолкованы китайскими читателями по причине языковых и культурных барьеров. Отсюда следует, что литературоведы и критики, работающие с переводами, должны уделить особое внимание нюансам и контекстам, которые могут быть утеряны в процессе перевода. Белорусские книги дают представление о проблемно-тематических и жанрово-стилевых поисках их авторов, эволюции и утверждении национальных и общечеловеческих ценностей как основы жизни.

Рецепция белорусской литературы в КНР берёт начало только в 1946 году, когда китайский читатель впервые открыл для себя творчество Янки Купалы, а точнее – его сборник «Жалейка» в переводе Чжу Цзи (издательство «Вэньгуан Шудянь»). «Китайский переводчик и литературовед Чжу Цзи (наст. имя Сунь Шэн) является автором энциклопедических статей об Я. Купале, В. Быкове и И. Шамякине, а также обзорных статей о белорусской литературе» [6, с. 80], – отмечает Линь Цзинхуа в статье «Конспект изучения постсоветской русской литературы».

Через несколько лет, в 1950 году, Линь Линь (настоящее имя переводчика – Цзян Чуньфан) представил свою версию стихотворения Я. Коласа «Абаронцам роднай зямлі» на китайском языке. В 1957 году Чэн Чжаолинь предложил китайскому читателю еще один перевод – рассказ «Макарка Навак» Я. Коласа. Через год в КНР выходит повесть «Дрыгва» белорусского классика, причём издаётся она дважды: в 1958 г. («新文艺出版社») и в 1959 г. («上海文艺出版社»). Ли Ляньминь, который обратился к этому произведению, был известен как переводчик детской литературы. Интерес к повести Я. Коласа он объяснил таким образом: «Главные герои этих произведений – мученики, героические личности сформировались в условиях Великой Отечественной войны, национально-освободительной и классовой борьбы. Следовательно, выбирая тему для моего искусства переводов, я руководствовался принципом “биографии геройического деятеля”» [7, с. 220].

В 1950-е годы Му Мутян переводит поэму «Сцяг брыгады» и сборник стихотворений «Росквіт Зямлі» Аркадия Кулемшова. В это же десятилетие китайский читатель имел возможность познакомиться с такими писателями, как Иван Шамякин (сборник рассказов «В Москву», 1954 г.); Янка Брыль («Галія», в переводе Ши Юнли, 1957 г.; «Зеленая школа», в переводе Цзян Луюания, 1958 г.; «В Заболотье светает», в переводе Чжао Мина, 1955 г.); Петрусь Бровка (роман «Калі злівающа рэкі», в переводе Сунь Гуаньинь, который вышел в «Народном литературном издательстве» («人民文学出版社»); а также Кондрат Крапива («Хто смеяцца апошнім» и «Пяюць жаваранкі», в переводе Гун Чжэнфана, 1955 г.). Китайские переводчики обращаются и к белорусской детской литературе: повестям Янки Мавра «Палескія рабінзоны» и «ТВТ, або Апавяданне пра тое, як піянеры ўзбунтаваліся супраць уціску рэчаў» (перевод Ван Вэнь, 1956 год).

Тема Великой Отечественной войны представлена прежде всего повестями и романами Василя Быкова, которые выходили отдельными изданиями («Абеліск», «Дажыць да світання» и «Воўчая зграя» – издательство «Вайго Вэньсюе», 1980 г.; «Пайсці і не вярнуцца» – издательство «Анхуэй Жэнъминь», 1981 г.; «Жураўліны крык» – издательство «Чжэцзян Вэньи», 1983 г.; «Альпійская балада» – издательство «Хунань Жэнъминь», 1984 г.). Примечательно, что произведение «Пайсці і не вярнуцца» вышло в 1981 году сразу в двух издательствах.

Привлекла внимание китайских переводчиков и «Блокадная книга» А. Адамовича и Д. Гранина, отрывки которой напечатал журнал «Шидзе Венсуэ». В 1970–1980-е гг. китайский читатель знакомится с новыми произведениями Ивана Шамякина (роман «Снежная зима» вышел в издательстве «Шанхае Жэнъминь», 1972 г., а «Глыбокая плынь» – в издательстве «Шаньдун Жэнъминь», 1982 г.). Активно переводятся стихи и поэмы Максима Танка, П. Бровки, А. Кулемшова.

Профессор Чжан Хуэйцинь считает, что «в процессе перевода белорусских писателей мы нашли много общего между китайцами и белорусами. Многие темы, рассматриваемые поэтами и прозаиками Беларуси, нам близки и знакомы» [8, с. 10]. В качестве примера исследователь приводит произведение «Побег на край дождя» Александра Бадака, рассказы и сказки Александра Карлюкевича, основанные на культурных традициях белорусского народа, среди которых выделяется ответственность человека за семью, свою работу и призвание, воспитание любви к Родине и природе.

Заключение

Таким образом, китайский читатель познакомился с произведениями белорусской литературы только к середине XX века на примере творчества Я. Купалы, Я. Коласа, Максима Танка, П. Бровки, А. Кулешова, В. Быкова, А. Адамовича, И. Шамякина и др.

Можно заключить, что исследование белорусской литературы в Китае вызывает разнообразные отклики, читатель воспринимает эту литературу в первую очередь как отражение времени. С учетом новых межкультурных связей и увеличения возможностей для обмена знаниями между нашими странами белорусская литература постепенно становится более заметной на литературной карте Китая. Изучение реакции китайских критиков на белорусские произведения не только позволяет осветить их важность для китайского читателя, но и подчеркивает настоятельную необходимость создания структур, способствующих дальнейшему литературному обмену. Углубленный анализ белорусской литературы с точки зрения китайской критики может стать важнейшим шагом на пути её интеграции в международное литературное поле, что значительно повысит возможности её популяризации на мировой сцене.

Перспективы для дальнейших исследований могут включать в себя более детальный анализ отдельных произведений, их переводов и сопоставление литературных стилей, что, безусловно, сделает реальный вклад в развитие как белорусской, так и мировой литературы. Тот факт, что белорусская литература обретает своё место в культурном дискурсе Китая, свидетельствует, что в будущем обмен в этой сфере будет лишь углубляться, что, в свою очередь, создаст богатую почву для новых литературных и культурных открытий.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Хмяльніцкі, М. М. Беларуска-кітайскія літаратурныя сувязі: дасягненні і перспектывы дзеянасці кафедры кітайскай філалогіі / М. М. Хмяльніцкі // Часопіс Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. Філалогія. – 2024. – № 3. – С. 20–25.
2. Беларусь в информационном пространстве. – URL: <https://infocenter.nlb.by/kultura-i-iskusstvo/literatura> (дата обращения: 14.02.2025).
3. История русской литературной критики : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В. В. Прозоров, Е. Г. Елина, Е. Е. Захаров [и др.] ; под ред. В. В. Прозорова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2009. – 432 с.
4. Гуань Линьли. Трагические мотивы военной литературы в интерпретации Василя Быкова и Ю Фэнвэй – памяти 75-летия Победы в Великой Отечественной и Японо-китайской войнах / Гуань Линьли // Мир русскоговорящих стран. – 2020. – № 2 (4). – С. 87–96.
5. Хань Сяо. Мастацкі пераклад адкрывае новыя прасторы... / Хань Сяо // Літаратура і мастацтва. – 2023. – 28 ліп. – С. 5.
6. 林精华. 后苏联俄罗斯文学研究论纲 / 林精华 // 俄罗斯学刊. – 2015. – № 1. – Р. 77–87. = Линь Цзинхуа. Конспект изучения постсоветской русской литературы / Линь Цзинхуа // Вестник россиведения. – 2015. – № 1. – С. 77–87.
7. 陈建华. 二十世纪中俄文学关系 / 陈建华// 北京 : 高等教育出版社, 2004. – 356 p. = Чэн Цзяньхуа. Отношение китайской и русской литературы в XX столетии / Чэн Цзяньхуа. – Пекин : Издательство высшей школы, 2004. – 356 с.
8. Чжан Хуэйцинь. Кітай наноў адкрывае Беларусь літаратурную... / Чжан Хуэйцинь // Літаратура і мастацтва. – 2023. – 28 крас. – С. 10.

Поступила в редакцию 10.03.2025

E-mail: 630073154@qq.com

Xu Na

THE REPRESENTATION OF BELARUSIAN LITERATURE IN THE SCIENTIFIC-HUMANITARIAN DISCOURSE OF CHINA

The article focuses on the reception of Belarusian literature in the PRC, which opens up opportunities for analyzing the perception of the works of Belarusian authors by Chinese researchers, and also allows us to identify key trends and assessments of this phenomenon. The author comes to the conclusion about the importance of studying Belarusian literature through the prism of Chinese scientific and humanitarian discourse and considers it as an active process that contributes to a deeper understanding of the cultural characteristics of both nations.

Keywords: intercultural communication, Belarusian literature, Chinese literary studies and criticism, translation, reception.

УДК 821.161.1-312.4 “1960/1980”

В. Г. Шилина

Аспирант кафедры белорусской и русской филологии, УО «Витебский государственный университет им. П. М. Машерова», г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель: Крикливец Елена Владимировна, доктор филологических наук, доцент

ІДЕЙНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ И ЖАНРОВАЯ ДИНАМИКА СОВЕТСКОЙ ДЕТЕКТИВНОЙ ПРОЗЫ 1960–1980-Х ГОДОВ

В статье рассматривается идеино-тематическая и жанровая эволюция советской детективной прозы 1960–1980-х годов. Автор выявляет специфику детективного жанра и его ключевые разновидности, анализирует влияние исторических и социальных факторов на развитие детективного жанра в исследуемый период. Репрезентативный эмпирический материал позволил автору статьи продемонстрировать вклад конкретных писателей в развитие советской детективной прозы второй половины XX века.

Ключевые слова: русская литература, детективная проза, жанр, соцреализм, реализм.

Введение

Литературный процесс во второй половине XX века претерпел значительную трансформацию. С эстетической точки зрения, наблюдается преодоление канонов нормативной поэтики и переход в русло социально-психологического реализма, с когнитивной – проявляется интерес к познанию исторически важных сторон национальной жизни.

М. М. Бахтин утверждал, что «*Каждая эпоха имеет свой ценностный центр в идеологическом кругозоре, к которому сходятся все пути и устремления идеологического творчества. Именно этот ценностный центр становится основным комплексом тем литературы данной эпохи*» [1, с. 331].

Советская детективная проза 1960–1980-х годов остается популярной не только среди читателей, но и среди литературных критиков. В условиях строгой цензуры и идеологического контроля писатели создавали произведения, описывающие перипетии бытовой и политической жизни советского общества.

Цель данного исследования – выявить специфику жанрового мышления авторов детективной прозы в реалистической и соцреалистической парадигме.

Актуальность исследования заключается в особенностях исследуемого периода: исторического и социального контекста, идеологической ангажированности, жанровой динамике детективной литературы, что обуславливает необходимость изучения советской детективной прозы.

Методы и методология исследования

В процессе исследования использовались культурно-исторический метод и метод системного анализа.

Результаты исследования и их обсуждение

Соцреалистический метод в советской литературе выстраивается как нормативная эстетика за счет классовых антагонизмов, идеологических размежеваний, его положительный герой – образ нравственного и эстетического идеала советской эпохи. По мнению советского литературоведа Н. Л. Лейдермана, «*парадигма соцреализма сводит личность к социальной функции, горизонты эстетического идеала ограничивают миром социальных ценностей, возводя обезличивание человека в массе в степень героической самоотверженности. Эстетическая программа возвращала художественное сознание к нормативизму, пересекая сопротивление внехудожественной реальности заданных идеологических ориентиров. Распространение соцреалистического канона возникло в связи с понижением эстетического качества официальной советской литературы*» [2, с. 20–21].

А. А. Ревякина полагает, что социалистический реализм берет свое начало с трактата «Основы позитивной эстетики» А. В. Луначарского, в котором литературный критик призывал изображать картину будущего сияющей счастьем и совершенством. М. Горький отмечал идеино-тематическую направленность соцреализма: «*Основным героем книг должен быть человек, организуемого процессами труда*». Н. И. Бухарин утверждал, что «...в центре внимания социалистического реализма стоит

изображение строительства социализма, борьба пролетариата, нового человека и всех многочисленных “связей и опосредований” великого исторического процесса современности, а стилевые особенности связаны с содержанием материала и целеустремления волевого порядка, согласно классовой позиции пролетариата». Согласно формулировкам А. А. Жданова, «следует изображать действительность в ее революционном развитии. Советскую литературу можно разнообразить с помощью различных художественных средств» [3, с. 103].

Иначе сложилась судьба соцреалистического реализма после смерти Сталина. Из соцреалистических канонов выделилась «деревенская проза», в которой писатели изображали жизнь крестьянства в условиях социального насилия и деформации, рассказывали правду о войне и разрушали мифы о героике и оптимизме. «Производственная проза» оставалась главным двигателем социалистического социума и цеплялась за принципы соцреализма [3, с. 106].

Появление определения «концепция личности» в научных статьях 60-х годов послужило новому этапу в развитии литературы и критики. Концепция советской «сверхличности» сменяется ориентацией на разностороннее рассмотрение и воплощение нравственного мира героя [3, с. 106; 4, с. 150].

На развитие литературы исследуемого периода оказали влияние как внешние, так и внутренние обстоятельства: «оттепель», чернобыльская трагедия, «Пражская весна», война в Афганистане, вывод советских войск из стран Западной Европы, ослабление военно-промышленного комплекса страны. Эти события побудили писателей к поиску новых способов осмыслиения и оценки окружающей действительности. Отечественная литература имеет широкий диапазон тем и традиций, в которой прослеживаются глубокие раздумья о человеческой нравственности и о судьбе Отечества.

Социально-психологический реализм в 1960–1980-е годы вновь оказывается эстетической доминантой. Писатели-реалисты, несмотря на различия в своем творчестве, давали общую оценку ключевых событий XX века. Данная оценка была определена кризисом гуманизма и традиционных нравственных систем, поэтому писатели стремились искать способы оптимистического противостояния разрушительным движениям общества. Центральным аспектом в творчестве писателей второй половины XX века становится судьба человека и судьба нации. Литература постепенно перешла от осмыслиения народного характера к осмыслиению национального бытия и вошла в контекст не только истории, но и природы, в концепте которой познание законов природы могла гармонизировать литература и социальная практика отечественной жизни. Писатели пытались постигнуть взаимоотношения природы и социал-национальных начал, тем самым найти причину кризиса современного общества. Это указало на универсальные проблемы общества: проблему народного характера и трагедии нации, постижение особенностей городского образа жизни, постижение места человека в истории, культуре и вечности, утрату гуманистических идеалов вплоть до хаоса и абсурда.

Одним из перспективных тематических векторов развития советской литературы в 60–80-х годах XX века стала детективная литература.

Развитие русского детектива в контексте исследуемого периода можно разделить на четыре этапа:

- 1917–1935 годы;
- 1936–1941 годы;
- 1941–1956 годы;
- 1956 – вплоть до распада СССР.

Именно в 1956 году появился образец «канонического» советского детектива, где присутствуют преступление, расследование, поимка преступников. С распадом СССР в детективной прозе появились новые герои и преступления, так как обстоятельства того времени приводили к заимствованию западных образцов.

Стоит также отметить, что советская детективная литература имеет ярко выраженную тематическую направленность:

- **детективный или криминальный роман / повесть** – развивается в 1957–1987 годах. В литературу пришло молодое поколение, умеющее мыслить свежо и оригинально;
- **милицейский роман (производственный)** – рассказывающий о сотрудниках милиции, в нем может отсутствовать расследование преступления;
- **шпионский роман** – затрагивающий времена шпионов, диверсантов и других врагов Отечества;
- **политический роман** – направлен на раскрытие политической международной жизни;
- **исторический детектив** – рассказывающий об исторических событиях прошлого.

В 1950 году начинает издаваться «Библиотечка военных приключений» (с 1963 г. переименована в «Военные приключения»), где читатель имеет возможность познакомиться с произведениями

о пограничниках, шпионах и разведчиках, снайперах. В ряде произведений можно наблюдать элементы фантастической условности. Например, в повести Н. Автократова «Серая скала» после бегства фашистов завод охраняет некий комендант, а его, в свою очередь, стерегут мертвые статуи. Как отмечает исследователь В. Разин, *«такой подход губителен для истинного детектива. Подобная проблема возникала из-за того, что редакции стремились полнее и быстрее отметить на книжном рынке, а также многие авторы не умели создавать качественный сюжет. Послевоенные произведения строились по известным схемам: враг – шпион, тайна – либо какое-то изобретение или открытие. Из этого и получаются плоские, ничем друг от друга не отличающиеся герои, уход от показа душевного мира людей, отсутствие характеров как положительных, так и отрицательных героев, авторского наблюдения над мотивами поступков героев»* [5, с. 15].

С приходом к власти Н. С. Хрущева стало возможным издавать литературные журналы, появлялись новые газеты, возвращались узники сталинизма, среди которых были и авторы детективных произведений.

В советской литературе складывается когорта писателей, создававших произведения с элементами детективного жанра. Примером тому служит трилогия А. Авдеенко «Над Тиссой» (1954 г.), «Горная весна» (1956 г.), «Дунайские ночи» (1963 г.), в которой рассказывается о пограничниках. Произведения Г. Брянцева «Тайные тропы», «Следы на снегу», «Это было в Праге», «Клинок эмира», «По тонкому льду» относятся к военно-детективному роману. Произведение «Тетрадь, найденная в Сунчоне» Р. Кима, написанное в 1951 году, относят к политическому роману, для читателей все, происходящие за рубежом, стало новинкой. Известный автор популярных исторических романов о деятельности иностранных разведчиков В. Иванов в 1952 году написал «По следу», а в 1956 году – «Желтый металл», в которых поднимались некоторые проблемы советской милиции. Известность в читательской среде приобрели шпионские детективные романы «Похождения Нила Кручинина» и «Ученик чародея» Н. Шпанова. Повествование в романах ведется о сыщике Кручинине и его помощнике Грачьяне (Грачике). «Похождение Нила Кручинина» хотя и понравилось читателю, но не осталось без внимания критики, которая отметила, что автор пытался подражать классическому детективу. Образ Нила Кручинина очень схож с Шерлоком Холмсом, и непонятным оказывается его статус: он частный сыщик или же работает на государственной службе? Характеры персонажей описаны неинтересно и вяло. Нилю Кручинину и Сурену Грачику присущи также перфекционизм и моральный максимализм, они борются со злом до конца. Максимализм, наивысшие ставки и ощущение переднего края борьбы со злом является типичным стилем для ретро-детективов середины XX века. Стоит отметить, что образ Кручинина стал прообразом целой группы удачных сквозных героев в творчестве других авторов (Костенко у Ю. Семёнова, Денисов у Л. Словина и т. д.).

В детективной литературе послевоенного времени акцент делался на гуманизме и вере в добро и высокий оптимизм, так как была возможность открыто писать об организованной преступности и некоторые темы перестали быть табуированными. Примером тому могут послужить произведения А. Адамова «Дело пестрых» и «Черная моль», где писатель впервые рассказал о существующей банде расхитителей социалистической собственности и о том, что преступный мир образует банды и шайки.

Детектив – игровой жанр, так как отношения сыщика и преступника основаны на принципе игры, а в соцреалистической эстетике игра оценивалась негативно. В романах А. Адамова «Дело «пестрых»» и братьев Вайнеров «Эра милосердия» в подобной стихии естественно себя чувствуют только преступники Пит и Фокс, а герои-следователи Коршунов и Шарапов чувствуют себя некомфортно, и это сказывается на личностной и профессиональной деятельности. В романе «Дело «пестрых»», по мнению Н. Томана, «недостаточно тщательно подобраны факты» и наблюдается «переизбыток эпизодов» [6]. Однако читатель заинтересован не столько судьбой героев, сколько техникой раскрытия преступления. В. Разин отмечает, что *«талантливый писатель произведение напишет так, что читатель, даже зная кто преступник, по-прежнему будет заинтересован дальнейшим расследованием. Характеры героев должны строиться на расследовании преступления»* [5, с. 18].

Литературный критик Н. И. Ильина в своей статье пишет, что «в романах 50-х годов повествование ведется с появления засланного в отечество шпиона. В романах 60-х годов такое начало почти не встречалось. Советская литература приближалась к западному детективу, где жертва уже известна на первых пяти страницах, а затем идет розыск преступника. В роли преступника по-прежнему выступают скрывающиеся от наказания немецкие полицаи, но появился также и новый тип преступника: лица, занимающиеся бандитизмом, рэкетирством, воровством и т. д. Против преступника выступает сотрудник ОБХСС, который помогает милиции гоняться и разоблачать их. Персонажи, подобные западным, встретиться не могут. Сыщики, как и другие персонажи произве-

дений, являются государственными служащими. Также предполагается, что все те, кто борется против шпионов, грабителей, убийц и всяких вредителей, сражаются за чистоту социалистического общества» [7].

Для детективной литературы актуальной остаётся и дидактическая направленность. Создавались детективные произведения, которые акцентировали свое внимание на бандитских группировках, подчеркивая непростые судьбы молодых людей, которые почти всегда обрывались трагически. Писатели показывали, как молодые люди учились в школе и мечтали о будущем, но в какой-то момент все обрывается, и образуется банда. Однако ближе к 80-м годам романы-воспитания утратили свою значимость. И книжная проповедь о правильной жизни стала малоэффективной.

Советская детективная литература не так быстро развивалась, как западная. Западные авторы остроюжетной литературы использовали игровой компонент в своих произведениях, поэтому такой формат нравился читателям и такие книги быстро раскупались. Советский же детективный роман имел не только общепринятые, но и свои, типично советские, правила, которые, во-первых, контролировались издательством, а во-вторых, государственной цензурой. Произведение должно содержать одно-два убийства и итог – разоблачение преступника, а персонажи, которые разыскивают преступника, должны быть олицетворением добра, преступник же – человек, погрязший в грехах. В повествовании не должны упоминаться потусторонние силы, какие-либо тайные сообщества, не должно быть и кровавых сцен, милиционеры, прокуроры, судьи не должны быть продажными и т. д. [5].

Советский детектив зародился позже западного, однако сумел перенять напряженность развития, умение вовремя приоткрыть тайну и заставить читателя внимательно следить за событиями, но отечественная детективная литература все же имеет свой собственный путь развития. Центральный конфликт повествования составляет психологический поединок следователя и преступника, который всегда заканчивается победой добра над злом. Главным потребителем детективной литературы являлась молодежь, поэтому устанавливалась высокая нравственная планка детектива. Детективное произведение имело гуманистическую традицию, важным оставался показ проблемы становления человека как личности и познание того, каким путем пойдет человек и как неправильно выбранный путь приводит к трагическому исходу. На подобное ориентировались милиционские и криминальные детективные повести и романы, особенно остро – в послевоенное время.

С развитием детективного жанра писатели вбирали некоторые приемы западных произведений. Новейшим для отечественного детектива приемом было убийство в закрытом пространстве, и таким приемом воспользовался П. Шестаков. «Три дня в Дагезане» повествует о сыщике Игоре Мазине, который по совету своего приятеля отправляется в отпуск в небольшой горный поселок, где и происходит загадочное убийство. Главный герой вынужден взять на себя расследование, так как стихийное бедствие отрезало горный поселок от внешнего мира. Также повесть Л. Словина «Дополнительный прибывает на 2-й путь» повествует о расследовании в закрытом пространстве.

В 1957 году появляется трилогия А. Безуглова и Ю. Кларова «Конец Хитрова рынка», в которой повествуется о работе МУРа с 1918 года по 1935 год. В первой книге рассказывается об Александре Белецком, который после смерти отца был принят на работу в уголовный розыск города Москвы. Главный герой бесстрашно борется с бандами, например, под руководством начальника МУРа чекиста Медведева, он принимает участие в ликвидации банды Кошелькова. Писатели детально описали обстановку в Москве (голод, высокий уровень бандитизма, контрреволюция, гражданская война).

«В полосе отчуждения» – вторая книга, в которой описывается раскрытие МУРом убийства антиквара Богоявленского. Действие романа также развивается в Москве в период новой экономической политики. Главный герой вместе с начальником секретного отдела Виктором Сухоруковым проводит операцию по обезвреживанию банды монархистов из окружения «легендарного старца» Григория Распутина. Авторы ярко описали исторические события: «распутиница», отречение от престола императора Николая II, пребывание его в Тобольске и Екатеринбурге, расстрел царской семьи. Акцент в романе делается на беспредельном морально-нравственном разложении, которое господствовало при царизме.

«Покушение» – третья и заключительная книга писателей. В ней рассказывается о невиновном человеке, которому грозит несправедливое наказание. Александр Белецкий, ставший уже начальником отделения, с Виктором Сухоруковым в 1935 году предотвратили эту несправедливость. В романе главными остаются справедливость и соблюдение законности, борьба за свободу и счастье человека.

Историко-литературный период с конца 1960-х до середины 1980-х годов ознаменован подъёмом литературы на новый уровень: появляются новые и обретают зрелось уже имеющиеся художественные

тенденции. В этот период возникает глубоко оригинальная форма интеллектуальной прозы, где ставится документальный конкретно-изобразительный план с обобщенно-метафизическим.

С 1968 года читатели могли познакомиться с журналом «Подвиг», в котором издавалась острожюжетная проза. Также начала активно издаваться переводная детективная литература. В 1956 году «Детиздат» выпустил том рассказов А. Конан Дойла, в 1958 году «Гослитиздат» выпустил том Г. К. Честертона, а «Огонек» в 1968–1969 годах имел возможность издать целый восемьтомник А. Конан Дойла. Благодаря союзным республикам, где давление цензуры было слабее, в советскую страну стал проникать зарубежный детектив.

В 1965 выходит «Такая работа» Л. Словина – детективная повесть, рассказывающая о расследовании убийства милиционера. Сюжет начинается с убийства сослуживца главного героя, который вместе с другими сотрудниками разыскивал убийц-грабителей. Автор описывает не только расследование, но и отношения между сотрудниками и начальниками, давление служащих с требованием быстрой поимки виновных. Это первое произведение писателя, в котором многое шаблонно и схематично.

В 1967 году выходит в свет «Чрез Лабиринт» П. Шестакова, в котором читатель впервые знакомится со следователем Игорем Мазиным. Повествование начинается с ужасного преступления: к Мазину за помощью обращается телемастер Семенистый и сообщает о пропаже хозяина квартиры, в которой Семенистый проживает. Мазин, расследуя все обстоятельства пропажи хозяина квартиры, выясняет, что его сожгли в печи. Писатель мастерски описывает раскрытие преступления, одни ниточки ведут к раскрытию, другие обрываются, и вновь появляются ниточки, которые ведут в другие города, а в конце распутываются и раскрываются не только убийство хозяина квартиры, но и преступления, совершенные в годы войны.

«Мастер» (1968) Н. Леонова повествует о серии дерзких квартирных краж, которые расследуются молодым опером Леонидом Зубовым и остальными сотрудниками МУРа. Зубов с огромным рвением берется за дело, отрабатывает несколько версий, но преступник оказывается хитрее и запутывает следствие, а квартирные кражи – это лишь малая часть предстоящего крупного дела, на раскрытие которого муромцы вынуждены пригласить настоящего мастера.

«Часы для мистера Келли» (1970) А. и Г. Вайнера – детективное произведение, действие которого происходит в 60-х годах прошлого века в Одессе и Москве. Повествование ведется о расследовании хищения с часового завода и последующей отправке за границу деталей часов. Расследованием занимается Станислав Тихонов, которого отправили в командировку в Одессу на поимки преступника. Стоит отметить, что в данном произведении главному герою встречается персонаж романа «Эра милосердия» Володя Шарапов (который в будущем станет начальником Тихонова). Преступники в произведении становятся известны по мере развития сюжета, а их поимка происходит ближе к концу. Писатель создал динамичный сюжет, который читается легко и с интересом.

«Комендантский час» (1972) Э. Хруцкого рассказывает о борьбе МУРа с бандитизмом. Главный герой, майор Иван Данилов, совместно с органами государственной безопасности в 1941 году ликвидирует бандитскую группу агентов немецкой разведки, а также бывшего царского офицера, священника Ваганьковской церкви Потапова и его помощника Широкова. Бандитская группировка занималась грабежом и поджогами складов и магазинов, убийством мирного населения, распространяла ложные слухи и сеяла панику среди жителей, а также оказывала содействие врагу при налетах на города. В связи с тем, что писатель был знаком с работой правоохранительных органов, на страницах произведения им показана вся сложность оперативной обстановки НКВД и милиции.

Именно в эти десятилетия появилась возможность не только молодым писателям-детективщикам развить советский детективный роман, но и старшему поколению, которое прошло войну, создать произведения на основе автобиографического опыта и военных реалий. Следует подчеркнуть, что все советские военные детективные произведения повествуют в первую очередь о разведке (шпионский детектив), так как в послевоенное время писатели были нацелены на рассказ о героях военного времени, а в дальнейшем – о деятельности советской милиции по преодолению высокого уровня преступности в первые послевоенные годы (милицейский и политический детектив).

Считается, что детективная литература имеет лишь развлекательный характер, но согласно дискуссии, проходившей в литературной газете с февраля 1971 по январь 1972 года, сами советские писатели, работавшие в детективном жанре, – А. Адамов, А. Вайнер, Ю. Семёнов и другие, – а также специалисты-литературоведы и читатели отвергли такой взгляд на детективную литературу и, наконец, узаконили существование детектива как специфического жанра литературы со своими закономерностями, указывая на правомерность и необходимость обогащения литературного процесса социально и общественно значимым материалом, постановки важных нравственных и психологических проблем.

В данную категорию попадают детективы, в которых, помимо преступления и наказания, повествуется о сложной человеческой судьбе, создаются психологически цельные правдивые характеры.

В. Разин выделил в развитии советского детективного романа два периода, учитывая, что это литература, рожденная под влиянием исторических событий (военный синдром, развенчивание культа личности и хрущевская «оттепель»). Пик развития военного и чекистского детектива пришелся на 1956–1970 годы, которые ознаменовались не только большим количеством военно-приключенческих произведений, но и зарождением и развитием исторического детектива и детективно-фантастического романа. В 80-е годы прошлого столетия в стране появляются предпосылки к смене общественного строя. Писатели обращают внимание на преступления против личности. Новое поколение писателей, узнавших о войне и культе личности из учебников истории, обращается к криминальной тематике, тем самым положив начало появлению криминальных повестей и романов, которые, в свою очередь, имеют сходство с западным романом. А завершающим этапом можно считать вторую половину 1980-х годов, когда в литературу приходит новый, более жесткий и откровенный детектив, практически лишенный цензуры и затрагивающий табуированные ранее темы [5].

Заключение

Таким образом, изучение советской детективной прозы позволяет увидеть особенности развития детективного жанра в соцреалистической и реалистической парадигме. Особенности социально-политического контекста данного времени отразились на тематике и стиле детективных произведений. Создавая качественный сюжет детективного романа, писатели искали новаторские приемы повествования. Характерным приемом стало использование как подлинных документов, так и псевдодокументов. В основе сюжетной линии лежало расследование одного-двух преступлений, исключением является роман братьев Вайнеров «Эра милосердия». Советская детективная литература имела нравственный контекст, связанный с борьбой против преступности и защитой общественного порядка. Ценностная ориентация детективного жанра играла важную роль в формировании образа идеального героя. Также в произведениях присутствовала ярко выраженная идеологическая составляющая.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бахтин, М. М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка / М. М. Бахтин. – М. : Лабиринт, 2000. – 625 с.
2. Лейдерман, Н. Л. Современная русская литература: 1950–1990-е годы : учеб. пособие для студ. высш. учеб. завед. : в 2 т. / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – М. : Академия, 2003. – Т. 2 : 1968–1990. – 688 с.
3. Ревякина, А. А. «Социалистический реализм»: к истории термина и понятия / А. А. Ревякина. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialisticheskiy-realizm-k-istorii-termina-i-ironyuyatiya> (дата обращения: 13.01.2025).
4. Актуальные проблемы методологии литературной критики: Принципы и критерии : сб. ст. / АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; ред. кол.: Г. А. Белая (отв. ред.) [и др.]. – М. : Наука, 1980. – 339 с.
5. Томан, Н. Что такое детективная литература / Н. Томан. – URL: <https://lit.wikireading.ru/hxnRmq8jG6> (дата обращения 21.08.2024).
6. Разин, В. В лабиринтах детектива / В. Разин. – URL: <https://booksonline.com.ua/view.php?book=138817> (дата обращения: 21.08.2024).
7. Ильина, Н. Агата Кристи на отечественном литературном фоне / Н. Ильина. – URL: <https://studall.org/all2-112595.html> (дата обращения: 21.08.2024).

Поступила в редакцию 03.02.2025

E-mail: vshylina@mail.ru

V. G. Shylyna

IDEOLOGICAL, THEMATIC AND GENRE DYNAMICS OF SOVIET DETECTIVE PROSE OF THE 1960–1980S

The article examines the ideological, thematic and genre evolution of Soviet detective prose in the 1960s and 1980s. The author identifies the specifics of the detective genre and its key varieties, analyzes the influence of historical and social factors on the evolution of the detective genre in the research period. The representative empirical material allowed the author of the article to demonstrate the contribution of specific writers to the evolution of Soviet detective prose in the second half of the XXth century.

Keywords: Russian literature, detective prose, genre, socialist realism, realism.

РЭЦЭНЗІІ

УДК 821.581.09

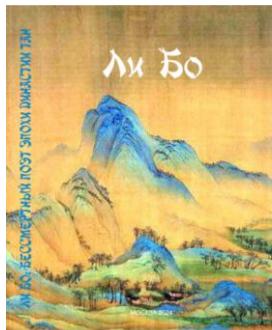
С. Б. Кураш¹, С. В. Телепень²

¹Доктор филологических наук, профессор кафедры белорусской и русской филологии, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»

²Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории и обществоведческих дисциплин, УО «Мозырский государственный педагогический университет им. И. П. Шамякина»

НОВЫЙ КОММЕНТИРОВАННЫЙ ПЕРЕВОД КЛАССИКА КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Ли Бо: Бессмертный поэт эпохи династии Тан / перевод проф. Го Сяоли, проф. Чэн Хун ; русская редакция, послесловие проф. И. В. Турицына. – М. : НИИ истории, экономики и права, 2024. – 215 с.

Давнее сотрудничество Института истории, экономики и права (РФ, Москва) с Хэбэйским педагогическим университетом (КНР, Шицзячжуан) ознаменовалось успешным завершением очередного проекта. Содержанием совместной работы стал новый перевод Ли Бо, одного из наиболее значимых средневековых китайских поэтов. Последний раз этот автор на русском языке издавался почти семь десятилетий назад (Избранная лирика; пер. с китайского А. Гитовича. – М. : Гос. изд. худ. лит-ры, 1957. – 175 с.). За прошедший период в китайском языкоznании был достигнут значительный прогресс, чему способствовали не прекращавшийся анализ текстов поэта и его современников, а также открытия новых исторических документов. Более десяти лет известные китайские учёные-филологи Го Сяоли и Чэн Хун совместно с выдающимся российским китаистом, профессором, доктором исторических наук И. В. Турицыным проводили анализ языка, сюжетных линий, образов, обнаруживаемых в произведениях выдающегося поэта эпохи Тан. Многие из этих наблюдений нашли отражение в подробных подстрочных комментариях на страницах данного издания. Эти обстоятельства, помимо прочего, помогают понять многие детали быта, исторические обстоятельства, но главное – смысл образов, богатство метафор и разнообразие аллюзий, характеризующих творчество поэта.

Здесь представляется необходимым дать отечественному читателю некоторое представление о Ли Бо как выразителе национального духа Китая. В сокровищнице великой китайской поэзии творчество данного автора по праву занимает особое место – безусловно уникальное, глубоко личностное и одновременно великолепно передающее дух поражающей воображение поэтической волны блестящей эпохи Тан. Вечный странник, находившийся в постоянном поиске, водивший дружбу с великими и простыми, императорами и лодочниками, мудрецами и отшельниками, высоко ценивший дружбу и радости общения, отдававший должное винам и красавицам, умевший наслаждаться тонкой красотой мира, разговаривавший с лесами, горами и водопадами, стремившийся не просто познать жизнь человека и природы, но поднимавшийся к духам Вселенной, уходивший от мелкой житейской суеты и устремлявшийся к Дао, он прошел уникальный земной путь радости духовного познания и самосовершенствования. Соответственно, закономерен интерес наших современников, в том числе филологов и историков, к творчеству этого мастера художественного слова и мыслителя.

Ученые, подготовившие рецензируемое издание, подошли к задаче максимально полного охвата творчества Ли Бо со всей ответственностью. Во-первых, и это выгодно отличает данный перевод от предшествующего, 1957 года, здесь каждое стихотворение дано как в прозаическом, максимально близком к тексту оригинала, так и в поэтическом переводе. В обоих случаях соавторы проекта использовали то преимущество, что здесь русско-китайский коллектив, действуя как одно целое, имел возможность учесть выразительные возможности как китайского, так и русского языков. Кроме того, глубокое знание историком И. В. Турицыным реалий китайского Средневековья, владение им методикой соотнесения национального исторического процесса с явлениями мирового масштаба и в не меньшей степени глубокое владение специалистами в средневековой китайской словесности

Го Сяоли и Чэн Хун филологическим материалом – всё это позволяет говорить о высокой степени результативности проделанной работы.

Весьма удачным видится формат издания, которое выполнено в виде трилингвы. Каждое стихотворение дано на трёх языках – средневековом китайском, современном китайском, русском. В первом случае используется традиционное иероглифическое письмо, во втором – современная упрощенная система китайского иероглифического письма, принятая в КНР (но не на Тайвани). Для полноты передачи и большей воспринимаемости китайского текста, конечно, желательно было бы дать также текст и в латинской транскрипции, принятой в КНР, т. е. в пиньинь, официально используемой для путунхуа (современный литературный язык континентального Китая), но это относится больше к области наших пожеланий. Тем не менее особо отметим, что книга даёт широкие возможности для изучения как китайскими студентами русского языка, так и носителями русского языка, в том числе белорусами, – китайского.

Также необходимо отметить достойный уровень полиграфии. Книга издана в твёрдом переплёте, содержит большое количество цветных иллюстраций, представляющих собой образцы средневековой китайской миниатюры, позволяющей лучше понять язык образов поэзии Ли Бо. В целом русско-китайский проект данного рода можно считать удачным примером результативного сотрудничества, выразившегося в удачном издании, образцом с точки зрения переводческой практики и историко-филологической науки. Книга найдёт своего читателя как в России и Беларуси, так и в Китайской Народной Республике.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объемом 14 000–25 000 печатных знаков (включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др.); учитывается текст статьи без аннотации, ключевых слов, списка основных источников) на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: ул. Студенческая, 28, 247777, Мозырь, Гомельская обл. и по электронной почте: vesnik.mgpu@mail.ru.

Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003, 2007, 2010 for Windows); шрифт Times New Roman, 10pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,25 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman (9pt, п/ж), поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 30 мм. Номера страниц внизу по центру.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Далее через 1 интервал по центру помещаются инициалы и фамилия автора (авторов) и сведения об авторе (авторах) на русском (белорусском) и английском языках:

- фамилия, имя, отчество полностью;
- учёная степень и звание;
- должность;
- подразделение организации (кафедра);
- место работы (полное название организации).

Для магистрантов и аспирантов – сведения о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, учёная степень, звание).

4. Далее через 1 интервал по центру заглавными буквами без переносов печатается название статьи на русском (белорусском) и английском языках, которое должно быть кратким, отражать основную идею выполненного исследования.

5. Ниже через 1 интервал печатается аннотация (рекомендуемый объем – 500 печатных знаков) на русском (белорусском) и английском языках, которая должна быть информативной (не содержать общих слов), содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований), структурированной (следовать логике описания результатов в статье).

6. Ключевые слова и словосочетания на русском (белорусском) и английском языках (до 15 слов).

Далее с абзацного отступа печатается текст статьи со следующей структурой, обозначенной в тексте:

Введение (дается краткий обзор литературы по данной проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формируется и обосновывается цель работы и ее актуальность; если необходимо, указывается ее связь с важными научными и практическими направлениями. Анализ источников, использованных при подготовке научной статьи, должен свидетельствовать о знании автором (авторами) научных достижений в соответствующей области).

Методы и методология исследования (описываются методики, материалы исследования, основные методологические принципы и подходы).

Результаты исследования и их обсуждение (подробно освещается содержание исследования, проведенного автором (авторами); полученные результаты должны быть проанализированы с точки зрения их достоверности, научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными).

Заключение (кратко формулируются основные результаты, полученные автором).

7. Рекомендуется термины, основные понятия, языковой материал, используемый для анализа или в качестве примеров, печатать **полужирным шрифтом** или **курсивом**.

8. В специальной и терминологической лексике, а также в именах собственных точность передачи букв ё и е обязательна.

9. В конце статьи дается перечень принятых в статье обозначений и сокращений (при их наличии более трех).

10. Ссылки на литературные источники нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2], [3, с. 14], [5, с. 10–12]).

11. Список цитированных источников располагается в конце текста под заголовком «СПИСОК ОСНОВНЫХ ИСТОЧНИКОВ» / «СПИС АСНОУННЫХ КРЫНІЦ» и оформляется в соответствии с требованиями Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь (ГОСТ 7.1).

12. Распечатанный вариант статьи подписывается автором (авторами) и руководителем научного исследования на каждой странице.

13. К статье прилагаются:

- а) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения (выписка из протокола заседания);
 - б) почтовый адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, e-mail каждого автора.
- в) договор о передаче исключительного права в двух экземплярах (см. на сайте УО МГПУ имени И. П. Шамякина («Научная деятельность» / «Научный журнал “Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна”»); www.mspu.by);

Редакционная коллегия журнала проводит независимую экспертизу, что является одним из основных условий опубликования поступающих рукописей. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. В случае отклонения статьи редакция сообщает автору о решении редколлегии, рукопись автору не возвращается. Решение о доработке статьи не означает, что она принята к печати. После доработки датой поступления рукописи считается день предоставления в редакцию исправленного варианта.

Редакция не вступает в дискуссию с авторами по поводу отклоненных работ.

Недопустимо предлагать редакции ранее опубликованные статьи или работы, принятые к печати другими изданиями, а также материалы, не подлежащие к опубликованию в открытой печати, в соответствии с действующими законодательными актами Республики Беларусь.

За опубликование научных статей плата не взимается.

В Правилах для авторов возможны изменения, с которыми можно ознакомиться на сайте УО МГПУ им. И. П. Шамякина.